

ИИ
ДИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Под общей редакцией
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

9

В.В. САМОШКИН
АНТОНОВСКОЕ
ВОССТАНИЕ

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
2005

Серия: Исследования новейшей русской истории 9

Самошкин В.В.

С17 Антоновское восстание. — М.: Русский путь, 2005. — 360 с. — (Исследования новейшей русской истории. Вып. 9).

ISBN 5-85887-212-3

В книге, написанной на документальной основе, освещается мощное антикоммунистическое восстание крестьян Тамбовской губернии 1920—1921 гг., содержится биография одного из вождей повстанцев А.С. Антонова. В приложении приводятся избранные статьи участников подавления «антоновщины» — М.Н. Тухачевского, А.С. Казакова, К.В. Бриммера и др.

ББК 63.3(2)

© В.В. Самошкин, 2005

© Русский путь, оформление, 2005

А. Солженицын

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

Обманутое в 1917 году большевиками («Немедленный мир!» — и через несколько месяцев насильственная — с расстрелами за уклонение — мобилизация в Красную Армию; «Вся земля крестьянам!» — а вслед грабёж продотрядов, отъём всего, что даёт эта земля, а в 1922 — отъём и самой земли, национализация её), русское крестьянство ответило боевым сопротивлением в нескольких губерниях, из которых самое упорное и длительное — Крестьянская война в Тамбовской губернии в 1920–21 годах.

По времени она совпала с голодом в городах, забастовками в Петрограде и Кронштадтским восстанием моряков. Всё это сильно сотрясло верхушку коммунистической партии и принудило её на X съезде РКПб — отказаться от вымогательного грабежа продрозвёрстки.

Тамбовское стойкое восстание, уже в те годы было подавлено с применением и танков, и отравляющих газов и с концлагерями для родственников повстанцев. Оно, как и многие крестьянские восстания, особенно в Сибири (Ишимское в Тюменской области, 1921), сохраняют нам горькую, но славную память, что русское крестьянство не сдалось без боя.

2005

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ
ИЗ КОНСПЕКТА НЕНАПИСАННЫХ УЗЛОВ
«КРАСНОГО КОЛЕСА»*

УЗЕЛ XVII — ОКТЯБРЬ ДВАДЦАТОГО (25 сент. — 12 окт.)

После июльских повторных жестоких изъятий хлеба многотысячные крестьянские волнения в Тамбовской губернии, второй месяца Большого Восстания. А.С. Антонов организует в Тамбовском и Кирсановском уездах из крестьянских толп повстанческую армию, разделённую на полки. — Победа его под Золотовкой над отрядом им. Троцкого. — Мужичий поход от Княже-Богородицкого до Кузьминой Гати: тысячные крестьянские толпы без всякого вооружения, с дубьём, вилами и рогачами, под колокольный звон встречных сёл идут «брать Тамбов». — Пахотный Угол, из крепких опор «партизантов» Антонова. — В Каменке Плужников во главе губ. комитета Союза Трудового Крестьянства, гражданская власть «крестьянской республики». — Ленин требует новых эшелонов хлеба из Тамбовской губ.; настаивает увеличить продрозверстку с Кубани. — СНК утвердил вывоз русского хлеба через Одессу в Италию. <...>

5 и 6 октября под Каменкой двухдневный бой тамбовских повстанцев, с рытьём окопов. Потом полки Антонова уходят через Туголуково и дальше пока рассеиваются. — Террор карателей к семьям повстанцев (взятия заложников, расстрелы). — Тамбовские эсеры напуганы размахом крестьянского восстания («могут примкнуть правые»). <...>

УЗЕЛ XVIII — ФЕВРАЛЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО
(14 фев. — 10 мар.)

На Политбюро снова и снова вопрос о борьбе с крестьянским «бандитизмом» («бандитизм революционной формации», он и в Сибири, и на Украине); уже требовал Ленин от Реввоенсовета применения против «банд» аэропланов, бронепоездов и конницы. — «Тамбовские ходоки» у Ленина (крестьяне, только что освобождённые из

---

* Приводится по: *Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. — Узел IV: Апрель Семнадцатого. На обрыве повествования. Т. 10. — М.: Воениздат, 1997. — С. 684–693.

тамбовского ЧК). – С разорённой вконец Тамбовской губ. впервые снята продразвёрстка, но усилить выкачку продовольствия с Кавказа. В «Правде» открывается дискуссия об общей замене продразвёрстки натуральным налогом. <...>

В Кронштадте давно недовольство, но не давали переизбрать Совет, подчинённый коммунистам; теперь знают и о волнениях петроградских рабочих. 28 февраля, начиная с линкора «Петропавловск» (Петриченко), восстание, новый ВРК: Советы должны быть беспартийны и представлять трудящихся; долой беспечную жизнь бюрократии, долой штыки и пули опричников, крепостное право комиссародержавия и казенные профсоюзы! – От населения Петрограда вовсе скрыта эта программа, и три дня скрывается само восстание, потом объявлено как восстание одного штабного генерала (Козловского), подготовленное французской контрразведкой: Белогвардейцы и черносотенцы хотят через Кронштадт удушить революцию. Троцкий: Восстание поднято с целью сорвать наш мир с Польшей и торговое соглашение с Англией. – Перепуганный Совет Труда и Оборона постановляет закупить за границей продовольствия для рабочих на 10 миллионов. – Попытка усмирить кронштадтцев убеждением; Зиновьева там разорвут, послали Калинина; провал его речи на Якорной площади, еле уехал. – Надежда кронштадтцев поднять Петроград, но не решаются наступать туда, «чтобы не пролить лишней крови». А заводы колеблются, сами не поднимают оружие, ждут вооруженных кронштадтцев. – В Петроград прибыли на подавление Кронштадта Троцкий и Тухачевский. 5 марта их ультиматум Кронштадту: сложить оружие безусловно, иначе будет разгром, это последнее предупреждение; аэроплан разбрасывает листовки ультиматума над Кронштадтом. В Петрограде арестовывают как заложников семьи восставших матросов. – В Кронштадте нет запасов еды и топлива. – Гучков из Парижа обратился к президенту США: срочно передать из Финляндии со складов гуверовской организации 6 тыс. тонн продовольствия в Кронштадт. (Не сделать.) – В Ораниенбауме полк красноармейцев отказался выступить против Кронштадта, приказано расстреливать каждого пятого. – Кронштадт отклонил ультиматум. В ночь с 7 на 8 марта штурм острова, полком через лед, часть добралась и до города, но штурм отбит.

Открылся 10 съезд РКП. Еще с ноября, сразу после окончания войны с Врангелем, в партии завязалась страстная и путаная дискуссия о профсоюзах (и больше всех путал Ленин, долго не мог найти ясной позиции, ожесточенно спорил с Троцким, мало расходясь с ним), «в ЦК каша и кутерьма», «чехарда платформ»: разре-

шить производственную демократию? поручить профсоюзам управление промышленностью? впрячь их в государственное управление? «встряхнуть пролетариат» (Троцкий) и усилить принуждение? Для полного подчинения профсоюзов партии Ленин предложил маскировочную формулу «приводных ремней от партии к массам». – Ближе к съезду всё сильней выступала «рабочая оппозиция» (Шляпников, Коллонтай, Лутовинов и др.): Партия стала бюрократической, оторвалась от рабочих интересов, партию надо демократизовать, управление народным хозяйством должно принадлежать самим производителям; Коллонтай: Назад к демократии и свободе мнений! – На съезде Ленин весь гнев обратил на них: «Рабочая оппозиция» – нет худшего названия для членов КП, нельзя так играть с партией; оппозиции теперь крышка, довольно нам оппозиций! – И съезд распустил их группу; и впредь навсегда запретил какие-либо фракции в партии, сплотить РКП воедино! – Съезд в Москве охвачен паникой перед восстанием в Кронштадте; сотни членов съезда шлются в Петроград в войска подавления для подъёма их духа; торопится брать Кронштадт, пока не растаял лёд! — И тем бесповоротней принимается съездом замена продрозверстки натуральным налогом: душишить деревню методами военного коммунизма дальше не выйдет.

УЗЕЛ XIX — МАЙ–ИЮНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО

К маю у тамбовского коммунистического актива потеряна последняя вера, что они когда-нибудь справятся с крестьянским восстанием в губернии. (У Антонова – 16 повстанческих полков.) С начала мая в Тамбов прибывает возглавитель подавления Тухачевский с красными генштабистами, аэропланным отрядом и радиосвязью. Для карательных действий вызваны кавалерийские бригады Котовского, Дмитриенко и Федько, полки ВЧК, ЧОН, интернациональные части (мадьярская конница, латышские стрелки), автобронеполки и красные курсанты. – На тамбовском городском собрании коммунистов Тухачевский и Антонов-Овсеенко делают доклады о способах и плане подавления восстания. Среди мер: семьи восставших берутся заложниками в концлагеря, а имущество их тут же распределяется между верными Советской власти; за укрытие повстанца расстрел (приказ № 130); укрытие семей повстанцев приравнять к укрытию бандитов и расстреливать старшего в укрывшей семье; расстреливать всех, кто отказывается назвать свое имя (приказ № 171); население, не оказавшее сопротивления бандитам и не донёсшее о них,

рассматривается как их сообщники. – Начало карательных действий бригады Котовского от г. Моршанска вдоль р. Цны, затем на постоянные опоры повстанцев – Пахотный Угол и Иноковку (где Петр Томаков). – Постоянный оккупационный отряд красных курсантов в повстанческих гнездах Коровайново и Трескино. – 1-я партизанская армия Богуславского под Верхоценьем. <...>

Создан подвижный сводный отряд Уборевича (кавбригады и бронеполки) против быстрой (сменнолошадной, 120 верст в сутки) крестьянской конницы. Маневр: окружить главные силы Антонова у р. Вороны или вытеснить вовсе из Тамбовской губ., где у него поддержка. – Антонов ушел за Хопёр, в Саратовскую губ. Далеким кольцом возвращается; бой в с. Елань. – Еще раз Антонов уходит под Кирсановым, в ночную грозу, в Пензенскую губ.; не уловить и не разбить. – Рубка партизанских голов в Туголукове. – В Каменке. Массовые расстрелы на выгоне; похороны без гробов. Отца Михаила Молчанова котовцы вывели с литургии и зарубили. – Раскрыли подземелье в Каменке, где прятался губернский Совет Трудового крестьянства; Григорий Плужников схвачен в лесной яме.

Май-июньская невиданная засуха. Начало сплошного голода к востоку, на все Поволжье.

УЗЕЛ XX — ВЕСНА ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО

1922 год уже начат под острым голодом Поволжья и Крыма (16 губерний, больше 20 миллионов человек): крестьянское хозяйство не выдержало после гражданской войны еще и советских мер, ослабло и не способно бороться с засухой 1921 года. Первая помощь голодающим пришла от организации Нансена, за ней с февраля мощная помощь американской АРА, целыми пароходами. – Напряжение голода растёт от недели к неделе, люди едят павшую скотину, собак; людоедство, детоедство; многие крестьянские семьи убредают с родных мест в поисках спасения, власти мешают их переселению. – В конце января Помгол при ВЦИКе впервые *разрешил* сборы на голодающих от религиозных обществ, а уже с начала февраля газетная кампания: почему правительство не решается *отобрать* сокровища у Церкви? – В середине февраля уже второе воззвание Патриарха Тихона о помощи голодающим: приходам жертвовать ценности небогослужбного употребления. Но агитационная кампания всё резче и ненавистней к Церкви, 28 февраля ВЦИК постановляет насильственное изъятие церковных ценностей. (При начавшихся описях церковного

имущества нередко кощунства, чекист становится ногами на престол.) – С конца января впервые разрешено гражданам свободное передвижение по РСФСР.

О голоде пишут всё меньше, а он охватил уже 35 губерний, больше 35 миллионов члв., люди едят весеннюю траву. Голод расширяется и на 5 западных губерний Кирреспублики (Казахстана) и в Воронежскую; эту постановлено не считать голодающей, иначе придется снять с неё хлебные поставки. – Выпуск «Хлебного займа» (облигации за зерно). – Но не прекращается травля Церкви: «На церковном фронте», уже «трудящиеся требуют» суда над Патриархом. – При поддержке ГПУ группа «Живая церковь» (Введенский, Красницкий, еп. Антонин) смещает Патриарха Тихона, его увозят с Троицкого подворья в Донской монастырь в заключение. (Церковный переворот подаётся как «добровольный уход Тихона».) – Митрополит Вениамин отлучает живоцерковников от Церкви; он тоже арестован и предаётся суду. (Ленинская мартовская программа выполнена.)

Майская сессия ВЦИК. – НЭП возбудил надежды на мнимый возврат частной собственности на землю? ВЦИК утверждает закон «о трудовом землепользовании», никакого «владения» землёй. Верховный собственник и распорядитель земли – Государство. (Уступка Ленина в октябре 1917 взята назад, земля у крестьян отображена вся.) – ВЦИК обсуждает и принимает новый уголовный кодекс. Ленин успевал к нему с настоянием «расширить применение расстрела» и ввести разветвлённую политическую статью (будущую Пятнадцать Восьмую). – 26 мая Ленина в Горках постигает сильный удар паралича, на всю правую сторону и речь.

Неделями нарастает газетная травля к предстоящему суду эсеров. «Измено-заступники» от 2-го Интернационала (Вандервельде, Теодор Либкнехт, Розенфельд) приехали защищать на суде «эсероубийц» (их 34 члв.). – 8 июня в Москве открывается процесс. Председатель Ишаков, прокурор Крыленко. (Уже принята идея Троцкого: не расстреливать, но сделать заложниками на случай, если уцелевшие эсеры начнут террор против вождей большевизма.) – 9 июня начался судебный процесс над Митрополитом Вениамином (обречён к расстрелу) и другими церковными лицами Петрограда.

В июне Ленин понемногу снова учится говорить и писать.

В тамбовском селе Нижний Шибряй чекистами обнаружены и застрелены Александр Антонов с братом. (Петр Токмаков так никогда и не пойман.)

Предисловие

О так называемой антоновщине — мощнейшем антикоммунистическом восстании крестьян Тамбовской губернии в 1920–1921 годах — написано уже немало. Причем не только у нас в стране, но и за рубежом. Кстати, самая большая по объему (450 страниц) монография на эту тему вышла в 1976 году в США в издательстве знаменитого Стэнфордского университета из-под пера профессора О.Х. Рэдки и называется «Неизвестная гражданская война в Советской России».

Конечно, для русских, проживающих в России, особенно в Центральном Черноземье, антоновщина не является «неизвестной гражданской войной», и поэтому количество отечественных публикаций по этому вопросу превышает число заграничных в сотни раз. В изданном в Тамбове в 1994 году библиографическом указателе А.А. Соболевой «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.)» насчитывается 795 работ на данную тему (научные монографии и статьи, романы, повести и рассказы, сборники документов, а также великое множество журнальных и газетных статей). И это явно не полный перечень всей литературы об Антоновском восстании. К сегодняшнему же дню, по твердому убеждению автора этих строк, число работ, полностью или частично посвященных антоновщине, уже приближается к тысяче.

Все источники довольно четко разделяются на три основные группы.

Первая из них, охватывающая по времени 1921–1941 годы, состоит из научных, полунанучных и публицистических произведений, а также воспоминаний, написанных, как правило, по «горячим следам» непосредственными участниками подавления Антоновского восстания. Главной и, пожалуй, единственной ценностью

этих работ, на наш взгляд, является относительно полное освещение действий частей Красной армии, принимавших участие в боях с повстанцами. Антоновщина всеми авторами однозначно трактуется как заранее подготовленный партией эсеров, а позднее и руководимый ею же антисоветский кулацко-эсеровский мятеж, принявший форму политического бандитизма с полууголовным оттенком. Решающей же мерой, приведшей к усмирению мятежной Тамбовщины, признавалась замена продразверстки системой продналога в марте 1921 года, а вовсе не крупномасштабные и решительные (порой до бесчеловечной жестокости) действия красноармейских частей в июне–июле того же года.

После почти 15-летнего перерыва (1941–1956 гг.), во время которого об антоновщине практически никто ничего не писал, берет свое начало так называемая вторая волна — группа публикаций об Антоновском восстании, хронологически охватывающая период со второй половины 1950-х и до конца 1980-х годов. Фактически же она отличается от первой лишь резко возросшим изданием сборников документов, касающихся подавления восстания тамбовских крестьян, появлением воспоминаний тогда еще здравствовавших и биографий недоживших до хрущевской «оттепели» «победителей» антоновщины. Как ныне известно, подавляющее большинство последних умерли, что называется, не своей смертью — были физически уничтожены во времена сталинщины как «враги народа».

Тех читателей, кого интересует полный и подробный анализ наиболее серьезных и содержательных исследований об антоновщине, вышедших в период с начала 1920-х по конец 1980-х годов, адресуем к статье В.Д. Дементьева и В.В. Самошкина «Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920–1921 годах (Обзор литературы)», опубликованной в сугубо научном журнале «История СССР» (1990. № 6. С. 99–110).

Наконец, с конца 1980-х годов наступает третий период в изучении истории антоновщины. И, естественно, появляется на свет третья группа публикаций. Сразу отметим, что она далеко не однородна, хотя, бесспорно, главенствующие позиции в ней занимают на сегодняшний день те научные работы и статьи, в которых антоновцев называют уже не бандитами, а повстанцами, а саму антоновщину не именуют эсеров-кулацким мятежом или политическим бандитизмом.

Отбросив ложную скромность, отметим, что начало кардинальному пересмотру отношения к Антоновскому восстанию положил

автор этих строк, опубликовав в декабре 1988 — марте 1989 года в районной газете «Знамя труда» (поселок Ржакса Тамбовской области) документальный очерк «Антоновщина», занявший целых 20 газетных страниц (полос).

Чуть позднее этот очерк был перепечатан несколькими районными газетами Тамбовской и Воронежской областей (нынешняя восточная часть последней до 1928 года входила в состав Борисоглебского уезда Тамбовской губернии). А в 1990 году этот же документальный очерк, но уже под названием «Антонов огонь» появился на страницах выходящего в Воронеже регионального журнала «Подъем» (№№ 9–11).

Из работ исследователей, разделяющих в основном мою точку зрения на антоновщину, выделю четыре весьма добротные статьи: Д. Фельдмана «Крестьянская война» (журнал «Родина». 1989. № 10. С. 52–57), С. Павлюченкова «Почему вспыхнула “антоновщина”?» (Неделя. 1989. № 44. С. 10–11); С.А. Есикова и Л.Г. Протасова «“Антоновщина”: новые подходы» (журнал «Вопросы истории». 1992. № 6-7. С. 47–57) и С.А. Есикова и В.В. Канищева «Антоновский НЭП» (Организация и деятельность “Союза трудового крестьянства” Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.)» (журнал «Отечественная история». 1993. № 4. С. 60–72).

В 1990-е же годы стали печататься, прежде недоступные, очень важные, а порою и просто потрясающие документы об истории подавления Антоновского восстания. По части «потрясений» бесспорное лидерство принадлежит москвичу П.А. Аптекарю. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться хотя бы с некоторыми опубликованными им документами (см., напр.: Независимая газета. 1992 г. 22 авг.; Военно-исторический журнал. 1993. № 1, 2; Российская газета. 1994. 29 июня).

Но, конечно же, самым большим собранием опубликованных документальных материалов об Антоновском восстании является вышедший в 1994 году в Тамбове сборник «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы». Сборник содержит 377 самых различных документов, попавших в него из фондов семи центральных и местных (пяти государственных и двух ведомственных) архивов. Статьи сказать, два последних называются так: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Архив Управления ФСБ РФ по Тамбовской области.

Подавляющее большинство документов сборника, как утверждают его составители, опубликовано впервые. И это действительно

но так. Но тут есть один нюанс. Дело в том, что когда автор этих строк предложил журналу «Подъем» свою рукопись документального очерка «Антонов огонь», то эта рукопись содержала все необходимые ссылки на те архивные источники, которые были использованы при написании очерка. Однако редакция «Подъема», сославшись на то, что их журнал «литературно-художественный и общественно-политический», а вовсе не научный, наотрез отказалась печатать вышеупомянутые ссылки.

В связи с этим должен заявить, что многие из тех документов, которые уважаемые составители сборника считают опубликованными впервые, уже задолго до выхода в свет сборника использовались (полностью или фрагментарно) в моем очерке «Антонов огонь». А так как не всегда тексты одних и тех же документов в сборнике «Антоновщина» и очерке «Антонов огонь» идентичны, потому что зачастую взяты из разных фондов или даже разных архивов, то автор этих строк оставляет за собой право ссылаться на те архивные источники, из которых черпал информацию он сам. Ведь в конце-то концов ответственность за правдивость исторических фактов, приводимых в данной книге, несет автор (окончивший, кстати, в свое время Московский государственный историко-архивный институт).

Разумеется, в случае, если какой-либо документ (или его фрагмент) мною ранее 1994 года не публиковался, но он имеется в сборнике, то и ссылка делается на соответствующее место сборника.

То же самое относится и к очерку о самом А.С. Антонове, жизненный путь которого еще никто из историков не пытался проследить. По своей сути биографический очерк о предводителе тамбовских повстанцев является как бы дополнением к «Истории Антоновского восстания»; был опубликован в неполном объеме в 1991 году на страницах газеты «Литературная Россия» (№№ 31, 50 и 52) и в еще более сокращенном варианте, но со ссылками на архивные источники в журнале «Вопросы истории» в 1994 году (№ 2. С. 66–76).

Автор выражает сердечную и искреннюю благодарность всем тем добрым и бескорыстным людям, которые оказали моральную поддержку или материальную помощь в создании и издании этой книги. И все же особая благодарность Александру Исаевичу Солженицыну и Сергею Викторовичу Коневу, без участия которых эта книга уж точно бы не увидела свет.

В. Самошкин

ИСТОРИЯ
АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Документальный очерк

Глава 1. Канун и начало

Общеизвестно, что Тамбовское восстание подготавливалось эсерами. Как правыми, так и левыми. И хотя их роль в этом нещадно преувеличена советскими историками, но именно эсеры провели в Тамбовской губернии основную работу по пропаганде антикоммунистических настроений среди широких крестьянских масс и по созданию в деревне подпольных комитетов «Союза трудового крестьянства» (СТК), которым отводилась роль центров по непосредственной подготовке крестьянских выступлений на местах. К середине лета 1920 года значительная часть Тамбовской губернии была уже покрыта густой сетью нелегальных комитетов СТК — сельских, волостных, районных и уездных. Существовал и глубоко законспирированный губернский комитет (губком) СТК.

Несомненно, что комитеты СТК внесли свой вклад в нагнетание и без того предгрозовой атмосферы, царившей во многих местах Тамбовщины еще с февраля 1920 года. Ведь именно к этому времени в ходе сбора продрозверстки достигло своего апогея число всевозможных перегибов, откровенных насилий и настоящих преступлений по отношению к крестьянству со стороны продотрядов, напрямую подчинявшихся тамбовскому губпродкомиссару Якову Григорьевичу Гольдину.

Так уж случилось, что в нашей исторической литературе долгое время как-то не находилось места для освещения творившихся продотрядами беззаконий. В лучшем случае, исследователи отделялись общими фразами типа того, что в «отдельных местах» происходили «отдельные случаи» перегибов, ошибок и других «искривлений линии», допускаясь иногда «отдельными продотрядами».

А между тем даже поверхностное изучение документов о проведении кампании продразверстки 20-го года на Тамбовщине показывает, что здесь можно говорить о настолько искривленной линии губернских продорганов во главе с Гольдиным, что эта кривая линия напрямую вела тамбовского мужика (и отнюдь не кулака!) к мысли о поистине жизненной необходимости взяться за оружие и попробовать силой «сбросить» коммунистов. И разубедить крестьянина в этом было весьма сложно. Ведь защитить преданного или лояльного советской власти середняка или бедняка даже от явного и издевательски неприкрытого произвола гольдинских продотрядов не могли — если и пытались — не только деревенские коммунисты, но и уездные власти.

В подтверждение сказанного приведем (с небольшими и несущественными сокращениями) доклад президиума Борисоглебского уездного исполкома от 20 февраля 1920 года, направленный в тамбовские губком РКП(б) и губисполком, а также во ВЦИК и ЦК РКП(б).

«...Цель настоящего доклада та, чтобы обрисовать проведение в уезде продовольственной политики, а также обрисовать действия отряда гражданина Марголина, выполняющего продовольственную разверстку.

Продовольственная разверстка по Борисоглебскому уезду как наложена, так и проводилась неправильно, с нарушениями самых элементарных правил продовольственной политики.

На волости наиболее плодородные разверстка наложена гораздо менее, чем они могут дать, и, наоборот, на волости наименее плодородные накладывается гораздо больше. Однако, совершенно не учитывая этого положения, приехавший в уезд гражданин Марголин со своим отрядом принялся яро выполнять эту разверстку. И что же: по уезду пронесся ужасный крик — крик наболевшей крестьянской души, протест против насилия и репрессий, которые гражданин Марголин стал приносить к крестьянам-беднякам, к женам и семьям красноармейцев, но не к кулакам.

Репрессии эти прямо бесчеловечны и напоминают собою времена средневековья.

В ход была пущена порка. Крестьян пороли и посейчас порют по всем правилам искусства Николая Кровавого, если не больше. Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что и был арестован ревтрибуналом, но по приказу из

Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей.

Не довольствуясь поркой, по приказу гражданина Марголина был проведен мнимый расстрел членов Новотроицкого сельского Совета Русановской волости. Было это таким образом. Арестованные члены сельского Совета были посажены в сарай, из которого их поодиночке выводили, раздевали, ставили к стенке и командовали: “Взвод! Пли!” Продармейцы стреляли в воздух, а обезумевший от страха член Совета падал в обморок. Затем его поднимали и громко кричали: “Одну сволочь расстреляли, давайте другую”. Выводили другого, и с ним проделывали то же самое. Но этого мало. Раздетых членов Совета и крестьян запирали раздетыми в холодный сарай, где они находились по несколько часов на двадцатишестиградусном морозе, дрожа и, вероятно, в душе проклиная Советскую власть.

У тех же крестьян конфисковывалось все имущество и скот. Последний загонялся к кому-нибудь во двор и целыми днями находился без корма. Голодный рев животных сам говорил за себя, бывали случаи, что здесь же, на дворе, коровы телились, лошади жеребились и приплоды замерзали.

От побоев умирали люди. Наиболее характерен такой случай. К жене красноармейца приходят продармейцы и требуют, чтобы она немедленно выполнила государственную разверстку. Жена красноармейца заявляет, что она не может этого сделать по той самой простой причине, что у нее ничего нет. Ее доводы оказались для продармейцев недостаточны, и они, обложив ее крепким словцом, пустили в ход нагайки и кулаки. В результате у беременной жены красноармейца преждевременные роды, и она умирает, истекая кровью...

Бывали и такие случаи. Агенту или продармейцу понравится у крестьянина лошадь. Он приходит к нему и говорит, чтобы тот отдал ему лошадь для разъездов по волости. Крестьянин, уже выполнивший разверстку полностью, отказывает, ссылаясь на то, что лошадь ему самому нужна. Агент же, недолго думая, накладывает на него еще несколько пудов хлеба, которых крестьянин не может отдать. Агент торжествует. Лошадь отбирается им за невыполнение разверстки. Он прав.

Таким образом, у большинства крестьян — беднейших крестьян — хлеб выметен подчистую. Более того: крестьянам нередко приходилось выезжать за хлебом в соседнюю Воронежскую

губернию, где прикупали хлеб по спекулятивной цене и выполняли разверстку.

Продовольственную разверстку граждан Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: «Я вам, мерзавцы, принес смерть. Смотрите, у каждого моего продармейца сто двадцать свинцовых смертей для вас, негодяев» и т. д. Затем начинается требование выполнить продовольственную разверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т.п.

Результаты действий Марголина не преминут сказаться. Площадь земли по Борисоглебскому уезду останется совершенно незасеянной, так как разверстку выполняли, не считаясь с нормой; возможны также голодные бунты и восстания...

В заключение о проделках Марголина необходимо добавить. Марголиным захватываются почты и телефонные станции с целью, чтобы кто-нибудь не донес о его безобразиях исполкому или Чека. Коли же кому-нибудь удавалось послать телефонограмму, то принявший и писавший ее арестовывались, как и сама телефонограмма.

Заканчивая этим свой доклад, Борисоглебский исполком, стоя на точке зрения разумной продовольственной диктатуры, ...требует в срочном порядке отстранить и предать суду гражданина Марголина, которому губпродкомиссар Гольдин выразил телеграфно соболезнование по поводу его ареста, а вместе с ним и всех его сподвижников, ибо терпеть дальнейшее издевательство над крестьянами исполком, члены которого — коммунисты, закаленные в боях с белогвардейскими бандами, считает недопустимым ни с какой точки зрения»¹.

Поток жалоб на незаконные действия тамбовских продорганов был настолько велик, что, несмотря на все преграды, докатился до Москвы. В середине февраля 1920 года Ленину стало известно о фактах гибели хлеба на охраняемых продармейцами сыпных пунктах Тамбовской губернии, а также и о некоторых «шалостях» самого тамбовского губпродкомиссара Я.Г. Гольдина, который дошел уже до того, что присвоил себе право расстреливать, например, неугодных ему заведующих сыпными пунктами.

Однако за Якова Гольдина совершенно неожиданно вступился Максим Горький. Очевидно, об этом Горького попросил кто-то из московских друзей или даже «наставников» 26-летнего Гольдина. Как известно, Горький неоднократно обращал-

ся к Ленину с подобными ходатайствами, не особо вникая в их суть, что зачастую очень сердило Ильича².

Нельзя здесь не сказать и о том, что одним из влиятельных покровителей Гольдина в Тамбове являлся знаменитый Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, работавший с октября 1919-го до мая 1920 года председателем Тамбовского губисполкома³, «уверяя, — как писал Ленин 17 февраля по этому поводу заместителю наркома продовольствия Николаю Павловичу Брюханову, — что Гольдин — мальчик неопытный-де. Это-де кулаки злостно кладут хлеб в снег: ни нам, ни вам. Чтобы сгорел». И Ленин спрашивал Брюханова: «Ваше заключение: что следует сделать и что Вы сделали?»⁴

Выполняя это поручение Ленина, Брюханов немедленно потребовал разъяснений от Гольдина. Нам неизвестно, что сообщил тот в свое оправдание. Но, судя по всему, Гольдин не очень-то испугался внешне строгого запроса заместителя наркома. Ибо уже на следующий день (18 февраля) он, как ни в чем не бывало, устроил мощный «разнос» борисоглебским уездным властям и заставил их срочно освободить из тюрьмы Я.И. Марголина вместе со всеми его продотрядниками. А выразив последним телеграфное соболезнование по поводу их «безвинного» ареста, Гольдин тем самым откровенно благословил марголинцев на новые «трудовые подвиги»⁵.

Естественно, что в глуши тамбовских сел и деревень крестьяне не могли знать обо всех перипетиях неравной борьбы некоторых местных коммунистов и советских работников с зарвавшимся губпродкомиссаром Гольдиным и его верными подручными типа Якова Иделевича Марголина.

«В губпродком по-прежнему летели тысячи жалоб о незаконных действиях продотрядов и агентов на местах, — говорил о причинах возникновения антоновщины начальник военно-исторического отделения штаба войск Тамбовской губернии А.С. Казаков, выступая перед армейскими коммунистами в июле 1921 года. — Однако эти заявления не рассматривались... Если даже предположить, — продолжал Казаков, — что из всей этой массы заявлений и жалоб справедливы одна десятая, а прочие девять десятых являются кулацкой и эсеровской клеветой, то вы понимаете, что и этого было достаточно, чтобы накалить атмосферу, чтобы горячий материал, накопленный предыдущими условиями, вспыхнул... Имеются документальные данные о том, что крестьян, с целью выполнить всю разверстку,

подвергали пыткам, и пыткам ужасным: наливали в сапоги воды и оставляли на морозе, опускали в колодцы, подпаливали бороды, стреляли из револьверов мимо уха и т.д. Нередко эти пытки применяли к тем, которые выполнили всю продразверстку, однако от них требовали новых взносов»⁶.

Одна из причин того, что продотрядами в Тамбовской губернии совершалось много беззаконий, по мнению Казакова, заключалась в том, что основную массу продармейцев составляли бывшие дезертиры. И вообще засоренность тамбовских продорганов чуждыми, а порою и специально проникшими туда враждебными элементами была очень велика. А вот партийная прослойка в них — наоборот, хотя по количеству коммунистов Тамбовская губерния ходила в «передовиках». Это хорошо видно в сравнении с численностью парторганизаций других губерний Центрального Черноземья. Так, например, к апрелю 1920 года в Тамбовской губернской партийной организации насчитывалось 13 000 коммунистов, тогда как в Воронежской — 3800, Курской — 6000, Орловской — 5500⁷.

В качественном же отношении коммунистические силы Тамбовщины оказались на поверку крайне слабыми. Это объясняется главным образом тем, что в сугубо аграрной Тамбовской губернии не было пролетариата в марксистском понимании этого слова. А имевшийся здесь малочисленный рабочий класс (его доля в общей численности населения губернии не превышала одного процента) к 1920 году оказался до предела ослаблен различными мобилизациями и прочими неблагоприятными условиями.

В селах губернии коммунисты также не имели сколько-нибудь значительной и надежной опоры, так как беднейшее крестьянство в зажиточно-средняцкой тамбовской деревне составляло меньшинство, тогда как процент кулачества в ней был, по сведениям из разных источников, от 14⁸ до 20⁹, по стране в среднем — 3 процента¹⁰.

Погоня за высокими количественными показателями оказала поистине медвежью услугу Тамбовской губернской партийной организации. В партию вступило много случайных, чуждых и даже явно враждебных ей людей. Разумеется, не упустили свой шанс и эсеры. Уже упоминавшийся нами А.С. Казаков писал, что в 1921 году Тамбовский губком РКП(б) был вынужден признать «факт массового вхождения членов партии эсеров в коммунистическую партию; были случаи, когда почти

целиком эсеровская ячейка переходила в ряды РКП. Впоследствии выяснилось, что многие вошли с исключительной целью дискредитирования партии в глазах населения... Во всех советских органах, не исключая и губчека, эсеровские организации имели своих агентов»¹¹.

Только крайней неосмотрительностью и беспечностью при приеме в партию можно объяснить такой, например, факт: за пять первых месяцев мятежа на сторону Антонова добровольно перешла половина сельских коммунистов Кирсановского уезда¹². А о работе сельских ячеек РКП(б) в Борисоглебском уезде перед мятежом один высокий проверяющий отозвался так: «В деревнях крестьяне ищут большевиков, чтобы пожаловаться на коммунистов»¹³.

Качественная слабость губернской парторганизации, сильная подверженность ее членов мелкобуржуазному влиянию находили свое выражение и в бесчисленных случаях перерожденчества, взяточничества и злоупотребления служебным положением. Наконец, летом 1920 года угрожающих размеров достигло пьянство среди членов партии. Всерьез обеспокоенный таким положением Тамбовский губком РКП(б) принял даже специальное суровое постановление «О борьбе с пьянством», в котором решительно потребовал от всех уездных комитетов (укомов) партии:

«1. За пьянство исключать из партии простыми постановлениями укомов, причем ответственных работников, как особо дискредитирующих Советскую власть и идеалы революции, арестовывать, дело о них передавать в ревтрибунал, до суда заключать в концентрационный лагерь, имена их выставлять на специальных черных досках в общественных учреждениях.

2. Членов партии, уличенных в распространении спиртных напитков, арестовывать и направлять в губчека, куда губком вошел с предложением применять по отношению к ним самые тяжкие меры наказания по законам военного времени»¹⁴.

Не блистала своей работой и губчека. Мало того, что профессиональный уровень большинства ее сотрудников был весьма низок, так еще и половина из них (во главе с самим председателем губчека Александром Мартиновичем Оя) как раз к началу Антоновского восстания оказались арестованными за шантаж «отцов губернии»¹⁵. И тут нельзя не отметить, что Тамбовская губчека после этих арестов стала гораздо боеспособнее и даже добилась вскоре кое-каких успехов. Хотя, конеч-

но, в целом ее работа еще долго находилась, что называется, не на высоте.

Настоящим бедствием для Тамбовской губернии (с точки зрения советской власти, разумеется) было массовое дезертирство, то есть уклонение от службы в рядах Красной армии. Так, на 1 января 1920 года девять десятых всего военнообязанного населения губернии официально числилось в дезертирах, что в общей сложности составляло колоссальную цифру — 250 тысяч человек¹⁶.

Однако отметим, что дезертирство как явление уже с самого начала 1920 года заметно пошло на спад. По данным Тамбовского губвоенкомата, за первые четыре месяца 20-го года добровольно явились на призывные пункты, а также были пойманы в облавах около 35 тысяч дезертиров. В последующие четыре месяца их численность сокращалась невиданными доселе темпами. А ведь летние месяцы по сравнению с другими временами года в 1918 и 1919 годах были самыми что ни на есть «дезертирскими». Тот феномен, что в мае–августе 1920 года в ряды Красной армии влилось не менее 105 тысяч «прозревших» военнообязанных губернии, объясняется главным образом произошедшим в среде тамбовских дезертиров мощным взрывом патриотизма, вызванного нападением на страну белопанской Польши¹⁷.

Были, конечно, и другие причины, способствовавшие сокращению четвертьмиллионной «армии» тамбовских дезертиров. Постоянно проводившаяся в губернии организованная борьба с дезертирством в августе 1920 года, то есть в самый канун восстания, достигла своей наивысшей точки. Разнообразные меры убеждения эффективно подкреплялись еще более разнообразными мерами принуждения.

Применялись, например, и такие «убеждения и принуждения». Один борисоглебский чекист, направленный для негласной разведки ситуации в уезде, докладывал своему начальнику 30 апреля 1920 года: «28 апреля с. г. к 1-му часу дня я прибыл в Туголуковскую волость, где и приступил к своим обязанностям... В это время в Туголуковской волости находился отряд по борьбе с дезертирством, под руководством Василия Михайловича Плещеева, который действовал, согласно заявлениям граждан Туголуковской волости, незаконно и преступно. Во время обысков этим отрядом забирались вещи, не составлялось никаких протоколов и не давалось никаких расписок на отображенное имущество... Граждане избивались плетками красноармейцами

этого отряда; кроме всего этого, над женщинами безобразничали, по заявлению одной женщины, которая была изнасилована. Все конфискованные и отобранные лошади, вместо того чтобы использовать их для обработки и обсеменения полей, на лошадях этих только что раскатываются галопом красноармейцы этого отряда и загоняют лошадей. В общем масштабе Туголуковской волости население, граждане так напуганы этим отрядом, что жители боятся входить в разговор с незнакомым человеком. Из слов граждан, местная власть для принятия мер была бессильна»¹⁸.

В августе в селах губернии действовало 12 (по одному в каждом уезде) отрядов по борьбе с дезертирством общей численностью до тысячи человек. Только за этот месяц было поймано 554 и добровольно явилось 50 957 дезертиров¹⁹.

И все же к началу восстания в губернии оставалось еще около 110 тысяч дезертиров. Причем 60 тысяч из них скрывались как раз в трех будущих мятежных уездах — Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском²⁰. Именно эти дезертиры и составили позднее основной костяк антоновских полков.

Было в Тамбовской губернии и еще одно «бедствие», послужившее серьезным поводом к восстанию. Это — так называемое совхозно-колхозное движение.

20 июля 1921 года бывший председатель Тамбовского губисполкома В.А. Антонов-Овсеенко, вновь назначенный в марте этого года губернским «начальником» (председателем «Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии»), писал в своем докладе-отчете В.И. Ленину и ЦК РКП(б):

«...Революция внесла значительные изменения в положение тамбовского крестьянства. ...Из бывшей помещичьей земли до 72 000 десятин отошли под совхозы, которых к 1920 г. налажено до 150, но ни один не поставлен сколько-нибудь сносно — все идут в убыток, все пользуются крестьянским трудом (с исполу)... И отношение к совхозам (через них и к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное.

Столь же враждебное отношение встречаются в большинстве случаев и усердно насаждавшиеся до последнего времени колхозы: по коллективизации Тамб. губ. идет впереди других»²¹.

А вот представитель Тамбовской организации правых эсеров так докладывал весной 1920 года в ЦК своей партии о состоянии совхозов в губернии:

«...Уже сельскохозяйственная кампания 1918 г. окончилась в совхозах весьма плачевно, в объяснение чего власти сослались на новизну и неналаженность дела, недостаточность финансовой, агрономической и инструкторской помощи. Но вот окончился еще один сезон — 1919 г., и на состоявшемся в феврале 1920 г. губернском съезде “работников земли” были подведены первые официальные итоги хозяйничания совхозов. По заявлению председателя съезда гр. Смоленского (Якова Львовича, бывшего в 1919–1921 гг. председателем Тамбовского уездного комитета РКП(б). — В.С.), совхозы Тамбовской губернии не только не оправдали в 1919 г. возлагавшихся на них надежд, но уже сейчас сами предъявили к губпродкому требование на доставку им продовольственных и семенных хлебов общей сложностью в размере 2 милл. пудов. “Советские хозяйства потерпели крах”, — откровенно сознавался на съезде первый же докладчик по “текущему моменту”, член губернского комитета РКП Немцов, — “пролетарско-крестьянское хозяйничание в совхозах оказалось безобразным, хлеб или остался убраный под снегом или, убранный, сгнил”.

Действительно, как выяснилось из докладов с мест, совхозы совершенно не в состоянии оказались справиться с захваченною землею.

...Урожай в совхозах Тамбовской губернии гораздо ниже (по некоторым сельхозкультурам в 20 и более раз. — В.С.) урочая на крестьянских полях.

...Уход за скотом настолько небрежен, что в некоторых совхозах, по заявлению на съезде агронома Золотарева (коммуниста), “по нескольку дней скотину оставляли некормленной”. “В Знаменском совхозе (Тамбовский уезд), — рассказывал на съезде гр. Золотарев, — лошадей так хорошо кормили, что с голодухи они изгрызли все, что было в конюшне деревянного. ...Скот у нас такой, — жаловался Золотарев, — что его нужно будет подтягивать из стойла, чтобы вывести на лужок”.

...Нарисованную агрономом Золотаревым картину дополнил новыми штрихами заведующий губземотделом агроном Франц. “Когда вы входите в конюшню, — говорил он, — вы не знаете, лошадь это или поросята, так они облезли”»²².

Такая же бесхозяйственность царила накануне восстания практически во всех 87 совхозах Тамбовской губернии. А ведь эти совхозы были организованы на месте крупных помещичьих имений; некоторые из последних до революции считались не

только процветающими, но и образцово-показательными. И все же приезжавшие из города коммунисты-агитаторы, толком не видевшие до этого в глаза деревню, упрямо вдальблывали в головы тамбовских крестьян, что будущее сельского хозяйства губернии именно за совхозами и колхозами (дело в последних обстояло еще хуже, чем в совхозах).

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса, чрезвычайно важного для правильного понимания того, что же произошло на Тамбовщине в конце лета 1920 года. Это вопрос об объемах госразверстки по хлебу на урожай 20-го года.

Как известно, эта разверстка была определена для Тамбовской губернии в 11,5 млн пудов. Много это было или не очень? Много, если сравнить с объемом разверстки для других губерний Центрального Черноземья: Воронежской — 6,25; Курской — 6,3 и Орловской — 5,5 млн пудов хлеба²³. И не очень — если учесть, что из урожая 1918 года Тамбовская губерния сдала государству почти 9 млн пудов хлеба, а из урожая 1919 года — даже 12,3 млн пудов²⁴.

Естественно возникает вопрос: почему же тогда в 1920 году Наркомпрод дал Тамбовщине разверстку всего в 11,5 млн пудов? А потому, совершенно справедливо отвечают некоторые наши историки, что в этом году почти вся юго-восточная половина губернии была поражена сильнейшей засухой.

Закономерен и второй вопрос: а под силу ли было тамбовскому крестьянину «вытянуть» эти самые 11,5 млн пудов и что по этому поводу пишут историки? А ничего не пишут. Очевидно, такой «крамольный» вопрос у них просто не возникал. В лучшем случае, отметив мимоходом, что наложенная разверстка была все-таки тяжелой или даже «чрезвычайно обременительной», они тут же спешили перейти к рассмотрению других причин возникновения антоновщины. Эти причины виделись им главным образом в изжившей себя и до невозможности надоевшей тамбовскому мужику политике военного коммунизма, в исключительной зловредности и агрессивности здешнего кулачества, а также в злодейском подстрекательстве хорошо организованных и многочисленных проэсеровских комитетов «Союза трудового крестьянства»²⁵.

Все это, конечно, правильно и верно. Но ведь из этого нельзя понять, почему все-таки население одной части Тамбовщины оказалось вдруг таким «несознательным», что пошло за эсера-

ми, СТК и Антоновым, а население другой — нет. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вновь вернуться к анализу объема хлебной разверстки 1920 года.

По подсчетам губпродкома, потребности в хлебе самой Тамбовской губернии равнялись 64 млн пудов, в то время как, исходя из видов на урожай в начале августа, предполагалось, что валовой сбор хлеба в губернии составит всего 62 млн пудов. Тем не менее тамбовские власти решили потуже затянуть пояс на крестьянстве губернии, но всю госразверстку выполнить²⁶.

Губпродком моментально «разбросал» 11,5 млн пудов разверстки по всем 12 уездам. Однако сделал это таким оригинальным образом, что на три наиболее пострадавших от засухи уезда (Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский — именно эти уезды прежде всего и восстали) пришлось 46 процентов всей губернской разверстки²⁷. И все же главная ошибка (ошибка ли?) губпродкома заключалась в другом. Как выяснилось позже, когда восстание уже полыхало, в своих прогнозах на урожай тамбовский губпродком умудрился ошибиться почти в два раза. То есть вместо предсказанных им 62 млн пудов хлеба в губернии фактически было собрано лишь 32 млн пудов²⁸.

В августе в тамбовских селах начали свою работу продотряды. И крестьянин в пострадавших от засухи уездах, отлично знавший, сколько у него имеется собранного хлеба, и вот теперь узнавший, сколько он должен сдать государству по продразверстке, просто опешил. И было отчего. Например, в Борисоглебском уезде сложилось такое положение, что если бы крестьянство уезда в целом выполнило всю разверстку, то оставшегося хлеба хватило бы только на семена для будущего года²⁹. А это означало, что в случае «успешного» выполнения разверстки 440-тысячное сельское населения богатейшего уезда Европейской части России должно было исчезнуть с лица земли в результате неизбежной смерти от голода.

Теперь, думается, непредубежденного читателя не удивит то, что в середине августа 1920 года в селах юго-восточной части Тамбовской губернии начались конфликты крестьян с продотрядами. А именно этого только и ждали эсеры и созданные ими комитеты СТК, наиболее воинственные из которых давно уже, что называется, рвались в бой.

Известный историк антоновщины Игорь Петрович Донков отмечает, что еще «10 июня 1920 года в селе Каревка Алек-

сандровской волости Тамбовского уезда состоялся съезд делегатов партии эсеров. На нем было решено немедленно организовать две роты (400 человек) из числа членов эсеровской партии и дезертиров. Вооруженные действия намечались на 13–15 июля в деревне Синие Кусты Туголуковской волости Борисоглебского уезда. Но попытка эта не удалась. Мятеж начался в августе»³⁰.

В начале месяца на границе Борисоглебского и Тамбовского уездов, в районе сел Туголуково — Каменка (но не в самих этих селах), резко возросли число и дерзость вооруженных вылазок дезертиров. Поэтому сюда из Тамбова посылается группа оперативников и конный отряд губчека. Здесь же действует и отряд по борьбе с дезертирством Тамбовского уездного военкомата. Впрочем, присутствие этих отрядов не останавливает дезертиров от совершения ими новых нападений на продармейцев³¹.

Наконец, наступает 19 августа, которое долгие годы считалось датой начала Антоновского мятежа, вспыхнувшего в большом селе Каменка, что в 75 километрах юго-восточнее Тамбова. Так что же произошло в этот день в Каменке?

И.П. Донков пишет: «19 августа 1920 года местный Совет в Каменке был разогнан, почти все его члены убиты. На «созванном» в принудительном порядке собрании жителей близлежащих сел (Каменка, Кашинка, Афанасьеве и др.) эсер Г.Н. Плужников обратился к толпе испуганных крестьян с речью. Суть его выступления была недвусмысленна: “Началось крестьянское восстание против Советской власти!”»³²

Однако, как следует из сохранившихся архивных документов, никаких таких событий 19 августа в Каменке не происходило. А «убитые» столичным историком И.П. Донковым каменские сельсоветчики, как мы увидим далее, были живы и здоровы, по крайней мере до сентября. Одним словом, 19 и даже 20 августа в Каменке все было тихо и спокойно, чего нельзя сказать о некоторых других близлежащих селах.

19 августа около пятидесяти вооруженных дезертиров напали в селе Туголуково (18 километров юго-западнее Каменки) на работавший там продотряд. В результате возникшей перестрелки погибли помощник командира отряда и два продармейца.

В этот же день в Афанасьевке (6 километров юго-восточнее Каменки) произошло объединение нескольких мелких дезер-

тирских групп в одну — до 70 человек, все вооружены. Здесь же дезертиры схватили двух продагентов, убив одного и тяжело ранив второго. При невыясненных обстоятельствах погиб и деревенский учитель по фамилии Антонов. (Любопытно, что его имя и отчество были точно такими же, как и у будущего руководителя восстания: Александр Степанович. Кстати, обнесенная оградкой могила этого учителя сохранилась до сих пор и находится примерно в километре от Афанасьевки, вероятно, на том самом месте, где его настигла смерть. Забегая несколько вперед, с горечью отметим, что сегодня никто достоверно не знает и, скорее всего, никогда уже не узнает, где покоятся бранные останки «самого» Александра Степановича Антонова. Обидно.)

Утром 20 августа около сорока дезертиров напали на Ивановский совхоз (20 километров северо-западнее Каменки), убили двух совхозных рабочих, забрали 13 лошадей и скрылись. Посланный в погоню отряд губчека нападавших не догнал и вернулся в Ивановку, а затем, сославшись на усталость коней, отправился на отдых... в Тамбов.

Из Каменки на поиски тех же дезертиров выезжал и отряд по борьбе с дезертирством, усиленный десятью продармейцами. Также не найдя никого, эта группа вечером вернулась в Каменку и заночевала в ней, выставив караулы. Ночь прошла спокойно. А утром 21 августа выступивший из Каменки на находившуюся в 35 километрах севернее железнодорожную станцию Сампур продотряд столкнулся в поле с группой неизвестных вооруженных лиц. Завязалась перестрелка. Через полчаса, потеряв одного человека убитым и двух ранеными, продотряд начал отступать к Каменке, откуда ему на помощь уже спешил отряд по борьбе с дезертирством. Объединившись, отряды перешли в наступление, но внезапно были атакованы и разбиты невесть откуда взявшимися вооруженными всадниками. Спаслись удалось лишь нескольким бойцам.

А участвовавшие в бою дезертиры и каменские крестьяне (человек 150) торжественно, под красным знаменем, вступили в Каменку. Тут же в ближние деревни были посланы гонцы, а на состоявшемся затем съезде и выступил с сообщением о начале восстания против коммунистов и продразверстки (а не против советской власти!) 42-летний местный эсер Григорий Наумович Плужников³³, известный собравшимся еще со времен первой русской революции как неисправимый бунтарь и гроза

окрестных помещиков, за что и пришлось ему узнать царские тюрьмы и ссылки³⁴.

Так в Тамбовской губернии началось восстание, которое через десять дней получит название «Антоновское», или «антоновщина».

* * *

Весть о разгроме под Каменкой советских отрядов в этот же день достигла Тамбова. Поздним вечером 21 августа здесь состоялось экстренное заседание президиумов губкома РКП(б) и губисполкома, которое постановило образовать для руководства борьбой с восстанием военно-оперативный штаб при губчека в составе предгубчека Трасковича, губвоенкома Шикунова и губвоенрука Збруева³⁵.

В 4.30 утра 22 августа из Тамбова на станцию Ржакса (15 километров северо-восточнее Каменки) был отправлен отряд курсантов полковой школы 21-го запасного стрелкового полка (командир отряда В.М. Воробьев, комиссар — И.М. Мохначев). Сделав в пути остановку на станции Сампур, Воробьев сформировал сборный отряд из находившихся здесь красноармейцев, продотрядников и милиционеров. Командиру этого отряда Никольскому Воробьев приказал наступать на Каменку, «сбивая, если попадутся, банды или, в крайнем случае, сдерживая их», а сам с курсантами проехал по железной дороге до Ржаксы и оттуда тоже двинулся к Каменке.

Во второй половине дня у села Понзари, что в двадцати километрах севернее Каменки, отряд Никольского столкнулся с повстанцами и, не выдержав их натиска, стал беспорядочно отступать на станцию Сампур, куда тем же вечером был вынужден отойти и отряд Воробьева.

23 августа, получив из Тамбова 60 штыков подкрепления, Воробьев вновь попытался наступать, но опять неудачно. Активно действовавшие повстанцы сначала отгеснили его к станции Чакино, а затем окружили на полпути между Чакино и Сампуром у разобранного моста через речку Осиновку. Всю ночь отряд Воробьева отстреливался от наседавших со всех сторон мятежников. Лишь утром 24 августа подошла на помощь из Тамбова бронелетучка транспортной ЧК под командованием бывшего студента Сергея Саленкова и своим огнем — трехдвоймовки и трех пулеметов — отогнала повстанцев от отряда Воробьева³⁶.

Неудачи советских отрядов заставили военно-оперативный штаб при губчека не только ускорить изыскание новых военных сил в самом Тамбове, но и обратиться за помощью в ближайшие к району вспыхнувшего восстания уездные города Кирсанов и Борисоглебск. Их уездным военкомам и заведующим политбюро (уездное политбюро — орган ЧК в уезде, бывшая уездная ЧК) было приказано в срочном порядке сформировать по одной боеспособной роте и немедленно отправить на подавление восстания в район Каменки.

Вечером 23 августа кирсановские военком Пластун и заведующий политбюро Сачко ответили по прямому проводу в Тамбов, что у них возникли серьезные трудности с формированием роты. Немногочисленный местный караульный батальон (300 штыков) — «весь в разгоне» по селам уезда, где тоже беспокойно, а расквартированный в городе 2-й запасный кавалерийский полк «трогать нельзя», ибо только что получен приказ из округа сформировать из него эскадрон в 300 сабель и не позднее 27 августа отправить на фронт против Врангеля. (В 1919–1922 годах Тамбовская губерния, как и другие губернии Центрального Черноземья, относилась к Орловскому военному округу.)

Из округа передали также, что это приказ председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. А вообще в Кирсанове имеется всего один пулемет, да и тот находится в железнодорожном батальоне, который не подчинен уездным властям.

Тем не менее военно-оперативный штаб приказал немедленно взять из железнодорожного батальона не только пулемет, но и два взвода бойцов, однако строго предупредил кирсановских товарищей: «Ни в коем случае не мешайте формированию эскадрона. Помните, что это — задание Троцкого и должно быть выполнено в срок»³⁷.

В отличие от Кирсанова, в Борисоглебске не возникло особых трудностей с формированием требуемой роты. Созданная на базе местного караульного батальона, она уже в 6 часов утра 24 августа была отправлена по железной дороге на станцию Жердевка (35 километров юго-западнее Каменки). Роту возглавил сам командир караульного батальона Т.Г. Барышников, а политруком к нему напросился явно соскучившийся по боям и крови Н.А. Переведенцев³⁸ — унтер-офицер старой русской армии, виднейший борец за установление советской власти в

Борисоглебске. В 1918–1919 годах Переведенцев в качестве комиссара и командира сформированных им же полков принимал самое активное участие в боях с белогвардейцами, подавлял различные мятежи и восстания. А в ночь на 23 августа 1919 года во главе кавполка 14-й стрелковой дивизии совершил редкий по дерзости и продуманности налет на занятый белыми Борисоглебск, где находились части шести полков противника³⁹. О личной храбрости Никифора Александровича Переведенцева и о его незаурядном командирском таланте в здешних местах до сих пор ходят легенды.

Бесспорно, что присутствие такого человека сказалось на боевом духе бойцов роты Барышникова, которая, выгрузившись в Жердевке, совершила стремительный марш-бросок до самой Каменки и в 10 часов вечера внезапным ударом выбила мятежников из села, захватив много лошадей⁴⁰. Это дало возможность Переведенцеву посадить часть бойцов роты на коней, тем самым положив начало формированию конного отряда, известного в истории подавления антоновщины под наименованиями: эскадрон Переведенцева, дивизион (два эскадрона) Переведенцева и, наконец, 1-й кавполк Переведенцева. И с этого же самого дня — 24 августа, когда красные впервые взяли Каменку, имя Никифора Переведенцева стало еще известней и в дальнейшем наводило настоящий ужас на повстанцев, а также, добавив справедливости ради, и на мирное население так называемых «злостнобандитских» сел.

25 августа, для руководства на месте всеми действующими против повстанцев советскими отрядами, из Тамбова выехал губвоенком Петр Иванович Шикунев. На станции Сампур он создал штаб боевого участка, в который со следующего дня вошли 14 волостей Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов, объявленные задним числом (с 22 августа) на осадном положении. Сюда же прибыл и уполномоченный ВЧК по Тамбовской губернии П.П. Громов.

Вечером 25 августа в Тамбове состоялось совместное заседание президиумов губкома партии и губисполкома, где начальник военно-оперативного штаба при губчека Ф.К. Траскович доложил о ходе борьбы с мятежом. Присутствующие высказали немало упреков в адрес военно-оперативного штаба и самого Федора Константиновича Трасковича как председателя губчека. В частности, руководители губернии заявили, что они крайне удивлены тем, что губчека до сих пор не установи-

ла, кто же так яростно сражается с советскими отрядами, чего они хотят и кто ими руководит⁴¹.

Явно обидевшийся Траскович после окончания заседания сообщил об этом по прямому проводу Шикуну. Но тот лишь горестно подтвердил, что «разведка действительно у нас поставлена неважно». В правоте своих слов губвоенком еще раз убедился на следующий же день. Сосредоточив значительные военные силы, он 26 августа перешел в наступление, занял весь Каменский район, прочесал его, но повстанцев нигде не обнаружил.

Ошеломленный такой новостью Траскович 27 августа спешно выехал на место, лично объехал на автомобиле весь Каменский район и растерянно-удивленно доложил в Тамбов: «Здесь все спокойно...»⁴²

Для выяснения причин восстания и наказания его участников начали свою работу военные трибуналы. Во все объявленные на осадном положении волости чрезвычайный уполномоченный губчека в районе восстания Артур Петрович Рекст назначил комендантов-чекистов. А с 29 августа приступили к работе и две выездные сессии губчека во главе с Николаем Ивановичем Суворовым и Иваном Захаровичем Кирьяновым⁴³.

Оказалось, что в Каменском районе с советской стороны убито не менее 51 человека⁴⁴. Из всех местных советов наиболее пострадал волсовет в селе Верхоценье, где погибли шесть его членов. Но так было далеко не везде. Например, в той же Каменке волостной совет совершенно не пострадал. Все его члены оказались живы и здоровы, хотя от мятежников скрывался лишь один председатель-коммунист. Двух членов Каменского волисполкома чекисты арестовали, а остальным пригрозили трибуналом «за укрывательство соучастников бандитов»⁴⁵.

Как установила губчека, военное руководство повстанцами Каменского района находилось «в надежных руках белого полковника Богословского»⁴⁶. Богословский, Богослов, Богуславский — дворянин Угличского уезда Ярославской губернии Александр Васильевич Чекалов. Кадровый офицер-артиллерист, подполковник. У белых не служил. В 1918–1920 годах занимал различные военные должности в Тамбове и Тамбовской губернии⁴⁷. В дальнейшем мы именуем его под «антоновской» фамилией Богуславского, принятой в нашей исторической литературе.

Но куда же все-таки исчезли повстанцы? И почему, как свидетельствуют архивные документы, до 30 августа в Каменском районе было затишье?

Дело здесь в том, что восстание в районе Каменки явилось неожиданностью не только для губчека и тамбовских властей, но и для губкомов партий левых и правых эсеров и даже для губернского комитета Союза трудового крестьянства. 23 августа в Тамбове состоялось экстренное совещание руководства губкома СТК, на котором присутствовали делегаты нескольких районных комитетов. В повестке дня стоял всего один вопрос: что делать в связи с начавшимся в Каменском районе восстанием? Эсеры, возглавлявшие губком СТК, проявили нерешительность и большинством голосов провели резолюцию о преждевременности и бесперспективности открытой вооруженной борьбы с большевиками в данный момент. На что один из присутствовавших на совещании представителей повстанцев заявил: «Видно, что нам придется действовать одним. Но тогда берегитесь и вы. Придем в Тамбов — перебьем и вас заодно»⁴⁸.

Забегая несколько вперед, отметим, что и состоявшаяся нелегально в Москве 8 сентября Всероссийская конференция партии правых эсеров также приняла аналогичную резолюцию, несмотря на отчаянные призывы о помощи, прозвучавшие из уст участвовавших в работе конференции двух делегатов от Тамбовской губернии.

Подробно исследовавшие роль партий правых и левых эсеров и созданных ими к началу восстания на Тамбовщине формально беспартийных комитетов «Союза трудового крестьянства» современные тамбовские историки С.А. Есиков и В.В. Канищев пришли к однозначному выводу: ни центральные органы этих партий, ни их местные тамбовские организации, ни СТК «к подготовке, а тем более к руководству “антоновщиной” не имели прямого отношения».

К тому же, добавим, в конце августа — первой половине сентября 1920 года большинство активных членов эсеровских партийных губкомов и СТК были арестованы чекистами. Свой же, «антоновский», «Союз трудового крестьянства» повстанцы самостоятельно создадут несколько позднее⁴⁹.

В это же самое время, дабы узнать на месте, что за восстание происходит в районе Каменки, сюда со своим отрядом в 500 человек приезжает из кирсановских лесов А.С. Антонов. Здесь его находят прибывшие с той же целью два делегата

состоявшегося накануне в Тамбове совещания. Делегаты (оба из Хитровского районного комитета СТК) передали Антонову указание губкома СТК: не ввязываться в Каменский мятеж, а возвращаться в Кирсановский уезд и ждать дальнейших указаний. Антонов вроде бы согласился, и делегаты уехали⁵⁰.

Однако Антонов ждать не стал. То ли он сам предложил свои услуги в качестве «главнокомандующего», то ли об этом его попросили руководители каменных мятежников, знавшие, что у Антонова имеется не только до зубов вооруженная «боевая дружина», но и значительные денежные средства, а также целые склады оружия, надежно припрятанного в укромных уголках Кирсановского уезда. Кроме того, Антонов, в отличие от того же Богуславского, был свой, местный, тамбовский, и у него как-никак имелось «имя» — о неуловимости Антонова и его личной отваге местное население уже наслышалось предостаточно.

Так это было или иначе, но факт остается фактом: с 24 августа 1920 года и уже до самого конца восстания во главе его стоял Александр Степанович Антонов. В архивных документах о подавлении мятежа имя Антонова впервые встречается в связи с его появлением вечером 24 августа в Александровском совхозе, что по соседству с Каменкой. То есть тогда, когда он, судя по всему, только что принял на себя командование повстанцами. И вот каковы были его первые шаги.

Узнав, что против плохо вооруженных мятежников сосредоточиваются для удара значительные силы красных, Антонов тут же дал команду резко свернуть Каменское восстание. Большинству восставших было приказано временно разойтись по домам или скрыться, а наиболее заметных и активных повстанцев Антонов в ночь на 25 августа увел с собой на восток, в Кирсановский уезд.

Благополучно, если не считать небольшой перестрелки у села Уварово, достигнув кирсановских лесов, Антонов поделился с каменцами частью оружия из своих тайников, а также принял спешные меры по подготовке вооруженных выступлений в самом Кирсановском уезде.

29 августа у деревни Вязовка (20 километров юго-восточнее Каменки) возвращающийся от Антонова в свой район отряд каменных повстанцев нанес поражение красноармейской роте в 126 человек, вышедшей накануне из Борисоглебска. А с раннего утра 30 августа практически весь Каменский район

вспыхнул огнем нового, еще более сильного, чем прежде, восстания. На сей раз это был действительно «антонов огонь», ибо имя Антонова в устах повстанцев звучало теперь повсеместно. Мятежники вновь захватили Каменку. Начался так называемый «поход на Тамбов». Уже к концу дня повстанцы, занимая одно село за другим, прошли почти половину 80-километрового пути от Каменки до Тамбова.

Советские отряды, разбросанные мелкими группами по деревням, не смогли оказать организованного сопротивления и понесли большие потери. Например, только в соседней с Каменкой Александровке повстанцы разгромили два отряда из красноармейцев и продотрядников и забрали пулемет. Здесь ими был схвачен и убит комендант Каменки — 20-летний чекист Евгений Михайлович Адамов, который перед уходом из Каменки собственноручно расстрелял семерых арестованных жителей села⁵¹.

В этот же день восстание стало перекидываться в соседние с Каменским районом волости Борисоглебского и Кирсановского уездов.

Обеспокоенные таким поворотом событий, тамбовские власти забили тревогу. Вечером 30 августа положение в губернии было признано «чрезвычайно серьезным», а 500 городских коммунистов, в связи с угрозой самому Тамбову, перевели на казарменное положение. Претерпел изменения и военно-оперативный штаб при губчека. В его состав дополнительно вошли секретарь губкома партии Николай Яковлевич Райвид и начальник 35-х Тамбовских пехотных командных курсов Иван Карлович Зенкович⁵².

Утром 31 августа военно-оперативный штаб издал в виде листовки, напечатанной типографским способом, свой приказ № 1, гласивший:

«Борьба с бандитами, разрушающими совхозхозяйства, убивающими совработников и коммунистов, натывается на противодействие кулацкого населения, укрывающего бандитов и контрреволюционеров. Для скорейшего и решительного подавления бандитского движения оперативный штаб при губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией приказывает начальникам войсковых частей, действующих против бандитов, по отношению к селениям, в которых граждане будут замечены в участии в бандитских выступлениях или укрывательстве бандитов, провести беспощадный красный террор.

Приказывается в таких селениях брать заложников — членов семейства из тех семей, члены которых примкнули к бандитам или им способствовали; заложниками брать граждан от 18 лет, не считаясь с их полом. Объявить населению, что в случае, если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться.

Имущество таких граждан конфисковывать полностью.

Здания, занимаемые ими, сносить, а в случае невозможности — сжигать.

Бандитов, застигнутых на месте преступления, расстреливать.

Объявить также, что, согласно решения президиума губисполкома, селения, замеченные в участии в бандитских движениях, будут обложены чрезвычайными продовольственными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество всех граждан.

Последние в принудительном порядке будут выселяться: взрослые мужчины и женщины — в лагерь принудительных работ, малолетние — в детские дома до конца гражданской войны.

Настоящий приказ объявить на сходах и расклеить во всех селениях»⁵³.

В тот же день, 31 августа, на борьбу с мятежниками во главе сводного отряда выступил сам председатель Тамбовского губисполкома Александр Григорьевич Шлихтер. Однако, столкнувшись с повстанцами в 30 километрах южнее Тамбова, его отряд в первом же бою потерпел поражение, и вмиг охладевший к сражениям Шлихтер резонно счел за лучшее вернуться в свой обжитый губисполкомовский кабинет⁵⁴.

С каждым часом повстанцы все ближе подходили к Тамбову. Поняв наконец, что своими силами мятеж уже не подавить, тамбовские власти начали искать помощь за пределами губернии. 31 августа председатель губчека Ф.К. Траскович и уполномоченный ВЧК по Тамбовской губернии П.П. Громов обратились по прямому проводу к заместителю председателя ВЧК Ивану Ксенофонтовичу Ксенофонтову:

«В районе Тамбовского, Борисоглебского и Кирсановского уездов вспыхнуло организованное большое восстание... Часть посланных нами небольших отрядов разбита и разоружена, потеряв два пулемета. Банды в числе до 3000 в 14–17 верстах от Тамбова. Патронов, винтовок и сил у нас совсем мало. Саратов обещал помощь, которая придет не раньше двух суток. Просим поддержки не менее батальона пехоты и эскадрона кавалерии»⁵⁵.

Ксенофонтов отреагировал моментально: через несколько часов полубатальоны Саратовской, Тульской и Рязанской губернских чрезвычайных комиссий уже находились на пути в Тамбов⁵⁶.

Не сидели сложа руки и антоновцы. С 1 сентября резко активизировались повстанцы в Кирсановском уезде. В этот день Антонов со своей «боевой дружиной» занял волостное село Рамзу. Схваченный председатель Рамзинского волысполкома Терентий Иванович Каплин умер мученической смертью. Тут же антоновцами были убиты еще три человека из числа руководящих работников. А сам Антонов, крайне не любивший выступать с речами, здесь не удержался и опрометчиво заверил собравшихся рамзинских мужиков, что скоро возьмет не только Кирсанов, но и Тамбов.

В других частях Кирсановского уезда начали действовать отряды восставших под командованием Ишина, Казанкова, Юрина. Одновременно, в районе села Хитрово Тамбовского уезда, выступила хорошо вооруженная и организованная группа повстанцев во главе с Магюхиным.

В течение первой декады сентября мятежниками захватывались и громились железнодорожные станции Чакино, Ржакса, Инжавино (дважды) и другие. 4 сентября повстанческий отряд Ивана Егоровича Ишина у села Трескино разбил сводный отряд красных под командованием заведующего Кирсановским уездным политбюро Андрея Демьяновича Сачко. Сам Сачко погиб в бою, причем в руки антоновцев попали находившиеся при нем списки всей агентуры чекистов в уезде. В эти же сентябрьские дни повстанцы взяли в плен и расстреляли командира Кирсановского караульного батальона Ивана Петровича Волосатова⁵⁷. Погибли также три (из четырех) начальника районных милиций Кирсановского уезда и чрезвычайный уполномоченный губчека в районе восстания, заведующий Тамбовским уездным политбюро Артур Петрович Рекст⁵⁸.

Потери советских отрядов были велики. Инициатива полностью принадлежала повстанцам, хотя их «поход на Тамбов» и не удался, застопорившись в пятнадцать километров от города.

Все чаще и настойчивее обращались губернские власти за помощью в различные города и инстанции. 2 сентября Траскович и Громов вели переговоры по прямому проводу со штабом Орловского военного округа. Они сообщили, что в настоящее время только вооруженных мятежников насчитывается до

четыре тысяч человек. Кроме того, их активно поддерживают до десяти тысяч крестьян, вооруженных вилами, косами и топорами. А борьбу с восставшими ведут 180 курсантов полковой школы 21-го стрелкового полка, 250 курсантов 35-х Тамбовских пехотных курсов, 500 бойцов караульных батальонов, 200 мобилизованных коммунистов, 30 кавалеристов Тамбовского эскадрона и 30 курсантов 7-х Борисоглебских кавалерийских курсов. Всего имеется 4 орудия и 6 пулеметов. Прося военную помощь из округа, Траскович и Громов подчеркивали: «Положение весьма и весьма серьезное. Банды находятся в 15–17 верстах от Тамбова».

Но в Орле тогда еще имели крайне смутное представление о том, что в действительности происходит в Тамбовской губернии. Поэтому из штаба округа назидательно ответили, что имеющих у тамбовских властей сил «вполне достаточно, чтобы не только ликвидировать восстание, но и стереть с лица земли всех бандитов вместе со всеми восставшими... По подобным восставшим дать один-два артиллерийских выстрела — и все разбегутся без всякого сопротивления. Поменьше надо церемониться»⁵⁹.

В этом «мудром» наставлении и заключалась пока вся помощь со стороны Орловского военного округа.

2 сентября военно-оперативный штаб при губчека был преобразован в Военный совет, подчинявшийся президиуму губисполкома и ВЧК. Председателем Военного совета стал Ф.К. Траскович, а командование войсками также сохранилось в руках губвоенкома П.И. Шикунова⁶⁰. Военсовет продолжил работу, начатую военно-оперативным штабом при губчека.

К 9 сентября против мятежников действовали уже не менее трех тысяч бойцов, разделенных на пять групп — Сампурскую, Рассказовскую, Кирсановскую, Ржаксинскую и Борисоглебскую. К этому же времени вооруженных повстанцев насчитывалось до шести тысяч, а территория, охваченная мятежом, составляла 1200 квадратных километров⁶¹. И фактически на всей этой территории шли отчаянные по накалу бои, протекавшие, как правило, с переменным успехом.

8 сентября в районе сел Каменка, Федоровка и Ракитино красные нанесли серьезное поражение крупному отряду антоновцев в 800 пеших и 250 конных повстанцев. Исход кровопролитного боя, продолжавшегося весь световой день, решила атака эскадрона Переведенцева, неожиданно ударившего мя-

тежникам во фланг и смявшего их кавалерию. В закрепление одержанной победы и в порядке наказания повстанцев за проявленное в бою упорство Переведенцев тем же вечером сжег дотла Ракитино и половину Федоровки, за что и получил от местного населения на многие годы кличку «Жженный» — от слов «сжигать», «жечь»⁶².

Однако здесь необходимо заметить, что Никифор Александрович Переведенцев был лишь исполнителем (хотя и излишне усердным), но отнюдь не автором или инициатором столь жестоких карательных мер. Ведь указания сжигать или уничтожать артиллерийским огнем мятежные села исходили не от командиров отдельных советских отрядов или красноармейских частей, а от самого Военного совета. Причем наиболее беспощадно настроенными против «злостнобандитских» деревень и сел были председатель Военсовета Федор Константинович Траскович и секретарь губкома партии Николай Яковлевич Райвид.

Свое начало карательная политика тамбовских властей берет 28 августа 1920 года, когда по настоянию Ф.К. Трасковича командующий войсками П.И. Шикунов издал приказ № 5, в котором потребовал от вверенных ему войск произвести в течение 48 часов в 21 населенном пункте (список сел прилагался) полную конфискацию имущества у всех жителей, арестовать всех мужчин в возрасте от 16 до 40 лет и отправить их на принудительные работы. А военным трибуналам приказывалось «произвести суровую революционную расправу с соучастниками бандитов»⁶³.

Приказ Шикунова широко обсуждался среди партийно-советского руководства губернии. Одни находили его излишне суровым, а другие, наоборот, недопустимо мягким в сложившейся обстановке. Официально возобладала последняя точка зрения, и Шикуну вскоре пришлось отменить свой «либеральный» приказ № 5.

С сентября начала проводиться более жестокая карательная политика. По отношению к селам, поддержавшим повстанцев, советским отрядам предписывалось арестовывать все мужское население, способное держать в руках оружие, а затем «произвести полную фуражировку, не оставляя ни одной овцы, ни одной курицы в данном пункте; после производства фуражировки данный пункт сжечь»⁶⁴.

Уже упоминавшийся нами А.С. Казаков, выступая в июле 1921 года перед военными коммунистами в Тамбове, так оха-

рактиковал карательные меры тамбовских властей осенью 1920 года:

«Наши части... больше занимались очисткой деревни от всего живого и мертвого инвентаря, чем очисткой от банд и их уничтожением. Здесь не разбираются, кто прав, кто виноват. Все крестьянство сваливается в одну кучу и объявляется бандитским. Преданная и лояльная нам часть крестьянства после произведенной фуражировки (понимай — грабежа), в результате которой оно лишилось всего инвентаря и жилища (так как оно сожжено), находится в безвыходном положении. Для него нет иного выхода, как только идти и пополнить банду, чтобы жестоко отомстить за свое добро, нажитое столь тяжелым трудом. Целые деревни, боясь нашего “красного террора”, забрав свой скот, женщин и детей, уезжают и скрываются в лесах. В результате подобной “ликвидации” банды растут как грибы, и общая численность восставших достигает десятков тысяч человек. Действия командования напоминают поступки потерявшего голову человека, который, видя пожар своего дома, начал бы заливать его керосином»⁶⁵.

Заметим, что бездумная и слишком жестокая карательная политика тамбовских властей с самого начала вызывала несогласие и ропот у многих красноармейцев и командиров. Некоторые советские отряды и части отказывались выполнять приказы по уничтожению деревень. Немало бойцов, не желая идти под трибунал за невыполнение подобного приказа, дезертировали или переходили (иногда целыми подразделениями) на сторону повстанцев. А те, кто не становился дезертиром или перебежчиком, но писал протесты и жалобы в различные военные и гражданские инстанции, сурово наказывались в дисциплинарном или партийном порядке.

3 сентября 1920 года, заслушав доклад Военного совета о ходе ликвидации восстания, Тамбовский губком партии еще раз подтвердил, что «борьба с бандитами должна вестись по-прежнему методами решительных и суровых репрессий, не останавливаясь перед уничтожением селений»⁶⁶.

Естественно, что такая порочная тактика борьбы с мятежом лишь способствовала его разрастанию. Число повстанцев увеличивалось с каждым днем, в то время как военные резервы губернии уже подходили к концу. Попытки тамбовских руководителей добиться в различных городах и ведомствах военной помощи ощутимых результатов пока не приносили.

8 сентября вопрос о мерах по ликвидации мятежа обсуждался на совместном заседании президиумов губкома партии и губисполкома. В итоге было решено послать телеграммы с просьбами о помощи в адрес В.И. Ленина, Совета Труда и Оборона, ЦК РКП(б) и Наркомпрода, а также командировать в Москву председателя губисполкома Александра Григорьевича Шлихтера для личного доклада Ленину о положении на Тамбовщине⁶⁷.

Встретившись с Лениным, Шлихтер попросил у него содействия в получении для Тамбовской губернии батальона пехоты, двух эскадронов кавалерии и двух тысяч продармейцев, а также 1000 винтовок, 100 револьверов и 25 тысяч патронов для вооружения сельских коммунистов. Шлихтер клятвенно заверил Ленина, что если все это удастся получить, то тамбовские власти смогут не только быстро подавить мятеж, но и полностью выполнить госразверстку по хлебу⁶⁸.

9 сентября командующим советскими войсками, действующими против антоновцев в Тамбовской губернии, был назначен Юрий Юрьевич Аплот — 29-летний начальник внутренних войск на территории Орловского военного округа. Отныне главным центром борьбы с мятежом стал так называемый «Штаб командующего войсками Тамбовской губернии»⁶⁹. А Военный совет, не обладая теперь реальной силой, постепенно растерял былое значение и в январе 1921 года прекратил свое существование. 10 сентября 1920 года приехавший из Орла Ю.Ю. Аплот вступил в командование войсками Тамбовской губернии.

Глава 2. Уезды в огне

Новый командующий начал свою деятельность с перегруппировки сил. Из имевшихся пяти групп войск он 11 сентября создал две. 1-ю ударную группу возглавил командир 21-го стрелкового полка Константин Викторович Бриммер, а 2-ю — начальник 35-х Тамбовских пехотных курсов Иван Карлович Зенкович (15 сентября заболевшего Зенковича сменил Никольский)⁷⁰.

Ю.Ю. Аплот внес изменения и в карательную политику тамбовских властей, с которыми у него, надо сказать, с самого

начала не сложились нормальные деловые взаимоотношения. 16 сентября командующий объявил населению мятежных районов, что все повстанцы и дезертиры, «захваченные с оружием в руках, будут расстреляны на месте; села, оказывающие сопротивление революционным советским властям, будут немедленно сожжены дотла». В том, что это не пустая угроза, первыми 18 сентября убедились жители села Золотовка Кирсановского уезда. Их село сожгли за то, что накануне там обстреляли разезд в пять красноармейцев, двое из которых были убиты⁷¹.

18 сентября у деревни Афанасьевка Тамбовского уезда произошел пятичасовой упорный бой красных с двухтысячным отрядом мятежников под командованием самого А.С. Антонова. Прорвав две цепи советской пехоты, повстанцы едва не овладели трехдюймовым орудием. Положение спас нерастерявшийся адъютант командующего войсками губернии А.Ф. Александров, прибежавший в критический момент к орудию и начавший в упор расстреливать картечью наступающих мятежников⁷².

В этом же бою отличился и командир кавалерийского дивизиона Н.А. Переведенцев, который, как свидетельствуют архивные документы, «во время замешательства в рядах пехоты вывел лично свой дивизион, врезался в цепь противника, изрубил две линии его пехоты, чем задержал его наступление и дал возможность нашим цепям восстановить свое положение, причем под Переведенцевым в рукопашном бою было убито две лошади»⁷³.

За проявленный героизм Александр Федорович Александров и Никифор Александрович Переведенцев приказом по войскам Тамбовской губернии от 6 октября 1920 года были награждены серебряными часами. Часы марки «Прогресс» стали первыми наградами, врученными участникам подавления антоновщины⁷⁴.

На следующий день после битвы под Афанасьевкой, где, по данным советского командования, красные потеряли до 160 человек убитыми и ранеными, а повстанцы — до 500, произошел еще один большой бой. На сей раз между селами Кропоткино и Туголуково Борисоглебского уезда. Антоновцы были рассеяны, потеряв до 350 человек⁷⁵.

Вечером 19 сентября командующий войсками Аплук, уверенный, что после таких серьезных поражений Антонову уже

не оправиться, издал приказ, начинавшийся так: «Восстание в Борисоглебском, Тамбовском и Кирсановском уездах ликвидировано, вверенные мне войска добивают остатки банды Антонова у Туголуково». Далее Аплук приказывал «мобилизованных совработников распустить», а красноармейцев призвал «напрячь все силы к единому побуждению крестьян к выполнению хлебной разверстки»⁷⁶.

Однако, как оказалось, командующий рано праздновал победу. Антонов у Туголукова разбит не был. Его рассеявшийся во время боя отряд тут же вновь собрался в заранее условленном месте и, совершив за ночь бросок в 70 километров, неожиданно захватил большое село Знаменку, что в 30 километрах южнее Тамбова⁷⁷. Двигаясь отсюда в северо-восточном направлении, антоновцы захватили врасплох и разоружили несколько мелких красноармейских отрядов. Бросившиеся в погоню советские кавалерийские части настигли Антонова лишь 22 сентября у села Подоскляй Тамбовского уезда. Но и здесь, после небольшого боя, ему удалось отбиться и, перейдя у станции Ляда железнодорожную ветку Тамбов—Кирсанов, исчезнуть в лесах севернее Тамбова⁷⁸.

Находясь в постоянном движении и неожиданно появляясь в самых непредсказуемых местах, отряды Антонова и его сподвижников свои главные удары направляли на работавшие в селах продотряды, уничтожая одни из них и разгоняя другие.

24 сентября командированный в Москву заместитель председателя Тамбовского губисполкома Владимир Николаевич Мещеряков обратился к Ленину со следующей запиской:

«Со времени Вашего разговора (и содействия) с Шлихтером о нашем восстании — положение наше ухудшилось (разоружены две роты; взято, таким образом, 400 винтовок и 4 пулемета, и, вообще, противник окреп). Я был у Главкома [С.С. Каменев], получил обещание послать в Тамбов 1 батальон и 300 винтовок; но по вопросу о продотрядах до сих пор ничего не вышло. Нам не дали ничего. И ссыпка идет по 20—22—25 тысяч пудов в день, вместо 200—220 тысяч нужных.

Имею просьбу Шлихтера и губкома переговорить с Вами на эту тему, ибо положение худое»⁷⁹.

Прочитав записку, В.И. Ленин дал указание заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Скиянскому и председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Надо принять архипроэнергичные меры! Спешно!»⁸⁰

27 сентября, в связи с мятежом в Тамбовской губернии, Ленин спрашивал запиской заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова: «Верна ли разверстка 11 млн пудов? Не скостить ли?»⁸¹

Неизвестно, какие конкретные шаги предпринял Брюханов во исполнение этого запроса Ленина, но объем продразверстки для Тамбовщины уменьшен не был. А кроме того, известно, что в сентябре 1920 года тамбовские власти письменно заверили Ленина, что они непременно выполняют всю продразверстку, если будет оказана срочная военная помощь в разгроме Антонова и прислано необходимое число продармейцев⁸².

Справедливости ради отметим, что сил, имевшихся в распоряжении командующего войсками Тамбовской губернии Аплочка, было вполне достаточно для разгрома всех сколько-нибудь крупных отрядов мятежников. Ведь красноармейские части, действовавшие против повстанцев, почти не уступали им по численности, а по вооруженности значительно превосходили их.

Однако Аплочку никак не удавалось нанести сокрушительный удар хотя бы по отряду самого Антонова, который как магнит притягивал к себе лучшие части красных, водил их за собой из уезда в уезд, вступал с ними в непродолжительные схватки, но серьезно, а тем более окончательно разгромить себя не давал. А тем временем другие отряды повстанцев почти беспрепятственно устанавливали свою власть в тамбовских селах.

В двухнедельной сводке Борисоглебского уездного политбюро за вторую половину сентября 1920 года говорится: «Не встречая сопротивления, банды с каждым днем растут. Все отряды, брошенные еще ранее в уезд, в настоящее время находятся в Тамбовском уезде. Весь Борисоглебский уезд, таким образом, может считаться в полной власти бандитов»⁸³.

В начале октября, уходя от преследовавших его войск, Антонов со своим отрядом покинул пределы Тамбовщины и оказался в Балашовском уезде Саратовской губернии. Восприняв это как окончательное поражение Антонова, командующий Аплочк 3 октября вновь издал победный приказ, извещавший о подавлении мятежа, и опять начал демобилизацию привлеченных к участию в борьбе с восстанием коммунистов, комсомольцев и советских активистов⁸⁴.

6 октября Ю.Ю. Аплочк объявил войскам «революционную благодарность за подавление Антонова», наградил наиболее отличившихся в боях красноармейцев и командиров и с чув-

ством до конца выполненного долга отбыл в Орел, сдав командование войсками Тамбовской губернии командиру 4-й отдельной стрелковой бригады внутренних войск Владимиру Ивановичу Благонадеждину⁸⁵.

Новый командующий, также считавший, что с Антоновым покончено, перебросил 2400 своих бойцов на форсированное выполнение продовольственной работы, отправив их мелкими группами по деревням в качестве продотрядов⁸⁶. В окончательный разгром Антонова поверило и партийно-советское руководство губернии. Из переполненных тюрем и концлагерей началось частичное освобождение превентивно арестованного в «злостнобандитских» селах мужского населения. О проявлении такой неслыханной милости со своей стороны губернские власти не замедлили отрапортовать «наверх».

7 октября председатель Тамбовского губисполкома А.Г. Шлихтер телеграфировал В.И. Ленину:

«Мною дважды посещены захваченные в плен при подавлении бандитского эсеровского движения крестьяне. В первой беседе с ними разъяснены их ошибки, заблуждения, обещано быстрое рассмотрение их дел. Особая комиссия, созданная губисполкомом для рассмотрения их дел, постановила освободить 460, расследовать 14, передать комиссии по дезертирству 44. Результаты работы комиссии объявлены мною при вторичном посещении пленных. Освобождение дано именем Советской власти и Ленина. Милость Советской власти, по общему мнению, произвела огромное впечатление, равно как агитационные беседы мои и члена губкома»⁸⁷.

Здесь приходится констатировать, что тамбовские власти давали в Москву явно недобросовестную информацию. Ведь тот же Шлихтер в приведенном отрывке из телеграммы Ленину говорит о незаконно и безразборно арестованных крестьянах как о «захваченных в плен», хотя достоверно известно, что в сентябрьских боях советские отряды настоящих мятежников в плен не брали, а расстреливали или рубили на месте.

И еще. В телеграмме Шлихтер ставит себе в заслугу, что «пленным разъяснены их ошибки, заблуждения». Но в чем, собственно говоря, заключались эти «их ошибки»? В том, что поверили в гуманность советской власти и не сбежали загодя в лес или к Антонову, спасая себя от безвинного ареста и ужасов концлагерей, а свое имущество — от тотальной фуражировки-разграбления?!

Тамбовские гражданские и военные власти до самого конца 1920 года — пока их не уличили — ложно информировали Москву, что население мятежных уездов якобы совершенно не поддерживает Антонова⁸⁸. А ведь из тех же уездов в Тамбов шла совсем другая информация. Например, еще в сентябре компетентные лица из большого фабричного села Рассказово прямо писали в Тамбов: «В Рассказовском районе настроение населения, кроме села Рассказово, к бандитам сочувственное, к красноармейцам — отрицательно-озлобленное. Само Рассказово, ввиду большого количества рабочих, относится к бандитам очень враждебно»⁸⁹.

Сейчас даже трудно сосчитать, сколько же раз руководители Тамбовской губернии докладывали в Москву, что главные силы Антонова уничтожены, а окончательная ликвидация их остатков — дело нескольких ближайших дней. Причем, посылая «наверх» неверную политически и искаженную фактически информацию, губернское руководство, несмотря на разговорушую внутри него междоусобицу, выступало настолько дружно и слаженно, что этой ложной информации поверил даже такой человек, как Дзержинский, заявивший в конце 1920 года через центральную прессу, что мятеж в Тамбовской губернии уже успешно ликвидирован⁹⁰.

Одним словом, тамбовские руководители, пытаясь скрыть серьезнейшие огрехи в своей работе, очень долго выдавали желаемое за действительность. А расплачиваться за это приходилось бойцам и командирам красноармейских частей, продотрядникам, деревенским коммунистам, сельсоветчикам, да и всему остальному полуторамиллионному населению трех уездов, волею судьбы вовлеченному в страшную круговерть.

Скрывшись в начале октября с двухтысячным отрядом в Балашовском уезде Саратовской губернии, Антонов разделил свой отряд на несколько групп по 300–400 человек и дал им задание без лишнего шума перейти в новый район оперативных действий — на участок железной дороги Борисоглебск — Жердевка.

Скрытно достигнув заданного района, где их никто не ожидал, антоновцы 7 октября захватили и разгромили станцию Терновка, убив в соседнем селе с таким же названием 10 коммунистов. 8 октября под Жердевкой повстанцы взяли в плен красноармейскую роту в 100 человек. В последующие четыре дня антоновские отряды широким фронтом прошли всю за-

падную половину Борисоглебского уезда, в связи с чем сбор хлеба по продразверстке здесь практически прекратился. Беспощадно расправляясь с продотрядниками, антоновцы строго запрещали крестьянам сдавать хлеб, грозя при этом разными карами, вплоть до расстрела⁹¹.

Командующий войсками Тамбовской губернии В.И. Благондеждин писал по этому поводу 12 октября: «Были случаи захвата нашими отрядами записок за подписью Антонова, запрещающих крестьянам выполнение продразверстки, но безграмотность записок исключает возможность участия в их составлении самого Антонова»⁹². Как видно, Благондеждин тогда еще не знал, что Антонов действительно был на редкость безграмотным человеком, в чем автор этих строк убедился лично, ознакомившись в архивах со многими документами, написанными рукой Антонова.

Новая вспышка активности повстанцев и успехи, достигнутые ими в Борисоглебском уезде, заставили губернское руководство вновь обратиться в Москву с просьбой о военной помощи. 12 октября председатель Тамбовского губисполкома и Военного совета (с 27 сентября) Шлихтер писал в телеграмме Ленину:

«Окончательная ликвидация бандитского движения задерживается отсутствием достаточного количества кавалерии. Бандиты продвигаются со скоростью 60–100 верст в день, наши пехотные части иногда теряют соприкосновение с ними. В последнее время шайки перебрасываются в Воронежскую и Саратовскую губернии, откуда обратно в Тамбовскую.

Несогласованность с нами действий воронежского и саратовского командования, невозможность добиться полного согласования выдвигают вопрос о создании общего командования трех губерний. Исходя из изложенного, губисполком постановил просить Вас срочно усилить действующие против бандитов части сильным кавалерийским отрядом»⁹³.

15 октября Ленин переадресовал эту телеграмму заместителю председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) Склянскому и написал: «Дайте РВСР поручение или, вернее, точный приказ добиться быстрой и полной ликвидации. О принятых мерах мне сообщить»⁹⁴.

Не успокоившись на этом, В.И. Ленин 19 октября обратился к командующему внутренними войсками страны В.С. Корневу и председателю ВЧК и одновременно наркому внутренних дел Ф.Э. Дзержинскому со следующей запиской:

«Гов. Шлихтер сообщает мне об усилении восстания в Тамбовской губ., о слабости наших сил, особенно кавалерии.

Скорейшая (и примерная) ликвидация безусловно необходима.

Прошу сообщить мне, какие меры принимаются. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил»⁹⁵.

Но и без этого напоминания Ленина Москва, по мере возможности, оказывала Тамбову помощь войсками и оружием. Так, к 15 октября против антоновцев уже действовали советские части общей численностью 4447 штыков и сабель, при 5 орудиях и 22 пулеметах. Кроме того, в резерве командующего войсками губернии В.И. Благоннадеждина находилось еще 3,5 тысяч бойцов⁹⁶.

А то обстоятельство, что численность войск Тамбовской губернии увеличивалась все-таки медленно, объясняется главным образом тем, что советские части постоянно несли большие потери, особенно пленными и дезертирами. Так, например, 19 октября, то есть в тот самый день, когда Ленин приказывал командующему внутренними войсками Корневу «дать больше сил» для Тамбовской губернии, отряд антоновцев под командованием Богуславского почти без боя взял в плен у села Верхоценье Тамбовского уезда две красноармейские роты общей численностью 230 человек⁹⁷.

Видя, что войска Тамбовской губернии под командованием В.И. Благоннадеждина никак не могут нанести чувствительные поражения хотя бы наиболее крупным отрядам мятежников, В.С. Корнев 25 октября вместо «переутомившегося» (официальная причина) Благоннадеждина назначил Константина Владимировича Редзько — начальника 35-х Тамбовских пехотных курсов, коммуниста, бывшего гвардейского полковника и Георгиевского кавалера. В полночь на 26 октября 1920 года К.В. Редзько вступил в командование войсками Тамбовской губернии⁹⁸.

Новый командующий активно берется за дело, но не все у него получается. Особую заботу Редзько проявил о вооружении и комплектовании надежными кадрами специально создаваемой для непрерывного преследования отряда самого Антонова 1-й ударной кавалерийской группы под командованием К.В. Бриммера. И эта группа действительно получилась боевой. Ее ядро составил сводный полк Н.А. Переведенцева, насчитывавший поначалу (27 октября) всего 188 сабель⁹⁹.

Уделяя основное внимание кавгруппе Бриммера, Редзько как-то упустил из виду 2-ю ударную группу войск во главе с командиром 20-го отдельного стрелкового полка внутренних войск Белокобыльским, за что и был немедленно наказан антоновцами. В ночь на 30 октября в селе Богословка Кирсановского уезда входивший в группу Белокобыльского 2-й сводный пехотный полк Воробьева был внезапно атакован тысячным отрядом повстанцев и, не оказав почти никакого сопротивления, панически бежал из села, оставив в нем одно орудие с шестьюдесятью снарядами и два пулемета. Кроме того, около сотни красноармейцев погибли или попали в плен¹⁰⁰.

Разгневанный Редзько тут же снял с должностей и Воробьева, и Белокобыльского. А через неделю, после выяснения всех обстоятельств поражения под Богословкой, Белокобыльский, Воробьев, а также командир роты, которая первой ударилась в бегство, были отданы под трибунал. 30 октября командование 2-й ударной группой Редзько временно поручил комбату 20-го стрелкового полка Михаилу Ивановичу Маркину¹⁰¹.

К чести командующего войсками Редзько, он не ожесточился после неудачи под Богословкой, а, наоборот, в отличие от своих предшественников, стал проводить более мягкую и разумную карательную политику по отношению к местному населению и к самим повстанцам, одновременно стараясь навести порядок во вверенных ему войсках. 1 ноября Редзько писал в приказе по войскам Тамбовской губернии:

«Мною замечено, что в действующих по подавлению восстания частях процветает шкурничество и разгильдяйство, как среди красноармейцев, так и среди комсостава, что подтверждается постыдной сдачей пушки и двух пулеметов. Революционные солдаты должны смыть с себя пятно позора, отбить пушку и раздавить врага.

По отношению к крестьянам, не опорочившим себя содействием бандитизму, [войска] должны быть в высшей мере внимательны и братски относиться. За самочинное отбирание у крестьян продуктов и прочего предам расстрелу»¹⁰².

6 ноября К.В. Редзько обратился к повстанцам с призывом одуматься и переходить с оружием на сторону советской власти. Одновременно войска получили приказ не расстреливать на месте взятых в плен повстанцев (как это делалось до сих пор), а щадить и желающим из них предоставлять возможность

искупить свою вину честной службой в советских частях и отрядах, действующих против Антонова¹⁰³.

Серьезное значение командующий Редзько придавал и политической работе в войсках. Мобилизованных коммунистов он старался направлять в те части, от которых в наибольшей степени зависел исход военных операций. Поэтому неудивительно, что особенно много коммунистов оказалось в 1-й ударной конной группе Константина Викторовича Бриммера.

Предпринимаемые Редзько меры по укреплению действующих частей давали свои результаты, позволяя иногда добиваться заметных успехов, которые, однако, носили все-таки локально-эпизодический характер и не могли существенно воспрепятствовать дальнейшему расширению и усилению восстания.

1 ноября Антонов с боем взял важную железнодорожную станцию Инжавино¹⁰⁴. 5 ноября повстанческий отряд А.В. Богуславского совершил нападение на Ивановский совхоз, превращенный его рабочими под руководством директора совхоза Гаранина в настоящую крепость. Внезапного налета у Богуславского не получилось, и он, потеряв 7 человек убитыми и 18 ранеными, отступил обратно. Впоследствии усиленная красноармейцами рабочая дружина Ивановского совхоза неоднократно отражала всякие попытки мятежников захватить совхоз.

В то же утро 5 ноября А.С. Антонов во главе своего отряда, а также повстанческих отрядов И.С. Матюхина, И.Е. Ишина и П.М. Токмакова (всего до 4 тысяч человек) сразу с четырех сторон повел наступление на укрепленную железнодорожную станцию Сампур. Завязался многочасовой ожесточенный бой мятежников с гарнизоном станции и 2-й ударной группой М.И. Маркина. 1-я ударная группа К.В. Бриммера в это время, из-за плохой работы войсковой разведки, тщетно искала отряд Антонова в пятидесяти километрах восточнее.

Взять станцию повстанцам не удалось. В критический момент боя на помощь группе Маркина и Сампурскому гарнизону с двух сторон по железной дороге подоспели бронелетучка и эшелон с войсками из резерва командующего Редзько, в результате чего два наиболее сильных отряда (Антонова и Матюхина) сами оказались в окружении. Однако, понеся потери, мятежники все же сумели вырваться из кольца и ушли в район села Хитрово — «родовое гнездо» повстанческого отряда Матюхина.

Узнав о местонахождении своей главной цели — отряда Антонова, кавгруппа Бриммера, находившаяся в селе Трескино, в тот же день совершила марш-бросок в 35 километров и уничтожила арьергард Антонова у села Хитрово.

В течение последующих шести дней конники Бриммера ежедневно настигали и трепали отряд Антонова, неописуемыми зигзагами уходившего от погони. Последний бой произошел 11 ноября у села Пановы Кусты Тамбовского уезда, где кавполк Переведенцева разметал полутысячный отряд Антонова и отбил, наконец, оружие, захваченное повстанцами в Богословке¹⁰⁵.

В Тамбове успех у Пановых Кустов в очередной раз расценили как окончательную победу над антоновцами. «За ликвидацию банды Антонова» командующий войсками губернии объявил К.В. Бриммеру благодарность, а бойцам его кавгруппы — «русское спасибо». Кроме того, К.В. Редзько сообщил в приказе по войскам, что он представляет командира 1-го кавалерийского полка Н.А. Переведенцева к награждению орденом Красного Знамени¹⁰⁶. Обещанную награду Переведенцев, разумеется, не получил, так как в то время этот высший и единственный пока в стране орден давался только за подвиги, совершенные на фронте. А мятежная, залитая кровью, но все же тыловая Тамбовская губерния фронтом еще не считалась.

Для закрепления достигнутых успехов советские части с 11 по 29 ноября произвели тщательное и методичное, район за районом, прочесывание юго-восточной половины Тамбовского и южной половины Кирсановского уездов. Одновременно в этих же местностях вели свою работу и несколько выездных сессий губчека. Однако эти мероприятия почему-то совершенно не затронули Борисоглебский уезд, куда из Кирсановского и Тамбовского уездов, спасаясь от проводимых там широкомасштабных облав, перебазировалось немало крупных и мелких отрядов повстанцев.

14 ноября в селе Моисеево-Алабушка (северная часть Борисоглебского уезда, граничащая с Кирсановским и Тамбовским уездами) состоялось довольно представительное собрание командиров отдельных повстанческих отрядов из всех трех мятежных уездов. «Гостей» принимал у себя глава местных повстанцев Александр Борисович Кулдошин. Участники собрания подвели итоги почти трехмесячному периоду вооруженной борьбы. Некоторые из этих итогов оказались неутешительными для мятежников¹⁰⁷.

После того как в сентябре губчека арестовала в Тамбове два состава губернского комитета партии правых эсеров, связь большинства повстанческих отрядов с этой партией практически оборвалась. А созданный в Тамбове для общего руководства восстанием эсеровский штаб во главе с Н. Карпухиным, по существу, бездействовал, и помощи от него ждать не приходилось¹⁰⁸. Одним словом, повстанцы оказались предоставлены сами себе.

Именно поэтому главным вопросом, обсуждавшимся в Моисеево-Алабушке, был вопрос о том, что же делать дальше? В одном собравшиеся командиры повстанческих отрядов были едины: о прекращении восстания и вооруженной борьбы с коммунистами не может быть и речи. В прямой связи с этим на собрании было высказано и одобрено предложение об объединении фактически разрозненных на данный момент повстанческих отрядов в одну «Партизанскую армию Тамбовского края», управление которой должно исходить из единого центра — «Главного оперативного штаба». Здесь же, на собрании, путем тайного голосования был избран и руководящий состав Главоперштаба из пяти человек (Александр Степанович Антонов, Александр Васильевич Богуславский, Иван Архипович Губарев, Петр Михайлович Токмаков и некто Митрофанович)¹⁰⁹.

В нашей и зарубежной исторической литературе об антоновщине до сих пор не уделялось (и не уделяется) достаточно внимания структуре и деятельности Главоперштаба. Считается, что в Тамбовском мятеже он выступал на вторых или даже третьих ролях после губкома партии правых эсеров (ПСР) и губернского комитета «Союза трудового крестьянства», осуществляя лишь военно-оперативное руководство вооруженными отрядами тамбовских повстанцев. На самом же деле губкомы ПСР и СТК были почти целиком подчинены антоновскому Главоперштабу. Как это могло случиться?

А дело здесь в том, что к середине ноября 1920 года (время совещания в Моисеево-Алабушке) прежних, то есть существовавших до начала мятежа губкомов ПСР и СТК, благодаря усилиям тамбовских чекистов, уже практически не существовало. Но не зря говорится: свято место пусто не бывает. Вот и Антонов, очевидно, для придания большей солидности возглавляемому им восстанию, решил создать новые, уже чисто антоновские губкомы ПСР и СТК. В пользу такого вывода говорит, например, тот факт, что в ноябре 1920 года во главе губкома СТК встал наиболее близкий приятель и давний соратник Ан-

тонова — Петр Михайлович Токмаков, а после его гибели в конце февраля 1921 года — Иван Егорович Ишин, также давнишний (еще с дореволюционных времен) друг Антонова. Что же касается Тамбовского губкома ПСР, то он, как известно, дважды разгромленный чекистами в сентябре, «чудесно воскрес» как раз в конце ноября 1920 года в Каменке, где его возглавил местный эсер Григорий Наумович Плужников. В это же время членом губкома ПСР стал и И.Е. Ишин, который в июне 1921 года, будучи арестован чекистами в Москве, показал на допросе, что тамбовские губкомы ПСР и СТК состояли фактически из одних и тех же лиц.

Короче говоря, существовавшие с конца ноября 1920 года губкомы партии правых эсеров и «Союза трудового крестьянства» были детищами не столько эсеровских партий, сколько самого А.С. Антонова и его Главоперштаба.

В начале 1921 года Главоперштаб принял законченную форму, представляя собой довольно мощную организацию со сложной внутренней структурой. Во главе его по-прежнему стояли пять человек, занимавшие следующие должности: начальник Главоперштаба (А.С. Антонов), его заместитель, командующий армией, заместитель командарма, начальник разведки. Все перечисленные должности являлись выборными, причем начальник Главоперштаба по должности был выше, чем командующий армией (первым командармом собрание в Моисеево-Алабушке избрало П.М. Токмакова)¹¹⁰.

Здесь приходится особо разъяснить один важный момент, до сих пор не понятый правильно никем из исследователей истории антоновщины. Дело в том, что Антонов был не начальником штаба повстанческой армии (как это принято считать) в прямом понимании названия этой должности, а начальником вообще штаба восстания, то есть начальником самого высшего, главного штаба восстания, не совсем правильно названного полуграмотными руководителями мятежа Главоперштабом.

Процесс создания и становления Партизанской армии Тамбовского края проходил в нелегких условиях. Уже 17 ноября конница Бриммера едва не накрыла загостившегося в Моисеево-Алабушке Антонова вместе со всем новорожденным Главоперштабом. В руки красных кавалеристов, в числе других трофеев, доставшихся после стремительного бегства мятежников из села, попало и постановление съезда командиров повстанческих отрядов о создании Главоперштаба¹¹¹.

Довольно легко уходя от преследования, Антонов со своим отрядом и Главперштабом до начала декабря непрерывно колесил по северо-западной части Борисоглебского и соседней с ней юго-восточной части Тамбовского уезда, отвлекая на себя лучшие силы красных и одновременно создавая здесь все новые и новые повстанческие отряды и полки.

Однако далеко не все села, где появлялся Антонов или его эмиссары-агитаторы, откликались на горячие призывы проявить «крестьянскую сознательность» и примкнуть к «всенародному восстанию против насильников-коммунистов». Более того, при остановке на ночлег в некоторых деревнях Антонову приходилось даже брать заложников из местных жителей, чтобы дополнительно обезопасить себя и своих штабистов от возможного ночного нападения со стороны «несознательных» сельчан¹¹². Встречались и такие села, куда Антонова и его свиту вовсе не пускали. Как правило, это были села, где уже не было советской власти, но еще не установилась и повстанческая. В таких селах крестьяне создавали свои собственные, вооруженные чем попало отряды самообороны, которые старались, в меру их скромных возможностей, не пускать к себе ни красных, ни антоновцев. Разумеется, что в условиях настоящей гражданской войны, разгоравшейся на Тамбовщине, долго соблюдать «нейтралитет» и сохранять «независимость» таким селам не удавалось. Рано или поздно они вынуждены были делать выбор и становились на советскую или антоновскую сторону.

К сожалению, здесь приходится говорить о том, что тамбовские гражданские и военные власти в конце 1920 года не видели или не хотели видеть никакой разницы между «нейтральными» селами и теми, что активно поддерживали Антонова, считая и те и другие одинаково «злостнобандитскими», со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями.

Совершенно иную политику к «нейтральным» селам проводил Антонов и его агитаторы. Они старались действовать мирным путем, убеждением и пропагандой, используя при этом допущенные советскими органами и отрядами ошибки и перегибы, пытаясь склонить «нейтралов» на свою сторону. И это им нередко удавалось.

Судьбу типичных «нейтралов» можно проследить на примере большого села Архангельское (ныне Аннинского района Воронежской области) и нескольких других соседних сел и деревень западной части Борисоглебского уезда.

Поздней осенью 1920 года жители Архангельского создали у себя небольшой вооруженный отряд самообороны, предназначенный для охраны села от грабежей, насилия и разбоя со стороны расплотившихся в окрестностях бандитов, а также от произвола продотрядов. Вскоре к Архангельскому присоединилось соседнее село Ростоши, а затем и некоторые другие, помельче. Их объединенный отряд самообороны возглавил 24-летний житель Ростошей Александр Козьмич Пастушков — красный командир, недавно пришедший в отпуск по ранению с фронта. Бывший матрос Балтийского флота, Пастушков с конца 1917 года сражался на стороне советской власти. Сначала — красногвардейцем против Каледина, затем — командиром отряда против донских белоказаков, а в 1919 году, проработав с месяц в Борисоглебской уездной ЧК, опять отправился воевать на фронты Гражданской войны.

Так вот, если красные, не вникая ни в какие нюансы и действуя по принципу «кто не с нами — тот против нас», пытались лишь силой «раздавить архангельско-ростошинскую контру», то антоновцы, также имевшие поблизости от Архангельского достаточные военные силы, чтобы лишить «нейтралов» их «независимости», вели себя совершенно иначе.

В Архангельское и Ростоши зачастили видные антоновские командиры и политработники (будущие повстанческие комбриги Константин Андреевич Корешков и Павел Николаевич Чумичев, начальник политотдела 5-й бригады 1-й антоновской армии Абрам Абрамович Фролов и другие). Своей неустанной пропагандой и агитацией они добились-таки того, что «нейтралы» вскоре перешли на их сторону, став 14-м Архангельским полком 5-й бригады антоновцев¹¹³. (В середине марта 1921 года, когда политика советской власти в отношении крестьянства резко изменилась (замена продразверстки продовольственным налогом, свобода торговли излишками и т.д.), а вместе с ней изменилась и тактика борьбы с антоновщиной, 14-й Архангельский повстанческий полк целиком, во главе с командиром, перешел на сторону советской власти¹¹⁴.)

Если по отношению к «нейтральным» селам, в которые его иногда до обидного демонстративно не пускали деревенские бабы, Антонов проявлял большую выдержку и не прибегал к силе, то к повстанческим командирам, выражавшим порою недовольство тем, что он забирает в свои руки якобы слишком много власти, Александр Степанович был достаточно суров.

Так, 26 ноября в селе Туголуково произошла ссора Антонова с командиром 1-го Каменского повстанческого полка Ефимом Ивановичем Казанковым, который пытался отстоять свое право на полную самостоятельность в управлении полком и в выборе для него боевых целей и задач. Антонов не признал за командиром полка такого права и обвинил Казанкова в партизанщине и анархизме. В ответ на такое оскорбление правоправый правый эсер Казанков, искренне считавший себя идейным борцом против коммунистов, заявил начальнику Главперштаба, что не подчиняется больше его приказам и отныне будет бороться с большевиками самостоятельно. Хлопнув дверью, Казанков покинул Туголуково, уведя за собой два эскадрона каменцев. В тот же день Антонов, знавший Казанкова чуть ли не с 1905 года, издал приказ об объявлении его вне закона и о разоружении ушедших с ним эскадронов. На свое счастье, быстро поняв, что «Шурка» (партийная кличка Антонова по дореволюционному эсеровскому подполью) шутить не намерен, Ефим Казанков уже через несколько дней явился к Антонову с повинной, получил, по старой дружбе, прощение и даже был оставлен в должности командира 1-го Каменского повстанческого полка¹¹⁵.

* * *

Несмотря на массу встречавшихся трудностей, дела с созданием партизанской армии у Антонова успешно продвигались вперед, и мятеж разрастался с каждым днем. К 1 декабря 1920 года охваченная восстанием территория увеличилась, по сравнению с 10 сентября, ровно в 15 раз и составила почти 20 тысяч квадратных километров¹¹⁶.

В декабре активность повстанцев резко возросла, хотя случались у них и отдельные неудачи: например, в Борисоглебском уезде кавполк неистового Переведенцева дважды (4 декабря под Козловкой и 6 декабря в селе Криуша) наступал и изрядно трепал отряд самого Антонова, захватив в этих боях свыше 150 пленных и отбив один пулемет¹¹⁷.

Однако, заметим, что других таких непобедимых частей, как кавполк Переведенцева, в распоряжении командующего войсками Тамбовской губернии практически не имелось. По боевым качествам с полком Переведенцева нельзя было сравнить даже остальную часть кавгруппы Бриммера. (11 декабря 1920 года вместо Бриммера командующим кавгруппой стал бывший ком-

бриг Кубанской кавалерийской дивизии Варфоломей Иванович Дмитриенко¹¹⁸.)

А боеспособность и политическая надежность других советских отрядов — за исключением курсантских — была еще ниже.

13 декабря антоновцы захватили и за три часа совершенно разграбили железнодорожную станцию Инжавино, гарнизон которой (433 бойца при двух пулеметах) «не оказал никакого сопротивления, но постыдно бежал, оставив пулеметы, бросив по дороге патроны и винтовки». Эта фраза из приказа К.В. Редзько по войскам губернии завершалась так: «Подобного проявления трусости и низости в рядах войск, сражающихся против бандитов, еще не было». В целях предотвращения таких случаев в будущем Редзько пошел на крайность, приказав расстрелять 10 пулеметчиков Инжавинского гарнизона и еще 25 красноармейцев из числа «наибольших трусов». А к каждому пулемету командующий приказал прикрепить по одному надежному и обстрелянному коммунисту¹¹⁹.

К середине декабря 1920 года на охваченной мятежом территории оставалось уже не более двух десятков небольших островков советской власти. Как правило, это были укрепленные и имевшие постоянные гарнизоны железнодорожные станции, сахарные заводы, а также несколько уцелевших до сих пор совхозов. Со второй половины декабря антоновцы все свои усилия направили именно на ликвидацию этих островков.

17 и 18 декабря мятежники дважды захватывали узловую станцию Иноковка (между Тамбовом и Кирсановом), где в их руки попал, кроме прочего, вагон с патронами. 17 декабря в селе Алешки Борисоглебского уезда отряд в 500 повстанцев под командованием бывшего прапорщика военного времени Ивана Макаровича Кузнецова обманом, под видом красноармейской кавалерийской части, захватил весь состав местного райревкома. 22 схваченных ревкомовца были выведены на огорды и зарублены. 18 декабря в деревне Чикаревка Борисоглебского уезда повстанцами был застигнут врасплох и полностью уничтожен отряд из двадцати милиционеров. В этот же день антоновцы произвели налет на сахарный завод в Большой Грибановке, но были отбиты рабочей дружиной завода и вовремя подоспевшим ей на помощь отрядом 7-х Борисоглебских кавалерийских курсов¹²⁰.

18 декабря отряд повстанцев под командованием бывшего конокрада Василия Федоровича Селянского захватил село Ана-

стасьевское (Бондари) и разграбил находившийся здесь филиал фабрики по изготовлению шинельного сукна и валенок для Красной армии¹²¹. О случившемся каким-то образом стало известно В.И. Ленину, который немедленно отреагировал гневной запиской в адрес наркома внутренних дел и председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского:

«...Верх безобразия. Предлагаю прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии:

- 1) отдать под военный суд,
- 2) строгий выговор объявить Корневу,
- 3) послать архиэнергичных людей тотчас,
- 4) дать по телеграфу нагоняй и инструкции»¹²².

Этой записке Ленина было суждено сыграть исключительно важную роль в деле перестройки всей борьбы с антоновщиной. Ибо только теперь в Москве по-настоящему обратили серьезное внимание на мятеж в Тамбовской губернии.

Нам неизвестно, объявил ли Дзержинский строгий выговор командующему внутренними войсками Василию Степановичу Корневу, как того требовал Ленин, но зато известно другое: 26 декабря Корнев с большой группой «архиэнергичных людей» находился уже в Тамбове и здесь, на месте, давал всем и вся «нагоняй и инструкции». А еще днем раньше тут же начала свою работу специальная «Комиссия по выяснению причин затяжного характера ликвидации повстанческого движения в Тамбовской губернии». Эту прибывшую из Москвы комиссию возглавлял заместитель председателя военного трибунала внутренних войск Петр Алексеевич Камерон.

В.С. Корнев, находившийся в Тамбове до 29 декабря, срочно вызвал сюда командующего войсками Орловского военного округа О.А. Скудре и приказал ему временно возглавить руководство операциями по подавлению крестьянских восстаний в Тамбовской и Воронежской губерниях¹²³. Это решение объясняется тем, что антоновцы постоянно проникали в соседнюю Воронежскую губернию, а также тем, что еще не был окончательно ликвидирован повстанческий отряд И.С. Колесникова — военного руководителя антикоммунистического крестьянского восстания на юге Воронежской губернии.

Утром 27 декабря Корнев провел совещание с партийно-советскими и военно-чекистскими руководителями подавления антоновщины. Собравшиеся пришли к выводу, что надо опять просить Москву о военной помощи. Но если раньше в просьбах

Тамбова речь шла о не более чем батальоне пехоты и двух эскадронах кавалерии, то теперь запросили сразу 15 тысяч штыков, 3 тысячи сабель, две артиллерийские батареи и даже два аэроплана.

На совещании с кратким докладом о деятельности чекистов по борьбе с мятежом выступил председатель Тамбовской губчека П.П. Громов (сменивший на этом посту в октябре явно не справлявшегося со своими обязанностями Ф.К. Трасковича). Громов сообщил, что с начала восстания губчека потеряла (по разным причинам) половину личного состава. Поэтому он попросил Корнева и других участников совещания поддержать его просьбу к ВЧК о присылке в Тамбов тридцати пяти опытных чекистов. А для того чтобы губчека могла проводить свои собственные военно-чекистские операции, Громов попросил также о предоставлении в его распоряжение до тысячи надежных штыков¹²⁴.

Спустя несколько часов после окончания этого заседания в Тамбове Антонов лично повел четыре своих полка на штурм железнодорожной станции Инжавино. И несмотря на то что после захвата этой станции 13 декабря ее гарнизон был значительно усилен, он опять не оказал достойного сопротивления и частью позорно бежал, а частью сдался в плен. В руки повстанцев попали орудие и несколько пулеметов. В эту же ночь здесь погибла вся (за исключением одного человека) выездная сессия губчека во главе с Артуром Вольдемаровичем Зегелем¹²⁵.

Днем 28 декабря кавалерийский полк Н.А. Переведенцева, с которым мятежники до этого старались всячески избегать встреч, впервые подвергся открытой атаке повстанцев из отряда А.В. Богуславского у села Верхоценье Тамбовского уезда. И хотя атака антоновцев была отбита, кавполк Переведенцева впервые не вышел из боя явным победителем¹²⁶.

Вечером 28 декабря командующий войсками Тамбовской губернии К.В. Редзько, уже знавший о позоре и трагедии в Инжавино, а также о нападении повстанцев на кавполк Переведенцева и, кроме того, вконец издерганный разными комиссиями и проверяющими, собрался с духом и написал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности, ссылаясь на уже традиционное «переутомление». Однако главной причиной «добровольной» отставки Редзько было то, что он ясно видел, как «отцы губернии», давая показания приехавшим из Москвы комиссиям, пытаются всю вину за неликвидацию вос-

стания свалить на него и его предшественников, то есть исключительно на военных. Поэтому в своем рапорте, обосновывая невозможность дальнейшего пребывания на занимаемом посту, бывший гвардейский полковник Редзько с солдатской прямоотой написал: «Не хочу быть козлом отпущения»¹²⁷.

В полночь на 30 декабря К.В. Редзько сдал командование войсками Тамбовской губернии прибывшему из Орла О.А. Скудре. К этому времени командующий внутренними войсками В.С. Корнев и комиссия под председательством П.А. Камерона уже завершили свою работу в Тамбове и отбыли в Москву¹²⁸.

Надо сказать, что Корнев, Камерон, а затем и Скудре весьма неплохо разобрались в причинах возникновения антоновщины, а также в том, почему ее до сих пор не удалось подавить. Так, например, комиссия Камерона, вскрыв серьезнейшие недостатки и ошибки в деле борьбы с мятежом, допущенные партийно-советским руководством Тамбовщины, Военным советом, губчека, штабами войск губернии и внутренних войск, пришла к следующему заключению:

«Комиссия констатирует, что размеры повстанческого движения в Тамбовской губернии принимают катастрофический характер, для ликвидации которого необходимо принять следующие меры:

§ 1. Оккупировать территорию Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов путем наводнения и планового распределения вооруженной силы, предписав местным органам, по мере оккупации, удесятить усилия по восстановлению Советской власти на местах и советских хозяйств, разрушенных бандитами.

§ 2. Предоставить командованию необходимые кадры командного состава и дать вновь свежие части на повстанческий фронт, а также заменить износившиеся, небоеспособные части свежими.

§ 3. Повести широкую политическую работу по выработанному плану, как в действующих частях, так и среди населения. Ввиду недостатка коммунистов (убито бандитами до 800 человек), просить ЦК партии командировать потребное для этой цели количество партийных работников.

§ 4. Усилить аппарат губчека (выбыло убитыми до 40%) путем переброски работников Центра. <...>

§ 8. Принимая во внимание тяжелые объективные условия Республики, мешавшие своевременно ликвидировать повстан-

чество в Тамбовской губернии, ограничиться немедленным проведением в жизнь практических мероприятий по ликвидации, предав ошибки лиц, виновных в затяжном характере ликвидации повстанчества, забвению.

§ 9. Начать судебное следствие на предмет предания суду РВТ [Революционный военный трибунал] лиц, виновных: 1) в недостаточном снабжении оперирующих частей патронами, 2) сдаче противнику целых частей, иногда без выстрела и 3) в хаотическом состоянии снабжения действующих частей обмундированием»¹²⁹.

Командующий войсками Орловского военного округа О.А. Скудре, временно возглавивший действующие против Антонова войска, сообщил в докладе Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики С.С. Каменеву, что к 30 декабря 1920 года в Тамбовской губернии имелось 13 крупных отрядов мятежников общей численностью 4750 человек (из них 2000 конных) плюс 5–8 тысяч человек, являющихся непостоянным составом этих отрядов. Вооружены повстанцы главным образом оружием, захваченным у советских отрядов и частей. «Наши потери в винтовках, — писал в своем докладе Главкому Скудре, — не подсчитывались, и количество определить точно нельзя, но приблизительно за 4 месяца действий фактически передано Антонову не менее 3 тысяч винтовок. Наши силы, действующие против Антонова, к 24 часам 29 декабря равнялись: штыков — 8030, сабель — 1672, орудий — 16, пулеметов — 114, что состоит всего из 34 отдельных войсковых частей и 5 боевых технических единиц. К 30 декабря упомянутые части занимали всего 17 отдельных пунктов в черте, охваченной восстанием».

Характеризуя деятельность командующего войсками Тамбовской губернии К.В. Редзько, О.А. Скудре писал, что Редзько все брал на себя, вплоть до командования ротами, сидя при этом в Тамбове. Военной разведки «нет совершенно», а «агентурной работы губчека мало чувствуется, связи между губчека и командованием нет».

Морально-политическое состояние и боеспособность войск Тамбовской губернии Скудре охарактеризовал так: «Политическая работа в действующих частях незаметна. Работа хозяйственных аппаратов частей до отказа слаба. Санитарная помощь в частях совершенно не налажена... Большинство из частей деморализованы и разложились до отказа. Мародерство, грабе-

жи — обычное явление. Отмечаются даже случаи изнасилования женщин. Боеспособность частей очень слаба»¹³⁰.

Стоит особо отметить, что Скудре, возглавивший с 30 декабря 1920 года войска Орловского военного округа, действующие против антоновцев в Тамбовской и против колесниковцев в Воронежской губерниях, в первых же своих приказах строго предупредил командиров и комиссаров красноармейских частей об особой осторожности в применении репрессивных мер и о недопущении при этом таких крайностей, как сожжение целых населенных пунктов. К местному населению, да и к самим повстанцам, Скудре требовал исключительно строго индивидуального подхода. В этом смысле Скудре даже призывал красноармейских политработников брать пример с повстанческих руководителей. Так, 31 декабря в приказе по войскам Скудре писал: «Мы имеем много примеров, когда в наших частях вместо политруков ведет злостную пропаганду агент повстанцев. Нельзя не отметить, что Антоновы и Колесниковы не ограничиваются лишь пропагандой, но также, действуя особыми примерами, морально разлагают наши части. Вместо повального террора и ужаса, которые нередко применяются нашими политически неосознательными частями не только к захваченным повстанцам, но и порой к мирному населению, наш противник со всей строгостью проводит грань между красноармейцами, коммунистами и командирами, между стреляющим и бросающим оружие. Расстреливая и разрубая на куски одних, великодушно распускающая на все четыре стороны других, противник вносит больше вреда в наши ряды, чем десятки пулеметов в его руках»¹³¹.

31 декабря 1920 года в Москве состоялось совещание по вопросу о ликвидации антоновщины. На этом совещании, проходившем под председательством Ф.Э. Дзержинского, присутствовали: главком С.С. Каменев, командующий внутренними войсками В.С. Корнев, председатель Тамбовского губисполкома А.Г. Шлихтер и его заместитель В.Н. Мещеряков. Было решено немедленно начать стягивание к охваченному антоновщиной району значительных дополнительных сил внутренних войск, а также частей регулярной Красной армии. Для начала — не менее одной кавалерийской и одной стрелковой дивизий. Всех коммунистов мятежной части Тамбовщины постановили вооружить, для чего специально выделялась тысяча винтовок. Кроме того, совещание признало необходимым направить в Тамбовскую губернию группу опытных партийных работников, подбор которых взял

на себя Ф.Э. Дзержинский. И, наконец, разрешился вопрос о назначении нового командующего войсками Тамбовской губернии. Выбор участников совещания остановился на Александре Васильевиче Павлове — начальнике дивизии особого назначения, бывшем командующем 10-й армией¹³².

3 января 1921 года Антонов добился очередного успеха. В селе Керша, что в 35 километрах северо-восточнее Тамбова, его отряд захватил в плен около 500 обедавших красноармейцев, вместе с полевой кухней, одним орудием и тремя пулеметами¹³³.

Страшный для советской власти маховик антоновщины работал уже на высших, но еще далеко не на предельных оборотах.

6 января А.В. Павлов, наделенный в Москве правами командарма, вступил в командование войсками Тамбовской губернии¹³⁴.

Как выяснят потом историки, в ходе ожесточенной борьбы на Тамбовщине начался второй, переломный период.

Глава 3. Перелом

Новый командующий войсками губернии Павлов и назначенный к нему 15 января начальником штаба Константин Петрович Невежин (бывший начальник штаба 3-й армии), используя время, необходимое для переброски на Тамбовщину выделенных Москвой дополнительных частей внутренних войск и регулярной Красной армии, стали тщательно изучать сложившуюся здесь обстановку. Естественно, что Павлова и Неvejина в первую очередь интересовали вооруженные силы тамбовских мятежников: их структура, численность, командный состав, вооружение и т. п.

Из перехваченных приказов антоновского Главоперштаба было установлено, что 18 января 1921 года произошло разделение единой прежде Партизанской армии Тамбовского края на две самостоятельные в оперативном отношении армии: 1-ю и 2-ю¹³⁵.

В состав 1-й армии вошли 10 регулярных (номерных) полков: 1-й Каменский (командир полка Тимофей Степанович Гавриков), 2-й Борисоглебский (Александр Борисович Кулдошин), 5-й Пановский (Константин Иванович Баранов), 6-й Савальский (Андрей Миронович Каверин), 7-й Тамбовский (Яков Федо-

рович Вислобоков), 10-й Волчье-Карачанский (Иван Макарович Кузнецов), 11-й Павлодарский (Петр Дмитриевич Боярский), 12-й Токайский (Константин Андреевич Корешков), 13-й Битюгский (Дмитрий Гаврилович Иванников) и 14-й Архангельский (Александр Козьмич Пастушков)¹³⁶. Первый командир Каменского полка Ефим Иванович Казанков 11 января 1921 года в бою с кавполком Переведенцева под селом Моисеево-Алабушка Борисоглебского уезда попал в безвыходную ситуацию и, не желая сдаваться в плен, застрелился¹³⁷.

Каждые два полка, происходившие из соседних местностей, сводились в бригаду. Один из командиров объединенных в бригаду полков выполнял одновременно и функции комбрига. Начальником штаба 1-й антоновской армии стал бывший поручик Иван Архипович Губарев, а временно исполняющим должность командарма был назначен Дмитрий Михайлович Егорчев¹³⁸.

2-я партизанская армия Тамбовского края первоначально состояла всего из четырех полков: 3-го Кирсановского (командир И. Баурин), 4-го Низовского (Иван Алексеевич Востриков), 8-го Пахотно-Угловского (Василий Федорович Селянский) и 9-го Семеновского (Григорий Васильевич Крутских)¹³⁹. До марта 1921 года 2-й повстанческой армией командовал Петр Михайлович Токмаков.

Особо отметим, что в обеих армиях имелось также по одному кавалерийскому полку особого назначения. В 1-й армии Особым полком командовал Михаил Антонович Канищев, а при штабе 2-й армии (фактически это был Главоперштаб во главе с самим Антоновым) неотлучно находился Особый полк под командованием бывшего штабс-капитана Павла Тимофеевича Эктова¹⁴⁰.

В начале 1921 года во всех антоновских полках были введены знаки различия. Для рядовых они состояли лишь в красных бантиках на головных уборах. А весь командный состав — от командиров отделений до командармов — кроме бантиков носил на левом рукаве, повыше локтя, красные нашивки в виде полосок, треугольников и ромбов. Все регулярные полки имели свои боевые знамена красного цвета, на которых было начертано полное наименование полка, а сверху — знаменитый эсеровский лозунг: «В борьбе обретешь ты право свое».

Кроме регулярных и особых полков в обеих антоновских армиях имелись многочисленные вспомогательные отряды и подразделения: комендантские команды, «летучие отряды», от-

ряды связистов, разведчиков и т. д. Например, отряд знаменитой Маруси занимался в основном реквизицией у местного населения военного обмундирования и лекарственных средств¹⁴¹.

(Во время Антоновского восстания на Тамбовщине ходило много различных слухов и легенд о Марусе и ее отряде. Одни говорили, что это сама Мария Спиридонова — лидер партии левых эсеров и, кстати, уроженка города Тамбова, а другие — что это известная анархистка Мария Никифорова, которая в 1918 году со своим отрядом, якобы «сражавшимся» тогда против белых, была в здешних местах и проявила особую склонность к проведению реквизиций и наложению контрибуций. Некоторую ясность в крайне запутанный «вопрос о Марусе» внес в 1923 году участник борьбы с антоновщиной И.Е. Панкратов. В своих воспоминаниях, опубликованных в Тамбове, он подробно рассказал, как 22 апреля 1921 года им была арестована Маруся — Мария Михайловна Косова, эсерка и антоновская разведчица, происходившая родом из деревни Камбарщина Тамбовского уезда. Однако, на наш взгляд, в истории антоновщины была не одна Маруся, а как минимум три. И основное «бремя славы» принадлежит не Косовой, а другой Марусе, которая возглавляла у Антонова отдельный отряд, занимавшийся реквизициями, а затем и участвовавший в боях.)

Общая численность двух антоновских армий (вместе со вспомогательными подразделениями) в конце января 1921 года составляла примерно 10 тысяч человек. Но ими силы мятежников в Тамбовской губернии далеко не исчерпывались. Сюда нужно присовокупить и повстанцев, находившихся в распоряжении комитетов Союза трудового крестьянства, которых в середине января насчитывалось до 300. На охваченной восстанием территории комитеты СТК выполняли функции местных органов гражданской власти. Местности, в которых существовали комитеты СТК, назывались «организованными местностями». В своей работе местные комитеты СТК руководствовались инструкцией «Об организации районных, волостных и сельских комитетов и их обязанностях», утвержденной губернским съездом СТК 24 декабря 1920 года. По нашим подсчетам, для полного (согласно инструкции) укомплектования 300 комитетов СТК штатами требовалось не менее полутора тысяч человек.

Глава инструкции, определявшая перечень обязанностей местных комитетов СТК, содержала 12 пунктов. Вот наиболее важные из них:

«<...> 2. Следить за передвижением красных войск. <...>

3. Самовольно отлучившихся из отряда партизан задерживать и направлять в ближайшие отряды; в случае их сопротивления — обезоруживать и сообщать тем отрядам, из которого отлучился партизан.

4. Строго следить за грабежами, убийствами и пожарами. Замеченных при этом лиц задерживать и препровождать в суд как бандитов. <...>

7. Строго преследовать лиц, занимающихся варкой самогона. Уличенных в этом предавать суду.

8. Ставить в известность красноармейцев, приехавших в отпуск, чтобы они не возвращались в свои части. <...>

12. Не пропускать для продажи из восставшего района в другие местности лошадей и хлеб»¹⁴².

Беспорно, что комитеты СТК сыграли большую роль в Антоновском восстании, довольно крепко держа в своих руках власть над «организованными местностями» и тем самым обеспечивая надежный тыл повстанческой армии. Комитеты СТК не только вели среди населения агитацию в пользу Антонова, были «глазами и ушами» его армий, но и имели свои собственные вооруженные отряды. Правда, эти отряды, называвшиеся где «вохрой», где — «милицией», а где — «сельской самообороной», значительно уступали в численном и боевом отношении регулярным (номерным) антоновским полкам, не говоря уже о полках особого назначения, хотя, честно говоря, таким полком, оправдывавшим свое название, был лишь Особый полк (своего рода антоновская гвардия) при Главперштабе. Но вот беда: оба его командира (с момента описываемых событий) впоследствии оказались предателями.

Обзор лагеря повстанцев в момент наивысшего развития восстания (начало 1921 года) нельзя считать более или менее полным, если умолчать о порядках, установленных антоновцами в «организованных местностях», об их отношении к местному населению, к пленным бойцам и командирам Красной армии, к сельсоветчикам и деревенским коммунистам.

Наша историческая литература об антоновщине до последнего времени твердо придерживалась давно сложившегося стереотипа, что на занятой мятежниками территории царил только дикий, совершенно бессмысленный, никем и ничем не ограниченный террор. Однако многолетнее изучение автором этих строк сотен всевозможных архивных документов, проли-

вающих свет на эту сторону Антоновского восстания, позволяет ему высказать здесь и свое мнение. Причем сразу надо оговориться, что это мнение существенно отличается от совсем еще недавно, так сказать, «общепринятого».

Например, автор не нашел в архивных документах подтверждения тому, что «целые села и деревни сжигались и разрушались» повстанцами, как это утверждает в своей книге «Антоновщина: замыслы и действительность» столичный историк И.П. Донков, правда, не называя при этом ни одного населенного пункта, сожженного или разрушенного (?) антоновцами¹⁴³.

Также не подтверждаются архивными материалами повальные и безразборные убийства повстанцами деревенских коммунистов и сельсоветчиков. Напротив, руководители восстания поступали в отношении этих лиц как раз очень разборчиво. Да, «твердокаменных» коммунистов повстанцы уничтожали безжалостно, выбирая вдобавок при этом для своих жертв смерть мучительную и ужасную. А вот неустойчивых, колеблющихся деревенских коммунистов и особенно сельсоветчиков, пользовавшихся авторитетом у крестьян, антоновцы, как правило, не убивали, а, наоборот, всячески зазывали (и принимали) в свои ряды, хотя ответственных должностей почти не доверяли¹⁴⁴. Напомним здесь еще раз, что к февралю 1921 года половина сельских коммунистов Кирсановского уезда оказалась на стороне Антонова.

На наш взгляд, этот поразительный в общем-то факт является весомым доказательством того, что руководители и идеологи восстания проводили свою карательную политику довольно обдуманно и очень разборчиво. В этом отношении весьма красноречив так называемый «Временный устав наказаний, подсудных армейским судам» — своего рода антоновский уголовный кодекс, который состоял из тридцати семи параграфов-статей, содержавших перечень проступков и преступлений, за которые полагались наказания трех видов: выговор, плети (от 8 до 50) и расстрел. Наиболее суров «Временный устав наказаний» был к повстанцам и местным жителям, уличенным в шпионаже, пропаганде коммунизма и укрывательстве коммунистов. Из тридцати семи статей шестнадцать содержали в себе такой вид наказания, как расстрел. Он полагался не только за перечисленные выше «военно-политические преступления», но и за некоторые чисто уголовные — грабеж с убийством, бандитизм и т.п.

Общеизвестно, что бичом антоновской, как, впрочем, и Красной, армии был самогон. Поэтому неудивительно, что два параграфа «Временного устава наказаний» целиком посвящались борьбе с этим злом. Однако любопытно, что если за распитие самогона повстанцами предусматривался лишь выговор («убеждение») или разжалование в рядовые, то за изготовление самогона с целью дальнейшей его продажи повстанцам наказание было значительно суровее — от 15 плетей и до расстрела.

Беспощадно и только расстрелом каралась «выдача бойцов партизанского движения частными лицами красным». И, наконец, 37-й параграф предусматривал полный «рацион» плетей за «грубое обращение с пленными в организованных местностях со стороны жителей и самовольную расправу с ними»¹⁴⁵.

За все время антоновщины, а особенно в начале 1921 года, повстанцы нередко захватывали в плен большие группы (до 700 человек) красноармейцев. Каково же было обращение с ними в плену?

Как можно понять из сохранившихся архивных документов, то и здесь руководители восстания действовали по известному своей безотказностью принципу «разделяй и властвуй».

Всех пленных повстанцы разделяли на три основные категории: комиссары-коммунисты, командиры и рядовые бойцы. С пленными, относящимися к первой категории, разговор у повстанцев был коротким, а смерть этих людей — мучительной и долгой. С командирами Красной армии все происходило наоборот: разговор (допрос) — долгий, смерть — быстрая. Отношение же антоновцев к рядовым красноармейцам, как правило, нельзя назвать жестоким или бесчеловечным, хотя, конечно, случались совершенно дикие расправы и над ними. Но здесь мы говорим лишь о наиболее типичных случаях, имевших место во время наивысшего развития восстания в начале 1921 года. Так вот, обычно в антоновском плену красноармейцы находились не более двух-трех дней. Если вкратце, то «программа» их плена была следующей.

Сначала пленные бойцы попадали на допрос, а затем — на цикл лекций «о внутреннем положении», где опытные антоновские агитаторы-политработники рассказывали им о целях и причинах «всенародного восстания против насильников-коммунистов». После окончания лекций красноармейцам предлагалось добровольно вступать в ряды антоновских армий. Те же

из пленных, кто не захотел стать антоновцем, направлялись в штаб повстанческого полка, где им выдавался так называемый «отпуск». Этот «отпуск» представлял собой маленькую справку, в которой указывалось, что красноармеец такой-то, взятый в плен тогда-то, отпущен из плена такого-то числа, во столько-то часов. Обычно на справке ставился уголовной штамп соответствующего повстанческого полка и имелись подписи командира полка, его заместителя и комиссара («политкома»). С «отпуском» на руках, красноармеец беспрепятственно возвращался в свою часть, где сдавал справку в штаб полка и после небольшого допроса, как правило, вновь получал оружие и становился в строй¹⁴⁶.

Таким обращением с пленными антоновцы серьезно ослабляли боевую устойчивость и политическую надежность красноармейских частей, внося раскол между командирами, комиссарами и коммунистами, с одной стороны, и беспартийной массой рядовых бойцов — с другой.

Особую группу пленных составляли так называемые «интернационалисты» — латыши, мадьяры, китайцы и др., служившие, как правило, в карательных отрядах и принимавшие непосредственное участие в сожжении деревень и расстреле заложников. Один только факт: 22 декабря 1920 года карательный отряд латышских стрелков под командованием Петра Андреевича Альтова сжег в селах Никольское и Коптево Тамбовского уезда 230 домов мятежников и расстрелял 150 крестьян. Вынося таким «интернационалистам» исключительно смертные приговоры, антоновские суды обычно добавляли: «...и за вмешательство во внутренние дела России»¹⁴⁷.

Большое значение руководители восстания придавали и проведению антикоммунистической пропаганды внутри частей Красной армии. Это достигалось засылкой туда своих агитаторов под видом добровольцев из местного населения, а также распространением среди красноармейцев различных листовок и воззваний. Вот типичный, с небольшими и несущественными сокращениями, образец повстанческой пропаганды — «Воззвание к мобилизованному красноармейцам»:

«Братя красноармейцы!

Комиссары-коммунисты послали вас усмирить нас, как они называют, бандитов... Но, дорогие братья, опомнитесь! Голос русского народа, а не голос властителей и комиссаров взывает к вам. Опомнитесь! Никаких бандитов, никаких разбойников

нет, есть едино восставший страдалец русский народ. Голодный, холодный, измученный и разоренный вконец, загнанный комиссарской властью в тупик, — он не вынес гнета палачей-коммунистов, и разъяренный зверь поднялся с русским огромным кулаком на своих угнетателей, но не на вас и, тем более, не на тружеников-землепашцев (это было бы ужасно), а на действительных врагов наших, врагов всего русского народа — кровожадных коммунистов. Пора перестать верить им, обманщикам... Идите к нам, нас не мало, нас много, нас — весь восставший родной вам народ. Идите общими силами строить с нами хорошую жизнь»¹⁴⁸.

И хотя свой основной удар пропаганда повстанцев направляла на подрыв единства личного состава красноармейских частей, не забывали идеологи антоновщины и о местном населении. Так, например, в одном из обращений к населению «организованных местностей» повстанцы, взывая о помощи и разъясняя, что они сражаются исключительно за лучшую долю крестьянина-хлебороба, писали:

«...Поэтому мы, партизаны, слезно просим население оказывать нам всякую помощь, какая может встретиться... Да поможет нам всемогущий Бог одолеть врага и установить власть, которая бы правила нами во благо ныне плачущего и угнетенного русского народа, а не одних коммунистов и пархатых жидов»¹⁴⁹.

Среди архивных документов об Антоновском восстании встречаются, хотя и довольно редко, пропагандистские воззвания к рабочим, которых повстанцы призывали быстрее присоединиться к восставшему крестьянству — «и победа обеспечена». Кстати, в архивах имеются достоверные сведения о серьезных успехах антоновской пропаганды среди текстильщиков Рассказово и железнодорожников узловой станции Ртищево, что в Саратовской губернии¹⁵⁰.

Одним словом, агитация и пропаганда у тамбовских повстанцев была поставлена на довольно широкую ногу. И любопытно, что наиболее плодотворным по части составления всевозможных повстанческих листовок и воззваний был младший брат руководителя восстания — Дмитрий Антонов. Причем Дмитрий Степанович писал не только прозой, но и стихами (правда, весьма посредственными; такие в народе называют «нескладухой»), гордо подписываясь псевдонимом «Молодой Лев».

* * *

В январе 1921 года, когда войска Тамбовской губернии возглавил А.В. Павлов, его противник представлял собой весьма внушительную и грозную — из-за поддержки значительной частью тамбовского крестьянства — силу. По данным борисоглебских чекистов, к 1 января 1921 года в занятой повстанцами части Борисоглебского уезда (27 волостей из 33) 80 процентов населения симпатизировало Антонову¹⁵¹.

Новый командующий свою практическую деятельность начал с того, что поделил охваченную мятежом территорию трех уездов (Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского) на 4 части — так называемые «боевые участки». Во главе боевых участков были поставлены начальники, при которых создавались штабы. Штаб 1-го боевого участка расположился в Кирсанове. Штаб 2-го боеучастка не имел постоянного места квартирования и перемещался, в зависимости от обстановки, по южной половине Тамбовского уезда, от села Новосельцево на западе до Рассказова на востоке. Штаб 3-го боевого участка разместился на станции Жердевка, а штаб 4-го — в городе Борисоглебске¹⁵².

11 января А.В. Павлов доложил главкому Республики С.С. Каменеву, что антоновцы на захваченной ими территории уже создают свои органы гражданской власти и усиленно формируют новые повстанческие полки, а, по данным разведки, дней через десять собираются предпринять крупные военные акции. Примерно к этому же сроку, сообщал Павлов, должно завершиться прибытие выделенных Центром частей Красной армии и их выход на исходные рубежи для нанесения решительного удара по главным силам мятежников¹⁵³.

Однако к намеченному сроку Павлову не удалось полностью сосредоточить свои силы в назначенных пунктах, так как повстанцы резко активизировали операции на железных дорогах, по которым перебрасывались войска. Особую активность мятежники проявили на железнодорожной ветке Грязи—Поворино, по которой из-под Брянска в район Балашова следовали эшелоны 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Именно на эту дивизию возлагал основные свои надежды командующий войсками Тамбовской губернии А.В. Павлов.

Начдив-15 (Александр Григорьевич Голиков) со своим штабом прибыл в Балашов вовремя. А вот полки его дивизии сильно задерживались. Например, 2-й кавалерийский полк дивизии

надолго застрял у станции Жердевка из-за того, что впереди антоновцы постоянно разбирали или разрушали железнодорожные пути. К тому же вскоре выяснилось, что 15-я Сибирская кавалерийская дивизия прибывает полувооруженной и полураздетой: едва сойдя с поезда в Балашове, ее начдив Голиков обратился к Павлову с просьбой выделить дивизии 1831 винтовку и для начала хотя бы 50 тысяч патронов¹⁵⁴.

Весь январь 1921 года на мятежной Тамбовщине шли ожесточенные бои. Причем наступательной стороной чаще были антоновцы. Вот далеко не полная хроника их действий с 5 по 23 января лишь на железнодорожной ветке Грязи—Поворино, а вернее, на том ее стокилометровом участке, что между Борисоглебском и станцией Мордово (ныне ст. Оборона).

5 января. Налет антоновцев на станцию Волконская (ныне Народная). Нападение удалось отбить лишь благодаря сильному артиллерийско-пулеметному огню подоспевшего на помощь защитникам станции бронепоезда № 121¹⁵⁵.

7 января. Семичасовой штурм повстанцами станции Токаревка. Все атаки мятежников отражены гарнизоном станции и местным коммунистическим отрядом под командованием Ивана Ивановича Машкова¹⁵⁶.

10 января. Антоновцами взята станция Рымарево, что в 15 километрах северо-западнее Жердевки. Вышедшая на помощь из Токаревки бронелетучка транспортной ЧК, пройдя всего три километра, попала в подстроенную повстанцами аварию (сошли с пути контрольные платформы) и вернулась обратно¹⁵⁷.

12 января. Под Жердевкой антоновцы устроили крушение еще одной бронелетучки, которая, оставив в поле сошедшие с рельсов контрольную платформу и один броневagon, возвратилась в Жердевку. В этот же день повстанцы четырежды пытались захватить оставленный броневagon, но были отбиты огнем находившейся в нем команды¹⁵⁸.

20 января. Крупные силы повстанцев во главе с самим Антоновым окружили в семи километрах от Жердевки сводный красноармейский отряд в 160 штыков и 60 сабель при трех пулеметах под командованием начальника 3-го боевого участка Кузнецова. На предложение Антонова сдаться без боя Кузнецов ответил отказом, и его отряд, заняв круговую оборону, начал отбиваться, очевидно надеясь на скорую помощь извне.

Дело в том, что этот неравный бой происходил недалеко от линии железной дороги, буквально на виду у застрявших перед

Жердевкой эшелонов 2-го кавполка 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Увидев, что какой-то отряд красных попал в тяжелое положение, бойцы полка сами, без команды, руководствуясь лишь чувством войскового товарищества, стали быстро выводить из вагонов лошадей, и через несколько минут полк построился, чтобы немедленно броситься на выручку погибающему на глазах отряду Кузнецова. Однако командир полка атаку отменил, заявив опешившим бойцам, что не может вести их в бой, не получив на это разрешение штаба дивизии. Пока комполка ездил на станцию Жердевка и оттуда связывался со штабом дивизии в Балашове, узнавал, как ему поступить, отряд Кузнецова на две трети был уже перебит, а одна треть попала в плен. Сам же Кузнецов с небольшой группой всадников пошел на прорыв. Спасти удалось лишь двоим: израненному Кузнецову и одному красноармейцу¹⁵⁹.

Узнав о случившемся под Жердевкой, командующий войсками Тамбовской губернии Павлов имел очень резкий разговор по прямому проводу с начдивом-15 Голиковым, от которого потребовал сурово наказать командира полка, не оказавшего помощь отряду Кузнецова¹⁶⁰. После гибели отряда Кузнецова штаб 3-го боевого участка был заново создан на станции Мордово, куда в конце января прибыла 30-я стрелковая бригада, командир которой (В.П. Сомов) и стал начальником 3-го боевого участка войск Тамбовской губернии¹⁶¹.

23 января. У входной стрелки на станцию Рымарево антоновцы наглухо «посадили на мель» бронепоезд № 121. На борту бронепоезда, кроме его командира Новицкого, находились всего лишь 38 человек, включая двух паровозных машинистов и одного смазчика колес. Все попытки красноармейских частей, поддерживаемых бронепоездом № 1 (со стороны Жердевки) и бронелетучкой № 2 (со стороны Токаревки), деблокировать осажденный бронепоезд Новицкого результатов не принесли, хотя операция по деблокаде находилась под личным контролем главкома С.С. Каменева. А через неделю в своих переговорах по прямому проводу красные военачальники старались уже не упоминать о бронепоезде № 121, считая его экипаж погибшим¹⁶².

Но осажденный бронепоезд жил и сражался. В приказе № 236 Реввоенсовета Республики от 23 августа 1921 года о награждении бронепоезда № 121 Почетным революционным Красным знаменем говорится: «Бронепоезд № 121 — с 23 янва-

ря по 4 февраля 1921 года, будучи отрезан с обеих сторон вследствие порчи железнодорожного пути, на предложение окруживших его антоновцев капитулировать ответил сильнейшим огнем по противнику. В последующий период боя героико-красноармейцы, несмотря на сильный обстрел со стороны противника, исправили железнодорожное полотно, причем их работа обеспечивалась огнем бронепоезда, в котором принял личное живое участие и комсостав последнего. После исправления пути бронепоезд прибыл в неповрежденном виде на ст. Борисоглебск»¹⁶³.

Бронепоезд № 121 стал шестым (и последним) в истории Гражданской войны бронепоездом, удостоенным столь высокой награды. Но еще до появления процитированного выше приказа Реввоенсовета Республики, 27 мая 1921 года командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский (сменивший к этому времени А.В. Павлова) подписал приказ о награждении орденами Красного Знамени всех тридцати девяти членов команды героического бронепоезда № 121¹⁶⁴.

Но вернемся вновь к событиям, происходившим на мятежной Тамбовщине 23 января 1921 года. В этот день повстанцы продемонстрировали сразу в нескольких местах такую силу, какую ни до этого, ни после не показывали.

Утром 23 января они захватили большое село Уварово — один из последних сельских островков советской власти в Борисоглебском уезде¹⁶⁵.

В середине дня у сел Сампур и Верхоценье Тамбовского уезда произошел многочасовой упорный бой пяти антоновских полков с кавгруппой Дмитриенко (1-й и 2-й кавалерийские полки под командованием Переведенцева и Курникова), пехотной красноармейской частью и бронепоездом № 122. Об особой ожесточенности этого боя красноречиво свидетельствует такой факт: 1-й кавполк Переведенцева, позже других вступивший в бой, за два часа потерял убитыми и ранеными до пятидесяти процентов людей и лошадей и на три дня совершенно вышел из строя, чем вызвал резкое недовольство самого главкома С.С. Каменева¹⁶⁶. Отметим, что, по состоянию на 12 января 1921 года, кавполк Переведенцева насчитывал 525 строевых сабель¹⁶⁷.

Вечером 23 января 250 конных повстанцев в первый (и последний) раз за всю историю антоновщины сделали попытку налета на Борисоглебск. Но заранее предупрежденный разведкой городской гарнизон без особого труда отбил налет¹⁶⁸.

И, наконец, поздно вечером 23 января около тысячи повстанцев штурмом взяли неприступную до сих пор станцию Токаревка¹⁶⁹.

Одним словом, Антонов опередил командующего войсками губернии с нанесением удара. В результате военных акций, предпринятых тамбовскими повстанцами 23 января, надолго замерло движение поездов на двух железнодорожных ветках: Грязи—Поворино и Тамбов—Балашов.

В последних числах января, закончив, наконец, сосредоточение своих войск, Павлов начал широкомасштабную операцию по прочесыванию всей охваченной мятежом территории с целью обнаружения и уничтожения главных сил Антонова. Кроме ранее имевшихся частей, в операции участвовали: 15-я Сибирская кавалерийская дивизия (с востока), 14-я отдельная кавбригада (с юга), 30-я бригада 10-й стрелковой дивизии (с запада) и бригада 26-й стрелковой дивизии (с севера). Однако мощный удар советских войск пришелся в основном в пустоту. Это объяснялось как неслаженностью в действиях красноармейских частей, так и тем, что антоновцы при наступлении противника рассеивались на время, а затем вновь собирались в заранее условленных местах и наносили внезапные и потому весьма болезненные удары по тыловым подразделениям красных.

7 февраля командующий войсками губернии Павлов начал новую операцию прочесывания, которая также не принесла ожидаемых результатов.

А тем временем восстание на Тамбовщине разгоралось все сильнее и «антонов огонь» постепенно перекидывался в пограничные уезды соседних губерний — Пензенской, Саратовской и особенно Воронежской. В начале февраля накал вооруженного противоборства на Тамбовщине достиг своего апогея.

Несмотря на привлечение значительных сил регулярной Красной армии, сломить сопротивление плохо вооруженных тамбовских повстанцев никак не удавалось. Красноармейские части, еще совсем недавно исключительно храбро сражавшиеся против Врангеля или белополяков, едва прибыв на Тамбовщину, быстро теряли свой боевой дух и действовали крайне вяло и нерешительно. В частях процветало дезертирство. Только за два месяца — январь и февраль 1921 года — из войск Тамбовской губернии дезертировали 8362 человека¹⁷⁰.

11 февраля в своем докладе главкому РСФСР С.С. Камневу командующий войсками Тамбовской губернии А.В. Пав-

лов назвал главную, по его мнению, причину того, что антоновщина до сих пор не поддается ликвидации. «В Тамбовской губернии не бандитизм, — писал в докладе Павлов, — а крестьянское восстание, захватившее широкие слои крестьянства»¹⁷¹.

* * *

Все большему числу ответственных работников в Тамбове и Москве становилось ясным, что одними военными мерами антоновщину не ликвидировать.

Еще 12 января 1921 года пленум ЦК РКП(б), в работе которого участвовал и В.И. Ленин, обсудил вопрос о настроениях крестьянства и создал две специальные комиссии. Одной из них было поручено «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма», а другой — в течение двух недель «обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян»¹⁷².

27 января приступила к работе и Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом. В ее состав вошли представители ЦК РКП(б), Совета Труда и Оборона, Реввоенсовета Республики, ВЧК, Наркомага путей сообщения и Главного командования Красной армии. Первоначально эту комиссию возглавлял Ф.Э. Дзержинский, а с 20 февраля — заместитель председателя Реввоенсовета Республики Эфраим Маркович Склянский¹⁷³.

С 25 по 28 января в Тамбове проходила очередная X губернская партийная конференция, на которой с докладом о военном положении губернии выступил А.В. Павлов. Копия его доклада была немедленно направлена В.И. Ленину, все пристальнее следившему за ходом борьбы с антоновщиной. Во время партконференции в Тамбове находились такие видные деятели РКП(б), как Николай Иванович Бухарин, Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) и Анатолий Васильевич Луначарский. Все они, каждый по-своему, информировали Ленина о положении в Тамбовской губернии¹⁷⁴.

29 января Ленин дал письменное приказание Склянскому еженедельно докладывать ему о ходе ликвидации восстания на Тамбовщине¹⁷⁵.

2 февраля Ленину был направлен доклад командования внутренних войск об их участии в подавлении Антоновского мятежа. В этот же день на заседании Политбюро ЦК РКП(б), в присутствии В.И. Ленина, был заслушан доклад только что вер-

нувшегося из Тамбова Н.И. Бухарина. 4 февраля секретарь ЦК РКП(б) Николай Николаевич Крестинский сообщил телеграммой Тамбовскому губкому партии, что, обсудив доклад Бухарина о положении дел в Тамбовской губернии, ЦК постановил командировать туда двести опытных партийных работников во главе с В.А. Антоновым-Овсеенко¹⁷⁶.

В начале февраля В.И. Ленин чрезвычайно обеспокоился усилением политического бандитизма и крестьянских восстаний в стране. При этом особое, первостепенное значение он придавал необходимости скорейшего разгрома антоновщины и ликвидации отрядов знаменитого Нестора Ивановича Махно, которые, двигаясь из глубины Украины, в самом конце января появились в юго-западной части Воронежской губернии. Главное командование Красной армии всерьез предполагало, что выдыхающийся из сил Махно идет на соединение с Антоновым или, по крайней мере, с Колесниковым¹⁷⁷, который с полутысячным отрядом всадников вновь объявился на юге Воронежской губернии и 2 февраля едва не взял налетом уездный город Богучар¹⁷⁸.

В записке, адресованной заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Складскому, В.И. Ленин писал: «Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы *добили и поймали* Антонова и Махно»¹⁷⁹.

Главком С.С. Каменев и командующий войсками Украины и Крыма Михаил Васильевич Фрунзе прилагали, казалось бы, максимум усилий, чтобы в ближайшие же дни покончить хотя бы с более слабым противником — Махно. На «хвосте» у отряда Махно буквально повис красноармейский сводный корпус под командованием Владимира Степановича Нестеровича (1800 штыков и 1100 сабель при 70 пулеметах и 12 орудиях)¹⁸⁰, а движение махновцев на северо-восток отчаянно стопорили до десяти советских бронепоездов под общим командованием Харина¹⁸¹.

Однако, дойдя почти до Алексеевки (ныне райцентр Белгородской области), Махно резко повернул на юг, в сторону Луганска. Несколько раз красноармейские части плотным кольцом окружали махновский отряд, а отдельные бронепоезда выпускали по нему до тысячи снарядов в день. Но Махно всякий раз удавалось избежать неминуемого вроде бы разгрома и вырываться из очередного кольца. Мало того, 5 февраля, в двадцати километрах севернее Луганска, махновцам удалось даже разгромить кавалерийскую бригаду красных¹⁸².

Очевидно, обо всех этих неудачах стало известно Ленину, который 6 февраля писал Склянскому:

«Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горсток бандитов.

<...> И хлеб и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома изо всех сил»¹⁸³.

8 февраля, во время заседания Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждались вопросы о предстоящей посевной кампании, положении крестьянства, о бандитизме и другие, Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», суть которого заключалась в следующем:

«1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене продразверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой»¹⁸⁴.

Этот ленинский «черновой набросок» явился первым документом, определявшим новую экономическую основу отношений между рабочим классом и крестьянством и намечавшим конкретный путь перехода от политики «военного коммунизма» к так называемой «новой экономической политике», или НЭПу. Именно этот документ был позднее заложен в основу проекта решения о замене продразверстки натуральным налогом, принятого X съездом партии коммунистов 15 марта 1921 года.

Однако здесь следует сказать и о том, что об отмене продразверстки думали не только в Москве. Этот вопрос яростно обсуждался в Тамбове еще в конце января, в присутствии Н.И. Бухарина. А 2 февраля вернувшийся в Москву Бухарин сделал на заседании Политбюро доклад о положении в Тамбовской губернии. Позднее (в июле) Ленин назовет доклад Бухарина «паникерством», ну а пока, очевидно, он так не думал. Ибо уже 5 февраля, выполняя директиву Политбюро ЦК РКП(б), нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа отдал распоряжение о прекращении взимания продразверстки в Тамбовской губернии¹⁸⁵.

9 февраля тамбовские губком партии и губисполком в специальном обращении к крестьянам губернии писали, что они «с великой радостью приняли это распоряжение Народного Комиссариата по продовольствию, и сейчас по всей губернии сде-

ланы распоряжения уездным продкомиссариатам немедленно по получении сообщения прекратить собирание хлебной разверстки и снять все продотряды»¹⁸⁶.

Как же могло случиться, что тамбовские власти вдруг «с великой радостью» встретили отмену продразверстки? Ведь, как известно, раньше они и слышать не хотели не только об отмене продразверстки, но даже и об уменьшении ее объема.

Дело здесь в том, что в конце января 1921 года во главе Тамбовского губкома РКП(б) встал Николай Михайлович Немцов, который и явился главным «зачинщиком» отмены продразверстки в губернии. Губисполком же, пока его возглавлял А.Г. Шлихтер, был резко против «капитулянтской линии» губкома и его нового секретаря Н.М. Немцова, считавшего, что для того, «чтобы искоренить бандитизм в корне — надо снять со всей губернии продразверстку»¹⁸⁷. По этому поводу между руководствами губкома партии и губисполкома произошло великое столкновение, закончившееся в итоге победой губкома (А.Г. Шлихтера вскоре переизбрали, и новым председателем губисполкома стал Андрей Сергеевич Лавров — сторонник Н.М. Немцова). Конфронтация тамбовских руководителей, усугублявшаяся к тому же острой личной неприязнью, всерьез озадачила командующего войсками губернии А.В. Павлова, который 10 февраля вынужден был даже обратиться за советом к главкому С.С. Каменеву:

«В Тамбове такая склока идет между партией и губисполкомом, что скоро мне придется применять к ним какие-нибудь исключительные меры. Товарищ Шлихтер был у меня и умолял спасти положение вещей, спасти партию. Подавление восстания возможно при дружной работе партии, а этого здесь нет. Такое мнение имеют и Луначарский, и Каменев, с которыми я говорил. Поэтому... прошу Вашего совета: не нужно ли наложить на них твердую военную руку путем создания реввоенсовета, при условии, чтобы членами такового были назначены тот же Шлихтер и Мещеряков, которых Вы знаете и с которыми я бы мог продуктивно, без трений работать. Повторяю, положение очень серьезно»¹⁸⁸.

Главком пообещал Павлову переговорить на эту тему со Склянским. Склянский же все рассказал Ленину, а тот дал указание внести, не мешкая, вопрос о распре тамбовских руководителей в Оргбюро или Политбюро ЦК РКП(б) и договориться с секретарем ЦК Н.Н. Крестинским «о немедленных мерах устранения склоки»¹⁸⁹.

В пожарном порядке вызванный в Москву секретарь Тамбовского губкома партии Н. М. Немцов 14 февраля имел двадцатиминутную беседу с В.И. Лениным. А через день вопрос о Немцове рассматривался уже на заседании Политбюро ЦК РКП(б)¹⁹⁰. Результатом этого рассмотрения было то, что спустя несколько дней Тамбовский губком партии возглавил новый секретарь — Борис Афанасьевич Васильев (настоящая фамилия Гольберг).

Вечером 14 февраля на встречу с В.И. Лениным в Кремль пришли (вместе с Н.М. Немцовым, заведующим земельным отделом Тамбовского губисполкома М.Ф. Беляковым и бывшим командующим войсками Тамбовской губернии К.В. Редзько) пять тамбовских крестьян — пленных антоновцев: В.П. Бочаров, И.А. Кобзев, И.Г. Милосердов, Ф.Я. Панфилов и М.Е. Соломатин. Об организации такой встречи Ленин просил еще в декабре 1920 года, когда беседовал с делегацией Тамбовской губернии на VIII Всероссийском съезде Советов. Бывшие мятежники — два бедняка, два середняка и один кулак, поговорив полчаса с Лениным, переменялись настолько, что, как писал позднее секретарь Тамбовского губкома партии Б.А. Васильев, приехали обратно «ярыми защитниками Советской власти»¹⁹¹.

27 февраля в первом номере крестьянской газеты «Тамбовский пахарь» был опубликован рассказ вернувшихся из Москвы крестьян. Этот простодушный рассказ, называвшийся «Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии», вскоре был переиздан большим тиражом в виде отдельной листовки и, разумеется, сыграл свою роль в борьбе с мятежом.

Однако решающую роль в деле ликвидации антоновщины сыграла, бесспорно, отмена продразверстки. Тем самым из мятежа был вынут главный, экономический стержень, после чего противоречия основной массы тамбовского крестьянства с советской властью оказались сведены до минимума.

С отменой продразверстки на Тамбовщине, а особенно когда через сорок дней она была отменена по всей стране (тамбовские повстанцы серьезно и не без оснований подозревали, что как только они прекратят борьбу, то ненавистная им система продразверстки в губернии будет немедленно восстановлена), Антоновский мятеж заметно пошел на спад. Подавляющему большинству тамбовских повстанцев воевать, по существу, было уже не за что. И это обстоятельство, конечно, не могло не сказаться самым отрицательным образом на активности и боеспо-

собности повстанческих армий. С нескрываемой горечью начальник штаба «1-й партизанской армии Тамбовского края» Иван Архипович Губарев писал в приказе по армии 20 февраля 1921 года:

«После великих усилий в течение всего периода борьбы с насильниками народными... замечается, что среди партизанских отрядов начинает слабеть боевой дух, усиливается шкурничество и постыдная трусость. Нет в рядах партизан того храброго духа, который в первые времена окрылял партизанские сердца и вел их вперед и уничтожал на пути все препятствия. Нет тех храбрецов-революционеров, которые в августе и сентябре вышли первыми борцами на открытую, честную борьбу, не знали отступлений, наводили ужас на коммунистические банды и одерживали победу за победой. Эти люди почему-то ушли из полков партизанской армии и в большинстве находятся в разных тыловых учреждениях. Оставшиеся храбрецы затерялись между массой шкурников...»¹⁹²

Теперь, после отмены продрозверстки, когда антоновщине был нанесен сокрушительной силы экономический удар, для достижения полной победы коммунистам предстояло нанести еще два удара: идеологический и военный. А для координации всей борьбы с антоновщиной советское правительство решило создать так называемую «Полномочную комиссию ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии». Председателем этой комиссии, по предложению Ленина, был назначен видный государственный, партийный и военный деятель Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (настоящая фамилия — Овсеенко).

16 февраля, наделенный в Москве чрезвычайными полномочиями, Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, где сразу же развил исключительно активную деятельность. В первую очередь он твердой рукой навел порядок в рядах губернской парторганизации, созвав для этого XI внеочередную чрезвычайную губернскую партийную конференцию, которая и состоялась 2—3 марта.

К этому времени Антонов-Овсеенко уже сформировал Полномочную комиссию ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии из пяти человек. Это были: ее председатель В.А. Антонов-Овсеенко, секретарь губкома партии Б.А. Васильев, председатель губисполкома А.С. Лавров, командующий войсками губернии А.В. Павлов и начальник политотдела войск Тамбовской губернии А.И. Жабин. Полномочная комиссия

ВЦИК сосредоточила в своих руках фактически всю полноту власти на мятежной Тамбовщине¹⁹³.

Во второй половине февраля произошла смена руководства и в Тамбовской губчека. Ее новым председателем стал присланный из Москвы Михаил Давыдович Антонов (настоящая фамилия — Герман). Картина, которую он застал в губчека, была безотрадней. Поэтому 28 февраля М.Д. Антонов, В.А. Антонов-Овсеенко, Б.А. Васильев и А.В. Павлов телеграфировали в Москву секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому:

«Сообщаем: губчека сейчас совершенно недееспособна и ненадежна. Мобилизация местных сил не поможет. Просим немедленно командировать... в распоряжение предгубчека полный состав губчека, подобранный из испытанных работников»¹⁹⁴.

ВЧК оказала Тамбову большую помощь чекистскими кадрами. В частности, начальником Особого отдела штаба войск Тамбовской губернии был прислан опытный чекист Г.Н. Чибисов, а уполномоченным ВЧК по Тамбовской губернии — Я.Б. Левин. В результате предпринятых мер Тамбовская губчека заметно активизировалась и вскоре провела (совместно с ВЧК и воронежскими чекистами) ряд успешных операций.

Под руководством Полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии была проведена довольно эффективная по воздействию и просто гигантская по размерам политико-агитационная работа среди красноармейцев, местного населения и самих повстанцев. Но все же, несмотря на крупномасштабность идеологических мероприятий в мятежных уездах, ни о каком прочном или даже сколько-нибудь продолжительном восстановлении низовых органов советской власти здесь не могло быть и речи, пока существовали повстанческие полки и армии. А они весной 1921 года представляли собой еще весьма серьезную силу и пользовались вполне ощутимой поддержкой местного населения.

Поэтому главная тяжесть в нелегком деле ликвидации антоновщины по-прежнему возлагалась на красноармейские части. Они должны были разгромить все более или менее крупные отряды вооруженных мятежников, чтобы затем милиция и чекисты, совместно с сельскими ревкоммами, могли произвести окончательное очищение тамбовских деревень от последних групп повстанцев, бандитов и дезертиров. Однако на поверку оказалось, что разгром повстанческих полков — дело крайне трудное и, главное, затяжное.

* * *

В феврале 1921 года антоновцы значительно расширили зону своих действий, совершая рейды в сопредельные с мятежными уездами Тамбовщины (Борисоглебский, Кирсановский и Тамбовский) части других губерний: Чембарский (Чембар — ныне г. Белинский) уезд Пензенской, Сердобский и Балашовский уезды Саратовской, Новохоперский и Бобровский уезды Воронежской. А из немятежных уездов самой Тамбовской губернии антоновцы появлялись в Усманском, Козловском (Козлов — ныне г. Мичуринск) и Моршанском уездах.

В прямой связи с усилением антоновской экспансии произошло и расширение сети боевых участков советских войск. Так, если до 9 февраля существовало всего четыре боеучастка, то к началу марта их было уже семь, а к апрелю — восемь. Штабы вновь созданных боевых участков расположились на станции Мучкап в Борисоглебском уезде (5-й боеучасток), в городе Моршанске (6-й), на станции Ртищево Саратовской губернии (7-й) и в Пензе (8-й). Красноармейские части 7-го и 8-го боевых участков, хотя и действовали на территории других губерний, тем не менее входили в состав войск Тамбовской губернии¹⁹⁵.

К 1 марта 1921 года войска Тамбовской губернии насчитывали 32,5 тысячи штыков и 7948 сабель при 463 пулеметах и 63 орудиях. Из боевых технических единиц против мятежников действовали 8 самолетов, 4 бронепоезда, 7 бронелетучек и 6 броневиков¹⁹⁶.

В нашей исторической литературе численность антоновцев, относящаяся к одному и тому же времени, определяется по-разному. Например, число повстанцев к началу февраля 1921 года составляло, по одним источникам, 16 тысяч¹⁹⁷, по другим — 30 тысяч¹⁹⁸, а по третьим — 50 тысяч человек¹⁹⁹. Наиболее достоверной нам представляется та численность вооруженных повстанцев, какую приводил в своих докладах в ЦК РКП(б) и Реввоенсовет Республики начальник политотдела войск Тамбовской губернии А.И. Жабин. Итак, согласно Жабину, 1 февраля 1921 года повстанцев насчитывалось 16 050 человек при 10 пулеметах и 1 орудии, а 1 марта — 17 600 человек при 25 пулеметах и 5 орудиях.

Эти цифровые данные приводит в своей книге «Антоновщина: замыслы и действительность» московский историк И.П. Донков, объясняющий рост числа мятежников главным образом за счет того, что «к весне на Тамбовщину из Воронежской губер-

нии перебазировались кулацко-бандитские отряды Колесникова». Численность колесниковцев в марте 1921 года И.П. Донков определяет в 3,5 тысячи человек²⁰⁰ (ленинградский историк И.Я. Трифонов — в 5 тысяч²⁰¹, а историк из Московского государственного университета Ю.А. Щетинов — в 3 тысячи человек²⁰²). Как можно понять из той же книги И.П. Донкова, увеличение числа орудий у тамбовских мятежников также произошло за счет колесниковцев.

На самом же деле это случилось иначе. 1 марта части 2-й повстанческой армии под командованием самого Антонова (прежний командарм-2 П.М. Токмаков погиб накануне, то есть 28 февраля, в бою под селом Богословка Кирсановского уезда²⁰³) атаковали у села Отхожее Борисоглебского уезда 4-й кавполк 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Не выдержав мощного натиска антоновцев, кавполк частью сдался в плен, а частью позорно бежал с поля боя, бросив на произвол судьбы прикрывавшую его батарею из четырех орудий, которая и попала в руки повстанцев²⁰⁴.

Что же касается упомянутых выше колесниковцев, численность которых наши виднейшие исследователи истории антоновщины определяют в 3—5 тысяч человек, то применительно к марту 1921 года их было бы правильнее называть не «бандой Колесникова», а «1-й партизанской армией Тамбовского края под командованием И.С. Колесникова».

Кто же такой был Иван Колесников и как могло случиться, что он вдруг стал командармом-1 у Антонова? Отечественная, а равно и зарубежная историческая наука хранят на сей счет упорное молчание, как, впрочем, и вообще о большом антикоммунистическом крестьянском восстании на юге Воронежской губернии в конце 1920 года.

* * *

3 ноября 1920 года в придонской слободе Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии, на почве острого недовольства протраверсткой и диких перегибов при ее сборе, вспыхнуло крестьянское восстание. Находившиеся в слободе два продотряда (всего 60 человек) во главе с продагентом из местных, Михаилом Петровичем Колесниковым, были разоружены, а 18 продотрядников, в том числе и М.П. Колесников, оказавшие сопротивление, убиты. В этот же день восставшие создали вооруженный отряд в 300 человек при двух пулеметах.

Во главе его встал сын местного кулака Григорий Михайлович Колесников — однофамилец убитого продагента.

7 ноября в Старой Калитве состоялись два крестьянских схода. На первом Григорий Колесников уже «официально» объявил о начале восстания, а на втором сходе для руководства восстанием был избран Военный совет из пяти человек, а также «главнокомандующий». Им оказался мобилизованный повстанцами 26-летний уроженец Старой Калитвы Иван Сергеевич Колесников — недавний командир батальона Красной армии, двоюродный брат убитого продагента. В тот же день Иван Колесников объявил мобилизацию мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет, и уже 8 ноября число вооруженных повстанцев перевалило за 600. Так началась колесниковщина²⁰⁵.

К 25 ноября восстание охватило уже значительную часть Воронежской губернии к югу от линии городов Павловск—Калач. Только вооруженных повстанцев здесь, по данным советской военной разведки, насчитывалось до десяти тысяч. Двумя наиболее крупными формированиями у восставших были: дивизия (пятиполкового состава) Ивана Колесникова, насчитывавшая до 5500 штыков и 1250 сабель при 6 орудиях и 7 пулеметах, а также отряд Емельяна Вараввы, численностью до тысячи штыков и сабель.

Предпринимавшиеся еще с 5 ноября попытки небольших частей Красной армии и местных коммунистических отрядов силой подавить мятеж успеха не имели. Более того, начатое 14 ноября относительно крупное наступление красных на Старую Калитву окончилось полным провалом. А вечером 25 ноября колесниковцы сделали налет на уездный город Богучар и до утра «хозяйничали» в нем²⁰⁶. Эта дерзкая акция Колесникова заставила, наконец, воронежские власти серьезней отнестись к мятежу на юге губернии и обратиться за помощью к военному ведомству.

29 ноября советские войска начали новое наступление на повстанцев. Однако первые три дня боев не принесли заметного результата, и положение стало меняться в пользу красных лишь после прибытия в район боевых действий кавалерийской бригады 14-й стрелковой дивизии имени А.К. Степина, которая 1 декабря закончила выгрузку из эшелонов на станции Митрофановка²⁰⁷. Кстати, одним из эскадронов этой бригады командовал 24-летний Г.К. Жуков — будущий маршал и четырежды Герой Советского Союза.

2 декабря советские части (всего 3971 штык и 1257 сабель при 37 пулеметах и 8 орудиях) под общим командованием бывшего капитана Ивана Николаевича Полковникова перешли в решительное наступление на повстанческую дивизию Колесникова²⁰⁸. Через три дня ожесточенных боев от нее остались лишь жалкие осколки. А окончательно крестьянское восстание на юге Воронежской губернии было ликвидировано в середине декабря 1920 года.

Однако сам Иван Колесников остался жив. Собрав вокруг себя не более 150 человек, он без лишнего шума покинул родные места и ушел на Украину, в Харьковскую губернию. Достаточно укрепившись и освоившись на украинской земле, Колесников начинает, что называется, показывать зубы, оказавшиеся на поверку довольно острыми и крепкими. Активные действия его отряда вызвали серьезное беспокойство у командующего войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе²⁰⁹. Однако неоднократные попытки одним ударом покончить с Колесниковым всякий раз оканчивались безрезультатно. Ловко избегая прямых столкновений с сильными красноармейскими частями, Колесников — чуть что — уходит «за границу», в Россию, на территорию Донской области.

В начале февраля отряд Колесникова в 500 сабель вновь объявился на юге Воронежской губернии и 5 февраля занял свою бывшую «столицу» — Старую Калитву²¹⁰. Ряды повстанцев стали быстро пополняться.

В связи с обострением положения потребовалось спешно перебросить в Воронежскую губернию части регулярной Красной армии, численность которых к 15 февраля достигла почти 24 тысяч бойцов²¹¹. А в дополнение к этим мерам главком С.С. Каменев 7 февраля отдал приказ о срочном формировании специального кавалерийского соединения из трех полков во главе с бывшим комбригом внутренних войск, краснознаменцем Иваном Николаевичем Михайловым-Березовским. Этому соединению (свыше 1100 сабель²¹²), получившему первоначальное наименование «Воронежский конный летучий отряд Березовского», была поставлена задача «быстро войти в соприкосновение с бандой Колесникова, разбить ее и вести преследование... до полного уничтожения, не считаясь с расстоянием и границами»²¹³.

Но долго в родных краях Колесников не задержался. 8 февраля его отдохнувший отряд снялся с места и довольно круж-

ным путем отправился на мятежную Тамбовщину. В первый же день своего рейда колесниковцы налетом взяли Россошь. Отсюда их зигзагообразный след потянулся на станции Евдаково (захвачена 11 февраля), а затем в уездные города Калач (17 и 18 февраля) и Новохоперск (20 февраля). Как видим, колесниковцы, в отличие от тех же антоновцев, не испытывали особого страха перед городами, хотя и никогда не захватывали их полностью, а только ту часть, где находились различные склады и ссыпные хлебопункты²¹⁴.

Покрутившись три дня на границе Новохоперского и Борисоглебского уездов в поисках безопасного перехода через железную дорогу на участке Борисоглебск—Жердевка, где его специально подстерегали бронепоезд и бронелетучка красных, Колесников 24 февраля проскользнул-таки безнаказанно между ними в лесу у станции Терновка, но тут же был достигнут 2-м кавполком 14-й отдельной кавалерийской бригады (кстати, особо отличившимся при разгроме повстанческой дивизии Колесникова на юге Воронежской губернии в декабре 1920 года).

Встреча со «старыми знакомыми», очевидно, не входила в планы Колесникова, и поэтому ему пришлось резко отвернуть на восток и даже пожертвовать своим арьергардом.

Оставив на снегу под Терновкой до тридцати человек зарубленными, воронежские повстанцы в наступившей темноте оторвались от преследования и к ночи остановились перевести дух в селе Кабань-Никольское Борисоглебского уезда (ныне с. Шпикулово Жердевского района Тамбовской области)²¹⁵. Здесь и произошла встреча колесниковцев с 10-м Волчье-Карачанским полком 1-й антоновской армии. С командиром этого полка Иваном Макаровичем Кузнецовым, которого советская военная разведка характеризовала как наиболее способного и воинственного среди прочих командиров антоновских полков, Колесников очень быстро нашел общий язык. Уже через день новоявленные союзники пошли на первое общее «дело». 27 февраля начальник штаба 1-й партизанской армии Тамбовского края Иван Архипович Губарев писал в своем рапорте на имя Антонова:

«Цель прибытия Колесникова в наш район — связаться с армиями Тамбовского края и решить несколько общих боевых задач. ...Колесниковым, совместно с командиром 3-й бригады [И.М. Кузнецовым], 26 сего февраля был произведен набег на ст. Терновка Юго-Вост. ж. д., где завязался упорный бой с про-

тивником, продолжавшийся с 9 часов утра до 2 часов дня; противник упорствовал, но доблестными партизанами был смят и совершенно уничтожен. Удалось только под прикрытием артиллерии уйти 15–20 человекам с одним пулеметом. Взято в плен 100 человек, один пулемет “максим”, три воза винтовок и масса патронов, убито у противника 150–200 человек. Наши потери ничтожны»²¹⁶.

Налет Колесникова и Кузнецова на станцию Терновка действительно был для них удачен. Станцию оборонял батальон 90-го стрелкового полка, и когда ему на помощь подошел 2-й кавалерийский полк 14-й отдельной кавбригады, то командир батальона уже погиб, а большинство красноармейцев были захвачены в плен. Бросившийся в погоню кавполк сумел отбить обратно лишь 75 пленных²¹⁷.

28 февраля состоялось отчетно-выборное («пленарное») собрание командного состава 1-й антоновской армии. Неожиданно для многих новым командармом был избран «варяг» И.С. Колесников. Его заместителем стал И.М. Кузнецов. Начальником штаба 1-й армии собрание утвердило А.В. Богуславского, а заместителем к нему — бывшего начштаба И.А. Губарева²¹⁸.

Избрание Колесникова командармом можно отчасти объяснить давним соперничеством между двумя наиболее вероятными кандидатами на эту должность — комбригами Богуславским и Кузнецовым, а отчасти и личными качествами самого Колесникова.

Родившийся в 1894 году в Старой Калитве в многодетной (4 сына и 4 дочери), но зажиточной крестьянской семье Иван Колесников в годы Первой мировой войны прошел нелегкий путь от рядового солдата до младшего унтер-офицера и командира взвода; воевал на Кавказе, на турецком фронте. Об участии Колесникова в Гражданской войне достоверно удалось установить следующее. В мае 1919 года он служил рядовым красноармейцем конной разведки 107-го (с августа 1919 года — 357-го) стрелкового полка 40-й Богучарской стрелковой дивизии. В конце мая 1919 года Колесникова назначают командиром взвода, затем — комендантом штаба полка, а в начале января 1920 года — временно исполняющим должность командира 3-го батальона 357-го стрелкового полка. Воевал и характеризовался по службе весьма неплохо. Только во второй половине 1919 года Колесников был ранен не менее двух раз. Вероятно,

после очередного ранения 18 июня 1920 года Колесников вступил в должность казначея своего полка и через неделю убыл в командировку в отдел снабжения дивизии. На этом след Колесникова в архивных документах обрывается²¹⁹. По некоторым недокументальным данным, казначей 357-го полка И.С. Колесников совершил крупную растрату денег и дезертировал, а когда добрался домой, в Старую Калитву, там уже началось восстание, военным руководителем которого он вскоре стал.

Но как бы там ни было, Иван Колесников, бесспорно, обладал незаурядными командирскими качествами, богатым военным опытом и исключительной личной храбростью. Под его началом 1-я антоновская армия резко активизировала свои действия и уже не избегала встреч даже с крупными и сильными красноармейскими частями.

Так, 5 марта, недалеко от станции Жердевка, Колесников провел тщательно продуманную и подготовленную операцию против 14-й отдельной кавбригады красных. 2-й кавполк этой бригады был просто-напросто загнан повстанцами в реку Савалу, откуда потом еле выбрался²²⁰. А находившемуся километрах в десяти от него 1-му кавполку бригады пришлось еще труднее, так как свои основные силы Колесников бросил именно против этого полка. Произошел шестичасовой ожесточенный бой, в результате которого 1-й кавполк отступил почти на 10 километров. Ход этого боя довольно подробно воспроизведен много лет спустя (с неизбежными в таких случаях неточностями) одним из его активных участников — командиром 2-го эскадрона 1-го кавполка Георгием Константиновичем Жуковым в его мемуарах «Воспоминания и размышления»²²¹. А рассказывая об этом же бое известному советскому писателю Константину Симонову, Г.К. Жуков по-солдатски прямо сказал, что в тот день «антоновцы крепко всыпали нам»²²².

В бою 5 марта 1921 года 1-й кавполк потерял убитыми и ранеными 63 человека²²³. 25 из них были бойцами эскадрона Жукова, который в начале боя находился в авангарде полка, а при отступлении — в арьергарде. Под самим Жуковым в этом бою дважды убивали коня, и не раз его жизнь была на волосок от смерти. За умелое руководство эскадронам и личную отвагу, проявленные в этом тяжелейшем бою под Жердевкой, Г.К. Жуков в 1922 году был награжден орденом Красного Знамени²²⁴. Это был самый первый орден в жизни величайшего полководца XX века.

7 марта отряд самого Колесникова (получивший в антоновской армии наименование 1-го Богучарского полка), численностью в 500 сабель при четырех пулеметах, напал у села Семеновка Борисоглебского уезда на две красноармейские роты (всего 268 человек). Отстреливаясь, красные стали отступать а сторону села Уварово, где имелся сильный гарнизон. Но Колесников сумел отрезать ротам путь отхода и потребовал сдаться. Большинство красноармейцев сразу стали бросать винтовки на землю. Только человек тридцать решили не сдаваться и попытались с боем вырваться из кольца. До Уварова удалось добраться лишь одному командиру роты и одному красноармейцу²²⁵.

8 марта в Семеновку, где расположился штаб 1-й повстанческой армии, приехали представители антоновского Главперштаба, являвшегося теперь фактически штабом 2-й повстанческой армии. Приезжие передали Колесникову, что Антонов требует от него, как от командующего 1-й партизанской армией Тамбовского края полного и беспрекословного подчинения, а также просит поделиться частью захваченного у красных оружия. Но Колесников неожиданно заявил представителям Антонова, что он решительно отказывается безоговорочно подчиняться Александру Степановичу, а также делиться взятыми в бою трофеями, в том числе и оружием²²⁶.

Дерзкий ответ Колесникова вызвал недовольство у некоторой части повстанцев 1-й армии. На бурном митинге, состоявшемся по этому поводу 9 марта в лесу между селами Петровское и Моисеево Борисоглебского уезда, произошел даже небольшой раскол 1-й армии. Однако основная ее часть пошла за Колесниковым, в защиту позиции которого выступил авторитетный в среде тамбовских повстанцев Иван Кузнецов.

Случившийся раскол не повлиял сколько-нибудь существенно на боеспособность и даже на численность 1-й партизанской армии Тамбовского края. А Колесников по-прежнему был очень активен, если не сказать — агрессивен.

20 марта 1-я повстанческая армия под его командованием нанесла на территории сопредельного с Тамбовщиной Бобровского уезда Воронежской губернии чувствительное поражение кавалерийскому соединению И.Н. Березовского, созданному, как известно, специально для ликвидации отряда самого Колесникова. В результате этого боя у села Шучье (ныне Эргильского района Воронежской области) в руки антоновцев попали 2 трехдвоймовых орудия и 7 пулеметов. А кроме того, повстан-

цы целиком вырубил батальон коммунистов, осуществлявший охрану артиллерии отряда Березовского²²⁷.

23 марта явно не оправдавший возлагавшихся на него надежд Михайлов-Березовский сдал командование своим потрепанном соединением бывшему комбригу 1-й конной армии Семенову²²⁸.

Но, как оказалось, это был последний успех антоновского командарма И.С. Колесникова. 22 марта у села Талицкий Чамлык, что на стыке современных Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей, произошел упорный встречный бой семи полков 1-й повстанческой армии с 14-й отдельной кавалерийской бригадой красных под командованием бывшего поручика Александра Александровича Милонова и батальоном 89-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии. Потери повстанцев в этом крайне неудачном для них бою составили около трехсот человек убитыми и ранеными, а также 2 орудия и 6 пулеметов²²⁹.

В этот же день в сорока километрах северо-восточнее Тамбова попала в окружение 2-я повстанческая армия под командованием самого Антонова (свыше 5 тысяч человек при 3 орудиях). Разделившись на три части, антоновцы стали прорываться из кольца. Двум группам это вполне удалось, благодаря хорошему знанию местности, а вот третьей (численностью до 1000 человек) явно не повезло: при прорыве она была наполовину уничтожена. Кроме того, у антоновцев было отбито 6 пулеметов, а также найдены спрятанные ими при отступлении 2 орудия²³⁰.

День 22 марта 1921 года можно без преувеличения назвать днем перелома в ходе вооруженной борьбы на Тамбовщине. Отныне инициатива полностью и окончательно перешла в руки советских войск.

* * *

Сильный удар по антоновским армиям нанесло объявление Полномочной комиссией ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии двухнедельника добровольной явки повстанцев с повинной. 20 марта Полномочная комиссия ВЦИК выпустила обращение «Ко всем участникам бандитских шаек», в котором говорилось:

«1. Советская власть строго карает подстрекателей и вожakov бандитских шаек, но она милостива к трудовым крестьянам, втянутым по неразумению или обманом в это разбойное дело.

2. Рядовые участники бандитских шайк, которые являются добровольно и с оружием в штаб красных войск, получают полное прощение; те из них, кто являются дезертирами, будут отправлены в Красную Армию без всякого наказания, остальные будут отпущены по домам на честное крестьянское слово.

3. Вожаки и подстрекатели, если явятся добровольно и принесут чистосердечное раскаяние, будут преданы гласному суду, но без применения высшей меры наказания; причем суду предложено применять в самых широких размерах условное осуждение, т. е. отпускать на свободу с указанием, что если совершит новый проступок, то будет взыскано вдвое.

4. Разграбленное в советских хозяйствах и кооперативах народное имущество должно быть возвращено.

Срок явки и возврата имущества — до 5 апреля»²³¹.

Ввиду целого ряда трудностей, с которыми пришлось столкнуться при печатании этого обращения массовым тиражом, а также при его распространении в мятежных районах, Полномочная комиссия ВЦИК была вынуждена продлить срок добровольной явки с повинной еще на неделю, то есть до 12 апреля.

За три недели, с 21 марта по 12 апреля 1921 года, явку с повинной принесли около семи тысяч человек. Однако отметим, что в основном это были мобилизованные антоновцами пожилые крестьяне, причем подавляющее большинство из них явились без оружия, ибо никогда и не имели его²³².

12 апреля командующий войсками Тамбовской губернии А.В. Павлов издал приказ № 112, гласивший:

«Советская Рабоче-Крестьянская власть в лице Полномочной комиссии ВЦИК своим приказом о добровольной явке бандитов предоставила возможность всем обманутым крестьянам, попавшим в шайки бандитов, вернуться безнаказанно к мирному честному труду. Советская власть простила им ихние преступления.

Вернувшиеся и раскаявшиеся бандиты прощены и отпущены по домам. Срок добровольной явки истек. Все оставшиеся в рядах банд являются неисправимыми разбойниками — злейшими врагами рабочих и крестьян, а посему приказываю:

1. Всех бандитов, захваченных с оружием в руках, уничтожать.

2. Всех главарей и занимающих командные должности в полках до командиров взводов считать вне закона.

3. Всех задержанных по подозрению... в пособничестве бандитам задерживать и с материалами сопровождать в Особый отдел армии.

4. Для целых отрядов, явившихся добровольно с оружием и приведших своих главарей, отношение должно быть доброжелательное и, после сдачи оружия, все такие добровольно явившиеся бандиты направляются в ближайший трибунал для военного суда, с зачетом их добровольной явки как смягчающего обстоятельства»²³³.

Суровость этого приказа А.В. Павлова можно отчасти объяснить случившимся накануне ЧП — захватом антоновцами большого фабричного села Рассказово. 11 апреля Рассказовский гарнизон (свыше 800 красноармейцев при 1 орудии и 11 пулеметах), не оказав почти никакого сопротивления, сдался в плен частям 2-й антоновской армии, вступившим, как на параде, в село. Лишь через несколько часов специально посланные из Тамбова четыре аэроплана из состава так называемых «Военно-воздушных сил войск Тамбовской губернии» подвергли мятежников основательной бомбардировке и вынудили их спешно оставить Рассказово²³⁴.

Брошенные в погоню за 2-й армией Антонова лучшие кавалерийские части красных в течение двух недель несколько раз настигали ее, отбили одно орудие, но нанести уничтожающий удар так и не смогли. А разделившаяся на части во время бегства 2-я повстанческая армия вечером 24 апреля вновь собралась в одном месте — в селе Кобяки, что в десяти километрах северо-западнее города Кирсанова. По данным советской военной разведки, здесь сосредоточилось до семи тысяч повстанцев²³⁵.

Утром 25 апреля 250 конных повстанцев из 8-го Пахотно-Угловского полка под командованием Василия Федоровича Селянского предприняли разведывательный налет на Кирсанов. Но сразу же, наткнувшись на сильный пулеметно-артиллерийский огонь Кирсановского гарнизона и потеряв 18 человек убитыми, Селянский быстро ретировался²³⁶. В этот же день 2-я повстанческая армия вновь разделилась на полки и стала растекаться по Тамбовскому и Кирсановскому уездам.

Здесь надо сказать, что в апреле 1921 года 2-я антоновская армия, несмотря на отдельные неудачи и даже поражения, была сильна, как никогда. Полную противоположность ей представляла в эти дни 1-я армия, переживавшая период сильнейшего разложения.

31 марта Колесников привел 1-ю армию (не менее трех тысяч человек) из северной части Воронежской губернии на Тамбовщину, в район Каменки. Здесь повстанцы узнали об объявлении Полномочной комиссией ВЦИК двухнедельника добровольной явки с повинной. В полках началось дезертирство. И вот, чтобы спасти армию от окончательного развала, Колесников решил вновь вывести ее на время из пределов Тамбовской губернии.

4 апреля 1-я повстанческая армия (около 2,5 тысячи человек) снялась из района Каменки и взяла направление на юг. Во второй половине дня она без единого выстрела перешла у станции Терновка железнодорожную ветку Грязи—Поворино. Здесь от Колесникова отделился отряд в 500 человек, который двинулся на запад и в ночь на 6 апреля был изрядно потрепан подразделениями 88-го стрелкового полка у сел Кулешовка и Сергиевка Борисоглебского уезда²³⁷.

А основное ядро 1-й армии, продолжая движение на юг, приблизилось к Новохоперску. 5 апреля, в тридцати километрах от города, антоновцы с ходу разбили высланный им навстречу из Новохоперска советский отряд в 90 человек. Из них спаслись только три красноармейца, прискакавшие обратно в Новохоперск и сообщившие о надвигающейся опасности.

В середине дня 6 апреля почти двухтысячная армия Колесникова была уже в трех-четыре километрах от города, гарнизон которого (вместе с мобилизованными в экстренном порядке коммунистами) насчитывал всего около двухсот человек при трех пулеметах²³⁸.

Спасти Новохоперск от захвата колесниковцами удалось буквально в последний момент. Командование 4-го (Борисоглебского) боевого участка еще на рассвете 6 апреля отправило по железной дороге из Борисоглебска в Новохоперск бронелетучку с десантной ротой при пяти пулеметах, а также 250 курсантов 7-х Борисоглебских кавалерийских командных курсов во главе с их начальником, бывшим полковником Генерального штаба старой русской армии Александром Николаевичем Гатовским. Вместе с бронелетучкой, для непосредственного руководства на месте операции по спасению Новохоперска, выехал начальник 4-го боеучастка Петр Николаевич Рябов. Им же был вызван к Новохоперску и бронепоезд № 1 из Воронежа²³⁹.

Первой к месту прибыла бронелетучка. Десантная рота под командованием военкома штаба 4-го боеучастка Николая Ива-

новича Летуновского едва успела занять оборону на ближних подступах к Новохоперску, как тут же появились антоновцы. Встреченные сильным ружейно-пулеметным огнем десантников, мятежники отступили от города и ушли в деревню Алферовку, что в десяти километрах севернее Новохоперска. Здесь у них состоялся стихийный, но бурный митинг, на котором произошел раскол между основной частью антоновцев и колесниковцами. Большинство антоновцев (около 1400 человек) решили возвращаться на Тамбовщину и, предводительствуемые заместителем командарма-1 Иваном Кузнецовым, стали лесами пробираться в родные места. А Иван Колесников со своим отрядом и незначительной частью антоновцев (всего около 450 всадников) попытался перейти железнодорожную ветку Лиски—Поворино у небольшой станции Некрылово, но был отогнан обратно все той же десантной ротой Летуновского и артиллерийским огнем как раз подошедшего бронепоезда № 1²⁴⁰. Преследуемый некоторое время борисоглебскими курсантами, отряд Колесникова зигзагами направился на юг Воронежской губернии, то есть туда, откуда он и пришел на Тамбовщину в феврале.

8 апреля у станции Абрамовка Колесников проскочил без особых потерь через линию железной дороги и в середине месяца благополучно добрался до Старой Калитвы. С неделю отдохнув, колесниковцы вновь приступили к активным действиям. 21 апреля они попытались даже захватить уездный город Богучар, но были отбиты подразделениями 1-го особого и 84-го стрелковых полков Красной армии.

А 24 апреля в селе Стеценково (30 километров западнее Богучара) отряд Колесникова полностью вырубил сводную спецгруппу по борьбе с бандитизмом²⁴¹.

Однако дни Ивана Колесникова были уже сочтены. Вечером 28 апреля в конце ожесточенного пятичасового боя с летучим кавалерийским отрядом красных у слободы Криничной он был убит выстрелом в спину кем-то из своих. Командование осиротевшими повстанцами принял на себя его ближайший сподвижник Варавва. Но Емельяну Варавве как командиру и организатору было далеко до Ивана Колесникова, и к 15 мая еще совсем недавно такой грозный и воинственный отряд колесниковцев, потерпев несколько поражений подряд, совершенно распался, а сам Варавва в конце лета 1921 года добровольно сложил оружие и принес повинную²⁴².

Брошенная Колесниковым 6 апреля под Новохоперском 1-я антоновская армия с этого дня практически перестала существовать как единое и крупное боевое соединение повстанцев. Всю оставшуюся часть апреля ее полки, вернувшиеся на Тамбовщину крайне деморализованными, поодиночке зализывали свои раны и никакой активности не проявляли. По сравнению с январем, к маю 1921 года число полков 1-й армии несколько сократилось.

Первым «исчез» 11-й Павлодарский полк, разгромленный во второй половине февраля отрядом 7-х Борисоглебских кавалерийских курсов. 15 марта на милость советской власти сдался целиком, с оружием и комсоставом, 14-й Архангельский повстанческий полк. Почти полностью разложился 12-й Токайский полк. Правда, в апреле адъютанту штаба 1-й антоновской армии, бывшему прапорщику Федору Петровичу Тюкову, удалось сформировать новый, 20-й особый повстанческий полк²⁴³.

Из других уцелевших, но заметно поредевших и потерявших боевой пыл полков 1-й армии к маю 1921 года более или менее реальную силу представляли 1-й Каменский (командир полка А.В. Богуславский), 5-й Пановский (К.И. Баранов), 6-й Савальский (С.А. Шамов), 7-й Тамбовский (Я.Ф. Вислобовков) и 10-й Волчье-Карачанский (И.М. Кузнецов) повстанческие полки.

2-я антоновская армия к началу мая насчитывала в своем составе 8 полков: 3-й Кирсановский (им в основном командовал сам А.С. Антонов), 4-й Низовской (И.И. Башкарев), 8-й Пахотно-Угловский (В.Ф. Селянский), 9-й Семеновский (П.Е. Аверьянов), 14-й Нару-Тамбовский (И.С. Матюхин), 15-й сводный Казыванский (И.Е. Чернышев), 16-й Золотовский (М.А. Назаров) и Особый (Я.В. Санфиоров). С середины апреля, после того как тяжелое ранение получил командарм-2 Митрофанович, 2-й повстанческой армией командовал сам Александр Антонов²⁴⁴.

Кроме перечисленных выше полков 1-й и 2-й антоновских армий, существовало еще несколько повстанческих полков, как правило, довольно слабых и действовавших самостоятельно, на свой страх и риск. Такими «самостийными» полками были, например, 17-й Текинский полк под командованием И.Ф. Рыжакова, оперировавший в районе села Текино Тамбовского уезда, 18-й Вольнский (командир Ф.А. Долгов) и 19-й Козловский полки (С.А. Попов), составлявшие так называемую Козловс-

кую отдельную повстанческую бригаду, действовавшую в основном на южной границе Тамбовского и Козловского уездов. Этой бригадой командовал Василий Васильевич Никитин-Королев, более известный в истории антоновщины под кличкой Васьки Караса. На границе Кирсановского уезда и Саратовской губернии действовал 1-й Саратовский повстанческий полк Д. Микулина. И, наконец, в северо-восточной части Борисоглебского уезда оперировал Особый полк под командованием И.М. Ворожищева. Название этого полка, созданного на базе отколовшейся части 2-го сводного Борисоглебского полка А.Б. Кулдошина, указывает не на то, что полк формировался из особо отбираемых людей (как это было при создании Особого полка Санфирова), а на то, что полк Ворожищева держался особняком, поддерживая оперативную связь лишь с действующим по соседству так называемым Летучим отрядом антоновцев под командованием Я.А. Чернова²⁴⁵.

Численность постоянного состава большинства повстанческих полков колебалась от 350 до 500 человек. Лишь Особый полк Санфирова и 14-й Нару-Тамбовский полк Магюхина насчитывали 700 и более всадников. А общая численность вооруженных повстанцев в Тамбовской губернии к 1 мая 1921 года, по данным военной разведки красных, составляла 21 тысячу человек. Причем примерно 9 тысяч из них находились в мелких повстанческих отрядах и отрядах, не упомянутых нами ввиду их великого множества²⁴⁶.

* * *

21 апреля 1921 года В.И. Ленин встретился в Кремле с командующим войсками Западного фронта М.Н. Тухачевским (пожалуй, самым талантливым советским военачальником периода Гражданской войны, всего месяц назад успешно завершившим руководство известной операцией по взятию мятежного Кронштадта) и с глазу на глаз два часа обсуждал с ним проблему безотлагательной и быстрой ликвидации антоновщины²⁴⁷.

В этот же день в Тамбове состоялся пленум губкома РКП(б). После его окончания председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Овсеенко сразу же выехал в Москву для доклада ЦК РКП(б) и Центральной межведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом о ходе и перспективах борьбы с антоновщиной.

27 апреля вопрос о том, как побыстрее потушить «антонов огонь», продолжавший испепелять значительную часть Тамбовщины, рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). И Политбюро жестко постановило: принять все возможные и необходимые меры для ликвидации Антоновского мятежа в месячный срок. По предложению В.И. Ленина, командующим войсками Тамбовской губернии было решено назначить М.Н. Тухачевского²⁴⁸.

6 мая 1921 года, находясь еще в Москве, Михаил Николаевич Тухачевский официально вступил в командование войсками, действующими по подавлению мятежа в Тамбовской губернии.

В истории борьбы с антоновщиной наступил третий, последний период — период решающих военных операций, закончившийся полным и сокрушительным разгромом всех повстанческих полков и повсеместным восстановлением сельских органов советской власти на всей территории мятежной части Тамбовщины.

Глава 4. Разгром

Новый командующий войсками Тамбовской губернии Тухачевский (его заместителем был назначен помощник командующего Киевским военным округом Иероним Петрович Уборевич, а начальником штаба — помощник командующего Западным фронтом Николай Евгеньевич Какурин) прибыл в Тамбов лишь 12 мая 1921 года. Однако припозднившийся вроде бы Тухачевский приехал с уже тщательно продуманным и готовым комплексным планом ликвидации антоновщины в самый короткий срок.

В Тамбове М.Н. Тухачевский встретил поначалу взаимопонимание и одобрение его плана со стороны председателя Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонова-Овсеевко (Тухачевский стал его заместителем) и двух других членов комиссии — председателя Тамбовского губисполкома А.С. Лаврова и секретаря губкома РКП(б) Б. А. Васильева.

Абсолютно не имея никакого намерения даже в самой незначительной степени умалить заслуги (и «заслуги») кого-либо из названной четверки лиц, составлявших Полномочную ко-

миссию ВЦИК, нельзя не признать и бесспорного (по крайней мере — для автора этих строк) факта, что главным «мозговым центром» Полномочной комиссии ВЦИК был все-таки М.Н. Тухачевский.

Своего рода черновиком плана разгрома антоновщины стала написанная Тухачевским «Инструкция по искоренению бандитизма», которая в первый же день его пребывания в Тамбове была разослана по штабам боевых участков. В своем плане подавления мятежа Тухачевский главное значение придавал гармоничному и последовательному сочетанию военных операций частей Красной армии и внутренних войск с политическими, экономическими и административными мерами партийных, советских, чекистских и милицейских органов.

Однако «Инструкция по искоренению бандитизма» была все-таки документом служебным и секретным. Поэтому в тот же день 12 мая Тухачевский издал «знаменитый» на Тамбовщине двадцать первого года приказ № 130, широко доведенный до сведения личного состава красноармейских частей, местного населения и самих повстанцев. Одновременно с приказом № 130 и в дополнение к нему Полномочная комиссия ВЦИК опубликовала свое постановление «О высылке семей и конфискации имущества бандитов». Но так как приказ Тухачевского и это постановление Полномочной комиссии ВЦИК представляли собой два довольно объемных документа, написанных к тому же не совсем понятным для полуграмотного местного населения и рядовых повстанцев языком²⁴⁹, Полномочная комиссия ВЦИК 17 мая опубликовала популярное изложение сути этих двух документов в виде одного «Приказа участникам бандитских шаек», который гласил:

«Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вам объявляет:

1. Рабоче-Крестьянская власть решила в кратчайший срок покончить с разбоем и грабежом в Тамбовской губернии и восстановить в ней мир и честный труд.

2. Рабоче-Крестьянская власть располагает в Тамбовской губернии достаточными военными силами. Все поднимающие оружие против Советской власти будут истреблены.

3. Вам, участники бандитских шаек, остается одно из двух: либо погибать, как бешеным псам, либо сдаваться на милость Советской власти.

4. Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия вам приказывает:

Немедленно прекратить сопротивление Красной Армии, разбой и грабеж, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей.

5. К тем, кто сдаст оружие, приведет главарей и вообще окажет содействие Красной Армии в изловлении бандитов, будет широко применено условное осуждение и в особых случаях — полное прощение.

6. Согласно приказа красного командования за № 130 и “Правил о взятии заложников”, опубликованных Полномочной комиссией 12 сего мая, семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест.

Семья содержится две недели в концентрационном лагере. Если бандит явится в штаб Красной Армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае неявки бандита в течение двух недель, семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов.

7. Все, кто оказывает то или иное содействие бандитам, подлежат суровой личной и имущественной ответственности перед судом реввоен трибунала как соучастники измены трудовому народу. Только немедленным раскаянием, выдачей главарей и оружия они могут заслужить прощение.

Участники бандитских шаек!

Полномочная комиссия вам заявляет:

Ваши имена известны Чека. Будете взяты либо вы, либо ваша семья и имущество. Сдавайтесь!»²⁵⁰

15 мая Полномочная комиссия ВЦИК приступила к созданию на каждом боевом участке своих местных органов — участковых политических комиссий (уполиткомиссий), которые должны были «согласовать работу советских и партийных органов с действиями военных частей для проведения в ударном порядке ликвидации бандитизма и создания устойчивой Советской власти». В состав участковых политкомиссий входили 6 человек: начальник боевого участка, начальник политотдела боеучастка, секретарь уездного комитета партии, председатель уездного исполкома, начальник особого отдела боеучастка и председатель ревтрибунала. Первые пять должностных лиц имели право решающего голоса, а предревтрибунала — совещательного²⁵¹.

К концу мая участковые политкомиссии, являвшиеся высшими чрезвычайными органами власти в пределах своих боевых участков, в основном завершили подготовку к проведению в жизнь приказа № 130. В Тамбове, Борисоглебске, Кирсанове, Козлове, Сампуре и Инжавино были спешно построены концлагеря, рассчитанные для приема, в общей сложности, 15 тысяч человек. А особые отделы боеучастков составили по каждому населенному пункту списки повстанцев (правда, далеко не полные). Кроме того, уполиткомиссиями были подобраны и проинструктированы так называемые «политтройки», предназначенные для непосредственного руководства на местах проведением операций по выполнению приказа № 130, а также партийные работники для организации сельских ревкомов. Забегая несколько вперед, скажем, что в проведении советизации тамбовских сел и деревень летом 1921 года участвовали свыше полутора тысяч коммунистов. В основном это были партийцы, прибывшие на Тамбовщину из других губерний в порядке спецмобилизации, проведенной ЦК РКП(б)²⁵².

В конце мая войска Тамбовской губернии, значительно усиленные за последний месяц в количественном и качественном отношениях, завершили подготовку к нанесению решающих ударов по главным военным силам мятежников. В числе прибывших на Тамбовщину новых красноармейских частей оказалась и отборная кавбригада Г.И. Котовского, закончившая 1 мая выгрузку на станции Моршанск.

К этому времени советские войска в губернии насчитывали 37,5 тысячи штыков и 10 тысяч сабель, которых своей огневой мощью поддерживали 9 артиллерийских бригад, 4 бронепоезда, 6 бронелетучек, 5 автобронепоездов и 2 авиаотряда. Численность войск, предназначавшихся для непосредственного участия в боях против антоновцев, достигала 53 тысяч бойцов. А вообще же численность войск Тамбовской губернии (со вспомогательными частями и обслуживающим персоналом) составляла свыше 120 тысяч человек²⁵³.

Первоначально все эти войска (за исключением четырех отдельных кавалерийских бригад, находившихся в прямом подчинении М.Н. Тухачевского) были разделены по пяти боевым участкам, границы которых в основном совпадали с границами следующих уездов: Кирсановского (1-й боеучасток), Тамбовского (2-й; штаб в селе Рассказово), Борисоглебского (3-й), Козловского (4-й) и Моршанского (5-й боеучасток). Но в связи с

тем что 20 мая в южную часть Кирсановского уезда были направлены «для прохождения легнего лагерного сбора» свыше семи тысяч курсантов примерно двадцати военных училищ (курсов), то часть 1-го боевого участка, где расположились курсанты, в начале июня выделилась в самостоятельный, 6-й боевой участок со штабом на станции Инжавино²⁵⁴.

В мае 1921 года войска Тамбовской губернии получили из Центра прекрасный подарок — 100 человек отборнейшего и испытанного на фронтах Гражданской войны комсостава, а в дополнение к ним — еще и 17 лучших слушателей Академии Генерального штаба Красной армии во главе с трижды краснознаменцем Иваном Федоровичем Федько²⁵⁵. (Ко времени описываемых событий тремя орденами Красного Знамени, кроме И.Ф. Федько, был награжден лишь известный полководец Гражданской войны В.К. Блюхер).

Но как ни старался М.Н. Тухачевский побыстрее завершить подготовку к решающим операциям, месячный срок, отведенный ему на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля для ликвидации антоновщины, неумолимо подходил к концу. 25 мая Тухачевскому об этом напомнил заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский. Официальное, хотя и несколько странное напоминание Склянского, который был достаточно осведомлен о делах и заботах Тухачевского в Тамбове, объясняется, очевидно, неожиданно полученной им от Ленина запиской, в которой тот спрашивал Склянского:

«Как дела у Тухачевского?

Все еще не поймал Антонова?

Нажимаете ли Вы?

Когда доклад в Политбюро?»²⁵⁶

Реагируя на «нажим», Тухачевский 25 мая ответил Склянскому:

«Месячный срок могу считать лишь начиная с 6 мая, когда вступил в командование. Сейчас заканчивается период подготовки. До сих пор меры по ликвидации банд носили лишь вспомогательный характер. Окончание подготовки задержали опоздание коммунистов, курсантов для лагерного сбора, 97 года для милиции [8 мая 1921 года Главком С.С. Каменев отдал распоряжение штабам Западного фронта, Московского, Петроградского и Приуральского военных округов отправить на работу милиционерами в мятежные уезды Тамбовщины 9600 красноармейцев 1897 года рождения, не являвшихся уро-

женцами Тамбовской губернии²⁵⁷] и, наконец, различные организационные подготовительные мероприятия. Окончательно подготовка будет закончена к 1 июня. Советский аппарат довольно слабо укрепился, так как коммунисты прибыли более чем слабые. Подготовка ревкомов и их инструктирование — в полном ходу. Прибывшие коммунисты поделены на армию, на милицию, на формирование ревкомов и на укрепление местных органов. Разведка работает плохо, дает не то, что нужно. Она проинструктирована, и дело налаживается. Усиливается агентурный аппарат особотдела. Дополнительные меры нужны следующие: необходимо срочно дослать 7500 человек 97 года для милиции... и кроме того было бы желательно дополучить 2–3 бронеполка и даже одну стрелковую бригаду. День окончания операций гораздо труднее определить, чем день окончания подготовки; однако наши действия будут настолько суровы, беспощадны и так методичны, что надо ожидать быстрых результатов»²⁵⁸.

Уступая давлению из Москвы, Тухачевский перенес начало операций по разгрому основных вооруженных формирований антоновцев с 1 июня на 28 мая. Но фактически разгром начался еще 25 мая, когда в 50 километрах северо-западнее Кирсанова кавбригада неистового Григория Ивановича Котовского нанесла сокрушительное поражение 8-му Пахотно-Угловскому и 15-му Казыванскому повстанческим полкам под общим командованием В.Ф. Селянского, который в этом бою получил смертельное ранение²⁵⁹. А остатки этих двух антоновских полков окончательно разгромили красноармейцы 137-го Тамбовского стрелкового полка 17 июня в бою у реки Хмелинки, в 18 километрах восточнее деревни Поганка (ныне Малиновка)²⁶⁰.

28 мая приступила к активным действиям специально созданная для непрерывного преследования и полного уничтожения основного ядра 2-й антоновской армии сводная кавалерийская группа под командованием заместителя Тухачевского — И.П. Уборевича. Этой кавгруппе, состоявшей из бригады Г.И. Котовского и Тамбовской отдельной кавбригады В.И. Дмитриенко²⁶¹ (по состоянию на 10 мая 1921 года кавбригада Котовского насчитывала 890 сабель при 18 пулеметах и 3 орудиях, а кавбригада Дмитриенко — 1200 сабель при 38 пулеметах²⁶²), противостояли пять повстанческих полков (3-й Кирсановский, 4-й Низовской, 14-й Нару-Тамбовский, 16-й Золотовский и Особый Я.В. Санфирова) общей численностью до трех тысяч всадни-

ков. К 28 мая они находились в южной части Кирсановского уезда, километрах в двадцати юго-западнее станции Инжавино²⁶³. Попытка Уборевича окружить и одним махом разгромить эту группировку повстанцев окончилась безрезультатно, и 31 мая он вынужден был доложить Тухачевскому: «Кавгруппа оказалась неподготовленной к выполнению столь серьезной задачи. Кавбригада т. Дмитриенко трижды выпустила Антонова из полного окружения и не по вине комбрига т. Дмитриенко, а ввиду того, что кавбригада — фактически ездящая пехота на скверных крестьянских лошадях. Кавбригада т. Котовского малочисленна и охватывает небольшой район действий, к тому же с истощенным конским составом. Ввиду такого состояния кавгруппы, для успеха операции необходима придача кавгруппе двух отрядов из полугрузовиков с пулеметами. Кавгруппа из двух или трех бригад, имея до 12 полугрузовых машин и фуража на три дня, в несколько дней может покончить с Антоновым окончательно»²⁶⁴.

М.Н. Тухачевский полностью согласился с этим предложением, и сводная кавгруппа И.П. Уборевича была тут же усилена 14-й отдельной кавбригадой под командованием А.А. Миленова и двумя автобронеполками: № 1 имени Петросовета (командир А.А. Васькин) и № 52 имени Я.М. Свердлова войск ВЧК (командир Ю.В. Конопко). 1 июня пополненная группа Уборевича продолжила преследование ядра 2-й антоновской армии уже по территории соседней Саратовской губернии.

Однако в скорый разгром Антонова верили не все даже среди членов Полномочной комиссии ВЦИК. 1 июня находившийся в Москве член Полномочной комиссии, секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Б.А. Васильев направил В.И. Ленину следующее письмо:

«Товарищ Ленин!

Вместе с другими материалами* я посылаю Вам адресованное мне письмо Антонова-Овсеенко с просьбой к товарищам, имеющим наибольший авторитет в Республике, надавить на соответствующие центральные органы, чтобы действительно срочно покончить с антоновщиной. Из письма явствует, что Антонов настолько окреп, что отбивает атаки наших непобеди-

---

* Речь идет в основном о приказе Тухачевского за № 130 и о его же «Инструкции по искоренению бандитизма», целесообразность и эффективность которых Васильев подвергал серьезному сомнению.

мых доселе частей, а с другой стороны, на почве продовольствия становятся железные дороги (Грязинский узел, волнения в Козлове, Тамбове, Ртищеве).

<...> Необходима на деле ударная помощь Центра, особенно в области снабжения. Грознее всего, конечно, будет, если армия останется без продовольствия. Уже сейчас имеются случаи, когда части, стреляя в воздух, требовали хлеба.

Мы просим Вас взять дело борьбы с антоновщиной также под Ваш персональный контроль и руководство»²⁶⁵.

В этот же день, 1 июня, В.И. Ленин написал новому секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову записку, гласившую:

«Препровождая письмо ко мне тов. Васильева, прошу

1) либо поставить в Оргбюро проверку (исполнения поручения Цека о том, чтобы кончить с Антоновым), либо секретариату ЦК произвести эту проверку путем ознакомления с документами и вызовом т. Склянского и еще кого-либо;

2) переслать прилагаемое *секретно* и *лично* т-щу Склянскому с тем, чтобы он прочел и вернул мне, добавив (Вам; копию мне), какие меры нажима он принял»²⁶⁶.

Заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский потребовал немедленных объяснений от главкома С.С. Каменева, который 2 июня отвечал в докладной записке:

«По вопросам, затронутым тов. Васильевым в его письме Председателю СТО* и приложенных к нему основных указаний по проведению приказа № 130 и объявлений, докладываю:

1. Основные указания по проведению приказа № 130 были заблаговременно выработаны при непосредственном участии комвойск Тамбовской губернии тов. Тухачевского, по их содержанию донесено мне и известно ВЧК и, таким образом, эти указания никаких возражений не встречают.

2. Что касается того, что Антонов настолько окреп, что отбивает атаки наших непобедимых доселе частей, то я категорически возражаю против такого заключения. Бывший до 28-го мая эпизод с 1-м полком кавбригады Дмитриенко, неудачно атаковавшего банду Антонова и отошедшего с потерями на остальные два полка этой бригады, еще не знаменует увеличение стойкости Антонова: во-первых, в столкновении участвовал только один полк, а во-вторых, кавбригада Дмит-

---

* СТО — Совет Труда и Оборона; его председателем был В.И. Ленин.

риенко, хотя и представляет собою хорошую часть, однако не может считаться непобедимой...

3. Безусловно, острее стоит вопрос с продовольствием... До сих пор части Тамбовского района в общем дрались безотказно, что свидетельствует о полной их боеспособности; но не исключена возможность, что, если и дальше продовольственный вопрос здесь не будет налажен, боеспособность частей начнет резко понижаться»²⁶⁷.

Тут надо добавить, что красноармейские части, участвовавшие в подавлении антоновщины, снабжались хлебом и другим продовольствием главным образом за счет местного населения. Это делалось как из-за безвыходности положения, так и в целях экономического воздействия на тамбовских крестьян, которым постоянно втолковывалось, что постой и содержание частей Красной армии за их счет, а также подводная повинность и реквизиция лошадей прекратятся только тогда, когда мятеж будет полностью подавлен. И вот с 11 июня, явно в связи с письмом Б.А. Васильева В.И. Ленину и совершенно несмотря на то, что население многих мест мятежной части Тамбовщины само голодало, снабжение красноармейских частей местным хлебом было увеличено в несколько раз, что вызвало изрядное смущение у многих бойцов и командиров Красной армии²⁶⁸. Содержание частей Красной армии за счет местного населения было прекращено на Тамбовщине лишь в середине августа 1921 года²⁶⁹.

* * *

2 июня 1921 года у деревни Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии кавбригада Котовского и автобронеполк № 52 из семи машин настигли и окружили 4-й, 14-й и Особый повстанческие полки, ведомые самим Антоновым. Завязался упорный бой. Сначала бронемашины пулеметным огнем загнали 4-й Низовской и Особый полки в Бакуры, непрерывно обстреливаемые конной батареей котовцев, а затем туда ворвался весь автобронеполк. Группы повстанцев, пытавшихся покинуть пьлаюшке Бакуры, перехватывали и уничтожали в поле два кавполка бригады Котовского.

Бой в деревне и вокруг нее, начавшийся около пяти часов вечера, затих лишь к полуночи. Антоновцы потерпели жесточайшее поражение, потеряв до 500 человек убитыми и ранеными. И хотя многим мятежникам, в том числе и самому Алек-

сандру Антонову, удалось все-таки в наступившей темноте вырваться живыми из Бакур, 2-я повстанческая армия с этого дня практически перестала существовать как крупное боевое соединение тамбовских повстанцев.

Деморализованные поражением и дрожащие от страха перед бронемашинами красных, антоновцы стали мелкими группами пробираться в родные кирсановские леса. Сам же Антонов с тысячью всадников, сделав огромную дугу по Саратовской и Пензенской губерниям, 6 июня почти достиг Тамбовщины и остановился на отдых в пензенском селе Чернышево, что в 40 километрах северо-восточнее Кирсанова. Но толком отдохнуть Антонову не довелось. В полдень в село неожиданно ворвались три машины из чекистского автобронеполка № 52. После короткой, но ожесточенной схватки, потеряв до полусотни человек убитыми и ранеными, антоновцы стали группами и поодиночке покидать Чернышево²⁷⁰.

Несмотря на горячку боя, водитель одной из бронемашин Михаил Лаврентьевич Соловьев заметил выскочившую из села небольшую группу мятежников на хороших строевых лошадях. Среди быстро удалявшихся в сторону близкого Ширияевского леса всадников Соловьев приметил человека в белой бурке, по всем известным приметам очень уж походившего на Антонова (и это действительно был он). Направив машину в погоню за этой группой всадников, Соловьев сообщил пулеметчикам о своем «открытии». Моментально оба пулемета, находившиеся на борту машины, повели огонь исключительно на поражение Антонова. Почти сразу несколько человек из его окружения полетели наземь вместе с лошадьми, сраженные пулеметными очередями. Однако Александр Антонов, словно заговоренный, продолжал целым и невредимым уходить к лесу, быстро увеличивая разрыв между собой и машиной Соловьева. Лишь у самой кромки леса одна из пуль догнала-таки Александра Степановича, угодив ему по касательной в голову. И хотя ранение не представляло никакой угрозы для его жизни, Антонов (вероятно, потерявший на какое-то мгновение сознание) начал медленно заваливаться набок, но тут же был поддержан кем-то из скакавших рядом повстанцев, среди которых находился и брат Дмитрий. А еще через несколько секунд густой Ширияевский лес спасительно сомкнулся за мятежниками, и погоня прекратилась²⁷¹.

В полночь на 7 июня 150 конных повстанцев под командованием Дмитрия Антонова вышли из Ширияевского леса и, вос-

пользовавшись отличным знанием местности и разыгравшейся непогодой, незаметно проскочили между красноармейскими частями, блокировавшими лес, и устремились на юг вдоль левого берега реки Вороны. Около полудня, также без выстрела перейдя железную дорогу у станции Скачиха, эта группа повстанцев скрылась в лесу возле деревни Чутановка, что в пяти километрах юго-восточнее Кирсанова.

А Александр Антонов, несмотря на ранение, собрал находившиеся в Ширяевском лесу остатки 2-й армии (всего около 500 человек и обоз с ранеными) и выступил вслед за Дмитрием спустя четыре часа. Но на сей раз повстанцам явно не повезло, и до Чутановского леса Антонов добрался, имея уже не более 150 человек. Свыше сотни антоновцев погибли, около пятидесяти попали в плен, а остальные пропали без вести при прорыве у Васильевки, а затем и при отражении атак постоянноседавших кавалеристов 2-го полка 14-й отдельной кавбригады и нескольких машин автобронеотряда № 1²⁷².

В 11 часов вечера 7 июня И.П. Уборевич докладывал М.Н. Тухачевскому по прямому проводу со станции Умет:

«Основное ядро Антонова рассеяно и разбито; последние группы противника под командованием Антонова и его брата, примерно по 150 сабель, разрозненные скрываются в лесах южнее Кирсанова. Бандиты потеряли все пулеметы, обоз и израсходовали почти все патроны... Полагаю, что сводную группу можно расформировать и дать ей отдых»²⁷³.

Однако Тухачевский не согласился с разумным предложением своего заместителя и приказал Уборевичу продолжать преследование разбитых антоновских полков до полного их уничтожения.

Весь день 8 июня бронемашины и кавалерийские части группы Уборевича провели в утомительных, но бесплодных поисках противника. Лишь к вечеру один из антоновских отрядов был обнаружен 2-м эскадром 1-го кавполка 14-й отдельной кавалерийской бригады. Началась погоня.

Спустя много лет бывший командир этого эскадрона, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков вспоминал:

«Преследуя банду, мы неожиданно столкнулись с двумя бронемашинами, которые выскочили из соседнего села. Мы знали, что банда не имеет броневиков, а потому и не открывали по ним огня. Однако броневики заняли выгодную позицию,

повернули в нашу сторону пулеметы. Что за оказия? Послали связных. Оказалось, что это наши и в головной машине сам И.П. Уборевич. Узнав об уходе банды в направлении леса, он решил перехватить ее на пути. Хорошо, что разобрались, а то могло бы плохо кончиться»²⁷⁴.

Кто знает, может быть, при написании этих строк старому маршалу вспомнился и погожий весенний день 10 марта 1921 года, когда недалеко от Уварова краснозвездный аэроплан долго гонялся за их 1-м кавполком, очевидно приняв его за антоновский, и улетел, только полностью израсходовав свой боезапас²⁷⁵. Кстати сказать, это был всего лишь один из 465 боевых самолето-вылетов, совершенных так называемыми «Военно-воздушными силами войск Тамбовской губернии» за все время борьбы с антоновщиной²⁷⁶.

Последовавшая затем попытка бронемашин Уборевича и эскадрона Жукова найти ускользнувших мятежников окончилась ничем. Как выяснилось позже, в ночь на 8 июня Антонов с братом и несколькими ближайшими сподвижниками тайком от остальных мятежников покинул Чугановский лес и исчез в неизвестном направлении. Сам факт и необычные обстоятельства бегства Антонова, впервые оставившего рядовых повстанцев без каких-либо указаний на будущее, однозначно свидетельствовал о том, что «2-й партизанской армии Тамбовского края» больше не существовало.

10 июня сводная группа Уборевича была расформирована, а входившим в ее состав кавбригадам и автобронепотядам предоставлялся кратковременный отдых²⁷⁷.

Однако уже 12 июня командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский отдал приказ о формировании новой, так называемой «Особой сводной группы», во главе которой был опять поставлен И.П. Уборевич. В состав этой группы войск вошли две кавалерийские бригады (Г.И. Котовского и 14-я отдельная) и три автобронепотяда (№ 1, 21 и 52). На этот раз перед Уборевичем ставилась задача уничтожить группировавшиеся в районе Каменки четыре полка 1-й повстанческой армии (1-й Каменский, 5-й Пановский, 7-й Тамбовский и 20-й Особый), а также находившиеся по соседству с ними два уцелевших полка 2-й армии (9-й Семеновский и 16-й Золотовский)²⁷⁸.

К вечеру 12 июня обе кавбригады красных уже заняли исходные для нанесения будущего удара пункты — Никольское-

Ржакса (14-я отдельная кавбригада под командованием только что назначенного комбригом Михаила Прокофьевича Ковалева) и Уварово (отдельная кавбригада Г.И. Котовского).

Весь этот вечер Григорий Иванович провел в уваровском клубе, где сначала смотрел спектакль местного драмкружка, а потом, когда начались танцы, сразил всех присутствующих лихим отплясыванием «барыни»²⁷⁹. А на рассвете 13 июня его заместитель и одновременно командир 2-го кавполка бригады Николай Николаевич Криворучко не менее лихо осуществил внезапный налет на «родовое гнездо» 9-го Семеновского полка антоновцев — село Семеновку, где изрубил до сотни мятежников и захватил два пулемета. Остатки Семеновского полка бежали в северном направлении и вскоре соединились с 16-м Золотовским полком, тем самым окончательно потеряв всякое взаимодействие с повстанцами Каменского района²⁸⁰.

В отличие от кавбригад, автобронепотряды сильно задержались и прибыли в назначенный им пункт сбора — железнодорожную станцию Сампур — лишь к вечеру 14 июня. А к ночи кольцо советских войск плотно сомкнулось вокруг Каменского района. С севера и юга выходы из него блокировали шесть полков 10-й стрелковой дивизии Федора Петровича Кауфельдта. С востока на Каменку нацелились кавбригады Г.И. Котовского и М.П. Ковалева, а с запада — три автобронепотряда.

На рассвете 15 июня красные решительно атаковали район Каменки. Но, как это не раз случалось в истории антоновщины, повстанцев там не оказалось. Лишь к 10 часам утра удалось выяснить, что противник в составе четырех полков под общим командованием некоего Константина Васильевича Машкова еще в ночь на 14 июня скрытно покинул занимаемый район и двинулся на юг, в Борисоглебский уезд. Не вдаваясь здесь в подробности, заметим лишь, что главная вина за то, что красные так позорно «проморгали» уход антоновцев из района Каменки, лежит на Г.И. Котовском, которому командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский лично поручил наблюдение за всеми передвижениями мятежников.

Несмотря на наличие огромного, протяженностью в шесть километров обоза с семьями повстанцев, Машкову удалось каким-то образом проскользнуть без единого выстрела между блокировавшими Каменский район с юга двумя полками 10-й стрелковой дивизии и утром 14 июня также безнаказанно перейти у станции Терновка железнодорожную ветку Грязи—По-

ворино. К вечеру этого же дня повстанческое соединение Машкова (1500 всадников при 4 пулеметах) остановилось на ночлег в последнем тамбовском селе Костино-Отделец²⁸¹. Далее простиралась узкая полоска Новохоперского уезда Воронежской губернии, отделявшая Тамбовщину от недавно образованной Царицынской губернии, куда и держали свой путь антоновцы.

Узнав об этом, Уборевич лишь в одиннадцатом часу утра 15 июня с двадцатью боевыми машинами из всех трех бронепоездов устремился в погоню за перехитрившим его Машковым. Вслед за бронемашинами выступила и конница Особой сводной группы. Но кавбригады не могли угнаться за автомобилями и сразу же начали отставать.

Догнать в тот день Машкова не удалось, и с утра 16 июня Уборевич продолжил преследование антоновцев силами одних бронепоездов. Около шести часов вечера бронепоезда настигли повстанцев в Васильевке (Поспеловке), что у слияния рек Карачан и Хопер. Появление бронемашин застало антоновцев в самый неподходящий момент: они только что начали переправу своего гигантского обоза с семьями на левый, поросший густым лесом берег Хопра.

После первых же пулеметных очередей, выпущенных вооруженными в село броневиками, на переправе началась невообразимая паника. Отчаянная попытка арьергарда антоновцев во главе с К.В. Машковым сдержать напор бронемашин успеха не имела. Через полчаса, потеряв до 150 человек убитыми и ранеными, бросив обоз и последние четыре пулемета, повстанцы беспорядочными толпами бросились к Хопру, ища спасения на другом берегу.

В вечерних сумерках около 1200 антоновцев собрались в лесу за Хопром. Ввиду того что сраженный пулеметной очередью Машков остался лежать в Васильевке, общее командование повстанцами принял на себя командир 1-го Каменского полка Александр Васильевич Богуславский, который тут же объявил собравшимся о своем решении продолжать движение на юг. (Раненный, но не убитый в Васильевке К.В. Машков сумел каким-то образом скрыться с места боя и даже вернуться на Тамбовщину. Убедившись за время выздоровления в бесперспективности дальнейшей борьбы, он 28 июля 1921 года явился с повинной в соответствующие органы советской власти)²⁸².

В 4 часа утра 17 июня антоновцы перешли у станции Калмык железнодорожную ветку Лиски—Поворино и взяли курс

на станицу Урюпинскую. Но уже около 10 часов утра у хутора Мохового (25 километров севернее Урюпинской) их настиг и атаковал бронеполк № 52. Вскоре к месту схватки подоспели и два других автобронеполка. А в результате состоявшегося затем шестичасового побоища, происходившего на совершенно открытой местности, 7-й Тамбовский и 20-й Особый повстанческие полки были почти полностью истреблены. Погибли и оба их командира — Яков Федорович Вислобоков и Федор Петрович Тюков. 1-й Каменский и 5-й Пановский полки тоже понесли большие потери, но все-таки сумели добраться до Хопра и переправиться на правый берег, тем самым оторвавшись, наконец, от преследовавших их бронемашин²⁸³.

Утром 18 июня автобронеполки возобновили поиск противника, и около полудня группа бронемашин, ведомая самим И.П. Уборевичем, обнаружила в десяти километрах севернее станицы Урюпинской остатки 1-го Каменского полка — не более 250 всадников.

В это же самое время, как выяснилось позже, уцелевшая часть 5-го Пановского полка (около ста всадников) во главе со своим раненым накануне командиром К.И. Барановым уходила все дальше на запад от Хопра. Затем, разбившись на мелкие группы, отряд Баранова стал тайком пробираться на Тамбовщину. Далеко не все из пановцев вернулись живыми в родные села. Но и большинство из вернувшихся не захотели больше братья за оружие, а попрятались по укромным уголкам. На этом в основном и закончилась история 5-го Пановского повстанческого полка. А последнюю точку в ней поставили сами бывшие мятежники, убив 7 июля 1921 года никак не желавшие «замириться» Константина Ивановича Баранова²⁸⁴.

Судьба же антоновцев из 1-го Каменского полка сложилась иначе. Окруженные в жиденьком прихонерском лесочке, они, надо признать, сражались поистине с отчаянием обреченных. И неудивительно: ведь каменцам было уже известно, что всех взятых или даже сдавшихся в плен повстанцев бронеполки Уборевича все равно расстреливают после короткого допроса.

К четырем часам дня 18 июня у каменцев, зажатых бронемашинами на небольшом пятячке у Хопра, кончились патроны. Узнав об этом, экипажи оставили свои машины под охраной пулеметчиков и начали углубляться в лесок, уничтожая попадавшихся на пути антоновцев огнем из винтовок и револьверов.

ров. С каждой минутой положение мятежников становилось все более критическим. К тому же им нельзя было появиться и на хоперском берегу, так как с противоположного берега по ним сразу открывали стрельбу человек тридцать местных казаков, добровольно вызвавшихся помочь Уборевичу в разгроме антоновцев.

В пятом часу вечера около сотни еще оставшихся в живых повстанцев во главе с раненым в ногу Богуславским предприняли отчаянную попытку прорваться в конном строю сквозь цепочку въехавших в лес бронемашин и поискать спасения в чистом поле. Возможно, эта затея Богуславского и не была лишена смысла, но каменцам явно не повезло. Именно в том месте, которое они выбрали для прорыва, на их пути оказались два броневика и легковой броневедомитель самого Уборевича. Встреченные шквальным пулеметным огнем в упор, антоновцы в ужасе повернули обратно и очумело бросились в Хопер. Лишь нескольким каменцам удалось выбраться на левый берег и, избежав казачьих пуль, ускакать в поле. В числе этих счастливых оказался и Богуславский.

Утром 19 июня И.П. Уборевич доложил М.Н. Тухачевскому, что за три дня боев бронеполками уничтожены 1-й Каменский, 5-й Пановский, 7-й Тамбовский и 20-й Особый повстанческие полки. Из 1500 мятежников, входивших в состав этих полков, свыше тысячи убито в боях и расстреляно, а остальные — совершенно деморализованные и без патронов — рассеяны по большой территории и вылавливаются местными советскими отрядами. Сами же бронеполки потерь не понесли, если не считать двух тяжело раненых — адъютанта Уборевича и показывавшего дорогу местного милиционера²⁸⁵.

* * *

25 июня 1921 года, очевидно, пришедший окончательно в себя от недавнего ранения в голову, а главное — от оглушающего разгрома повстанческих армий, А.С. Антонов произвел реорганизацию остатков своих военных сил. Вместо двух прежних армий теперь создавалась одна — «Единая партизанская армия Тамбовского края». Последним в истории антоновщины командармом был назначен бывший командир 10-го Волчьего-Карачанского полка Иван Макарович Кузнецов, а его заместителем — командир 9-го Семеновского полка Петр Егорович Аверьянов. Однако единой эта армия была только на бумаге.

На самом же деле она представляла собой несколько разоб- щенных территориально и самостоятельных в оперативном от- ношении вооруженных формирований, наиболее крупным из которых являлась так называемая «группа Аверьянова»²⁸⁶.

В последних числах июня, выполняя приказ Антонова о со- здании группы, Аверьянов с превеликим трудом (был даже избит «при исполнении») собрал и подчинил себе бродившие по лесам вдоль реки Вороны остатки своего 9-го Семеновского полка и еще более мелкие осколки Особого полка Якова Васильевича Санфирова, уцелевшие после крайне неудачного для «особис- тов» боя с красными курсантами у озера Лебяжье, что в двад- цати километрах севернее Уварово. Сначала остатки этих пол- ков Аверьянов свел в один 9-й особый Семеновский полк (командиром которого был назначен Кузьма Васильевич Леде- нев, он же «Леденец»), а затем присоединил в нему уцелевшую часть 14-го Нару-Тамбовского полка Ивана Сергеевича Матю- хина и, наконец, 16-й Золотовский полк Максима Архиповича Назарова. К 30 июня группа П.Е. Аверьянова насчитывала не менее 750 всадников и находилась в южной части Кирсановс- кого уезда²⁸⁷.

Второй крупной составной частью Единой партизанской ар- мии Тамбовского края была группа самого командарма И.М. Куз- нецова. Ее основным ядром стал не принимавший активного участия в июньских боях 10-й Волчье-Карачанский полк Ива- на Антоновича Бармина и остатки 2-го Борисоглебского полка Даниила Петровича Венедиктова. К 29 июня группа Кузнецова (до 500 конных) сосредоточилась в селе Моисеево-Алабушка Борисоглебского уезда²⁸⁸.

Километрах в тридцати восточнее от нее активно действо- вал Особый повстанческий полк Ивана Максимовича Ворожи- цева численностью до 250 всадников.

На границе Тамбовской и Воронежской губерний, в между- речье Савалы и Вороны, практически беспрепятственно совер- шал нападения на создаваемые здесь ревкомы и сельсоветы

6-й Савальский полк (свыше 200 человек) под командова- нием очень хитрого и осторожного человека — председателя Борисоглебского уездного комитета «Союза трудового крестьянства» Семена Алексеевича Шамова. По соседству с полком Шамова, а иногда и совместно с ним действовал небольшой пришлый отряд П.И. Могарыгина, состоящий из хоперских ка- заков²⁸⁹.

И, наконец, в южной части Тамбовского уезда, километрах в двадцати севернее железнодорожной станции Токаревка, серьезные помехи проведению советизации «своих» сел чинил 13-й Битюгский полк Шандяпина²⁹⁰.

Все перечисленные военные формирования тамбовских повстанцев так или иначе (на самом деле или же только на словах) подчинялись командарму Кузнецову. А вот оперировавший по соседству с 13-м Битюгским полком отряд Васьки Карася не признавал над собой никого — ни Кузнецова, ни самого Антонова. Этот отряд возник еще осенью 1920 года в селе Беломестная Двойня, что в двадцати километрах западнее Тамбова. Его главным организатором и первым командиром был местный эсер Степан Авксентьевич Попов, которого впоследствии сменил более решительный и менее «идейный» Василий Васильевич Никитин-Королев — злостный дезертир и разбойник с большой дороги по кличке Васька Карась. Под его началом этот повстанческий отряд, постепенно превращавшийся в полууголовную шайку разбойников без всякой политической окраски, придерживался ярко выраженной тактики пассивной обороны: не бесчинствовал на железных дорогах, не нападал на красноармейские части, не терроризировал налетами соседние местности, но в то же время решительно и беспощадно пресекал всякие попытки продотрядов и отрядов по борьбе с дезертирством появляться на той небольшой территории западной части Тамбовского уезда, которую отряд Карася считал «своей». Из-за отсутствия особой агрессивности в действиях Карася, а главное, из-за нехватки сил тамбовское военное командование до поры до времени не занималось серьезно ликвидацией его отряда, но все же (ввиду его непосредственной близости к Тамбову) предприняло кое-какие меры, в результате которых шайка Карася оказалась вытесненной в восточную часть соседнего Козловского уезда, где она вскоре установила свой контроль над значительной территорией и заметно пополнилась — к весне 1921 года ее численность достигла полутора тысяч человек. Связи с антоновскими полками отряд Карася практически не имел и в совместных операциях почти не участвовал. Лишь в конце марта, узнав о мятеже кронштадтских моряков и поддавшись агитации понаехавших эсеров, Карась примкнул к Антонову и во главе своего отряда, получившего в антоновской армии наименование Отдельной Козловской бригады, с месяц провоевал бок о бок с полками 2-й повстанческой армии. В ап-

рельских боях красные изрядно потрепали бригаду Карася, и к маю ее остатки возвратились в Козловский уезд. Однако прежнего спокойствия здесь Карась уже не нашел. А с образованием в конце апреля 4-го боевого участка советских войск, штаб которого разместился в Козлове, для отряда Карася и других, подобных ему, но более мелких отрядов Лобана (И.Я. Бученев) и Монаха (Г. Сергеев) наступили тяжелые дни. Части 15-й Сибирской кавалерийской дивизии в течение мая и июня ликвидировали отряды Лобана и Монаха (но не их самих), а также нанесли ряд чувствительных ударов по отряду Карася, вынудив его убраться за пределы 4-го боевого участка, то есть Козловского уезда. В начале июля Карась с тремя сотнями всадников скрывался в Воронцовском лесу, в двадцати пяти километрах южнее Тамбова²⁹¹.

Кроме перечисленных выше шести крупных военных формирований мятежников, на Тамбовщине насчитывалось еще несколько десятков мелких повстанческих отрядов и полууголовных шаек дезертиров. По данным военной разведки красных, общая численность вооруженных мятежников к 29 июня 1921 года составляла 2250 человек²⁹².

29 июня войска Тамбовской губернии начали вторую серию последовательных операций по окончательному разгрому последних отрядов повстанцев.

Первый удар, на острие которого выдвигался автобронеполк № 21, было решено нанести по отряду антоновцев, возглавляемому самим «командармом» И.М. Кузнецовым. Руководить этой операцией вызвался начальник 1-го (Кирсановского) боевого участка И.Ф. Федько — главный «отец» идеи использования автобронеполков против конницы мятежников. Как известно, результаты осуществления этой идеи И.П. Уборевичем превзошли все ожидания. Но двадцатитрехлетний Иван Федько сам рвался в бой. И вот теперь, обосновывая свое право возглавить операцию против группы И.М. Кузнецова, он не без гордости писал М.Н. Тухачевскому, что мысль использовать бронемашину против антоновской кавалерии «возникла здесь, в Кирсанове, когда выяснилось, что население Кирсановского уезда от мала до велика боится автомобилей и что Антонов всегда уходит от нашей конницы»²⁹³.

29 июня Федько с пятью машинами из бронеполка № 21 смело атаковал находившийся в Моисеево-Алабушке отряд Кузнецова. Ворвавшись в село, бронемашины открыли ураган-

ный пулеметный огонь, стараясь выгнать мятежников из села в чистое поле и там полностью истребить. Но, вопреки ожиданиям, повстанцы не стали разбегаться в панике в разные стороны, как это неоднократно бывало раньше, а заняли выгодные позиции в ключевых точках села и начали оказывать стойкое, умело организованное и на удивление грамотное сопротивление.

Через час бой закончился. Потерпев явное поражение и бросив в селе три подбитые машины, Федько бесславно ретировался в Уварово. А повстанцы, быстро сняв с оставленных бронемашин пять исправных пулеметов и 30 тысяч патронов к ним, тоже покинули Моисеево-Алабушку и ушли в южном направлении²⁹⁴. Что такое для испытывавших острейшую нехватку патронов антоновцев значил захват такого количества боеприпасов, можно судить хотя бы по следующему факту: до этого повстанцы в деревнях за 50 патронов отдавали лошадь²⁹⁵.

На следующий день Федько уже с семью бронемашинами настиг Кузнецова у деревни Григорьевка, что на границе современных Тамбовской и Воронежской областей. Но завязавшийся бой опять протекал неудачно для красных. Подбив один броневик и сняв с него два пулемета, антоновцы организованно вышли из боя, воспользовавшись тем, что начавшийся проливной дождь резко ограничил возможность маневрирования машинам, которые вязли и застревали в разбухшем от избытка влаги черноземе.

Однако Иван Федько был из той породы людей, которые любое, пусть даже и неудачно начатое дело доводят до победного конца. Во второй половине дня 30 июня автобронеполк № 21, два полка 14-й отдельной кавбригады, два полка 10-й стрелковой дивизии и отряд из 75 милиционеров обложили со всех сторон около трехсот повстанцев Кузнецова у села Энгуразово Борисоглебского уезда. Заметавшись в поисках выхода из захлопнувшейся западни, Кузнецов все же нашупал слабое место в сжимающемся кольце красных и на стыке двух батальонов 87-го стрелкового полка прорвался в сторону села Протасьево. Но встреченные здесь огнем местного гарнизона, антоновцы были вынуждены круто повернуть на запад. Постоянно преследовавшая редуемый отряд Кузнецова 14-я отдельная кавбригада настигла мятежников у реки Карачан. В результате состоявшегося здесь беспощадного и кровопролитного боя повстанческая группа Кузнецова прекратила свое существование. Лишь немногим удалось спастись бегством, но в их числе были

И.М. Кузнецов и оба полковых командира — И.А. Бармин и Д.П. Венедиктов²⁹⁶.

30 июня началась операция советских войск по разгрому повстанческой группы П.Е. Аверьянова. Основной удар поручалось нанести кавбригаде Г.И. Котовского и отряду 7-х Борисоглебских кавалерийских курсов. На рассвете 1 июля котовцы, двигаясь с запада, а курсанты — с востока, начали поиск противника. Но тут случилось непредвиденное. Отряд борисоглебских курсантов в 123 сабли при четырех пулеметах на подходе к деревне Федоровка-Мордва (25 километров севернее станции Ржакса) попал в тщательно подготовленную повстанцами ловушку.

Как выяснилось позднее, антоновской разведке удалось каким-то образом добыть точные сведения о времени выступления и маршруте движения курсантского отряда. Для участия в уничтожении курсантов Аверьянов стянул к месту засады не только всю свою группу, состоящую из трех полков, но и несколько мелких повстанческих отрядов из близлежащих сел. Непосредственное руководство операцией он поручил своему заместителю, командиру 14-го Нару-Тамбовского полка Ивану Сергеевичу Матюхину, который хорошо знал местность и в командирский талант которого еще верили многие рядовые повстанцы. Не последняя роль в предстоящей драме отводилась и командиру 16-го Золотовского полка Максиму Архиповичу Назарову, являвшемуся, кстати, уроженцем этой самой деревни Федоровка-Мордва.

Именно Назаров во главе своего полка, экипированного в одинаковое новенькое кожаное обмундирование, встретил у Федоровки-Мордвы двигавшихся строго по предписанному маршруту борисоглебских курсантов. Пока остановившиеся в отдалении курсанты выясняли, что за диковинный отряд стоит перед ними, другие подразделения антоновцев из группы Аверьянова, воспользовавшись сильно пересеченной балками и оврагами местностью, завершили окружение курсантского отряда, открыли огонь и пошли в атаку.

Прекрасно обученные курсанты (7-е Борисоглебские курсы считались лучшим кавалерийским военно-учебным заведением в Красной армии) сражались с исключительным мужеством, однако затянувшийся бой грозил окончиться полным истреблением их небольшого отряда. Спасло то, что в последний момент на помощь подоспел 2-й кавполк бригады Ко-

товского, обративший мятежников в бегство. И хотя под Федоровкой-Мордвой отряд борисоглебских курсантов понес немалый урон (каждый третий погиб, а большинство из оставшихся в живых были ранены), потери антоновцев оказались еще большими: только убитых насчитывалось свыше двухсот человек. К тому же бросившийся в погоню кавполк котовцев настиг и изрубил у Золотовки еще около сотни повстанцев из 16-го Золотовского полка. А окончательно группа Аверьянова прекратила существование 7 июля, когда бригада Котовского захватила ее врасплох в пятнадцати километрах юго-восточнее станции Сампур²⁹⁷.

4 июля несколько красноармейских частей во главе с начальником штаба войск Тамбовской губернии Н.Е. Какуриным приступили к ликвидации отряда Васьки Караса. Уже к вечеру 7 июля, после ряда боев в районе Воронцовского леса, отряд Караса был в основном уничтожен: из трехсот человек 226 были убиты, а 14 попали в плен. Остатки карасевского отряда бежали в Козловский уезд, где вскоре получили еще один уничтожающий удар от бойцов 15-й Сибирской кавалерийской дивизии Николая Дмитриевича Томина. Самого же Ваську Караса с его последними отрядниками красные кавалеристы настигли 18 июля уже в Усманском уезде, недалеко от станции Княжая Байгора (15 километров юго-восточнее узловой станции Грязи). Во время погони под Карасем убили коня, но сдаваться он не стал, а побегал по полю, отстреливаясь из маузера и непрерывно крича во всю глотку: «Васька Карась не сдается! Васька Карась не сдается!» Но в самый критический момент его маузер дал две осечки подряд, а третий раз нажать на спусковой крючок Карась не успел: красноармейский клинок молнией ударил в его бесшабашную голову²⁹⁸.

11 июля сводный кавалерийский полк под командованием бывшего комбрига (и будущего начдива 15-й Сибирской) В.И. Дмитриенко в пух и прах разгромил 13-й Битюгский повстанческий полк Шандяпина. Сам Шандяпин, потеряв в бою коня и оказавшись в безвыходном положении, застрелился на глазах у собиравшегося зарубить его Варфоломея Ивановича Дмитриенко²⁹⁹.

14 июля у села Верхний Шибряй Борисоглебского уезда кавалеристы 14-й отдельной бригады почти целиком уничтожили Особый повстанческий полк Ивана Максимовича Ворожищева. Правда, самому Ворожищеву, его заместителю Миха-

илу Антоновичу Канищеву и нескольким рядовым повстанцам удалось оторваться от преследования и скрыться³⁰⁰.

Из всех шести проведенных в конце июня — первой половине июля 1921 года войсковых операций по разгрому последних крупных отрядов мятежников лишь одна не закончилась явной победой, одержанной на поле боя. Это начатая 8 июля операция по уничтожению 6-го Савальского полка под командованием Семена Алексеевича Шамова, активно действовавшего на границе Борисоглебского и Новохоперского уездов. 2 июля Шамов даже попытался захватить в лесу у станции Терновка бронепоезд № 121. Специально созданный для борьбы с Шамовым сводный отряд красных под командованием начальника разведки 3-го (Борисоглебского) боевого участка Михаила Васильевича Никольского никак не мог настичь Шамова в чистом поле, чтобы разом покончить с ним. А происходившие иногда стычки в лесах нужного результата не давали. И все же усилия красноармейцев отряда Никольского не пропали даром. В середине июля полк Шамова стал распадаться на мелкие группы, которые уже не представляли собой серьезной и организованной силы³⁰¹.

И, наконец, наступило 20 июля — день, который можно считать (с известной долей условности, разумеется) днем завершения разгрома антоновщины. И дело здесь вовсе не в том, что именно 20 июля Г.И. Котовский провел свою знаменитую военно-чекистскую операцию по уничтожению отряда И.С. Матюхина, попытавшегося собрать вокруг себя остатки нескольких разбитых повстанческих полков.

Самое главное заключается в том, что к 20 июля 1921 года на всей территории мятежной части Тамбовщины завершилось восстановление низовых органов советской власти. К этому же времени местное крестьянство окончательно отшатнулось от Антонова и даже включилось в борьбу с нежелавшими сдаваться мятежниками. Но добиться этого перелома в настроении тамбовского мужика, почти год жившего в кошмарных условиях безвластия и самой настоящей гражданской войны, было очень и очень непросто.

* * *

Еще с 1 июня, сразу вслед за начавшимися военными операциями по разгрому главных сил Антонова, в селах Тамбовщины развернулась широкомасштабная и планомерная работа по восстановлению местных органов советской власти. Наряду

с этим большое внимание уделялось «чистке» сел и их окрестностей от скрывававшихся повстанцев и полному изъятию имевшегося у населения оружия. Без успешного осуществления этих мер создать устойчивую советскую власть на местах было просто невозможно.

Поначалу большинство местного населения отнеслось к операциям по «чистке» крайне отрицательно и оказывало молчаливое, но упорное противодействие, не давая никаких сведений о местонахождении антоновцев, их семей и домашнего имущества, отданного на сохранение соседям или другим односельчанам. И все же «чистка» продолжалась с неуклонной методичностью, по примерно следующей схеме.

Намеченное для «чистки» село сначала занималось сильным красноармейским отрядом, возглавляемым так называемой «политтройкой». Затем на спешно созванном-согнанном в добровольно-принудительном порядке сходе всего взрослого населения зачитывались приказ № 130 командующего войсками губернии и постановление Полномочной комиссии ВЦИК от 12 мая 1921 года об аресте семей несядающих мятежников и о последующей их высылке на Север, если в течение двух недель сам мятежник не явится с повинной. После зачитания этих зловещих документов присутствующим на сходе категорически предлагалось тут же выдать всех родственников и односельчан, находящихся или находившихся ранее в антоновских полках, повстанческой милиции, отрядах сельской самообороны и различных комитетах «Союза трудового крестьянства» (СТК).

Комиссар 10-й стрелковой дивизии и одновременно председатель политкомиссии 3-го боевого участка Михаил Иванович Фиалковский так описывал в своем докладе Полномочной комиссии ВЦИК ход операции по «чистке» сел в период со 2 по 13 июня 1921 года:

«С первых же дней производства операций отмечалось:

1. Массовое бегство семей бандитов, причем имущество распылялось (зарывалось в землю, бралось с собой, раздавалось односельчанам и родственникам). Зачастую оставались одни голые стены на попечение дряхлых стариков.

2. Списки населения в большинстве случаев отсутствовали или были уничтожены бандитами; добровольных сведений крестьяне, из-за боязни мести бандитов, в большинстве случаев не давали. Были случаи арестов целых сходов за отказ выдать бандитов.

3. Оружие в большинстве случаев, несмотря на тщательные обыски, обнаруживать не удавалось.

Отношение населения к проведению операций было самое разнообразное, начиная с резко враждебного и кончая самым положительным; в большинстве же случаев крестьянство относилось к операциям осторожно, выжидательно, упорно замалчивая все, что относилось к бандитизму. Как усматривается из всех донесений, крестьянство замучено, разорено, перебито, боится представителей Советской власти, кровавой расправы со стороны бандитов. Кроме того, крестьянство изнурено нашими и бандитскими постоями и тяжелой подводной повинностью.

На бандитов проведение операций подействовало ошеломляющим образом. Распад и развал среди банд замечался с первых дней проведения операций. Главари и руководители пытались парализовать действие приказа № 130 своими аналогичными мерами. В районе Туголуково был расклеен приказ Богуславского о явке к нему всех демобилизованных красноармейцев, а также всех бежавших из банд. В Токаревском районе распространялся циркуляр губкома СТК от 5 июня о применении террора к семьям коммунистов, красноармейцев и совслужащим. В Токаревском же районе банды подбивали граждан выносить приговоры с ходатайством перед красным командованием о прекращении взятия заложников, угрожая учинить кровавую расправу в случае отказа. Свои угрозы бандиты отчасти приводили в исполнение, и в уполиткомиссии к 15 июня было зарегистрировано 15 случаев убийства семей красноармейцев, кроме многих случаев порки и избиения. Наряду с этим бандитами распространялись слухи о восстании по всей Советской республике, о переходе армии Буденного на сторону повстанцев-партизан, о войне с Японией и т. д.

Войсковые части, оккупирующие районы, в отношении довольствия и обмундирования находились в неудовлетворительном состоянии. Так же неудовлетворительно было санитарное состояние: не было белья, медикаментов и медперсонала. Несмотря на это, боеспособность частей была хорошая, красноармейцы горели ненавистью к бандитам и стремились как можно быстрее уничтожить бандитизм. Мародерства и грабежей со стороны войсковых частей, за исключением редких единичных случаев, не замечалось. Уполиткомиссией издан приказ ревкомам: немедленно сообщать о всех случаях грабежей и насилия; таких донесений пока не поступало. После операций практику-

ется осмотр вещей у красноармейцев и комсостава в присутствии представителей Особого отдела»³⁰².

Однако, несмотря на старания личного состава красноармейских частей, милиции и чекистов, результаты операций по «чистке» тамбовских сел от повстанцев, дезертиров и оружия были довольно скромными. Местное население, особенно в «злобандитских» селах, не только по-прежнему упорно отказывалось помогать проведению «чистки», но и быстро приспособилось более хитро и надежно укрывать от арестов повстанцев, их семьи и имущество. А для того чтобы не дать чекистам возможности составить полные списки скрывающихся антоновцев, крестьяне в деревнях вдруг начали отказываться называть свои имена и фамилии.

Такое, хотя и пассивное по форме, но весьма эффективное на деле и к тому же массовое сопротивление крестьянской среды сводило на нет все усилия по исполнению приказа № 130. Поэтому, видя начавшуюся пробуксовку этого приказа и отчетливо сознавая всю необходимость любой ценой сломить сопротивление среды, Полномочная комиссия ВЦИК решила пойти на отчаянный по своей крайности шаг. 11 июня 1921 года она опубликовала свой жутковатый приказ № 171, который спустя несколько дней каждый тамбовский крестьянин знал уже наизусть. Этот приказ, подписанный председателем Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антоновым-Овсеенко, командующим войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевским, председателем Тамбовского губисполкома А.С. Лавровым и секретарем губкома РКП(б) Б.А. Васильевым, гласил:

«Начиная с 1 июня, решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края.

Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду.

Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсерово-бандитские корни и в дополнение к ранее изданным распоряжениям, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссий и райполиткомиссий объявлять приказы об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в семье расстреливается на месте без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома разбирать или сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно»³⁰³.

Что здесь можно сказать или добавить? Вероятно, только то, что еще 12 мая М.Н. Тухачевский в своей «Инструкции по искоренению бандитизма» категорически потребовал от подчиненных ему войск, органов ЧК и милиции:

«1. Никогда не делать невыполнимых угроз.

2. Раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца»³⁰⁴.

Население же мятежных уездов, не знавшее, естественно, о существовании этих грозных пунктов секретной «Инструкции» Тухачевского и наивно полагавшее, что все самые крутые меры карательной политики с лихвой испробованы на нем еще осенью 1920 года, просто-напросто не поверило, что тамбовские власти теперь отважатся «проводить в жизнь», да еще «сурово и беспощадно», приказ № 171.

Но Полномочная комиссия ВЦИК не шутила, и вскоре с мест стали поступать первые донесения от так называемых «политпятерок», которые непосредственно руководили проведением «чисток» уже по приказу № 171. Вот пара типичных таких донесений.

«26 июня при занятии с. Туголуково особо организованной политпятеркой были взяты заложники и населению предложено немедленно выдать бандитов и оружие. По истечении двухчасового срока на глазах населения было расстреляно 5 заложников. Расстрел произвел на население сильнейшее впечатление, крестьянство приступило немедленно к выдаче бандитов и оружия. За 2 дня, 26 и 27 июня, явилось добровольно бандитов без оружия — 231, с оружием — 8, дезертиров — 99, выдано населением бандитов — 68, дезертиров — 88. При содействии населения была

устроена засада, в которую попал и был убит известный бандитский главарь Богуславский»³⁰⁵. Вместе с А.В. Богуславским были уничтожены бывший начальник штаба 1-й антоновской армии И.А. Губарев и еще трое повстанцев³⁰⁶.

«27 июня по занятии дер. Остроуховка Васильевской волости [Тамбовского уезда] организованной пятеркой объявлено населению о сдаче оружия и выдаче бандитов, взято 30 заложников. В 19 часов за неисполнение приказа о сдаче оружия расстреляно 10 заложников. Расстрел произвел на граждан ошеломляющее впечатление. Все крестьяне в один голос заявили, что пойдут всем селом и представят все оружие; немедленно было выдано 5 бандитов. Операция продолжается. Крестьяне проявляют усердие в поисках оружия и бандитов»³⁰⁷.

Однако отнюдь не все села, где «проводился в жизнь» приказ № 171, так быстро, то есть после расстрела первой же партии заложников, осознавали поистине жизненную необходимость тут же встать на сторону красных. Так, например, в Борисоглебском уезде, в деревне Андриановке для этого «осознания» потребовался расстрел, в два захода, 16 заложников, а в соседней Кулябовке — даже трех партий заложников (всего 23 человека)³⁰⁸.

Беспощадное выполнение приказа № 171, надо признать, быстро достигло своей цели: местное население, начавшее выдавать скрывавшихся антоновцев, невольно оказалось втянутым в борьбу с остатками разбитых повстанческих полков. Ибо те из крестьян, кто сознательно или же под страхом расстрела взятых заложниками родственников принимал участие в выдаче мятежников-односельчан, а также те, кто добровольно или под принуждением брал себе домашнее имущество, скот и сельхозинвентарь сбежавших или высланных на Север семей несдавшихся антоновцев, были вынуждены теперь как-то защищать себя, свои дома и семьи от неизбежных попыток мести со стороны уцелевших и зверевших буквально на глазах повстанцев.

Отметим здесь, что Полномочная комиссия ВЦИК весьма оперативно учла это новое обстоятельство и, чтобы еще более отдалить население тамбовских сел от последних мятежников, издала 17 июня приказ № 178, в котором под страхом сурового наказания потребовала от населения создать отряды самообороны и не пускать антоновцев в свои села. «В случае появления банд и налета их на населенные пункты, — говорилось в

приказе № 178, — местное население обязано оказать сопротивление, уничтожая бандитов всеми возможными средствами и немедленно сообщая об их появлении в ближайшую войсковую часть или ревком. Неоказание сопротивления бандитам и несвоевременное сообщение о появлении таковых... будет рассматриваться как сообщничество с бандитами со всеми вытекающими отсюда последствиями»³⁰⁹.

И этот приказ Полномочной комиссии ВЦИК также дал скорые результаты. Например, в той же Кулябовке, где 4 июля за отказ выдать повстанцев-односельчан красные расстреляли 23 заложника, отряд самообороны был создан по инициативе самих жителей и уже 11 и 12 июля успешно отразил две попытки Особого полка И.М. Ворожищева занять село³¹⁰.

Вот таким образом местное население втягивалось в вооруженную борьбу с последними группами антоновцев.

Разумеется, не бездействовали и красноармейские части. Во всех районах вслед за разгромом крупных отрядов повстанцев тут же начинались планомерные войсковые операции по прочесыванию лесов, оврагов и прочих мест, где могли скрываться антоновцы. Правда, сначала эти операции давали крайне скудные результаты. Но по мере накопления опыта у красноармейских частей, а также с получением все более ощутимой помощи со стороны местного населения, дело заметно пошло на лад. К тому же операции по прочесыванию труднопроходимых лесов стали предвлекаться массированными артиллерийскими обстрелами по площадям и бомбардировками с воздуха. И хотя эти артобстрелы и бомбардировки не наносили сколько-нибудь значительного урона противнику, деморализующее воздействие их на повстанцев было достаточно велико.

12 июня в целях быстрее «выкуривания» антоновцев из заболоченных лесов по берегам реки Вороны командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский издал свой бесчеловечный оперативно-секретный приказ № 0116:

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбегавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места требуемое количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести».

Чуть позднее Тухачевский к этому приказу добавил еще один пункт: «Во всех операциях с применением удушливого газа надлежит провести исчерпывающие мероприятия по спасению находящегося в сфере действия газов скота»³¹¹.

19 июня 1921 года в Москве состоялось заседание Центральной межведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом. Заседание вел заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский. Со своими соображениями по обсуждаемым вопросам выступили главком С.С. Каменев и председатель Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии В.А. Антонов-Овсеенко. Принятое совещанием решение, в частности, гласило: «Предложить Тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случаях полной обеспеченности успеха»³¹².

На следующий день, 20 июня, первый помощник начальника штаба Красной армии Борис Михайлович Шапошников (будущий Маршал Советского Союза) телеграфировал в Тамбов Тухачевскому:

«Главком приказал срочно выслать в распоряжение Тамбовского губернского командования 5 химических команд с соответствующим количеством баллонов с газами для обслуживания боевых участков»³¹³.

24 июня инспектор (начальник) артиллерии войск Тамбовской губернии С. Касинов в своем рапорте Тухачевскому писал:

«Относительно применения газов в Москве я выяснил следующее: наряд на 2000 химических снарядов дан, и на этих днях они должны прибыть в Тамбов. Распределение по участкам: 1-му, 2-му, 3-му, 4-му и 5-му по 200, 6-му — 100. Инструкцию для применения представляю на Ваше рассмотрение, после чего разошлю ее начальникам артиллерии участков».

Вот эта инструкция:

«Для сведения и руководства объявляю краткие указания о применении химических снарядов.

1. Химические снаряды применяются в тех случаях, когда газобаллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям, например: при полном отсутствии или слабом ветре и если противник засел в лесах и в местах труднодоступных для газов.

2. Химические снаряды разделяются на 2 типа: удушающие и отравляющие.

3. Быстродействующие снаряды употребляются для немедленного воздействия на противника, испаряются через 5 минут.

Медленно действующие употребляются для создания непроходимой зоны, для устранения возможности отступления противника, испаряются через 15 минут.

4. Для действительной стрельбы необходим твердый грунт, т. к. снаряды, попадая в мягкую почву, не разрываются и никакого действия не производят. Местность для применения лучше закрытая, поросшая густым лесом. При сильном ветре, а также в жаркую погоду стрельба становится недействительной.

5. Стрельбу желательно вести ночью. Одиночных выстрелов делать не стоит, т. к. не создается газовой атмосферы.

6. Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов (всей батареей). Общая скорость стрельбы не менее трех выстрелов в минуту на орудие. Сфера действия снаряда 20–25 квадратных шагов. Стрельбу нельзя вести при частом дожде и в случае, если до противника не более 300–400 шагов и ветер в нашу сторону.

7. Весь личный состав батареей должен быть снабжен противогАЗами»³¹⁴.

На сегодняшний день известно несколько документально зафиксированных фактов применения газов против антоновцев, скрывавшихся в лесах и болотах по берегам реки Вороны. Однако, как выясняется, во всех этих случаях стрельба химическими снарядами велась совершенно вопреки вышеприведенной инструкции, то есть исключительно в страшную жару и по сильно заболоченной местности. Одним словом, повстанцы так и не поняли, сколь страшное оружие было применено против них.

* * *

К середине июля 1921 года под воздействием множества самых различных факторов тамбовское крестьянство окончательно приняло сторону советской власти. Под влиянием такой позиции местного населения началась массовая сдача в

плен антоновцев, скрывавшихся до этого по лесам и болотам. Так, 6 июля в селе Козьмодемьянское Кирсановского уезда организовано и с оружием сдались на милость советской власти остатки Особого повстанческого полка во главе со своим командиром Я.В. Санфировым³¹⁵. А не желавших сдаваться повстанцев вынуждены были выдавать властям сами крестьяне. Именно с помощью местного населения 1-й кавалерийский полк Н.А. Переведенцева провел 22–26 июня в районе Каменки успешную операцию по ликвидации губкома «Союза трудового крестьянства». В результате этой операции были пойманы 8 членов губкома, а около семидесяти других работников аппарата губкома СТК попали в плен или были убиты при задержании³¹⁶. Жители той же Каменки указали и место лесной землянки у хутора Журавлиная Вершина, где скрывался главный идеолог антоновщины, председатель Тамбовского губкома партии правых эсеров Григорий Наумович Плужников (убит вместе со своим сыном при задержании 11-го, а по другим данным — 12 июля)³¹⁷. А еще раньше, скорее всего 22 июня, в результате удачной совместной операции московских, воронежских и тамбовских чекистов в Москве был арестован и 26 июня расстрелян председатель Тамбовского губкома СТК Иван Егорович Ишин.

К 15 июля 1921 года общая численность мятежников в Тамбовской губернии сократилась, по сравнению с численностью на 1 мая, в семнадцать с половиной раз и составила около 1200 человек³¹⁸ — совершенно деморализованных, голодных, почти без патронов и разбросанных мелкими группами по огромной территории. Держать и дальше для борьбы с ними на вконец разоренной Тамбовщине 120-тысячную группировку отборных частей регулярной Красной армии и внутренних войск становилось бессмысленным, ибо воевать, по существу, было уже не с кем.

16 июля командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский писал в докладной записке на имя В.И. Ленина:

«В результате методически проведенных операций на протяжении сорока дней, крестьянское восстание в Тамбовской губ. ликвидировано.

СТК разгромлен.

Советская власть восстановлена повсеместно.

<...> Громадное количество главарей банд уничтожено.

Крестьянство скомпрометировано в глазах бандитов и ищет от них вооруженной защиты Красной Армии.

Но вместе с тем крестьяне определенно не верят в искренность декрета о продналоге. Среди них ходят слухи о том, что к осени наши войска будут выведены из Тамбовской губ. и тогда бандиты вновь начнут действия и, наконец, кое-где еще сидят волостные комитеты СТК.

Ввиду этого я считаю необходимым проведение нижеследующих мероприятий:

1. Не выводить из Тамбгуб ныне действующих в ней войск в течении одного года.

2. Оставить оккупационное командование Тамбгуб по крайней мере до зимы, не увлекаясь сокращением штабов.

3. Всех коммунистов, присланных по мобилизации в Тамбгуб, закрепить за последней, а также произвести перегруппировку засидевшихся коммунистов.

4. Не налагать на Тамбгуб никаких дополнительных продовольственных налогов»³¹⁹.

20 июля председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. Антонов-Овсеенко рапортовал в ЦК РКП(б):

«Банды Антонова разгромлены... Бандиты массами сдаются, выдавая главарей. Само крестьянство окончательно отшатнулось от эсеров-бандитского предательства. Оно само вступает в решительную борьбу с разбойными шайками»³²⁰.

В этот же день 20 июля 1921 года Полномочная комиссия ВЦИК, знаменуя победу над антоновщиной, известила войска и население Тамбовской губернии, что «окончательный развал эсеров-бандитизма и полное содействие в борьбе с ним со стороны крестьян позволяет Полномочной комиссии ВЦИК приостановить применение исключительных мер приказа № 171, направленных против упорствующих бандитов»³²¹. Это постановление убедительно свидетельствовало о том, что полыхавшее ровно одиннадцать месяцев антикоммунистическое крестьянское восстание на Тамбовщине в целом подавлено.

Наступала пора подведения итогов.

25–28 июля в Тамбове проходила 1-я общевойсковая конференция коммунистов войск Тамбовской губернии. С большими, достаточно содержательными и довольно правдивыми докладами о причинах возникновения антоновщины, крайне тяжелом и затяжном процессе ее подавления выступили заместитель председателя Полномочной комиссии ВЦИК, командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский и

начальник военно-исторического отделения штаба войск Тамбовской губернии А.С. Казаков.

В частности, Тухачевский сообщил, что за период с 28 мая по 26 июля 1921 года в Тамбовской губернии обезврежено 16 369 мятежников. Из них: в боях взято в плен 985 и убито 4515 человек; поймано в облавах 572 человека с оружием и 4713 без оружия; принесли добровольную явку с повинной 1244 мятежника с оружием и 4005 без оружия; и, наконец, явились в обмен на арестованные по приказу № 130 семьи 16 повстанцев с оружием и 319 без оружия. А всего по приказу № 130 было арестовано 1895 семей антоновцев. Что же касается «проведения в жизнь» приказа № 171, то Тухачевский сказал лишь, что, по неполным сведениям, было расстреляно 274 заложника³²². На самом деле, конечно, число расстрелянных заложников было значительно больше. И это объясняется не только неполнотой сведений, поступивших в Полномочную комиссию ВЦИК от участковых политкомиссий, но и тем, что некоторые командиры красноармейских частей и председатели местных ревкомов сами присваивали себе право проведения карательных акций по приказу № 171, а сведений о результатах этих незаконных «мероприятий» в Полномочную комиссию ВЦИК, естественно, не представляли. Справедливости ради надо отметить, что Полномочная комиссия ВЦИК делала кое-что для прекращения подобных безобразий и даже объявила «всем предрайревкомам, командирам и комиссарам частей, что они головой отвечают за правильное проведение приказов № 130 и 171»³²³.

В своем докладе на партконференции Тухачевский сообщил и о том, что за период с 28 мая по 26 июля у повстанцев и местного населения отобрано 3 орудия, 34 пулемета, 2221 винтовка и 285 револьверов. Однако, заявил М.Н. Тухачевский, еще предстояло найти по меньшей мере 4 тысячи винтовок. А говоря об уцелевших руководителях восстания, командующий войсками Тамбовской губернии особо выделил троих — самого А.С. Антонова, его последнего командарма И.М. Кузнецова и председателя Борисоглебского уездного комитета СТК С.А. Шамова³²⁴.

* * *

В августе 1921 года начался постепенный вывод частей Красной армии из пределов «успокоенной» Тамбовщины. Едва ли не первым в самом начале месяца уехал М.Н. Тухачевский.

Вместо него командующим войсками Тамбовской губернии стал видный советский военачальник Михаил Карлович Левандовский. Однако в дальнейшем фактическое руководство войсками губернии находилось в руках нового начальника штаба Михаила Васильевича Молкочанова.

В итоге войсковых, военно-чекистских и сугубо чекистских операций, проведенных в течение двух месяцев после отмены приказа № 171, то есть в период с 21 июля по 20 сентября 1921 года, все сколько-нибудь организованные отряды повстанцев были окончательно ликвидированы. Что касается командиров бывших повстанческих полков, то к 21 сентября один из них (М.А. Назаров) раненым попал в плен, другие (П.Н. Чумичев, Д. Микулин, И.И. Башкарев, И.Ф. Рыжаков, И.С. Матюхин, Монах) были убиты или сами застрелились при задержании, а трети (А.Б. Кулдошин, Д.П. Венедиктов, И.М. Ворожищев, И.Е. Чернышев, И.А. Бармин) добровольно сложили оружие и сдались на милость советской власти³²⁵. Однако наиболее видные руководители восстания (А.С. Антонов, И.М. Кузнецов и С.А. Шамов) продолжали оставаться на свободе, и это обстоятельство еще долго не давало покоя тамбовским чекистам.

Надо сказать, что в Тамбове никогда не жалели сил и средств, чтобы поймать или хотя бы убить эту троицу. Меры по обезвреживанию Антонова, Кузнецова и Шамова предпринимались самые разнообразные: от засылки чекистов и бывших антоновцев с заданием уничтожить любой ценой до личных письменных заверений советских военачальников и высокопоставленных чекистов (М.Н. Тухачевского, уполномоченного ВЧК по Тамбовской губернии Я.Б. Левина и других) о гарантировании жизни в случае немедленного прекращения вооруженной борьбы и добровольной явки с повинной вместе со своими отрядами³²⁶.

Но жизнь распорядилась по-другому.

В начале октября 1921 года неутомный «командарм» Кузнецов, которому в августе удалось все-таки сколотить вокруг себя отряд в 500 всадников, после нескольких поражений подряд вдруг бросил все и куда-то бесследно исчез. По слухам, ходившим тогда на Тамбовщине, Иван Кузнецов подался за границу, в Польшу, к Борису Савинкову.

А Семен Шамов, оставшийся после исчезновения Кузнецова за главного у скрывавшихся в борисоглебских лесах анто-

новцев, держался до самой зимы. Но отряд его таял прямо на глазах. 8 декабря Шамов отпустил сдаваться последних восьмерых отрядников³²⁷, а сам утром 6 января 1922 года весьма странным образом угодил в руки отряда местной самообороны села Ржавец, что в тридцати километрах северо-западнее Борисоглебска³²⁸.

И, наконец, вечером 24 июня 1922 года в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда (ныне Уваровского района Тамбовской области) в ходе ожесточенной, продолжавшейся два часа перестрелки с оперативной группой Тамбовского губотдела ГПУ погибли братья Александр и Дмитрий Антоновы. Тем самым в затянувшейся истории антоновщины была поставлена последняя точка.

Источники и литература

- ¹ Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 49. Л. 24–24 об.
- ² См., напр.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47–49.
- ³ *Павлюченков С.* Почему вспыхнула «антоновщина»? // Неделя. 1989. № 44. С. 11.
- ⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 135, 408.
- ⁵ ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 49. Л. 28.
- ⁶ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 12.
- ⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 667.
- ⁸ *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964. С. 78.
- ⁹ *Тухачевский М.* Военным коммунистам: Военно-политическая директива для неуклонного исполнения политотделам, комиссарам, политрукам, ячейкам. Тамбов, 1921. С. 4.
- ¹⁰ *Щетинов Ю.А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920–1921 гг.). М., 1984. С. 67.
- ¹¹ *Казаков А.* Партия с.-р. в Тамбовском восстании 1920–21 гг. М., 1922. С. 5.
- ¹² *Трифонов И. Я.* Указ. соч. С. 37.
- ¹³ ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 3. Л. 212.
- ¹⁴ Коммунист (Тамбов). 1920. № 1. С. 20.

- ¹⁵ Антоновщина: Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губ. (далее — Антоновщина...). Тамбов, 1923. С. 10.
- ¹⁶ РГВА. Ф.235. Оп. 5. Д. 217. Л. 9 об.
- ¹⁷ Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 834. Л. 4–6, 9.
- ¹⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 44–45.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 692. Л. 3, 20.
- ²⁰ Там же. Д. 834. Л. 4–6, 9.
- ²¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 229.
- ²² Там же. С. 48–49.
- ²³ *Филиппов И.Т.* Ленинская программа борьбы за хлеб и ее осуществление в Черноземном центре. 1918–1920 гг. Борисоглебск, 1971. С. 100.
- ²⁴ *Донков И.П.* Организация разгрома антоновщины // Вопросы истории КПСС. 1966. № 6. С. 61.
- ²⁵ См., напр.: *Донков И.П.* Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977. С. 17–25.
- ²⁶ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 11, 11 об.
- ²⁷ *Филиппов И.Т.* Указ. соч. С. 111.
- ²⁸ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 11 об. 18, 18 об.
- ²⁹ Там же. Л. 11 об.
- ³⁰ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 25–26.
- ³¹ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 63. Л. 1, 3, 5, 6.
- ³² *Донков И.П.* Указ. соч. С. 31.
- ³³ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 63. Л. 3, 5, 6, 8–10, 12, 38.
- ³⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6956. Л. 13, 21, 59, 81, 84, 104, 139.
- ³⁵ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 34.
- ³⁶ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 63. Л. 19–21, 25, 39, 46, 49, 50, 53.
- ³⁷ Там же. Л. 37.
- ³⁸ Там же. Л. 61.
- ³⁹ *Верховых В.* Пять лет борьбы: Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией // За пять лет Октябрьской революции. Политический и экономическо-статистический обзор Борисоглебского уезда. Борисоглебск, 1922. С. 28.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 10. Л. 225.
- ⁴¹ Там же. Д. 63. Л. 54, 56, 65, 86.
- ⁴² ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 84.
- ⁴³ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 63. Л. 95.
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 84.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 10. Л. 236; Д. 63. Л. 89.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 84.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 133. Л. 2.

- ⁴⁸ Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии С.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922. С. 43, 45.
- ⁴⁹ *Есиков С.А., Капищев В.В.* «Антоновский НЭП»: (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 61; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 62–64.
- ⁵⁰ Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета... С. 45.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 235 Оп. 5. Д. 63. Л. 81, 99, 106, 108.
- ⁵² *Донков И.П.* Указ. соч. С. 35.
- ⁵³ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 58.
- ⁵⁴ РГВА. Ф. 235 Оп. 5. Д. 63. Л. 116, 128.
- ⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 29.
- ⁵⁶ Внутренние войска Советской республики. 1917–1922 гг.: Документы и материалы. М., 1972. С. 514.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 63. Л. 114, 197, 210, 213, 217, 232, 233.
- ⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 197. Л. 182; Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 44. Л. 70.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 16, 16 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 38; *Трифонов И.Я.* Указ. соч. С. 246.
- ⁶¹ Там же; РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 75. Л. 1 об.
- ⁶² Там же. Д. 63. Л. 259.
- ⁶³ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 26.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 15, 15 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 15 об.
- ⁶⁶ Там же. Д. 63. Л. 166.
- ⁶⁷ Там же. Л. 252.
- ⁶⁸ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 8–9.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 38.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 11. Л. 7, 11.
- ⁷¹ Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 20, 21.
- ⁷² Там же. Д. 75. Л. 2; Оп. 2. Д. 11. Л. 21.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 5. Д. 75. Л. 2.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 8.
- ⁷⁷ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 630. Л. 145.
- ⁷⁸ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 75. Л. 2 об.
- ⁷⁹ В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.). 2-е изд., доп. М., 1987. С. 357.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 290.
- ⁸² *Донков И.П.* Указ. соч. С. 10.

- 83 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 11. Л. 87, 88.
- 84 Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 16.
- 85 Там же. Л. 20.
- 86 Там же. Оп. 5. Д. 11. Л. 52.
- 87 Цит. по: *Донков И.П.* Указ. соч. С. 37.
- 88 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 10.
- 89 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 7. Л. 4.
- 90 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 3.
- 91 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 11. Л. 30, 35, 90.
- 92 Там же. Л. 53.
- 93 Внутренние войска Советской республики... С. 534.
- 94 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 303.
- 95 Там же. С. 310.
- 96 РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 550. Л. 218.
- 97 Там же. Оп. 5. Д. 9. Л.10; Д. 75. Л. 3 об.
- 98 Там же. Д. 3. Л. 4; Д. 6. Л. 389, 485.
- 99 Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 41.
- 100 Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 465.
- 101 Там же. Д. 7. Л. 25; Оп. 2. Д. 11. Л. 45.
- 102 Там же. Л. 47.
- 103 Там же. Л. 30; Оп. 5. Д. 6. Л. 537 об.
- 104 Там же. Д. 8. Л. 22.
- 105 Там же. Д. 9. Л. 27; Д. 75. Л. 4.
- 106 Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 36.
- 107 Там же. Оп. 5. Д. 75. Л. 5.
- 108 Антоновщина... С. 20; Обвинительное заключение... С. 45.
- 109 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 75. Л. 5.
- 110 Там же.
- 111 Там же.
- 112 Там же. Д. 11. Л. 95.
- 113 Там же. Д. 129. Л. 83.
- 114 Там же. Л. 82, 82 об.
- 115 Там же. Д. 8. Л. 44; Д. 3. Л. 28.
- 116 Там же. Оп. 2. Д. 483. Л. 29.
- 117 Там же. Оп. 5. Д. 75. Л. 54–56.
- 118 Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 54.
- 119 Там же. Л. 51.
- 120 Там же. Оп. 5. Д. 9. Л. 61–63; ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л.19.
- 121 Вопросы истории КПСС. 1978. № 2. С. 116; Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1. Д. 214. Л. 71.
- 122 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 310–311.
- 123 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 9, 12.
- 124 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 3. Л. 46.
- 125 Там же. Л. 49; Пароль — мужество. Очерки о тамбовских чекистах. 2-е изд., доп. и перераб. Воронеж, 1986. С. 56.

- 126 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 75. Л. 83.
 127 Там же. Д. 6. Л. 921.
 128 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 403. Л. 9, 12.
 129 Там же. Л. 11.
 130 Там же. Л. 18.
 131 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 31. Л. 1–3.
 132 *Донков И.П.* Указ. соч. С. 48, 49; РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 7.
 133 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 3. Л. 56.
 134 Там же. Д. 1. Л. 8.
 135 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 90.
 136 РГВА. Д. 121. Л. 73; Оп. 1. Д. 28. Л. 40.
 137 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 115. Л. 19.
 138 Там же. Оп. 5. Д. 131. Л. 73; Д. 217. Л. 19 об.
 139 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 291.
 140 Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 88, 90.
 141 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 4, 19.
 142 Там же. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.
 143 *Донков И.П.* Указ. соч. С. 31.
 144 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 129. Л. 87.
 145 *Казаков А.* Указ. соч. С. 11–14.
 146 См., напр.: РГВА. Д. 136. Л. 17, 17 об.
 147 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 9. Л. 66.
 148 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
 149 Там же. Л. 3.
 150 Там же. Л. 7; Ф. 7. Оп. 2. Д. 505. Л. 80.
 151 ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 158. Л. 54.
 152 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 89.
 153 *Донков И.П.* Указ. соч. С. 51.
 154 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 86. Л. 80 об.
 155 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 46.
 156 Антоновщина... С. 104, 105.
 157 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 86. Л. 35, 51 об.
 158 Там же. Д. 115. Л. 25.
 159 Там же. Л. 40.
 160 Там же. Д. 86. Л. 165, 166.
 161 Там же. Л. 316.
 162 Там же. Д. 115. Л. 49; ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 4.
 163 Боевые подвиги частей Красной Армии (1918–1922 гг.): Сб. документов. М., 1957. С. 152.
 164 ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 4.
 165 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 86. Л. 249.
 166 Там же. Л. 284; Д. 115. Л. 47; Ф. 7. Оп. 2. Д. 491. Л. 25, 25 об.
 167 Там же. Л. 68 об.
 168 ГАВО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 426. Л. 5.
 169 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 86. Л. 250, 251.

- ¹⁷⁰ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.
- ¹⁷¹ Там же. Оп. 5. Д. 122. Л. 64.
- ¹⁷² Вопросы истории КПСС. 1963. №12. С. 35.
- ¹⁷³ *Трифонов И.Я.* Указ. соч. С. 210, 211.
- ¹⁷⁴ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 52.
- ¹⁷⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 31. Л. 58.
- ¹⁷⁶ Вслед за ленинской строкой. Воронеж, 1967. С. 93.
- ¹⁷⁷ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 110. Л. 4–7.
- ¹⁷⁸ ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 426. Л. 34 об.
- ¹⁷⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 42.
- ¹⁸⁰ *Рыбаков М.* Действия летучего корпуса тов. Нестеровича: Сб. трудов Военно-научного общества при Военной академии. Кн. 4. М., 1923. С. 106.
- ¹⁸¹ ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 425. Л. 62–64.
- ¹⁸² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 107. Л. 7 об.
- ¹⁸³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 67.
- ¹⁸⁴ Там же. Т. 42. С. 333.
- ¹⁸⁵ Неделя. 1989. № 44. С. 11.
- ¹⁸⁶ Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны 1918–1921 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 299–301.
- ¹⁸⁷ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁸⁸ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 110. Л. 36.
- ¹⁸⁹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 10. С. 41, 42; Ленинский сборник XXXVIII. С. 331.
- ¹⁹⁰ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 586–588.
- ¹⁹¹ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 48, 61.
- ¹⁹² РГВА. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 122. Л. 19.
- ¹⁹³ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 53, 54, 61–64.
- ¹⁹⁴ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 25. Л. 1.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 122. Л. 14; Ф. 7. Оп. 2. Д. 89. Л. 3.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 14; Военно-исторический журнал. 1968. № 9. С. 31.
- ¹⁹⁷ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁹⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 291.
- ¹⁹⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. С. 40.
- ²⁰⁰ *Донков И.П.* Указ. соч. С. 84, 85.
- ²⁰¹ *Трифонов И.Я.* Указ. соч. С. 249.
- ²⁰² *Щетинов Ю.А.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁰³ РГВА. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 81. Л. 206.
- ²⁰⁴ Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 115. Л. 148.
- ²⁰⁵ *Лавыгин Б.М.* Ликвидация банд Колесникова // На страже: Боевые действия Красной Армии в Воронежской губернии. Воронеж, 1928. С. 71–73; РГВА. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 34. Л. 26; Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 14.

- 206 Там же; Д. 485. Л. 85; ГАВО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
- 207 *Лавыгин Б.М.* Указ. соч. С. 79; РГВА. Ф. 7841. Д. 39. Л. 10; Д. 195. Л. 3.
- 208 Там же. Д. 59. Л. 6 об.
- 209 Внутренние войска Советской республики... С. 579.
- 210 ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 425. Л. 89.
- 211 РГВА. Ф. 25887. Оп. 1. Д. 371. Л. 375, 376.
- 212 Там же. Д. 511. Л. 50, 51.
- 213 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 31. Л. 10.
- 214 Там же. Оп. 2. Д. 141. Л. 39 об.; ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 425. Л. 171, 172, 183, 211, 212; Д. 426. Л. 54 об.
- 215 Там же. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 158. Л. 34.
- 216 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 192. Л. 57.
- 217 Там же. Ф. 8159. Оп. 1. Д. 8. Л. 5 об., 6.
- 218 Там же. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 122. Л. 44.
- 219 Там же. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 498. Л. 34 об.; Ф. 3695. Оп. 1. Д. 32. Л. 44 об.; Д. 46. Л. 119, 144; Д. 49. Л. 5 об.
- 220 Там же. Ф. 8159. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об., 8.
- 221 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. 2-е изд., доп. М., 1974. С. 74–75.
- 222 Огонек. 1986. № 48. С. 7.
- 223 РГВА. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 105. Л. 103.
- 224 *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 75.
- 225 РГВА. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 82. Л. 107.
- 226 Там же. Д. 81. Л. 171 об., 176; Ф. 235. Оп. 5. Д. 193. Л. 27.
- 227 Там же. Ф. 7841. Д. 81. Л. 171 об., 247.
- 228 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 110. Л. 39.
- 229 Там же. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 81. Л. 246, 246 об.; Д. 82. Л. 163–165.
- 230 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 27.
- 231 Цит. по: *Ракитин А.В.* Антонов-Овсеенко В.А.: Документальный биографический очерк. Л., 1975. С. 266–267.
- 232 *Донков И.П.* Указ. соч. С. 77; РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 2 об.
- 233 Там же. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 151. Л. 28.
- 234 *Трутко И.* Тактические примеры из опыта борьбы с бандитизмом. Применение аэропланов как резервов // Красная Армия. 1921. № 5–6. С. 41–43; *Леонидов Б.* Эсербандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Революция и война. 1922. № 14–15. С. 165.
- 235 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 39, 40.
- 236 Антоновщина ... С. 129, 130.
- 237 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 95. Л. 2, 2 об.; Д. 129. Л. 211; Д. 131. Л. 230; ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 11.
- 238 ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 359. Л. 70; РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 591. Л. 46 об.
- 239 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 131. Л. 243.
- 240 Там же. Л. 255; ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 16.

- 241 РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 141. Л. 197, 204, 207; Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 86.
- 242 Там же. Д. 535. Л. 191; Д. 591. Л. 184; Ф. 235. Оп. 2. Д. 293. Л. 29; ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 158. Л. 129.
- 243 *Самошкин В.* Слово о красных курсантах // Подъем. 1987. № 10. С. 121; РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 129. Л. 81 об., 84, 202.
- 244 Там же. Оп. 2. Д. 337. Л. 43.
- 245 Там же; Оп. 5. Д. 23. Л. 10 об.; Д. 136. Л. 47; Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 20.
- 246 Там же. Д. 535. Л. 291; Ф. 235. Оп. 2. Д. 337. Л. 43.
- 247 *Донков И.П.* Указ. соч. С. 87, 88.
- 248 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 336, 351, 357.
- 249 Тамбовский пахарь. 1921. 12 мая.
- 250 ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1003. Л. 4.
- 251 Там же. Д. 1003. Л. 3.
- 252 РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 56; Оп. 5. Д. 82. Л. 4, 35; Д. 217. Л. 5 об.
- 253 *Донков И.П.* Указ. соч. С. 91; Военно-исторический журнал. 1968. № 9. С. 33; РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 632. Л. 8.
- 254 *Мокеров В.* Курсантский сбор по борьбе с антоновщиной // Война и революция. 1932. Кн. 1. С. 61.
- 255 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 527а. Л. 16.
- 256 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 240.
- 257 РГВА. Ф. 7. Оп. 2.
- 258 Там же. Д. 511. Л. 16.
- 259 Тамбовский пахарь. 1921. 5 июня.
- 260 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 26. Л. 7 об.
- 261 Там же. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
- 262 Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 82. Л. 10.
- 263 Там же. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- 264 Там же. Д. 4. Л. 32.
- 265 Письма Ильичу. Воронеж, 1968. С.145–146.
- 266 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 240–241.
- 267 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 127–127 об.
- 268 Там же. Д. 130. Л. 42.
- 269 Голос пахаря (Борисоглебск). 1921. 25 авг.
- 270 РГВА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–32 об., 34, 43.
- 271 ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 7 об.
- 272 РГВА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
- 273 Там же. Д. 4. Л. 40.
- 274 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 68–69.
- 275 РГВА. Ф. 8159. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
- 276 Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 21.
- 277 РГВА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

- 278 Там же. Д. 6. Л. 3.
- 279 Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918–1928: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1983. С. 110–111.
- 280 РГВА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
- 281 Там же. Л. 4; Д. 8. Л. 23 об.
- 282 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 20.
- 283 Там же. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; Д. 12. Л. 15, 15 об.
- 284 Там же. Л. 16; Ф. 7. Оп. 2. Д. 509. Л. 46 об.
- 285 Там же. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 12. Л. 15 об.–16 об.
- 286 Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 311. Л. 66.
- 287 Там же. Л. 63, 66; Д. 337. Л. 19; Ф. 32003. Оп. 1. Д. 1. Л. 97 об.
- 288 Там же. Л. 63.
- 289 Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.
- 290 Там же. Оп. 2. Д. 293. Л. 109, 198.
- 291 Там же. Д. 308. Л. 608; Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 291.
- 292 Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 337. Л. 19.
- 293 Там же. Оп. 5. Д. 26. Л. 55.
- 294 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 78.
- 295 Исторический архив. 1962. № 4. С. 204.
- 296 РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 26. Л. 84, 84 об., 88, 89.
- 297 *Самошкин В.* Указ. соч. С. 124–127; Г.И. Котовский: Документы и материалы. Кишинев, 1956. С. 47.
- 298 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 20; Д. 509. Л. 46 об.
- 299 Там же. Л. 44.
- 300 Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.
- 301 Там же. Оп. 5. Д. 26. Л. 89.
- 302 Там же. Л. 56, 56 об.
- 303 ГАТО. Ф. Р-1822. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3.
- 304 ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 158. Л. 541.
- 305 РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.
- 306 ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 158. Л. 668, 686.
- 307 Там же. Л. 668.
- 308 Там же. Л. 736, 738.
- 309 ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1033. Л. 2.
- 310 РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.
- 311 Там же. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
- 312 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 495. Л. 42.
- 313 Российская газета. 1994. 29 июня.
- 314 Там же.
- 315 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 20.
- 316 Там же. Д. 308. Л. 506.
- 317 Там же. Ф. 7841. Оп. 1. Д. 7. Л. 18; ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 30 об.

- ³¹⁸ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 420.
- ³¹⁹ Архив Л.Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США. Документ Т-685.
- ³²⁰ *Трифонов И.Я.* Указ. соч. С. 257.
- ³²¹ РГВА. Ф. 7. Он. 2. Д. 130. Л. 74.
- ³²² Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 6 об.
- ³²³ ГАВО. Ф. Р-503. Он. 1. Д. 125. Л. 32.
- ³²⁴ РГВА. Ф. 235. Он. 5. Д. 217. Л. 5 об., 6 об., 7.
- ³²⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 485. Л. 20.
- ³²⁶ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 56. Л. 57 об.
- ³²⁷ Там же. Ф. 7709. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.
- ³²⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. Г-15267. Л. 4.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ
АНТОНОВ

Страницы биографии

Предлагаемый вниманию читателей историко-биографический очерк является первой попыткой рассказать о жизненном пути человека, имя которого — хотим мы того или нет — навсегда останется в отечественной истории.

В документальную основу очерка легли неизвестные ранее материалы об Антонове, найденные автором в Государственном архиве Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции), Российском государственном военно-историческом архиве (бывший Центральный государственный военно-исторический архив), Российском государственном военном архиве (бывший Центральный государственный архив Советской Армии), Центральном государственном архиве Москвы (бывший Центральный государственный исторический архив г. Москвы), Центре документации новейшей истории Тамбовской области (бывший Партийный архив Тамбовского обкома КПСС), Архиве Л.Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США, а также в государственных архивах Владимирской, Воронежской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей.

Часть 1. Парень в косоворотке

Александр Степанович Антонов родился 26 июня* (8 июля) 1889 года в Москве, в семье отставного фельдфебеля из мещан Тамбовской губернии Степана Гавриловича Антонова и портнихи Наталии Ивановны (в девичестве Соколовой). Крещенный 30 июня в знаменитой московской церкви Преподобного Сергия Радонежского Александр был третьим ребенком в небогатой семье Антоновых. Старше его были сестры Валентина и Анна, а младше — брат Дмитрий, родившийся уже в уездном городе Кирсанове Тамбовской губернии, куда в 90-х годах переехали жить Антоновы¹.

Здесь Степан Гаврилович открыл небольшую слесарную мастерскую по починке домашней утвари. Однако дела его шли не очень удачно, и поэтому основной вклад в семейный бюджет вносила супруга, быстро приобретшая в захолустном Кирсанове репутацию лучшей портнихи-модистки. Именно благодаря стараниям Наталии Ивановны обе ее дочери-красавицы и младший сынок были всегда нарядными и опрятными.

А вот Александр с самых юных лет не любил наряжаться и ходил в скромной ситцевой косоворотке, подпоясанной ремнем, и в дешевых бумажных брюках, заправленных в сапоги. Именно таким он запомнился своим одноклассникам по Кирсановскому городскому трехклассному училищу, где всех учиб-

---

* Другая дата рождения А.С. Антонова — 26 июля 1889 г., — содержащаяся в одном из документов, опубликованных в сборнике «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы» (Тамбов, 1994, с. 264), не соответствует действительности.

ных дисциплин и было-то: русский язык, арифметика с геометрией, да неизбежный тогда Закон Божий².

Трудно сказать почему, но явно неглупый Антонов учился плохо, а во 2-м классе даже остался на второй год за неуспеваемость. В 1905 году он должен был окончить училище, но вот окончил ли — достоверно пока неизвестно. Отметим попутно, что в нашей исторической литературе, как научной, так и художественной, еще с 1922 года прочно бытует легенда о том, что Антонов, не окончив учебы, был исключен из училища за постоянное хулиганство и слабую успеваемость. Причем утверждающие это пишут, что Антонова выгнали из 5-го класса реального училища³. Однако сейчас точно установлено, что в 1905 году в Кирсанове еще не было реального училища⁴. К тому же, напомним, Антонов учился в трехклассном училище, и поэтому его никак не могли выгнать из 5-го класса.

Впрочем, как бы там ни было, факт остается фактом: в 1905 году школьная пора для Антонова закончилась. О том, чем занимался Александр Антонов до конца 1907 года, известно немного. Какое-то время он работал в Кирсанове у местного хлеботорговца Милохина, затем сблизился с эсерами, вступил в их партию, перешел на нелегальное положение и якобы начал принимать участие в ограблениях («экспроприациях», «эксах») государственных учреждений и заведений (волостных правлений и казенных винных лавок), а также официальных должностных лиц (сборщиков налогов). И хотя у Кирсановской полиции не имелось на сей счет никаких конкретных доказательств, она тем не менее в начале 1908 года уже однозначно характеризовала Антонова как «известного грабителя» и вела — пусть и весьма пассивно — его розыск⁵.

Любопытная деталь. Некоторые историки и писатели с завидным единодушием именуют Антонова «кирсановским мещанином». А ведь на самом деле он был мещанином города Тамбова. Так, например, в сугубо официальной справке Тамбовской мещанской управы от 12 декабря 1908 года говорится: «Александр Степанович Антонов принадлежит к обществу мещан г. Тамбова, рожден 26 июня 1889 года... При получении им паспорта 6 октября 1907 года за № 2437 жительство свое показал в г. Кирсанове, Тамбово-Саратовская ул., д. Гривнева... По документам управы, под судом и следствием не состоял»⁶.

* * *

Общеизвестно, что Антонов был эсером, и обычно пишут, что в партию социалистов-революционеров он вступил в 1906 или даже в 1905 году. Однако здесь, на наш взгляд, нужны некоторые уточнения и дополнения.

Дело в том, что летом 1906 года в Тамбове, в дополнение к существовавшей с 1905 года губернской организации партии эсеров, возникла так называемая «Тамбовская группа независимых социалистов-революционеров». По данным тамбовских жандармов, в числе первых и наиболее активных ее членов были Александр Антонов (партийная кличка «Шурка») и Николай Киселев («Миша»). Тщившаяся выдавать себя за часть какой-то новой партии, группа «независимцев» фактически являлась спецподразделением при эсеровском губкоме и занималась в основном добычей денег и документов для партийных нужд, а при случае — и приведением в исполнение смертных приговоров, вынесенных эсерами «провинившимся» должностным лицам, провокаторам и предателям⁷.

В начале сентября 1907 года, в связи с ростом числа членов и расширением сферы деятельности, «Тамбовская группа независимых социалистов-революционеров» преобразуется в «Тамбовский союз независимых социалистов-революционеров». «Союз» не ограничивается при проведении «эсков» и других своих акций пределами Тамбовщины и все чаще переносит их на территории Саратовской и Пензенской губерний, а потому вскоре начинает именовать себя уже «Поволжским союзом независимых социалистов-революционеров»⁸.

В конце 1907 — начале 1908 года особую активность развивает группа «независимцев», действующая в Кирсановском уезде. В состав этой группы входит и Антонов, однако всех затмевает своей сверхактивностью крестьянин деревни Тафинцево Борисоглебского уезда Алексей Матвеевич Негодяев. Стараясь загладить свою вину — растрату 300 рублей партийных денег, — Негодяев совершает целый ряд дерзких «эсков», сопровождавшихся убийствами. К середине мая 1908 года за ним числится уже не менее восьми трупов⁹. В отличие от Негодяева, Антонов проводит свои «эсксы» без пролития крови и не оставляет полиции никаких улик против себя.

Длительное отсутствие серьезных доказательств участия Антонова в «эксах» и его неуловимость начинают постепенно, но

не на шутку раздражать кирсановского уездного исправника (начальника уездной полиции) Терехина — человека отчаянной храбрости и к тому же весьма неглупого. В результате предпринятых им мер полицейское кольцо вокруг Антонова, чувствовавшего себя до этого в Кирсановском уезде как рыба в воде, начинает медленно, но неумолимо сжиматься. И вот, дабы не угодить в лапы полиции, Антонов вынужден в апреле 1908 года бежать в Тамбов, где его, кстати, пожелало увидеть губернское эсеровское начальство, решившее поручить «растущему» Антонову более серьезное дело и перевести его из «экспроприаторов» уездного значения в разряд боевика межгубернского (областного) масштаба¹⁰.

Однако, вслед за Антоновым, из Кирсанова в Тамбов пришла и полицейская «ориентировка», которую внимательно прочитали не только в Тамбовской полиции, но и в губернском жандармском управлении (ГЖУ).

Узнав о приезде Антонова, помощник (заместитель) начальника Тамбовского ГЖУ, заведующий жандармской агентурой в губернии ротмистр Петр Николаевич Чистяков 1 мая запросил кирсановского исправника о прошлых «делах» и внешних приметах Антонова. Ответ исправника был таков, что в поиск Антонова тут же включился и другой помощник начальника Тамбовского ГЖУ — заведующий жандармским розыском в губернии ротмистр Александр Николаевич Дурново¹¹.

Надо сказать, что начальник Тамбовского губернского жандармского управления полковник Владимир Семенович Устинов имел в лице своих заместителей Чистякова и Дурново толковых и расторопных помощников. Уже к 10 мая Антонов был обнаружен и взят под скрытое, но неусыпное наблюдение жандармских филеров. В течение недели они установили, что «Румяный» (такой клички наблюдения удостоился Антонов от тамбовских шпииков) проживает в доме № 9 по 1-й Долевой (ныне К. Маркса) улице, что на пересечении ее с Тезиковской (ныне ул. Сергеева-Ценского). В этом доме Антонова навещали небезынтересные с жандармской точки зрения люди, в том числе и его товарищ по «Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров» Николай Александрович Киселев, перешедший теперь на чисто аппаратную работу — заведование кассой «Поволжского союза независимых социалистов-революционеров». Сам же Антонов не только нанес ответные визиты многим из тех, кто приходил к нему, но и (что еще больше усилило внима-

ние жандармов) встретился на конспиративной квартире с более видной, чем Киселев, фигурой — ответственным работником Центрального комитета эсеровской партии Иосифом Николаевичем Белоусовым¹².

Чтобы пресечь деятельность опасно активизировавшихся тамбовских эсеров, начальник губернского жандармского управления полковник В.С. Устинов решил провести в ночь на 22 мая обыски и аресты в Тамбове сразу по двадцати адресам. Операция прошла весьма успешно, попались почти все видные эсеры и «независимцы». В их числе оказались представитель ЦК партии эсеров И.Н. Белоусов, член Тамбовского эсеровского губкома Александр Александрович Несмелов и сам глава «Поволжского союза независимых социалистов-революционеров» — сын статского советника Август Августович Лейтен. И лишь в одном месте, в доме № 16 по улице Араповской (ныне М. Горького), где, по агентурным данным, ночевал Антонов и уже упоминавшийся Негодяев, жандармы и полиция встретили вооруженное сопротивление. Во время перестрелки в доме Негодяев смертельно ранил старшего городского Никифора Федоровича Пятова, но и сам был убит жандармским унтер-офицером Любимовым. Второй же боевик, после прибытия к месту происшествия казачьей сотни 1-го Волгского полка Терского казачьего войска, давшей по окнам дома два хороших залпа, сдался лично жандармскому полковнику Устинову. В своем рапорте на имя директора Департамента полиции Владимир Семенович Устинов очень красочно и подробно изложил эпизод пленения «разбойника Шурки»¹³. О том, что, наконец, пойман «давно разыскиваемый революционный “деятель” Александр Антонов», не замедлили протрубить и тамбовские газеты¹⁴.

Но каково же было удивление, а затем и вполне понятное негодование полковника Устинова, когда через две недели ему доложили, что «Румяный» — Антонов — с нахальным спокойствием разгуливает по улицам Тамбова.

Первая кровь

Ночь с 12 на 13 июня Александр Антонов, уже вновь выслеженный тамбовскими шпиками, провел в доме № 69 по Теплой (ныне Лермонтовской) улице, в квартире Нины Феликсовны Скаржинской — недавней выпускницы Ольгинской школы при тамбовском Вознесенском женском монастыре. И хотя Антонов

подлежал немедленному аресту, брать его на квартире Скаржинской и даже поблизости от дома полковник Устинов категорически запретил, так как тамбовским эсерам сразу бы стало ясно, кто из них работает на жандармов. Поэтому арестовать Антонова было решено лишь после того, как он покинет квартиру и достаточно далеко отойдет от дома.

По агентурным данным, «Румяный» должен был часов в 10 утра отправиться на железнодорожный вокзал для отъезда в Кирсанов с целью создания там группы боевиков-«экспроприаторов» и проведения нескольких «эксов», а также какого-то террористического акта. Непосредственный арест Антонова поручался специально вызванной из Самары группе опытных филеров Поволжского районного охранного отделения, осуществлявшего жандармский розыск на территории девяти губерний, включая Тамбовскую.

Однако утром 13 июня Антонов так и не покинул место своего ночлега. Уже около четырех часов дня руководитель тамбовских шпиков, старший филер унтер-офицер Петр Иванович Сертаков, проходя по Теплой улице, повстречал неподалеку от дома № 69 группу самарских филеров. Их старший, унтер-офицер Романович, заявил Сертакову, что он и его люди не ели с самого утра, и предложил на время обеда подменить их тамбовцами. Сертаков немедленно выполнил просьбу-приказ Романовича и с четырьмя своими филерами остался ожидать выхода «Румяного».

Едва самарцы ушли, как на улице появился Антонов и, сопровождаемый невесть откуда взявшимся недавним тамбовским семинаристом Пантелеймоном Васильевичем Светловым, направился в сторону полотна железной дороги. Сертаков и его филеры осторожно двинулись следом за ними. Тем не менее, быстро заметив слежку, Антонов сунул правую руку в карман брюк и уже не вынимал ее оттуда.

В это время впереди, на углу Теплой и Базарной, стоял на посту городской Сергей Павлович Тихонов — участник Русско-японской войны, награжденный за храбрость Георгием. Увидев двух приближавшихся молодых людей и группу следовавших за ними филеров, Тихонов заметил также, как известнейший ему лично старший филер Сертаков жестами показывает, что они сейчас будут брать преследуемых и желательна его помощь. Из жестов Сертакова Тихонов понял, что филеров в первую очередь интересует Антонов.

Едва молодые люди, по дуге обходя городского, поравнялись с ним, Тихонов бросился к Антонову. В тот же миг после-полуденную тишину улицы разорвали выстрелы. Это Антонов, резко выхватив короткоствольный револьвер типа «бульдог», трижды выстрелил в городского, и тот мешком рухнул на землю. Как выяснилось позже, Тихонов получил ранения левой руки, правой ноги и шеи с повреждением ключицы. Однако ни одна из этих ран, ни все они вместе не представляли никакой угрозы для жизни храброго городского.

Явно опешив от такого поворота событий, филеры замешкались и даже не предприняли попытки тут же схватить Антонова, который не долго думая перемахнул через забор и зайцем побежал по огородам. Лишь упустив драгоценные секунды, шпики рванулись в погоню за ним. И совершенно забыли о Пантелеймоне Светлове, который беспрепятственно скрылся с места происшествия и которого впоследствии жандармам и полиции так и не удалось разыскать.

Увидев, что Антонов забежал в небольшой, но очень густой сад, филеры открыли огонь по зарослям, чем быстро вынудили «Румяного» покинуть это не спасающее от пуль укрытие. Выскочив из сада, Антонов расстрелял в преследователей весь револьверный барабан — мимо! — и побежал дальше. Вслед за ним, стреляя на ходу, но тоже не попадая, устремилась вся группа филеров. На чьем-то огороде запыхавшийся Антонов сбросил с себя пиджак, в карманах которого потом нашли поддельный паспорт за номером 1559 на имя мещанина города Скопина Рязанской губернии Василия Ивановича Раузова и мешочек с тридцатью двумя револьверными патронами.

В поисках спасения Антонов забежал в несколько дворов, но тут же опять выскакивал из них. Позднее очевидцы рассказывали, что в одном дворе он успел повздорить с какой-то старухой и якобы даже отстегать ее ремнем. Наконец, уже выдыхаясь из сил, Антонов достиг большого и густого сада у Петропавловского кладбища. Все попытки филеров найти его здесь оказались тщетными.

Через час два квартала, представляющие собой фактически сплошной сад и где мог скрываться Антонов, были оцеплены и тщательнейшим образом прочесаны прибывшими сюда казаками и усиленными нарядами полиции. Но Антонов как сквозь землю провалился.

В тот же день полиция арестовала хозяйку квартиры, в которой ночевал Антонов. Вместе с Н.Ф. Скаржинской, схваченной прямо на улице, были арестованы и находившиеся с ней в момент задержания Серафима Ефимовна Рысцова и Алексей Яковлевич Овчинников. Как быстро выяснилось, Рысцова была подругой Скаржинской еще по Ольгинской школе, а Овчинников оказался недавним выпускником тамбовского Екатеринбургского учительского института. Все трое побывали уже в тюрьме за принадлежность к эсеровской партии и за хранение нелегальной литературы антиправительственного содержания¹⁵.

Стрельба в городе среди бела дня, не увенчавшаяся к тому же успехом, принесла одни неприятности жандармскому полковнику Устинову и даже самому тамбовскому губернатору Николаю Павловичу Муратову — они были вынуждены теперь письменно объясняться со своим петербургским начальством. Особенно в неловком положении оказался Владимир Семенович Устинов, как известно, уже отправивший победный рапорт о личной поимке Антонова во время облавы на эсеров в ночь на 22 мая. Короткое разбирательство с задержанным тогда «разбойником Шуркой», отказавшимся сразу назвать свое имя, показало, что это не Антонов, а лишь внешне похожий на него беглый административно-ссылный крестьянин села Чернавки Кирсановского уезда Максим Иванович Жуликов. И хотя за Жуликовым ничего существенного не оказалось, полковник Устинов выхлопотал-таки ему 4 года ссылки в далекий Туруханский край¹⁶.

14 июня 1908 года следователь по особо важным делам Тамбовского окружного суда статский советник Николай Густавович фон Арнольд начал следствие по делу о нанесении огнестрельных ранений городовому С.П. Тихонову. В августе того же года, в связи с тем что Тамбовская губерния находилась на положении усиленной охраны, а также ввиду особой тяжести преступления, дело было передано в прокуратуру Московского военно-окружного суда и вскоре приостановлено из-за нерозыска Антонова¹⁷.

Вторая кровь

Счастливо отсидевшись 8 дней в каком-то убежище в Тамбове, Антонов в полдень 21 июня без происшествий выбрался из города и направился пешком по Моршанской дороге. У при-

городной Донской слободы (ныне село Донское Тамбовского района) его догнала запряженная гнедой лошастью телега, в которой сидел неизвестный ему молодой парень. Остановив подводу и узнав у парня, что тот едет к себе домой в село Пахотный Угол (40 километров северо-восточное Тамбова), Антонов представился учителем и попросил подвезти его до этого села. Возница (как выяснилось впоследствии, это был 16-летний Михаил Николаевич Савельев) не возражал.

Проехав километров двадцать, они остановились немного передохнуть и попить чаю в большом селе Горелое у знакомых парня — супругов Василия Тихоновича и Прасковьи Осиповны Мещеряковых, а затем продолжили путь по лесной дороге, ведущей в Пахотный Угол.

Отъехав километров пять от Горелого, они около 9 часов вечера проезжали через Хомутляевский лесной кордон. Здесь все и случилось.

В это время возле своего дома, выходящего фасадом на проезжую дорогу, стоял 23-летний лесной кондуктор Владимир Иванович Шипилов и разговаривал с лесником Алексеем Никитичем Федоровым и объездчиком Даниилом Филипповичем Яготиным. В их разговоре принимала участие и сидевшая в доме у открытого окна жена Шипилова, Анастасия Дмитриевна.

Тут они увидели, что по дороге со стороны села Горелое показалась подвода. По приближении ее Шипилов разглядел (уже смеркалось), что в телеге сидел молодой человек, а другой, молодой же парень, шел рядом с лошастью.

Здесь лесной кондуктор Шипилов вдруг забеспокоился. Как он сам позднее объяснил, в тот день (то есть 21 июня) у него в доме находилось около трех тысяч рублей казенных денег (очень большая по тем временам сумма), а кроме того, он вспомнил, что несколько минут назад через кордон проехали на двух подводах пятеро неизвестных ему людей. Поэтому появление на ночь глядя еще одной подводы с двумя опять-таки неизвестными молодыми парнями, к тому же одетыми «по-городскому», показалось ему весьма подозрительным.

Не долго думая Шипилов послал к приближающейся подводе лесного объездчика Яготина спросить у проезжающих, кто они такие и куда направляются. В ответ на вопрос подошедшего к телеге Яготина Антонов довольно грубо послал его, что называется, куда подальше.

Услышав такой «исчерпывающий» ответ, Шипилов приказал Яготину задержать молодых людей и вместе с Федоровым направился к подводе. В этот момент сидевший в телеге Антонов выхватил из кармана браунинг и громко крикнул: «Не подходите, а то буду стрелять!»

Видя, что его угроза не дала никакого результата, он с расстояния 3–4 метров выстрелил в подходившего первым Шипилова, ранив его в левый бок. К счастью, ранение оказалось легким, и Шипилов, развернувшись, побежал к своему дому. Оторопевшие на какой-то миг от увиденного, Яготин и Федоров тоже бросились спасаться бегством. А за ними, соскочив с телеги и страшно ругаясь, зачем-то побежал Антонов. Однако увидев, что крайне напуганный происходящим его возница вскочил на подводу и пытается ускакать с места происшествия, Антонов тут же прекратил бессмысленное, по существу, преследование убежавших и, догнав отъезжающую телегу, прыгнул в нее, отобрал у трясущегося от испуга Мишки Савельева вожжи и сам стоя стал яростно погонять лошадь.

Бешеной рысью отмахав от кордона километра полтора, Антонов передал вожжи Савельеву, спрыгнул с телеги и скрылся в лесной чаще.

27 июня местный полицейский урядник Александр Ефимович Кутузов, проводивший расследование инцидента на Хомуляевском лесном кордоне, арестовал в селе Пахотный Угол Михаила Савельева, который честно рассказал о том, как все было, но вот о молодом «учителе», коего он подвозил в тот злополучный день 21 июня, не смог сообщить ничего, кроме внешних примет¹⁸.

* * *

Немного отойдя от недавних потрясений, Антонов направился в Саратов, к вышестоящему (надгубернскому) эсеровскому начальству, в Поволжский областной комитет партии эсеров, где получил высокую оценку своих «боевых действий». А в порядке награды — крайне ответственное задание, связанное со смертельным риском. Но так как обком не дал и рубля на выполнение задания, Антонов решил вернуться на Тамбовщину и быстренько «экспроприировать» там необходимую сумму денег.

«Экс» на станции Инжавино

31 октября 1908 года в село Коноплянка Красивской волости Кирсановского уезда, к местному крестьянину Ивану Ивановичу Рогову приехали Антонов и Гавриил Иванович Ягодкин — 29-летний административно-ссылный крестьянин села Молоканщины Пригородно-Слободской волости Кирсановского уезда. Приезжие предложили Рогову принять участие в ограблении кассы железнодорожной станции Инжавино, что по соседству с Коноплянкой. Рогов согласился, а через него к участию в будущем «эксе» были привлечены еще два коноплянца — Федот Захарович Лобков и Григорий Степанович Поверков.

Вечером 3 ноября пятеро «экспроприаторов» прибыли на станцию Инжавино и, оставив Поверкова при лошадях, в 18.45 вошли в здание вокзала. Все грабители были вооружены револьверами, полученными от Антонова. Он и командовал налетом.

В зале ожидания вошедшие обнаружили лишь дремавшего там станционного сторожа Ивана Федоровича Синякина и шесть девушек-крестьянок из села Инжавино, пришедших на станцию засветло, чтобы встретить брата одной из них, приезжающего с пассажирским поездом около полуночи. Выхватив оружие, налетчики приказали всем не двигаться с места и соблюдать тишину и спокойствие.

Лобков и Рогов остались в зале ожидания, а Антонов с Ягодкиным прошли в контору станции, где работали весовщик Павел Иванович Коршунов и конторщик-практикант Иван Васильевич Коноваликов — сын станционного жандарма. Скомандовав «Руки вверх! Ни с места!», Антонов оставил с ними Ягодкина, а сам вошел в кабинет начальника станции Василия Борисовича Петрова.

Направив на начальника револьвер, Антонов спросил, имеет ли тот оружие, а услышав отрицательный ответ, сразу же предложил достать ключи и открыть сейф с деньгами. Реакция Петрова на это банальное требование грабителя была достаточно своеобразной. Не обращая никакого внимания на чуть ли не упирившийся в его грудь револьвер «экспроприатора», начальник в сердцах стукнул кулаком по столу, неожиданно залился горячими слезами и тут же закатил такую истерику, что

Антонов просто оторопел. Из не совсем внятных слов рыдающего Петрова он понял только то, что начальник станции — самый несчастный человек на свете, который очень болен и стар, но у которого шесть человек детей мал мала меньше, которые не увидят больше своего бедного отца, ибо теперь его посадят в тюрьму, откуда он уже вряд ли выйдет.

И тут зашедшийся в истерику Петров вдруг рухнул на пол в глубоком обмороке, что, как ни странно, вывело наконец Антонова из состояния оцепенения и бездействия. Мигом достав из кармана начальника ключи, он открыл несгораемый сейф и извлек оттуда все деньги. «Экспроприация», по существу, была завершена, но «сердобольный» Антонов не покинул кабинет, а позвал сюда конторщика Коноваликова и приказал ему оказать необходимую помощь лежащему на полу без чувств Петрову.

Вскоре стараниями обоих начальник очнулся и стал быстро приходить в себя. Собираясь уже уходить, Антонов все-таки не удержался и спросил начальника станции: почему он считает, что обязательно попадет в тюрьму, да еще на большой срок?

Дело в том, объяснил Петров, что два месяца назад касса этой станции уже была ограблена. Грабителей не нашли, а его предшественника арестовали и посадили в тюрьму, обвинив в том, что это он сам взял деньги*.

А посему, лепетал Петров, не сжалится ли над ним такой добрый и интеллигентный молодой человек и не напишет ли расписочку в том, что деньги «экспропрированы» им, а не самим начальником станции.

Явно польщенный словами начальника, Антонов ответил, что ничего против расписки не имеет и даже обязательно пришлет ее, как только в более спокойной обстановке подсчитает «выручку». А сейчас ему, к сожалению, некогда.

Но тут Василий Борисович опять начал подозрительно всхлипывать, вспоминать своих малых детей и в конце концов дошел до того, что упрекнул Антонова в том, что вот, мол, и господа революционеры норовят обидеть не кого-нибудь, а именно его — бедного и старого железнодорожного служащего.

---

* Действительно, архивные документы свидетельствуют, что 4 сентября 1908 года из кассы станции Инжавино было похищено 9531 руб. 87 коп. Однако следствие доказало, что кражу совершил сам начальник станции Чекашев с помощью своего приятеля — станционного телефониста. Во время обысков у них были найдены почти все украденные деньги¹⁹.

На эту жалостливую тираду Петрова Антонов ответил, что, во-первых, революционеры идут не против служащих, а против правительства, а во-вторых, он прекрасно понимает сложное положение начальника и даже сочувствует ему, ибо у самого старик-отец бедствует*, а потому и соглашается немедленно дать расписку, хотя отдает себе отчет, что рискует головой. И Антонов вывалил все деньги на стол начальнику, который тут же деловито принялся их считать. Два раза.

Как только Петров назвал итоговую сумму, Антонов сгреб обратно деньги и без колебаний написал следующую расписку (орфография и пунктуация подлинника):

«Четыре тысячи триста шестьдесят два рубля 85 коп взято партией анархистов индивидуалистов.

Член партии».

Сознательно исказив в расписке свою партийную принадлежность, «грамотей» Антонов совершенно не изменил своего обычного почерка, образец которого уже имелся в губернском жандармском управлении.

И хотя Антонов выдал расписку на названную выше сумму, позднее выяснилось, что фактически им было «экспроприровано» лишь 4340 руб. 25 коп. То есть начальник станции об- считал его на 22 руб. 60 коп.

По завершении формальностей Антонов и его сообщники согнали и заперли всех находившихся на станции в помещении конторы, приказав не предпринимать попыток выхода в течение ближайшего получаса, оборвали телефонные провода (телеграфа тушиковая станция Инжавино еще не имела) и покинули вокзал²¹.

На следующий день (4 ноября) станция Инжавино была буквально запружена прибывшими сюда чинами полиции и железнодорожной жандармерии. Не осталось в стороне и губернское жандармское управление, начальник которого, узнав о подробностях ограбления, сразу же заподозрил участие в нем Антонова. Именно полковник Устинов прислал в Инжавино фотографию Антонова, в котором свидетели ограбления признали человека, руководившего налетом на станцию. К тому же

---

* Антонов не лгал. Его вдовый (с 1907 года) отец действительно был уже стариком и жил со своим младшим сыном Дмитрием отнюдь не в роскоши и не где-нибудь, а здесь же, в Инжавино, где у него была небольшая слесарная мастерская²⁰.

почерковедческая экспертиза подтвердила, что дарственная надпись на фото и текст расписки, оставленной грабителем, написаны рукой одного и того же человека²².

5 ноября в соседнем с Инжавином селе Карай-Салтыково полиция арестовала одного из грабителей (Лобкова), который не только сам сознался в совершенном преступлении, но и выдал имена всех остальных его участников. Тут же были арестованы еще два «экспроприатора» (Рогов и Поверков), а также коноплянские крестьяне отец и сын Дмитрий Дмитриевич и Гавриил Дмитриевич Любины, в доме которых два дня после ограбления скрывались Антонов и Ягодкин. Все арестованные признали свою вину, а при обысках у них было изъято 347 рублей и два револьвера. Кроме того, в доме тещи Ягодкина в пригороде Кирсанова полиция изъяла еще 496 рублей, «экспроприированных» в Инжавине, а сам Ягодкин успел скрыться только благодаря грубой оплошности полицейских²³. Забегая несколько вперед, скажем, что Ягодкина арестуют лишь в августе 1909 года²⁴.

Что же касается Антонова, то было установлено, что 5 ноября он пешком ушел из Коноплянки в неизвестном направлении. Полицейская версия, что Антонов направился на станцию Мучкап (Борисоглебский уезд Тамбовской губернии), где проживала замужем за начальником станции его старшая сестра Валентина, проверкой не подтвердилась²⁵.

А вот жандармы почему-то посчитали, что Антонов поехал в Пензу, к другой своей сестре, Анне, работавшей там продавщицей в музыкальном магазине. Анна Антонова (на 2 года старше Александра) была уже давно и хорошо известна тамбовским жандармам своей политической неблагонадежностью и близостью к эсерам. В донесениях тамбовских филеров проходила под кличкой наблюдения «Умная»²⁶.

В Пензе же она и вовсе стала заметной активисткой местной эсеровской организации, превратив свою квартиру на Московской улице в место постоянных тайных встреч виднейших пензенских эсеров, что, естественно, не осталось незамеченным жандармами, установившими жесткое филерское наблюдение за «Пластинкой» (кличка наблюдения Антоновой в Пензе)²⁷.

Предупрежденные из Тамбова о возможном появлении в Пензе «разбойника Шурки», здешние жандармы усилили наблюдение за Анной Антоновой, но разыскиваемый брат ее так и не попался на глаза пензенским филерам²⁸. Да и не мог попасть.

Приговор генералу

Как выяснилось позже, из Коноплянки, с деньгами, Антонов направился в Саратов, в распоряжение Поволжского областного комитета партии эсеров, готовившего убийство командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта Александра Генриховича Сандецкого. Смертный приговор генералу эсеры вынесли год назад за его жестокость при подавлении крестьянских выступлений в Поволжье во время первой русской революции²⁹.

Для приведения в исполнение этого приговора были отобраны три боевика: сбежавший из пермской ссылки крестьянин деревни Крутец Сердобского уезда Саратовской губернии Иван Яковлевич Коротков (в будущем известный поволжский чекист), учитель села Шевыревка Саратовского уезда Тимофей Иванович Мерзлов и Антонов, который должен был первым попытаться убить генерала Сандецкого³⁰.

Разумеется, согласившись пойти на такой террористический акт, девятнадцатилетний Антонов не мог не понимать, что тем самым подписывает себе смертный приговор.

От бдительного ока саратовских шпииков не ускользнуло появление в городе невысокого (164,5 см) молодого человека, вступившего в контакт с лицами, известными жандармам своей принадлежностью к Поволжскому эсеровскому обкому. В поле зрения филеров Саратовского охранного отделения этот молодой человек попал 23 ноября 1908 года. Еще не определив в нем разыскиваемого Антонова, саратовские шпиики окрестили его не очень-то интеллигентной кличкой наблюдения «Осиновый»³¹.

Казалось, судьба Антонова была предрешена и ему уже не избежать скорого ареста. Однако думать, что арест Антонова был предопределен исключительно на берегах Волги, было бы неверно. Ибо жандармские щупальца тянулись к нему не только из Саратова или Тамбова, но и из самого Парижа.

Дело здесь в том, что после завершившейся в августе 1908 года Лондонской общепартийной конференции, ЦК партии эсеров решил принять экстренные меры к восстановлению или же укреплению своих областных комитетов в России, и в первую очередь — Поволжского обкома. Для непосредственного руководства на месте восстановлением нормальной деятельности Поволжского обкома эсеровский ЦК выделил своего особоуполномоченного — видного эсера Осипа Соломоновича Ми-

нора, находившегося в парижской эмиграции, будущего председателя Московской городской думы при Временном правительстве.

В течение сентября Минор подобрал из эсеров-эмигрантов десятка полтора человек, которым предстояло нелегально переправиться в Россию, осесть в Поволжье и приступить к реанимации эсеровских губкомов в Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Тамбове и Пензе. В октябре 1908 года эмиссары Минора прибыли в Саратов, восстановили кое-какие партийные связи и, наивно посчитав, что их прибытие осталось жандармам неизвестно, просигнализировали Минору в Париж о своем благополучном прибытии и обустройстве.

В конце ноября выехал в Россию и Минор. Но еще в Париже, благодаря установившейся связи со своими эмиссарами в Саратове, он был в курсе всех дел поволжских эсеров. Знал Минор и о готовящемся покушении на генерала Сандецкого. Об этом не стоило бы и упоминать, если бы перед отъездом из Парижа Минор не беседовал подолгу и не консультировался с главным боевиком эсеровской партии Евно Фишелевичем Азефом — печально знаменитым оберпровокатором в российском революционном движении, уже 15 лет работавшим на Департамент полиции.

Бедный Антонов! Мог ли он думать, что где-то далеко, в парижском кафе «Дюмесниль», что на Монмартре, его за чашкой кофе отдадут на заклятие жандармам и фактически набрасывают петлю на его бесшабашную голову. Но самое досадное было то, что до скандального разоблачения Азефа оставались считанные дни!³²

20 декабря Минор «благополучно» прибыл в Саратов. А четырьмя днями раньше, в связи с поступившей от Азефа информацией, в Самаре состоялось совещание начальников жандармских управлений семи поволжских губерний (включая Тамбовскую) и Уральской области. Основными обсуждавшимися вопросами были: выявление и арест участников готовящегося покушения на генерала Сандецкого, а также ход подготовки операций по ликвидации эсеровских организаций в Поволжье.

Жандармам было уже известно, что организацией убийства Сандецкого руководит член Поволжского эсеровского обкома, личный эмиссар Минора в Саратове Борис Владимирович Бартольд, прибывший недавно из Парижа. Знали жандармы и о существовании трех потенциальных убийц. Но если о двух из них — Короткове и Мерзлове — было известно практически

все, то о причастности Антонова к готовящемуся покушению охранка еще не подозревала.

Совещание начальников жандармских управлений завершилось договоренностью умножить усилия по выявлению и задержанию третьего, самого опасного террориста, после чего начать повальные аресты эсеров по всему Поволжью³³.

Арест

Особую активность в установлении личности третьего террориста проявил начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Александр Павлович Мартынов — Шерлок Холмс российского политического сыска, будущий полковник и последний начальник Московского охранного отделения. Уже 20 декабря он установил и сообщил куда и кому следует, что этим террористом является «прибывший в Саратов в ноябре сего года нелегальный из Тамбовской губернии, уроженец Кирсановского уезда, настоящее имя и фамилия его Отделению не известны; ...Отделению известен под кличкой наблюдения «Осиновый»»³⁴.

Лучшим своим филерам ротмистр Мартынов приказал не спускать глаз с «Осинового». Но и «Осиновый» оказался не так-то прост. 22 декабря, применив так и не разгаданный шпиками конспиративный прием, он на железнодорожном вокзале ушел из-под наблюдения. Ротмистр Мартынов, которому, в случае убийства «Осиновым» генерала Сандецкого, грозили серьезные неприятности, был вне себя от ярости. Но все попытки его опростоволосившихся филеров найти «Осинового» в Саратове, ни к чему не привели. Антонов как в воду канул.

Истекали последние дни 1908 года, но сведений о «всплытии» где-либо «Осинового» все не поступало.

А Антонов был уже в Самаре, куда приехал по делам, связанным с подготовкой покушения на Сандецкого. С этой же целью сюда прибыл руководитель пензенских эсеров Александр Иванович Метальников и вот-вот должен был приехать из Саратова Бартольд³⁵.

Как раз в эти дни в Россию из-за границы пришло известие о разоблачении Азефа, которое вызвало в эсеровской среде настоящий шок, переросший затем в психоз излишней подозрительности и недоверия эсеров друг к другу. В особо острой форме это проявилось по отношению к боевикам и недавно вернувшимся из-за границы нелегалам.

Поэтому неудивительно, что прибывший в Самару и никому не известный здесь лично боевик-нелегал Антонов был встречен на явочной квартире более чем прохладно. Явившись с рекомендательным письмом от Бартольда к некой Кричевской, он был попросту выгнан из квартиры.

Оказавшемуся в лютый декабрьский мороз на улице незнакомой Самары Антонову не оставалось ничего другого, как, в нарушение всех правил конспирации, отправиться ночевать в гостиницу «Ташкент» и ждать приезда Бартольда³⁶. Но Бартольд в Самару не приехал.

Подгоняемые разоблачением своего суперагента Азефа, жандармы начали серию повальных арестов эсеров в Поволжье. 2 января 1909 года в Саратове был арестован почти в полном составе Поволжский обком во главе с Минором и Бартольдом³⁷. 5 января жандармы провели ликвидацию Пензенской эсеровской организации; в числе семнадцати арестованных оказалась и Анна Антонова. В тот же день в Самаре был схвачен лидер пензенских эсеров Метальников³⁸. 11 января волна арестов прокатилась по Тамбовской губернии³⁹.

Быстро сгущались тучи и над Антоновым. 27 декабря жандармы узнали, что «Осиновый» находится в Самаре и имеет фальшивый паспорт на имя Александра Дмитриевича Полякова, сына отставного коллежского асессора. А 1 января саратовский ротмистр Мартынов сообщил начальнику Самарского губернского жандармского управления полковнику Алексею Павловичу Критскому, что «Осиновый» — это «Александр Степанович Антонов, участник ограбления в Инжавино»⁴⁰.

Эта идентификация ничего хорошего Антонову не предвещала. На него тотчас же был объявлен всероссийский розыск, а за его поимку установили награду в 1000 рублей — годовой оклад начальника губернского жандармского управления⁴¹.

Найти Антонова в Самаре жандармам не удалось. Очевидно, его спасло то обстоятельство, что отвергнутый с порога местными эсерами, он так и не установил с ними связь, а вдобавок вовремя успел перебраться из гостиницы на квартиру некой Варвары Леонтьевой, с которой познакомился в совершенно приватном порядке⁴².

Пробыв в Самаре до середины января, но так и не дождавшись Бартольда, Антонов решил вернуться в Саратов, чтобы узнать в чем дело и что ему в конце-то концов делать дальше.

В Саратове Антонов сразу понял, что здесь произошло что-то неладное, и поэтому вел себя предельно осторожно. Это позволило ему какое-то время остаться вне поля зрения ищек ротмистра Мартынова. А вот погубила Антонова, на наш взгляд, его излишняя настырность в попытках установить связь с остатками разгромленной Саратовской эсеровской организации. Видных и хорошо знавших его эсеров Антонову найти не удалось. А те, кого он все-таки нашел, были напуганы недавними арестами и поэтому потребовали от него доказательств своей принадлежности к эсеровской партии. Антонов с горя согласился и дал фамилии и адреса трех знакомых эсеров в Тамбове⁴³.

Подтверждение несомненной принадлежности А.С. Антонова к партии эсеров и его столь же бесспорных заслуг перед ней пришло в Саратов 18 февраля 1909 года. Однако подтверждение это пришло от начальника Тамбовского губернского жандармского управления В.С. Устинова и адресовано было начальнику Саратовского охранного отделения А.П. Мартынову⁴⁴.

Остальное, как говорится, было уже делом техники.

Вечером 19 февраля лучшие саратовские филеры, держась на почтительном расстоянии, проводили Антонова на ночлег в дом № 24 по Покровской (ныне Лермонтова) улице. А утром 20 февраля его без звука взяли прямо в доме. Причем арест произошел для Антонова настолько внезапно, что он не успел даже выхватить из кармана свой шестизарядный «бульдог»⁴⁵.

Из рапорта ротмистра А.П. Мартынова 21 февраля 1909 года директору Департамента полиции:

«...Антонов прибыл в Саратов в конце минувшего года, вошел в состав местной организации партии соц.-рев., наблюдался под кличкой “Осиновый”; был зачислен Поволжским областным комитетом названной партии в боевую областную организацию и считался 1-м исполнителем по подготовлявшемуся в то время покушению на жизнь генерала Сандецкого.

...Антонов выехал без наблюдения в Самару, где проживал до середины января сего года. В Самаре взят в наблюдение не был и остался Самарскому жандармскому управлению неизвещен. После прибытия в Саратов вошел немедленно в наблюдение и 20 сего февраля арестован. По обыску у него отобран заряженный револьвер и паспорт на имя крестьянина Куриловской волости Новоузенского уезда Самарской губ. Петра Трофимовича Куликова и шифрованная запись.

По имеющимся у меня агентурным сведениям, Антонов предполагал в непродолжительном времени выехать в Тамбовскую губернию и совершить там ряд террористических покушений.

Вместе с Антоновым задержаны братья-крестьяне Оренбургской губ., Покровской вол., села Черепановки Куприян и Алексей Осиповичи Михалевы, у которых Антонов находил себе приют, и не имеющий определенных занятий крестьянин (села Куликовки, Юловской волости) Вольского уезда Павел Федорович Лексин, проживающий совместно с Михалевыми и замеченный в сношениях с Антоновым. По обыску у Лексина найден рисунок печати для фальшивых паспортов Покровского волостного правления Оренбургской губ.; рисунок этот приобретает большое значение ввиду того, что по обыску у Антонова оказалась выпись на отдельном клочке паспортных сведений самого Лексина, очевидно, данная им Антонову для сфабрикования в будущем дубликата паспорта.

Все эти сведения к задержанным переданы в распоряжение начальника Саратовского губернского жандармского управления»⁴⁶.

Сразу после ареста Антонов был отправлен в Саратовскую губернскую тюрьму, где подвергся жесточайшим пыткам с использованием «фирменной» смирительной рубашки начальника тюрьмы Гумберга, а братья Михалевы и Лексин попали в кутузку 3-го полицейского участка⁴⁷.

На первом же допросе Михалевы показали, что Антонова к ним вечером 19 февраля привел с просьбой оставить переночевать однокашник Алексея Михалева — учащийся Саратовского соединенного среднего механико-химико-технического училища Григорий Федорович Нечипай. Было названо и имя еще одного учащегося этого же училища — Леонида Алексеевича Кинчина, также имевшего контакты с Антоновым. После проверки показаний Михалевых они были отпущены домой, и больше к ним жандармы претензий не имели⁴⁸.

В ночь на 22 февраля, по личному указанию ротмистра Мартынова, полиция арестовала Г.Ф. Нечипая и Л.А. Кинчина и произвела у них обыски. Дальнейшее расследование показало, что Нечипай и Кинчин имели связи с Саратовской эсеровской организацией, хранили у себя запрещенную литературу, организовали в своем училище эсеровскую ячейку, а также были главными укрывателями Антонова в Саратове. Отыскивали жандармы эсеровские грешки и за арестованным крестьянином Лексиным⁴⁹.

Подводя итог дознанию в отношении Нечипая, Кинчина и Лексина, начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Владимир Константинович Семигановский писал, что эти молодые люди представляют собой уже вполне созревших партийных работников и в будущем окажут вредное влияние не только на учащихся Саратовского механико-химико-технического училища, но «и вообще на сохранение общественного спокойствия»⁵⁰.

В апреле 1909 года вся эта троица была в административном порядке выслана из пределов Саратовской губернии⁵¹.

А Александра Антонова 15 апреля того же года отправили под усиленным конвоем в Тамбовскую губернскую тюрьму, где им вплотную занялись гражданские и военные следователи по особо важным делам⁵².

Следствие

Как только в Тамбове стало известно о поимке Антонова, то были немедленно возобновлены следствия по делам о нанесении им огнестрельных ранений городовому С.П. Тихонову, лесному кондуктору В.И. Шишилову и об ограблении кассы станции Инжавино.

На первом же допросе Антонов твердо заявил следователям, что виновным себя ни в чем не признает, а от дачи всяких показаний и объяснений категорически отказывается⁵³.

Кроме вышеназванных дел, участие Антонова в которых является действительно бесспорным, жандармы и полиция попытались «навесить» на него и такие дела, к которым он не имел никакого отношения. Об этом можно было бы и не говорить, если бы два таких дела не упоминались — пусть и очень глухо — в нашей исторической литературе. Речь идет об убийстве сельского старосты Бирюкова и об ограблении Ржаксинской винной лавки⁵⁴.

Автор этих строк приложил немало усилий, прежде чем нашел в архивах Тамбова и Москвы следственные дела по этим преступлениям. И в результате тщательного изучения этих дел пришел к совершенно однозначному выводу: Александр Степанович Антонов не имеет ни малейшего отношения к ограблению 9 ноября 1907 года казенной винной лавки в поселке Ржаксинские Выселки Кирсановского уезда и к нанесению 11 ноября

того же года смертельного огнестрельного ранения старосте села Лукино Кирсановского уезда Ивану Александровичу Бирюкову. Собственно, к такому же выводу пришли в свое время и следователи по особо важным делам, которые расследовали и перерасследовали эти преступления⁵⁵. Также, кстати, считала и достаточно информированная о делах своего брата Анна Антонова⁵⁶.

Объективности ради надо сказать и о том, что на Антонова пытались «списать» и еще два дела: ограбление 2 сентября 1906 году в лесу у села Чернавка Кирсановского уезда сборщика налогов Феона Архиповича Насонова на сумму около 5000 рублей и ограбление в том же уезде Балыклейского волостного правления в ночь на 25 марта 1908 года⁵⁷. Имел ли Антонов отношение к этим двум преступлениям — достоверно пока неизвестно.

Суд гражданский

12 марта 1910 года выездная сессия Саратовской судебной палаты рассмотрела в Тамбове дело по обвинению Александра Степановича Антонова в нанесении им огнестрельных ранений городовому Сергею Павловичу Тихонову 13 июня 1908 года и лесному кондуктору Владимиру Ивановичу Шипилову 21 июня того же года. Суд постановил: лишить мещанина А.С. Антонова всех прав состояния и сослать на 6 лет в каторжные работы.

Предстал перед судом и крестьянин Михаил Николаевич Савельев, который, как известно, помог Антонову скрыться с места преступления. Суд постановил: признать участие М.Н. Савельева в вышеупомянутом преступлении недоказанным и считать его по суду оправданным⁵⁸.

Суд военный

В понедельник, 15 марта 1910 года, в 11 часов утра А.С. Антонов вместе с другими участниками ограбления кассы железнодорожной станции Инжавино Г.И. Ягодкиным, И.И. Роговым, Г.С. Поверковым, Ф.З. Лобковым и укрывателем грабителей Г.Д. Любиным (его отец умер в Кирсановской тюрьме 2 февраля 1909 года⁵⁹) предстал перед так называемым «Временным военным судом в г. Тамбове», а по существу — выездной сессией Московского военно-окружного суда.

Процесс проходил при закрытых дверях в здании Тамбовского уездного земского съезда. Все обвиняемые имели назначенных судом казенных защитников. Антонова защищал присяжный поверенный князь Василий Петрович Ишеев — виднейший тамбовский кадет. Кроме Поверкова и Любина, все обвиняемые признали себя виновными.

В тот же день этот военный суд из трех человек (генерал-майор Дубле и подполковники расквартированного в Тамбове 7-го запасного кавалерийского полка Владимир Сергеевич Попов 1-й и Алексей Михайлович Попов 2-й) признал всех подсудимых виновными и вынес приговор: Антонова, Ягодкина, Лобкова и Рогова — к смертной казни через повешение, Поверкова — к бессрочной каторге, а Любина — к 15 годам каторжных работ⁶⁰.

Никто из приговоренных к смертной казни прошений о помиловании не подал.

Однако смертный приговор, поглотивший собой для Антонова приговор Саратовской судебной палаты, еще не был окончательным и подлежал утверждению командующим войсками Московского военного округа.

Рапорт командующего войсками Московского военного округа генерала от кавалерии П.А. Плеве министру внутренних дел П.А. Столыпину:

«Временный военный суд в г. Тамбове 15 сего марта приговорил мещанина Александра Антонова и крестьян Ивана Рогова, Федота Лобкова и Гавриила Ягодкина к смертной казни через повешение, признав их виновными в разбойном нападении 3 ноября 1908 года на станцию Инжавино Рязано-Уральской железной дороги, во время какового нападения из станционной кассы было похищено 4340 руб. 25 коп.

Принимая во внимание: 1) полное чистосердечное сознание всех названных осужденных на суде, а трех из них (кроме Антонова) и на следствии, тотчас же по задержании, и 2) то, что во время вышеупомянутого нападения злоумышленниками никому не было причинено никакого физического вреда, признавал бы возможным заменить названным осужденным смертную казнь ссылкой в каторжные работы: Антонова и Ягодкина — без срока, а Рогова и Лобкова — на 20 лет каждого.

...О таком предположении своем уведомляю Ваше Высокопревосходительство и прошу не отказать в сообщении Вашего по сему предмету мнения»⁶¹.

29 марта российский премьер-министр и одновременно министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин телеграфировал ответ: «Смягчению участи Александра Антонова, Ивана Рогова, Федота Лобкова, Гавриила Ягодкина предположенном размере препятствий не встречаю»⁶².

Выходит, что «всероссийский вешатель» сам же и развязал на шею Антонова свой пресловутый «столыпинский галстук»?!

4 апреля 1910 года командующий войсками Московского военного округа генерал Павел Адамович Плеве утвердил, наконец, приговор Временного военного суда в г. Тамбове от 15 марта «с заменю мещанину Александру Антонову и крестьянам Ивану Рогову, Федоту Лобкову и Гавриилу Ягодкину смертной казни ссылкой в каторжные работы: Антонова и Ягодкина без срока, а Рогова и Лобкова на двадцать лет каждого с установленными законом последствиями и крестьянину Григорию Поверкову ссылки в каторжные работы без срока ссылкой в таковые же работы на пятнадцать лет»⁶³. В отношении Гавриила Любина приговор (15 лет каторги) был оставлен без изменения⁶⁴.

Каторга

Вот так Александр Степанович Антонов «загрел» на каторгу (а не в ссылку, как утверждают наши энциклопедии)⁶⁵, отбывать которую начал тут же, в Тамбовской губернской тюрьме. Однако, как очень быстро выяснилось, отсиживать до конца свой бесконечный срок Антонов явно не собирался. Деятельная натура, он еще в июле 1909 года разработал детальный план побега и обратился в Поволжский эсеровский обком с просьбой занять ему 700 рублей для подкупа нескольких тюремщиков. Обком немедленно командировал в Тамбов товарища Антонова — кирсановского эсера Константина Николаевича Баженова. Тот же поступил не совсем по-товарищески: вернулся, доложив обкому, что побег абсолютно невозможен⁶⁶.

Но и брошенный родной партией на произвол судьбы Антонов не утомился. 14 апреля 1910 года он перепилил кандалы и решетку на окне своей камеры №3 на первом этаже, вылез наружу, однако был схвачен бдительной тюремной охраной. За попытку побега и порчу казенного имущества (кандалов и

решетки) начальник тюрьмы Михаил Алексеевич Чековский посадил Антонова на неделю в темный карцер.

Выйдя из карцера, Антонов все равно не стал образцовым обитателем Тамбовской губернской тюрьмы. Но то, что он совершил утром 28 июня 1910 года, привело в изумление даже выдающую виды тюремную администрацию. Находясь опять-таки в «любимом» карцере № 8, Антонов совершенно непонятным образом умудрился пробить дыру в потолке, проник через нее в тюремную церковь, где и был случайно обнаружен⁶⁷.

Желая поскорее избавиться от такого беспокойного «клиента», начальник тюрьмы с первым же каторжным этапом отправил Антонова в Московскую центральную пересыльную тюрьму, куда тот и прибыл 6 августа 1910 года⁶⁸.

11 февраля 1911 года Антонов был этапирован (как всегда, «под особо бдительным надзором») в «родную» Тамбовскую губернскую тюрьму для участия в качестве свидетеля «по делу некоего Турусова и других»⁶⁹.

В Тамбове Антонов задержался до апреля 1912 года и, судя по всему, успел там что-то натворить, после чего был тут же этапирован обратно в Московскую центральную пересыльную тюрьму, где и отсидел с 20 апреля по 1 мая десять суток карцера, определенные ему Тамбовским окружным судом⁷⁰.

Не пришелся Антонов по душе и начальнику Московской пересыльной тюрьмы, ибо уже 24 мая 1912 года оказался в печально знаменитом Владимирском центре, или — официально — Владимирской временной каторжной тюрьме⁷¹, откуда, как известно, за все время (от «введения в строй» и до наших дней) был совершен всего лишь один побег — большевика Михаила Васильевича Фрунзе.

В первый же день своего пребывания во Владимирском центре Антонов получил семь суток карцера за нанесение телесных повреждений некоему арестанту Вержбицкому, который опрометчиво попытался ознакомить новичка с правилами поведения в «своей» камере. Правда, тюремное начальство быстро разобралось в сущности произошедшего конфликта, и Антонов был выпущен из карцера уже через 18 часов⁷².

Как свидетельствуют архивные документы, до конца своего сидения во Владимирском центре он еще четыре раза попадал в темный карцер. А вообще-то, по правде сказать, начальство тюрьмы относилось к нему не совсем справедливо, и порою совсем уже не по закону. Так, например, по существующим

тогда тюремным правилам, кандалы с Антонова должны были снять 15 мая 1915 года, однако о том ему официально объявили лишь 23 декабря, а фактически «расковали» только 28 мая 1916 года⁷³.

* * *

Свободу Александру Антонову принесла Февральская революция. И случилось это 4 марта 1917 года, когда накануне во все тюрьмы и каторги России пришла из Петрограда телеграмма министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского, гласившая, что все политзаключенные и политкаторжане амнистируются и немедленно выпускаются на свободу⁷⁴.

Путь Антонова лежал в Тамбов.

Часть 2. В Тамбове

В Тамбове Антонов «пошел», как известно, по милицейской линии. 15 апреля 1917 года он начал работать младшим помощником начальника 2-й части (райотдела) Тамбовской городской милиции. 20 мая сюда же устроился и его младший брат Дмитрий, учившийся в свое время в Кирсановском мужском приходском училище, а будучи призван в 1916 году в армию, окончил там ускоренный курс военно-фельдшерской школы⁷⁵.

Интересная деталь. Первым председателем Тамбовского городского Совета оказался адвокат Антонова на военном суде 15 марта 1910 года князь Василий Петрович Ишеев. А защитник двух других подельников Антонова (Любина и Поверкова) эсер Константин Николаевич Шатов вознесся еще выше, став комиссаром Временного правительства в Тамбовской губернии⁷⁶.

Однако, несмотря на наличие таких высокопоставленных знакомых, Александр Антонов за полгода не продвинулся ни на одну ступеньку по служебной лестнице, а все ходил в младших помощниках. Правда, теперь уже начальника 1-й части⁷⁷. Что же касается встречающихся в нашей исторической литературе утверждений, что Антонов дослужился в Тамбове до начальника всей городской или даже губернской милиции, то они не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

Кто знает, сколько бы еще прозябал Антонов в младших помощниках, не позаботясь о нем его старые товарищи по до-

революционному эсеровскому подполью: Петр Георгиевич Булатов — дворянин из села Семеновка Кирсановского уезда, возглавивший в сентябре 1917 года Тамбовскую городскую милицию, и Константин Николаевич Баженов — комиссар Временного правительства в Кирсановском уезде, как раз подыскивавший толкового начальника уездной милиции. Ибо нынешний — корнет Орест Орестович Турау (как, впрочем, и его предшественник корнет Ю.А. Давидайтис) — явно не справлялся со своими сложными обязанностями⁷⁸.

Надо отметить, что Баженов довольно ловко организовал и провел заочное выдвижение и назначение Антонова начальником Кирсановской уездной милиции. Кстати, Баженову в этом очень помог известный кирсановский эсер Виктор Николаевич Михневич. В результате их совместных действий в Тамбов посыпались ходатайства отпустить Антонова в Кирсанов в связи с назначением его начальником уездной милиции.

Первым на эти просьбы в Тамбове откликнулся начальник городской милиции Булатов, произведя 23 октября 1917 года Антонова в свои вторые помощники и тут же откомандировав его в распоряжение губернского инспектора милиции Невежина⁷⁹, который уже через несколько часов получил от Кирсановской уездной земской управы телеграмму следующего содержания:

«Просим срочно откомандировать Антонова ввиду назначения его начальником уездной милиции. Уезд спешно нуждается в его приезде»⁸⁰.

Более подробно причины перевода Антонова изложил председатель Кирсановской уездной земской управы Василий Тимофеевич Окунев в своем письме, направленном 24 октября на имя губернского инспектора милиции:

«Уездная земская управа честь имеет просить Вас откомандировать в г. Кирсанов помощника начальника Тамбовской городской милиции А.С. Антонова. Просьба эта вызвана тем, что Кирсановская милиция по настоящее время совершенно не организована и, несмотря на принятые меры со стороны управы, до сего времени нельзя найти человека, которому можно поручить организацию милиции.

Ввиду того что и в городе, и в уезде царит полнейший беспорядок, управа ходатайствует разрешить Антонову командировку в срочном порядке; дальнейшее промедление очень невыгодно отразится на общем положении дела»⁸¹.

Через несколько дней согласие губернского инспектора милиции на перевод Антонова в Кирсанов было получено.

В самом начале ноября 1917 года в жизни 28-летнего Александра Антонова произошло естественное, но все же неординарное событие — женитьба на 25-летней тамбовчанке Софии Васильевне Орловой-Боголюбской, о которой достоверно известно очень мало: окончила 5 классов гимназии, беспартийная, проживала с матерью в доме № 20 по улице Красной, имела неродных по отцу сестру и брата — Клавдию и Александра Алексеевичей Боголюбских⁸².

Сразу же после свадьбы супруги Антоновы выехали в Кирсанов, где поселились в доме Апоничких по улице Почтовой. А не позднее 8 ноября Александр Степанович уже вступил в должность начальника Кирсановской уездной милиции⁸³.

Начальник уездной милиции

Нелегкое место службы досталось Антонову. Ведь что представлял собой огромный Кирсановский уезд, раскинувшийся на 6 тысяч квадратных километров? 4 района с 37 волостями и 438 населенных пунктов с 350 тысячами сельских жителей⁸⁴.

А какими силами располагал начальник уездной милиции? Один заместитель (уже упоминавшийся эсер В.Н. Михневич, которого через пару месяцев сменил беспартийный Николай Адамович Дыбовский), 4 начальника районных милиций, 37 старших волостных милиционеров плюс 17 конных да 40 пеших милиционеров и, наконец, канцелярия из пяти человек⁸⁵. То есть к моменту прихода Антонова Кирсановская уездная милиция насчитывала всего 100 «активных штыков».

А вот оперативная обстановка в уезде была хуже некуда. Уголовная преступность распускалась махровым цветом. Не отставала от нее и так называемая классовая борьба — разгром и грабеж помещичьих имений и богатых хуторов. Малочисленная уездная милиция была просто не в состоянии сколько-нибудь эффективно противодействовать безудержному разгулу преступности и беззакония и, в лучшем случае, старалась держаться с грабителями и разбойниками вооруженный нейтралитет. Но и это удавалось далеко не всегда и не везде. Да и что тут говорить о распыленной по огромной территории уездной милиции, если относительно куда более сильная городская милиция, попытавшаяся навести хоть какой-то порядок в самом

Кирсанове, была 1 июня 1917 года разгромлена самым беспощадным образом⁸⁶.

Так как же проявил себя Александр Степанович Антонов на посту начальника Кирсановской уездной милиции, который он бесценно занимал до середины июля 1918 года, когда ушел в отпуск?

Явно некабинетный работник, он сразу же начал мотаться по всему уезду с небольшим отрядом конных милиционеров, гоняясь за шайками грабителей, конокрадов и прочих разбойников с большой дороги, которые со временем, надо отметить, заметно присмирели. Поймал Антонов и знаменитого на Тамбовщине разбойника и конокрада Ваську Селянского — крестьянина села Пахотный Угол Тамбовского уезда, будущего командира 8-го Пахотно-Угловского антоновского полка. Правда, пойманный в районе Инжавина и отправленный, ввиду губернского масштаба своей «деятельности», в Тамбов, Селянский сбежал там от конвоя на железнодорожном вокзале^{87*}.

Немало сил и нервов потратил Антонов, борясь с беззастенчивым разграблением помещичьих имений и экономий (будущих коммун и совхозов) крестьянами, что, естественно, вызвало у последних сильное недовольство начальником уездной милиции. Известный тамбовский чекист Михаил Иванович Покалюхин, сыгравший роковую роль в судьбе Антонова, вспоминал в 1923 году:

«Помню один характерный случай. В моем родном селе (Нижние Пески Васильевской волости Кирсановского уезда)

---

* 18 декабря 1920 года отряд антоновцев под командованием В.Ф. Селянского выбил красных из села Анастасьевское (Бондари) Тамбовского уезда, после чего местные жители разграбили находившийся здесь филиал одной из рассказовских суконных фабрик. Информация о случившемся дошла до В.И. Ленина. Но в таком искаженном виде, что он понял ее так, что антоновцы захватили и разграбили все фабрики в Рассказове — центре суконной промышленности Тамбовской губернии. Разгневанный Ленин потребовал от наркома внутренних дел Ф.Э. Дзержинского немедленно объявить строгий выговор командующему внутренними войсками В.С. Корневу, отдать под трибунал виновных тамбовских губисполкомовцев и чекистов и вообще принять самые решительные меры к подавлению антоновщины. В результате этого вмешательства Ленина против антоновцев были впервые двинуты части регулярной Красной армии, а подавление восстания было взято под жесткий контроль Москвы.

Вот так бывший конокрад Селянский «отомстил» бывшему начальнику милиции Антонову за свой арест в июле 1918 года.

крестьяне выгнали свою барыню М.И. Олив и не дали ей ничего, даже из движимого домашнего обихода.

— Мы тут всю жизнь трудились, мы и будем всем пользоваться, — говорили наши мужики.

Обиженная барыня обратилась тогда к кирсановскому комиссару Временного правительства Баженову (правый эсер, друг Антонова). Дело это было в конце 1917 г., уже после Октябрьской революции, но власть в Тамбовской губ. еще оставалась в руках эсеров. Баженов поручил начмилиции Антонову «одернуть» песковских мужиков и защитить «свободу личности» барыни Олив. Приказание было исполнено — в Пески прислали отряд милиции. Сперва мужики и местные большевики, пришедшие с фронта, хотели было воспрепятствовать милиции выступить в защиту барыни. Для этого было приготовлено даже несколько винтовок. Но дело не вышло, антоновцы пересилили и заставили мужиков на собственных же лошадях отвезти барыню в Кирсанов нужную ей обстановку. Подобных случаев «ревностного» отношения Антонова к службе — немало»⁸⁸.

Однако самым ярким событием в милицейской биографии Антонова является, бесспорно, разоружение им нескольких эшелонов Чехословацкого экспедиционного корпуса, следовавших на восток через станцию Кирсанов. А ведь известно, что дело это было весьма сложным и почти нигде не удавалось. Вероятно, поэтому Кирсановский Совет и наградил Антонова маузером, совершенно не интересуясь, куда же потом девалось отобранное у чехословаков оружие. Ведь, как выяснилось позже, доблестный начальник уездной милиции его никому не сдавал⁸⁹.

Следует сказать и о том, что, по некоторым недокументальным сведениям, Антонов был замечен в «собираательстве» оружия еще в Тамбове. Так, секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Борис Афанасьевич Васильев написал в своих воспоминаниях, что Антонов причастен к произошедшим в октябре 1917 года похищению трех возов винтовок со двора Тамбовской городской управы и ограблению артиллерийского склада в Тамбове.

В первом случае на запрос большевистской фракции горсовета председатель городской управы (видный эсер, в кабинете которого частенько видели Антонова) и начальник Тамбовской городской милиции Булатов официально ответили, что никакого оружия во дворе городской управы вообще не было, а

запрос большевиков — их обычная провокация. Во втором же случае Тамбовский горсовет создал специальную следственную комиссию, председателем которой оказался все тот же Булатов, а одним из ее членов — Антонов. Естественно, пишет Васильев, что такая следственная комиссия не нашла ни грабителей, ни оружия, а лишь установила, что ограбление было совершено какими-то «приезжими из-за города»⁹⁰.

«Большой ошибкой» кирсановских коммунистов назвал Васильев то, что они, придя к власти в феврале 1918 года, оставили левого (а не правого, как принято считать) эсера Антонова на посту начальника уездной милиции, а не поступили по примеру Тамбова, где начальника гормилиции эсера Булатова заменили коммунистом уже на второй день большевистской власти. Такую терпимость к Антонову Васильев объясняет тем, что председателем Кирсановского уисполкома, а затем и уездным комиссаром внутренних дел (до 20 марта 1918 года) был приятель Антонова К.Н. Баженов — левый эсер, перекрасившийся позднее в «революционного коммуниста», что, впрочем, не спасло его в будущем от нескольких арестов, в том числе и «за участие в антоновщине»⁹¹.

Конечно, при Баженове Антонов чувствовал себя поуверенней. Однако объяснять его «непотопляемость» только поддержкой Баженова было бы неверно. Дело в том, что за те 9 месяцев, в течение которых Антонов возглавлял Кирсановскую милицию, он показал себя отличным начальником. При нем уездная милиция окончательно сформировалась, значительно увеличилась численно и весной 1918 года представляла собой серьезную силу, не считаться с которой в уезде уже никто не мог.

А тем временем кирсановские коммунисты продолжали укреплять свою власть. «Сбросив» Баженова, они тут же принялись за командира формирующегося 1-го Кирсановского социалистического полка В.Н. Михневича — бывшего заместителя Антонова, недавнего эсера, а теперь меньшевика-интернационалиста. 31 марта, по ложному обвинению в «агитации против Советской власти», Михневич был арестован. И хотя через две недели его пришлось освободить, дело было сделано: к командованию полком Михневич уже не вернулся⁹².

Антонову не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что отныне в Кирсанове единственной реальной, то есть вооруженной, силой, не находящейся еще под контролем коммунистов, оставалась лишь вверенная ему милиция.

Поэтому уже 1 апреля Антонов явился на заседание уездного исполкома, где выразил резкий протест по поводу незаконного ареста Михневича и недвусмысленно пригрозил силой освободить его, если немедленно не будут приняты соответствующие меры. Исполком же под председательством большевика И.М. Авербаха отказался сразу освободить Михневича, но пообещал быстро разобраться в его «деле», а чтобы охладить воинственный пыл Антонова, единодушно выразил ему и всей его милиции «полное доверие»⁹³.

В конце апреля Антонов еще раз проверил на лояльность к себе Кирсановский уисполком и его нового (с 9 апреля) председателя — большевика Агеева, заявив, что отказывается работать «за такую мизерную зарплату» — 425 рублей в месяц. Исполком моментально «положил» ему 500 рублей, но Антонов, вместо слов благодарности, категорически объявил, что примет эту поддачку лишь в том случае, если зарплата будет повышена всем его подчиненным, и в первую очередь рядовым милиционерам. Тут же обсудив это требование и придя к выводу, что если Антонов уйдет, то держащаяся исключительно на его авторитете милиция «вся разбежится», исполком скрепя сердце согласился на повышение зарплаты всем работникам уездной милиции⁹⁴.

Однако, несмотря на кажущуюся прочность своего положения, Антонов с каждым днем становился все более задумчивым и скрытным. Эсеровские партийные собрания почти не посещал, а если и бывал на них, то сидел тихо и только слушал, что говорят другие. Чаще и дольше обычного Александр Степанович стал пропадать в служебных поездках по уезду, в основном по южной его части. Особенно он зачастил в села Иноковка и Инжавино, к начальникам 3-го и 4-го районов милиции Ивану Семеновичу Заеву и Василию Казьмичу Лоцилину.

Что, кроме службы, связывало Антонова с бывшим капитанармусом Заевым и бывшим учителем и прапорщиком военного времени Лоцилиным? Да то, что именно Заев и Лоцилин помогали своему непосредственному начальнику прятать в глухих уголках южной части Кирсановского уезда все то оружие, что отбиралось Антоновым у чехословаков, бывших фронтовиков и уголовных элемента. Прятали оружие главным образом в труднодоступных лесах и болотах по берегам реки Вороны, между селами Иноковка и Чернавка. Другим местом тайного складирования оружия была юго-западная часть уезда (треугольник сел Калугино—Золотовка—Трескино).

Тогда же, во время этих манипуляций с оружием, пересеклись жизненные пути-дороги Антонова и будущего командующего «2-й партизанской армией Тамбовского края» П.М. Токмакова. Однако антоновским командармом Петр Михайлович Токмаков станет лишь через два с половиной года. А пока, в середине восемнадцатого, он был рядовым милиционером конного отряда 3-го района уездной милиции. Но это официально, а фактически же Токмаков являлся командиром этого отряда и правой рукой Заева. И все же самое главное было в том, что Токмаков сумел завоевать полное доверие Антонова, а затем и навсегда сдружиться с ним⁹⁵.

Дела и делишки молчаливого начальника уездной милиции шли вполне терпимо, и кто знает, сколько бы это еще продолжалось, не будь создана в Кирсанове 11 апреля 1918 года уездная ЧК во главе с коммунистом-фронтовиком Казьмой Николаевичем Саганиным, которого вскоре сменил большевик-железнодорожник Павел Варсанофьевич Овчинников⁹⁶.

Едва ли не с первого дня своего существования Кирсановская ЧК (почти сплошь большевистская) начала «копать» под уездную и городскую милиции (почти сплошь левоэсеровские). А кроме того, кирсановские коммунисты резко активизировали свои усилия по занятию руководящих постов в милиции. И что же Антонов? На первый взгляд он нисколько не противодействовал ни явному «подкопу» чекистов, ни столь же очевидному напору коммунистов. Более того, он даже заменил не в меру активного эсера Герасима Петровича Перекальского — начальника милиции 1-го района — не менее активным коммунистом В.И. Соболевым^{97*}.

---

* Вячеслав Иванович Соболев оказался на редкость усердным служакой. Вскоре он перевелся начальником 4-го района милиции в Инжавино, а в сентябре 1919 года занял пост начальника Кирсановской уездной милиции и тут же почему-то, но вполне официально сменил свою фамилию на Птицына. Правда, в апреле 1920 года его понизили в должности — до заместителя нового начальника уездной милиции Мина Семеновича Маслакова. На этом посту Птицын пробыл до марта 1921 года, когда был неожиданно вызван в Тамбов, где и бесследно исчез. Известно лишь, что это случилось сразу после того, как губчека получила от кирсановского чекиста Георгия Антоновича Аникина сведения о давних и тесных связях Соболева-Птицына с Антоновым⁹⁸. (Насколько был прав Аникин — судить трудно. Но в пользу того, что все это время (1918–1921 гг.) Соболев-Птицын «работал» на Антонова, говорит такой, например, факт, как поразительная информированность Антонова об оперативных замыслах кирсановских «органов», кото-

Этот и другие подобные поступки Антонова несколько сбивали с толку чекистов, которые, однако, не только не ослабили своих усилий по сбору «компромата» на эсеров-милиционеров, но и даже заметно форсировали их, что напрямую было связано с произошедшими в начале июля в Москве и других городах вооруженными выступлениями левых эсеров против большевиков. Первое, во что сразу же мертвой хваткой вцепились кирсановские чекисты, было раскрытие ими нескольких случаев злоупотребления властью, допущенных начальником 3-го района милиции Заевым и его ближайшим сподвижником Токмаковым. Проступки эти нельзя было квалифицировать как преступления, и поэтому чекисты стали добиваться от уездного комиссара внутренних дел большевика Сатанина увольнения со службы Заева и Токмакова¹⁰⁰.

Сатанин тут же известил об этом Антонова и запросил его мнение. В своем ответе не шибко грамотный начальник уездной милиции писал (орфография и пунктуация подлинника):

«Принимая во внимание долгосрочную службу, со дня основания милиции, начальника милиции 3-го участка Заева и милиционера Токмакова, а также знание своего дела, точность и аккуратность возложенных на них обязанностей я нахожу с своей стороны увольнение таковых со службы очень отразится в интересах государственной службы, занимаемого ими участка. Прошу Вашего разрешения об оставлении их на своих постах или же назначения следственной комиссии для выяснения виновности их»¹⁰¹.

Вполне возможно, что этот документ, написанный Антоновым, оказался последним в его милицейской биографии. Ибо в начале второй половины июля 1918 года он ушел в разрешенный ему месячный отпуск и вместе с женой уехал на отдых в бывшее помещичье имение Дашково, что в 10 километрах севернее Инжавина¹⁰².

рые могли быть известны лишь очень ограниченному кругу руководящих работников ЧК и милиции. Чем, если не явным предательством кого-то из этих лиц, можно объяснить, в частности, то, что уже в первые дни антоновщины, 4 сентября 1920 года, кирсановский сводный чекистско-милицейский отряд попал в антоновскую засаду-ловушку у села Трескино и был наголову разгромлен? В числе погибших в этом бою оказался и глава кирсановских чекистов Андрей Демьянович Сачко. А начальник уездной милиции Маслаков спасся лишь благодаря своей храбрости, мастерскому владению ручным пулеметом и быстрым ногам⁹⁹.

* * *

Три вроде бы безмятежные недели провели супруги Антоновы в Дашкове. Правда, сам Александр Степанович, отдыхая, не забывал следить и за событиями в уезде. Все было спокойно, и ничто, казалось, не предвещало скорой грозы. Дело Заева и Токмакова, своевременно предупрежденных им об опасности, явно застопорилось. Лишь 14 августа, под большим нажимом ЧК, уездный комиссар внутренних дел К.Н. Сатанин согласился на проведение официального расследования деятельности И.С. Заева и П.М. Токмакова. В этот день он писал в Кирсановскую уездную ЧК:

«Возвращая при сем переписку от 18-го прошлого июля за № 746, предлагаю для выяснения и расследования деятельности начальника милиции 3-го участка Заева и милиционера Токмакова назначить в непродолжительном времени особую комиссию в составе: 1) одного представителя Уездной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, 2) одного представителя уездного комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) и 3) одного представителя городских служащих милиции.

По производстве названной комиссией дознания, протокол такового, вместе с настоящей перепиской, прошу прислать мне»¹⁰³.

Но в ЧК от этой записки Сатанина попросту отмахнулись. Дело в том, что как раз 14 августа произошла смена руководства Кирсановской уездной ЧК. Вместо уволившегося по собственному желанию П.В. Овчинникова — человека психически больного, но отнюдь не агрессивного, председателем был назначен его заместитель Петр Степанович Зудин¹⁰⁴. Однако фактически руководство уездной ЧК оказалось на несколько дней в руках нового зама, Георгия Тимофеевича Меньшова — бывшего сотрудника уездной милиции, уволенного Антоновым за пьянство, у которого страшные запои мирно чередовались с приступами неистовой служебной активности.

Если верить запискам Меньшова, опубликованным в Тамбове в 1923 году, то уже 15 августа в руки чекистов попал потерянный кем-то в Кирсанове портфель, содержимое которого тут же подняло по тревоге всю уездную ЧК и находившийся при ней так называемый Карательный отряд под командованием Г.В. Шаралова. Ибо в портфеле была обнаружена переписка эсеров о подготовке ими контрреволюционного заговора в Кир-

санове с целью «разгрома уездного Совета» и проведения «планового террора на ответственных работников». Меньшов вспоминал далее:

«В переписке высказывалась уверенность заговорщиков, что милиция поголовно будет с ними. Мы, получив этот материал, немедленно командировали взвод из Карательного отряда для поимки Антонова, который, по слухам, жил в то время в Инжавино, Лоцилина и Заева — начальников милиции 4-го и 3-го районов, — назначенцев Антонова. В Инжавино отправился я, а за Заевым — тов. Шарاپов. По приезде в Инжавино я вечером взял с квартиры Лоцилина, который был хорошо вооружен. Затем я бросился искать Антонова в Солововском лесу, но все поиски были тщетны. Лоцилина я отправил в Кирсанов с конвоем, а через день был приведен и Заев, окруженный в своем районе отрядом Чека. Через день Заев и Лоцилин, по постановлению Чека, были расстреляны»¹⁰⁵.

Погорячился, ой погорячился товарищ Меньшов! Впрочем, вскоре он и сам понял это и ушел в очередную серию запоев, которые привели его сначала на должность начальника отдела по борьбе со спекуляцией, затем сделали завхозом и, наконец, в декабре 1918 года окончились его увольнением из ЧК¹⁰⁶. А ведь не начни тогда, в августе, Меньшов пороть горячку с арестами милицейских начальников и их «приспешников» и не подними тем самым шумиху на весь уезд, стоять бы Антонову (дня через три он должен был выйти из отпуска на службу) у одной стенки вместе с левым эсером Лоцилиным и «сектантом-коммунистом» Заевым. Упустили чекисты в Иноковке и будущего антоновского командарма Токмакова, который, по словам помощника Заева, «16 августа скрылся неизвестно куда, захватив с собой наган»¹⁰⁷. Сбежал, от греха подальше, и начальник Кирсановской городской милиции Никита Григорьевич Гридчин¹⁰⁸.

Его примеру последовал шурин (брат жены) Антонова — начальник 2-го района Кирсановской городской милиции Александр Алексеевич Боголюбский. Еще раньше распрощался со своей милицейской должностью замешанный в неудачной попытке антисоветского переворота в Тамбове 17–19 июня младший брат Антонова — Дмитрий, служивший до этого младшим помощником начальника милиции 4-го района города Тамбова. Однако никем пока особо не преследуемые, младший брат и шурина Антонова, сойдясь вскоре вместе, порешили за благо

устроиться на небольшой лесопильный завод в Тамбовском уезде, где тихо-мирно и проработали почти до конца 1918 года¹⁰⁹.

А Александр Антонов, кем-то вовремя предупрежденный об опасности, срочно отправил жену из Дашкова в Тамбов, к ее матери, после чего сам бесследно исчез.

Напрасно почти десять дней караулили чекисты пустую квартиру Антоновых на Почтовой улице в Кирсанове. Александр Степанович и не думал возвращаться туда. Как, впрочем, и в свой служебный кабинет. Наконец поняв это, новый уездный комиссар внутренних дел Тихон Акимович Климов в конце августа издал приказ об освобождении начальника Кирсановской уездной милиции А.С. Антонова от занимаемой должности «за неявку из отпуска»¹¹⁰.

Часть 3. Опять в подполье

Оказавшемуся на нелегальном положении Антонову волей-неволей пришлось вспомнить свою докаторжную молодость, когда ему, еще неоперившемуся толком эсеровскому боевику-экспроприатору, приходилось скрываться от полиции и жандармов. Вероятно, помимо элементарных приемов конспирации, Антонову вспомнились и те эсеры, которых он знал по дореволюционному подполью.

Ведомо было Антонову и то, что один из таких знакомцев (по Тамбовской тюрьме 1909 года)¹¹¹, виднейший российский эсер Владимир Казимирович Вольский возглавляет теперь «Самарскую учредилку» — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) — альтернативное коммунистам эсеровское правительство, объявившее себя в июне 1918 года временной (до созыва Учредительного собрания) властью на территории Самарской губернии. В августе власть Комуча распространялась уже на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губернии. Вся эта территория была объявлена «территорией Учредительного собрания». Комуч признали Уральское и Оренбургское казачьи войска. Была у него и своя Народная армия.

Вот туда, в Самару, к Вольскому и решил поехать Антонов, чтобы в рядах Народной армии с оружием в руках сражаться против большевиков. Но не в добрый час отправился Антонов

в Самару. С сентября дела Комуча и его Народной армии неудержимо покатились под уклон. А 19 ноября «Съезд членов Учредительного собрания» (так теперь стал именоваться Комуч), переехавший сначала в Уфу, а затем в Екатеринбург, вовсе был разогнан колчаковцами. И проболтавшийся безрезультатно три месяца по пылающему Гражданской войной Поволжью Антонов был вынужден несолоно хлебавши возвратиться в Кирсановский уезд¹¹².

Но, видно, в недобрый час Антонов не только уезжал в Самару, но и вернулся обратно. Дело в том, что как раз накануне его возвращения домой по Тамбовской губернии прокатилась волна стихийных крестьянских восстаний. Причем наиболее сильное восстание, протекавшее в два этапа, произошло на границе Кирсановского и Моршанского уездов, в районе сел Рудовка, Вышенка, Никольское, Глуховка.

Сначала в ночь на 24 октября 1918 года произошло выступление крестьян Рудовской волости в северной части Кирсановского уезда. Однако оно было быстро, в течение трех-четырех дней, подавлено силами милиции, чекистов и местных коммунистов. Проведенное тут же кирсановскими властями расследование причин восстания показало, что оно было вызвано вопиющей бесцеремонностью продотрядов, откровенным произволом местных властей, а также из рук вон плохо организованной мобилизацией в Красную армию нескольких возрастов крестьян.

Созданный в процессе подавления восстания «Военно-революционный штаб» вскоре вынес Рудовской волости свой приговор: расстрел шести «зачинщиков» во главе с Ильей Давыдовичем Галыгиным (исполнено 29 октября на виду у всей Рудовки), миллион рублей контрибуции и конфискация нескольких сотен лошадей и коров. Но мало того, что военревштаб назначил явно невыполнимые размеры контрибуции и конфискации, так он (по мнению проводившего позднее расследование нового председателя Кирсановской уездной ЧК Эрнеста Эрнестовича Рожкалнса) еще и вел себя по отношению к «побежденным» рудовцам недопустимо грубо и провокационно. Дикие пьяные оргии и насилия «победителей» возмутили и всколыхнули всю округу, которая 9 ноября вспыхнула огнем нового восстания. На этот раз местных коммунистов и милиции оказалось уже недостаточно, пришлось вызывать войска. 20 ноября, после ряда ожесточенных и кровопролитных боев, восстание было жестоко подавлено¹¹³.

И хотя все требования конспирации Антонов вроде бы соблюдал, слух о его появлении на юге Кирсановского уезда моментально облетел весь Инжавинский район. Но какое же было удивление, а затем и вполне понятное возмущение Александра Степановича, когда до его ушей дошло, что это якобы он был главным подстрекателем и руководителем крестьянского восстания в районе Рудовки. Однако все было бы ничего, не поверь этим всем вымыслам инжавинские коммунисты, которые на своей районной партконференции не только заклеямили позором «лжесоциалиста Антонова», но и приговорили его к смерти. Более того, среди делегатов конференции нашлись и добровольцы, пожелавшие лично привести этот приговор в исполнение¹¹⁴.

Такой жестокой несправедливости к себе — человеку с эсеровско-каторжным прошлым, партийный стаж которого насчитывал больше лет, чем у этих инжавинских коммунистов месяцев, — Антонов безнаказанно спустить не мог. Не тот был человек.

В декабре 1918 и январе 1919 года он сколачивает вокруг себя и вооружает так называемую Боевую дружину из 10–15 человек, в преданности которых сомневаться не приходилось. В их числе оказались бросившие свой лесопильный заводик под Тамбовом младший брат Дмитрий и шурин Александр Алексеевич Боголюбский, бывшие милиционеры Петр Михайлович Токмаков, Петр Михайлович Давыдов и другие, тоже в основном бывшие милиционеры, избежавшие в августе ареста или же арестованные, но в конце концов выпущенные чекистами на свободу «за неимением обвинительных материалов»¹¹⁵.

Едва ли не единственным немилитционером в Боевой дружине Антонова был его старый знакомый по дореволюционному эсеровскому подполью, будущий глава Тамбовского (вернее, антоновского) эсеровского губкома Иван Егорович Ишин — 43-летний говорун и весельчак из села Калугино Кирсановского уезда. Сын весьма зажиточного крестьянина-хлебороба, владельца 28 десятин земли, Иван Ишин не унаследовал от отца тяги к земле и в 1905 году, вступив в партию эсеров, занялся революционной пропагандой среди крестьян. Его недюжинный агитаторский талант был отмечен тогдашними властями следующим образом: 2 месяца тюрьмы в 1906 году — от кирсановского уездного исправника, 4 месяца тюремного заключения в 1907 году — от губернского жандармского управления и 4 ме-

сяца тюрьмы плюс 2 года ссылки в 1909 году — от Саратовской судебной палаты¹¹⁶.

В нашей исторической литературе об антоновщине давно уже сложилась такая традиция: упоминая имя Ишина, непременно поведать о присвоении им огромной суммы партийных (эсеровских) денег — 40 тысяч рублей, на которые он якобы открыл промтоварную лавку в своем селе и начал богатеть. Как выяснилось, к историкам эти сведения попали от тамбовских чекистов Георгия Антоновича Аникина и Михаила Ивановича Покалюхина. На вопрос о том, какой конкретно эсеровской организации принадлежали эти деньги, первый отвечал, что, возможно, Кирсановской, а второй — что той сибирской, где Ишин отбывал ссылку¹¹⁷.

Увы, нельзя согласиться ни с одним, ни с другим. Ибо, во-первых, ссылку Ишин отбывал не в Сибири, а в Архангельской губернии, где «водились» только ссыльные эсеры, у которых вряд ли были такие бешеные деньги. А во-вторых, надо совершенно не зная внутривнутрипартийных эсеровских порядков, чтобы всерьез предположить, что кирсановские эсеры, зная о таком преступлении Ишина, позволили бы ему сколько-нибудь долго оставаться в живых и вдобавок нагло богатеть у них на глазах. Тот же Антонов не моргнув глазом первым бы разрядил в Ишина свой наградной маузер и потом искренно считал бы, что поступил благородно. Однако Александр Степанович, будучи начальником уездной милиции, не только не сделал этого, но и неоднократно противодействовал калугинским коммунистам в их попытках арестовать Ишина. Поэтому неудивительно, что сразу после ухода Антонова из милиции, Ишина обложили такой контрибуцией, что он мигом сбежал из села и долго скрывался у своих многочисленных родственников и знакомых, пока, наконец, не оказался в Боевой дружине Антонова, которая в начале 1919 года приступила к проведению террора против местных коммунистов¹¹⁸.

По данным уполномоченного ЦК партии правых эсеров по Тамбовской губернии Юрия Николаевича Подбельского*, Ан-

---

* Его младший брат Вадим Николаевич Подбельский (настоящее отчество обоих — Папиевич) с апреля 1918 г. по февраль 1920 г. был наркомом почт и телеграфов РСФСР, а в мае-августе 1919 г. — особоуполномоченным ЦК РКП(б) и ВЦИК на Тамбовском участке Южного фронта. Умер в 1920 г. и похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

тонов первым делом расправился с теми коммунистами, которые на районной партконференции в Инжавине сами вызвались найти и убить его¹¹⁹.

Одновременно с террором Антонов занялся и «экспроприациями» советских учреждений. Заметим, что наши писатели и историки, дабы показать Антонова закоренелым злодеем, на протяжении семидесяти с лишним лет упорно приписывали ему гнусное ограбление детской колонии в Дашкове, где находились дети голодающих питерских рабочих и где антоновскими дружинниками под командованием Токмакова якобы было «экспроприровано» 110 тысяч рублей¹²⁰.

Однако найденные автором этих строк архивные документы убедительно свидетельствуют о полной непричастности Антонова к этому позорному «эксу». На самом деле ограбление Дашковской детской колонии совершил (в стоворе с несколькими работниками колонии) некто Семен Васильевич Коновалов, у которого при обыске нашли 90 тысяч рублей и украденные из колонии вещи. Но самое удивительное: находясь уже под следствием, Коновалов умудрился вступить в ряды коммунистической партии¹²¹.

Из «экспроприаций», действительно совершенных дружиной Антонова, наибольшую известность получили ограбления Утиновского (Верхне-Шибряйского) сельсовета в северной части Борисоглебского уезда и Золотовского волисполкома в Кирсановском уезде. Причем в последнем случае, произошедшем в начале февраля 1919 года, антоновскими дружинниками были убиты четыре волисполкомовских коммуниста. Забегая несколько вперед, скажем, что самым дерзким «эксом» Антонова было ограбление вечером 1 декабря 1919 года Инжавинского райпродуправления, во время которого антоновцы расстреляли трех коммунистов и одного австрийского военнопленного, работавшего в райпродуправлении конюхом-сторожем¹²².

Численность дружины Антонова непрерывно увеличивалась и к середине лета 1919 года достигла ста пятидесяти хорошо вооруженных и дисциплинированных боевиков. В основном это были люди, придирчиво отобранные Антоновым после им же организованного у села Трескино двухтысячного митинга дезертиров, перед которыми с зажигательной речью и горячими призывами вступить в ряды Боевой дружины Антонова выступил его заместитель по пропаганде и агитации Иван Егорович Ишин¹²³. Кстати, здесь же, под Трескином, в ночь на 11 июня

антоновцы убили инструктора отдела управления Кирсановского уездного исполкома Бутовского и уполномоченного ВЧК Бориса Николаевича Шехтера¹²⁴. А всего за лето 1919 года только в одном Кирсановском уезде дружинниками Антонова были уничтожены, по данным уездного комитета РКП(б), около сотни коммунистов¹²⁵.

Несмотря на все возрастающую активность и даже агрессивность Антонова, борьба с ним велась довольно пассивно, что можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, недостатком сил, имевшихся в распоряжении уездных властей, а во-вторых, тем, что кирсановские руководители упорно не хотели видеть в Антонове достойного противника, благо что уездный городишко Кирсанов своими налетами он не беспокоил. Такое положение попытался было исправить уездный ревком, созданный 3 июля 1919 года в связи с объявлением Тамбовской губернии (кроме четырех ее северных уездов) на военном положении. 5 июля ревком издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Всем гражданам, имеющим оружие, за исключением членов РКП(б), под страхом расстрела на месте приказывается в 24 часа сдать таковое в Кирсановский уездный военный комиссариат»¹²⁶.

Однако не все было так просто, и 26 июля уездный ревком, весьма озабоченный участившимися вылазками дружинников Антонова, отмечал в своем приказе:

«В результате пассивного отношения к делу защиты революции наблюдается, что контрреволюция во всех своих проявлениях подняла голову. Участились случаи преследования коммунистов на местах. Разбойничьи банды открыто разгуливают по уезду, дезертиры массами скрываются по селам и окрестностям, а местная власть смотрит пассивно на такие явления и, благодаря своей пассивности и расхлябанности, часто не в силах бороться с этим “гнилым нарывом” революции. Контрреволюционеры и бандиты всех мастей в своих грязных замыслах дошли до того, что открыто делают вооруженные нападения на честных и преданных делу революции товарищей, поджигают дома коммунистов, вытаптывают засеянные поля их семей.

<...> Для фактического проведения в жизнь военного положения на местах и принятия решительных мер по беспощадной борьбе с контрреволюцией уездный ревком приказывает: каждому волисполкому совместно с волвоенкомом и представителями от организации РКП(б) взять заложников от кулац-

кого элемента, от укрывателей дезертиров, от самогонщиков, бандитов и других контрреволюционных элементов.

В случае активного выступления контрреволюционеров за каждого убитого коммуниста будут расстреляны заложники, за поджоги, вытапывание полей расстреливаются заложники, за укрывательство и пособничество дезертирству головой отвечают заложники.

Все контрреволюционеры, бандиты и дезертиры должны быть изъяты беспощадной рукой из пределов местности, объявленной на военном положении»¹²⁷.

Однако время шло, а Антонов все не унимался, несмотря на драконовские строгости военного положения и частичное «проведение в жизнь» уездными властями своих репрессивных обещаний. Поэтому в начале осени 1919 года Кирсановский уездный военревком во главе с председателем уисполкома В.А. Зайцевым сформировал (с превеликим трудом) специальный отряд для борьбы с Антоновым. Но бойцам этого спецотряда не довелось сразиться с антоновскими дружинниками, так как почти тут же по сформировании отряд приказом губревкома был срочно вызван в Тамбов и оттуда отправлен на фронт против белых¹²⁸.

Этот факт отправки спецотряда на фронт лишний раз подтверждает, что вопросу безотлагательной ликвидации дружины Антонова должного значения не придавали ни уездные, ни тем более губернские власти. Однако очень скоро им пришлось-таки вернуться к решению этой проблемы. 14 октября 1919 года в южной части Кирсановского уезда, у деревни Чернавки, на озере Ильмень дружинниками Антонова были убиты приехавшие сюда поохотиться на уток недавний председатель Тамбовского губисполкома Михаил Дмитриевич Чичканов (снятый с должности за сдачу Тамбова белоказакам во время знаменитого рейда генерала Константина Константиновича Мамонтова) и ответственный работник губсовконтроля Сергей Клоков. Находившегося вместе с ними беспартийного тамбовского аптекаря Дмитрия Ключенкова антоновцы убивать не стали, а лишь изрядно поколотили, чтобы в другой раз знал, с кем и куда ездить на охоту¹²⁹.

То, что бывший председатель губисполкома Чичканов отправился на охоту в самое что ни на есть логово Антонова, убедительнейшим образом свидетельствует о полном незнании им оперативной обстановки в этой части губернии.

Однако хорош или плох был убитый бывший предгубисполкома, он все-таки являлся номенклатурой ЦК РКП(б) и на его убийство полагалось отреагировать соответствующим образом. Поэтому буквально тут же в район Инжавино были направлены несколько чекистских, милицейских и красноармейских отрядов, общее руководство которыми осуществляла специальная выездная сессия губчека под председательством будущего начальника Кирсановской уездной милиции Мина Семеновича Маслакова. В составе выездной сессии находились достаточно опытные и смелые чекисты, например будущие заведующие Кирсановским и Тамбовским уездными политбюро (так с 1920 года стали называться уездные ЧК) Андрей Демьянович Сачко и Иван Захарович Кирьянов¹³⁰.

В дополнение к этим мерам, а также ввиду того, что, как быстро выяснилось, войсковые операции против дружины Антонова не достигают цели, председатель Тамбовской губчека Иосиф Иосифович Якимчик направил в Инжавинский район нескольких своих сотрудников с заданием проникнуть в дружину Антонова и любой ценой «уничтожить главаря банды». Надо отметить, что операциям по ликвидации Антонова и его дружины придавалось весьма серьезное значение, ибо эти операции находились под личным контролем командующего внутренними войсками Константина Максимовича Валобуева и начальника Особого отдела ВЧК, руководителя советской военной контрразведки Михаила Сергеевича Кедрова, который в начале 20-х чисел октября прибыл со своим поездом в Кирсанов. Ознакомившись здесь с обстановкой, Кедров немедленно затребовал из Саратова спецотряд по борьбе с бандитизмом (200 штыков и 50 сабель при двух пулеметах), а также послал в инжавинские леса двух своих сотрудников для убийства Антонова¹³¹.

Трудные дни наступили для Александра Степановича. Немало его дружинников погибло в ожесточенных схватках с чекистскими отрядами. Страшной силы удар обрушился и на «пособников-укрывателей» из местного населения: десятки расстреляны, сотни брошены в концлагерь. Однако «достать» самого Антонова или кого-либо из его ближайшего окружения чекистам так и не удалось. И вообще, как писал позднее секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Б.А. Васильев, губчека сразу же «столкнулась с тем фактом, что Антонова изловить дьявольски трудно, так как он имеет своих людей всюду — вплоть до партийных комитетов и органов Чека»¹³².

А вот что писал по этому поводу чекист М.И. Покалюхин: «Хитрость Антонова и покровительство ему со стороны кулачества — спасло его. Вообще нельзя отказать Антонову в твердости характера, находчивости, умении ориентироваться и большой храбрости. Все это давало ему возможность не раз уходить из наших рук»¹³³.

О двух таких случаях рассказал в своих воспоминаниях Иван Акимович Климов, служивший некоторое время в 1919 году начальником Кирсановской уездной милиции:

«В конце 1919 года в Иноковке, в доме Токмакова, были выслежены Токмаков с Антоновыми. Местные коммунисты и милиция окружили дом. На вызов никто не выходил, и двери были заперты. Тогда принесли керосин и зажгли дом. На пожар собралась толпа крестьян. Вдруг открылись 3 окна, из которых полетели бомбы. Среди толпы поднялась суматоха. Из дома выскочили Антонов, его брат и Токмаков, начали бросать во все стороны бомбы и, очищая себе таким образом путь, скрылись.

В том же 19-ом году, в каком месяце — не помню, инжавинскому предволкомпарту тов. Полатову было сообщено, что Антонов с братом и Токмаковым остановились ночевать в одной хате. Тов. Полатов собрал человек 15 членов партии и часов в 11 вечера — очень темного — отправился на облаву. Окружили дом. Тов. Полатов был слишком горяч — подошел к двери и стал стучать, чтобы отпирали. Дверь отворилась, показавшийся в дверях Антонов сделал два выстрела. Полатов тут же упал, цепь спуталась, и Антонов убежал в лес, где и скрылся. Товарища Полатова тут же положили на повозку и направили в Карай-Салтыковскую больницу с хозяином этого дома, без охраны. Хозяин скрылся, а тов. Полатов умер»¹³⁴.

Отчаявшись уничтожить Антонова физически, выездная сессия губчека решила уничтожить его морально и начала распространять были и небылицы о зверских убийствах Антоновым «безвредных деревенских идеалистов в лице членов Коммунистической партии». Естественно, в числе «зверски» убитых фигурировал и вышеупомянутый Григорий Игнатьевич Полатов¹³⁵.

Антонов стойчески терпел. Но только до тех пор, пока его не объявили отпетым бандитом-уголовником, граблящим и убивающим ни в чем не повинных мирных жителей, и не поставили в один позорный ряд с главарем известной всему уезду уголовной банды Колькой Бербешкиным.

Это было уже настолько слишком, что расшвиравшийся от незаслуженных обвинений Антонов в несколько дней выследил банду Бербешкина и безжалостно истребил ее до последнего человека. После чего отправил начальнику Кирсановской уездной милиции письмо, в котором категорически заявил, что он не уголовник, а политический противник коммунистов, сообщил о ликвидации им Бербешкина (указав место, где можно найти его труп) и даже выразил готовность помочь милиции в борьбе с уголовными шайками. Письмо свое Антонов заканчивал так: «Желание коммунистов — очернить нас перед лицом трудящихся — плохо удастся, надеюсь, что на этом поприще они и впредь будут иметь подобный же успех... О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета РКП». Судя по почтовому штемпелю, письмо это было отправлено Антоновым 18 февраля 1920 года¹³⁶.

Вскоре кирсановские «Известия» опубликовали весьма неуклюжий «Ответ на письмо Антонова, присланное им на имя начальника Кирсановской усовмилиции», подписанный почему-то выездной сессией губчека, которая твердо пообещала Антонову и его дружинникам, что «карающая рука пролетариата, победившего мировую контрреволюцию, быстро раздавит вас, пигмеев, своим железным кулаком»¹³⁷.

И — удивительное дело! — Антонов притих. Да так, что оставшаяся без работы выездная сессия губчека в марте была отозвана в Тамбов.

Разумеется, не чекистских угроз испугался Антонов. Просто еще тогда, в феврале 1920 года, он прозорливо увидел впереди зарево большого крестьянского восстания и, уйдя в глубокое подполье, стал потихоньку создавать в деревнях сеть будущих повстанческих «местных штабов».

Вслед за Антоновым неотвратимость надвигающегося восстания поняли и тамбовские эсеры. Бросившись воссоздавать свои нелегальные партячейки в селах, они с удивлением наткнулись во многих деревнях на уже готовые антоновские «местные штабы». Состоявшиеся вскоре по этому поводу переговоры эсеров с Антоновым завершились тем, что эсеровские и антоновские подпольные организации слились воедино в формально беспартийные «союзы трудового крестьянства»¹³⁸.

Справедливости ради отметим, что приближение восстания почувствовали и некоторые местные коммунисты. Однако их отчаянные сигналы не захотели услышать ни в Тамбове, ни в Москве.

В начале августа 1920 года стали известны заведомо невыполнимые объемы продрозверстки для Тамбовской губернии, особенно для Кирсановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов, пораженных сильнейшей засухой. Население этих уездов оказалось перед страшным выбором: не отдавать хлеб продотрядам (то есть восставать) или умирать голодной смертью.

Однако, как ни готовились эсеры и Антонов к восстанию, оно все-таки началось неожиданно для них, не говоря уже о губернских властях. 21 августа крестьяне села Каменка Тамбовского уезда разгромили увозящий их хлеб продотряд и попытавшийся помочь ему спецотряд по борьбе с дезертирством. В тот же день к восставшей Каменке присоединились некоторые близлежащие села. И все-таки уже к вечеру 24 августа восстание было почти подавлено, а сама Каменка занята сильным отрядом красных. Но судьба распорядилась так, что именно в этот вечер сюда со своей Боевой дружиной прибыл Антонов. Здесь он узнал, что на состоявшейся накануне в Тамбове экстренной конференции эсеры признали восстание в районе Каменки преждевременным, то есть практически бросили повстанцев на произвол судьбы¹³⁹.

Поступить аналогичным образом Антонов не мог и в ночь на 25 августа принял на себя руководство уже дышавшим на ладан восстанием и тут же увел уцелевших повстанцев в кирсановские леса, где основательно вооружил их из своих тайников. А утром 30 августа 1920 года Каменский район вспыхнул огнем нового восстания. Так началась антоновщина — последняя крестьянская война в России, продолжавшаяся целый год.

Начальник Главперштаба

16 июля 1921 года главный подавитель антоновщины, командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский написал в своем победном рапорте на имя В.И. Ленина, что в числе главных факторов, помешавших подавить восстание в самом его начале, были «скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией и, наконец, военно-организаторский талант Антонова»¹⁴⁰.

Да, как предводитель тамбовских повстанцев Антонов не ударил в грязь лицом. Деловые характеристики на него, составленные видными военачальниками Красной армии, буквально пестрят такими эпитетами, как «недюжинная фигура с

большими организаторскими способностями», «энергичный, опытный партизан» и т. п. К слову сказать, и ВЧК отдавала ему должное, отмечая отличную постановку разведывательно-го дела у тамбовских повстанцев и незаурядные конспираторские способности самого Антонова¹⁴¹.

14 ноября 1920 года, преодолев сильнейшую партизанщину командиров отдельных повстанческих отрядов, Антонов создал единый центр руководства восстанием — так называемый Главный оперативный штаб, начальником которого сам же и стал, будучи избран на этот пост тайным голосованием на альтернативной основе. А в феврале 1921 года — апогей антоновщины — уже существовало около двадцати повстанческих полков, сгруппированных в две (1-ю и 2-ю) «партизанские армии Тамбовского края». Как известно, обе они были разгромлены регулярной Красной армией в ожесточенных сорокадневных боях, протекавших с конца мая по начало июля 1921 года.

Однако конец антоновщины начался еще в феврале, когда на Тамбовщине, а через месяц и по всей стране была отменена ненавистная крестьянству система продразверстки, на смену которой вскоре пришла более терпимая система продналога. Сразу ли понял Антонов, что это начало конца? Да. Когда известие об отмене продразверстки застало его в селе Горелое, что под Тамбовом, и крестьяне со слезами на глазах кричали «Мы победили!», Антонов грустно изрек повстанческим командирам: «Да, мужики победили. Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка»¹⁴². И как в воду глядел. За руководителями восстания началась настоящая охота.

12 апреля командующий войсками Тамбовской губернии Александр Васильевич Павлов (предшественник Тухачевского, командовавший до этого ДОНОм — Дивизией особого назначения ВЧК, известной впоследствии как дивизия внутренних войск имени Ф.Э. Дзержинского) объявил всех повстанческих командиров, от взводного и выше, «вне закона». А спустя месяц всем антоновцам было категорически предложено, под страхом репрессий в отношении их семей, «немедленно прекратить сопротивление, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей».

Однако, несмотря на широкомасштабные репрессии (только с 1 июня по 10 июля 1921 года были брошены в концлагеря и частично высланы на Север до 1500 семей повстанцев)¹⁴³, местное население упорно отказывалось сдавать оружие и вы-

давать антоновцев, которые тоже не очень спешили сдаваться и вязать своих командиров.

Перелом произошел во второй половине июня, когда стал жесточайшим образом «проводиться в жизнь» печально знаменитый на Тамбовщине 21-го года приказ № 171, в соответствии с которым в селах брались и расстреливались заложники, если население не выдавало спрятанное оружие, антоновцев и их семьи. Особенно жестоко этот приказ выполнялся в так называемых «злостнобандитских селах» (все населенные пункты мятежной части Тамбовщины были поделены красными на 4 категории: «советские», «нейтральные», «бандитские» и «злостнобандитские»). И если расстрел первой партии заложников не давал нужного результата, то тут же бралась и ставилась к стенке следующая. Так, после расстрела трех партий заложников (всего 23 человека) в деревне Кулябовка Борисоглебского уезда, она моментально превратилась из «злостнобандитской» в «советскую». Самая же большая партия заложников (80 человек) была расстреляна в «злостнобандитском» селе Паревка Кирсановского уезда¹⁴⁴, после чего сдались бродившие в ее окрестностях остатки Особого полка антоновцев (своего рода повстанческая гвардия) во главе со своим командиром Яковом Васильевичем Санфириным. Заметим, что до этого ни один из командиров антоновских полков не сдался в плен, предпочитая в безвыходной ситуации пустить себе пулю в висок.

В июле–сентябре 1921 года сдались еще шесть командиров повстанческих полков (было твердо обещано, что их не расстреляют). Сам же Александр Степанович Антонов, разумеется, и не помышлял о добровольной явке с повинной, прекрасно понимая, что прощения ему не будет.

* * *

В великом множестве больших и малых боев довелось участвовать Антонову. Судьба явно берегла его: лишь трижды он был ранен. Первый раз это случилось 18 сентября 1920 года в кровопролитном бою под селом Афанасьевка Тамбовского уезда; пуля чиркнула по щеке, оставив небольшой шрам¹⁴⁵.

Второй раз Антонов был ранен в том же месяце в селе Золотовка Кирсановского уезда, где его с двенадцатью ближайшими сподвижниками в одном из домов неожиданно окружил 2-й взвод эскадрона имени Л.Д. Троцкого из Кирсанова. Не испытывавшие недостатка в патронах штабисты Антонова про-

держались до темноты, а затем, забросав осаждающих гранатами, прорвали кольцо окружения и скрылись. Во время в общем-то успешного прорыва самому Антонову не повезло: несколько красноармейцев видели, как пуля вырвала большой кусок правого рукава кожаной тужурки Антонова¹⁴⁶. Как выяснилось позднее, в этом бою Антонов был ранен в правую руку, после чего она начала постепенно сохнуть.

В третий же раз Антонов был ранен по касательной в голову 6 июня 1921 года во время бегства из пограничного с Тамбовщиной пензенского села Чернышево, куда неожиданно ворвались три машины из чекистского автобронеполка № 52. Кстати, шофер одной из машин — Михаил Лаврентьевич Соловьев, увидевший скакавшего к лесу Антонова и указавший на него пулеметчиком, уже через несколько дней получил орден Красного Знамени¹⁴⁷. (И вообще мало кто знает, что примерно каждый десятый орден Красного Знамени в гражданскую войну 1918–1922 годов был дан именно за подавление антоновщины.)

О ранении Антонова в голову немедленно и громогласно протрубили почти все тамбовские газеты. Поэтому остается только гадать, что же толкнуло популярного в свое время советского писателя Николая Евгеньевича Вирту* дать в известном романе «Одиночество» свою версию происхождения шрама на голове Антонова. Уж не то ли обстоятельство, что главным рецензентом романа был Иосиф Виссарионович Сталин, и поэтому боевое происхождение шрама не вписывалось в жесткие рамки «социалистического реализма»? Однако предоставим слово Вирте:

«Вечером в избе, где жил Антонов, за закрытыми ставнями пьянствовали Антонов, Косова и Герман.

...Ночью, совсем потерявшие остатки разума, они спустились вниз и, шатаясь, пробрались к амбару. Там вторые сутки ждали своей участи пленные коммунисты. Герман отпер амбар, зажег свечу в фонаре, висевшем у притолоки.

Пленные — их было пятеро: четверо мужчин и девушка-учительница — сбились в кучу и, тесно прижавшись друг к другу, ждали смерти.

Антонов, не целясь, выстрелил в угол. Девушка вскрикнула.

---

* Настоящая фамилия — Карельский; его отец — священник села Большая Лозовка Тамбовского уезда — был расстрелян 5 июля 1921 года по приказу № 171¹⁴⁸.

— Т-ты не можешь, — сказала Косова, ее шатало от самогонки. — Д-дай я!

Она прицелилась, маузер дал осечку, прицелилась еще раз. Из угла выскочил чернявый, босой человек, в одном исподнем и крикнул:

— Палачи, убейте! — и рванул на себе рубашку.

Дрожащими руками Герман выхватил браунинг и выстрелил в белое пятно, человек упал и пополз в угол, к своим. Потом Косова и Антонов начали палить в живую, шевелящуюся стоющую кучу.

И вдруг из нее начал вырастать человек.

Хватаясь за бревна, вставала девушка. Она обернулась к убийцам, колеблющийся свет упал на ее лицо, обогрренное кровью.

Дико завизжала Косова; выронив маузер, она бросилась бежать; с безумным, перекосившимся от ужаса лицом пятился назад Герман; Антонов захрипел, метнулся к двери, упал и расшиб о косяк голову.

В амбар вбежали люди»¹⁴⁹.

Что здесь можно сказать? Что ни Маруси Косовой, ни Шурки Германа ко времени описываемых в романе событий (май-июнь 1921 года) уже давно не было в живых? Выходит, что воинствующий трезвенник Антонов пил «вонючую самогонку» с покойниками?!

Впрочем, далеко не один Николай Вирта грешен по части измышлений, касающихся биографии Антонова. Вот и другой известный писатель, Варлам Тихонович Шаламов, со своим «достоверным» рассказом «Эхо в горах». Это трогательное до слез, но, увы, абсолютно придуманное повествование о том, как в разгар восстания Антонов попал в плен, а красный комбриг, некто Михаил Степанович Степанов (якобы бывший эсер, сидевший когда-то в Шлиссельбургской крепости вместе с Антоновым и даже целый год скованный с ним одной цепью), устроил ему побег, предварительно взяв с Антонова честное слово (честное каторжное?), что тот прекратит вооруженную борьбу с советской властью. Александр Степанович, понятное дело, слово свое не сдержал. А лет через шесть чекисты узнали о том, кто помог Антонову бежать, и бывший комбриг получил 10 лет лагерей, где и повстречался с Шаламовым. Кстати, последний весьма любопытно, но опять-таки совершенно неверно описывает и гибель Антонова: «Антоновщина шла к концу. Сам Антонов лежал в лазарете в сыпном тифу, и когда лазарет был окружен крас-

ноармейскими конниками, брат Антонова застрелил его на больничной койке и застрелился сам. Так умер Александр Антонов»¹⁵⁰. Разумеется, каждый писатель, обращающийся к исторической теме, имеет неоспоримое право на художественный вымысел. Однако всему должен быть предел. Особенно это касается такого жанра, как исторический очерк. Поэтому вряд ли можно найти сколько-нибудь вразумительный ответ на такой, к примеру, вопрос: почему ставший ныне популярным у нас писатель-эмигрант Роман Борисович Гуль, создавший в одном из своих исторических очерков довольно колоритный (хотя и безбожно искаженный) образ «легендарного атамана-мстителя» Антонова, именует его совсем другим именем и отчеством — Герасимом Павловичем? И вообще, по Гулю, антоновщина была не в Черноземье, а в Поволжье¹⁵¹. На наш взгляд, это уже слишком.

И все же недостижимой вершиной беспредела в изображении Антонова и вообще событий антоновщины являются бесчисленные, но совершенно бредовые газетные публикации и интервью 1990-х годов тамбовского пенсионера Бориса Васильевича Сеникова, который, насколько известно автору этих строк, не является историком и никогда не бывал ни в одном из архивов, где хранятся документы по истории Антоновского восстания.

* * *

В середине июня 1921 года еще не оклемавшийся толком от недавнего ранения в голову Антонов опять угодил в перепплет. В тот день красные курсанты обнаружили и атаковали неподалеку от села Трескино Кирсановского уезда небольшой повстанческий отряд, в который как раз угораздило приехать Антонова. После короткого боя мятежники «рассеялись» в разные стороны, а преследуемые конными курсантами Антонов и четверо его ближайших сподвижников выскочили прямо на Трескино, где размещался штаб сводной курсантской бригады.

Увидев выгнанных на село пятерых мятежников и с удивлением узнав в одном из них самого Антонова, командир бригады и еще человек двадцать штабистов и курсантов мигом вскочили на коней и бросились на перехват Антонова и его спутников. Однако многоверстная бешеная скачка со стрельбой окончилась безрезультатно. Кони преследуемых оказались резвее¹⁵².

В начале июля, желая спасти остатки своих разгромленных армий от окончательного уничтожения, Антонов приказал повстанческим командирам прекратить вооруженную борьбу и,

сохраняя людей и оружие, дожидаться того момента, когда красные будут вынуждены вывести из пределов разоренной и голодающей Тамбовской губернии свою огромную (120-тысячную) оккупационную армию. И тут же сам первым продемонстрировал пример исполнительности, внезапно и бесследно исчезнув даже из поля зрения советской военной и чекистской разведки.

Отметим, что этот приказ Антонова почему-то не на шутку встревожил не только командующего войсками губернии Тухачевского, настоятельно рекомендовавшего Москве ни в коем случае не спешить с выводом войск (особенно курсантских частей) с Тамбовщины, но и самого Ленина, посчитавшего даже необходимым ознакомить Политбюро РКП(б) с этим приказом Антонова¹⁵³.

* * *

Настойчивые попытки чекистов и войсковых разведчиков установить местонахождение затаившегося Антонова увенчались успехом лишь 30 июля 1921 года, когда стало известно, что он с отрядом в 180 человек скрывается в районе озера Змеиное, что между селами Рамза и Паревка Кирсановского уезда.

2 августа весь этот труднодоступный район — сплошные болота и озера — был наглухо блокирован курсантами и отборными частями внутренних войск и регулярной Красной армии. А на следующий день красные курсанты дважды пытались достичь Змеиного озера, но оба раза были остановлены на подступах к нему сильным ружейно-пулеметным огнем антоновцев. 4 августа район Змеиного озера был подвергнут сильнейшему артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. И хотя это не нанесло ощутимых потерь повстанцам, однако подействовало на них очень деморализующе, что обнаружилось уже утром 5 августа, когда красноармейские цепи начали сжимать кольцо окружения.

К вечеру все было кончено. Половина антоновского отряда погибла в бою, а половина попала в плен. Однако среди убитых и пленных повстанцев ни самого Антонова, ни его брата Дмитрия не оказалось. И вообще для полного счета не хватало еще десятка полтора антоновцев.

Как выяснилось позже, Антонов и другие повстанцы спаслись тем, что спрятались в заранее подготовленных схронах внутри озерных чокчей, из которых была выбрана земля, и курсанты прошли буквально над ними.

6 августа были подведены итоги прочесывания. Несомненный успех операции серьезно омрачался тем, что в густой невод облавы так и не попала самая крупная рыба — братья Антоновы и скрывавшийся вместе с ними командир 4-го Низовского повстанческого полка Иван Алексеевич Востриков.

Так как пленные мятежники в один голос утверждали, что к началу операции прочесывания Антонов был с ними на Змеином озере, а внешнее красноармейское оцепление клялось и божилось, что сквозь него никто не мог проскочить незамеченным, то было решено повторить прочесывание 7 и 8 августа.

Но и на этот раз Антонову удалось перехитрить красных, хотя они и обнаружили место на Змеином озере, где скрывались последние мятежники. После продолжительной и интенсивной перестрелки, потеряв четырех человек убитыми, Антонов приказал своему денщику Алешке и еще пятерым рядовым повстанцам выйти к красным и сдаться, а также сказать, что они якобы последние из укрывавшихся на озере антоновцев.

Пока эти шестеро, громко перекликаясь с курсантами, получили от последних заверения, что не будут тут же расстреляны, и пошли, наконец, сдаваться, адъютант Антонова Иван Александрович Старых, уже упоминавшийся Востриков и братья Антоновы зашли по горло в озеро, густо поросшее тростником, и затаились.

Допросив пленных, которые, среди прочего, «доверительно» сообщили, что Александр Антонов убит еще два дня назад, а его младший брат Дмитрий застрелился прошлой ночью, и тщательнейшим образом обследовав последние перед начинавшейся глубиной кочки, курсанты ушли докладывать по начальству, которое вскоре распорядилось снять блокаду со Змеиного озера, ибо люди были уже на пределе и начинали глухо роптать.

После снятия оцепления братья Антоновы выбрались из озера, распрощались с Востриковым и Старых (которые через месяц явились с повинной в соответствующие органы советской власти) и бесследно исчезли¹⁵⁴.

Чекисты не дремлют

Уйдя в глубокое подполье, Антонов внешне совершенно прекратил всякую борьбу. Не организовывал новых отрядов и не проводил никаких террористических актов и «экспроприаций». Никому не мстил. Ни коммунистам, ни своим бывшим и

довольно близким сподвижникам, добровольно или вынужденно переметнувшимся теперь на сторону противника и даже активно сотрудничавшим с чекистами.

А последние ни на один день не прекращали настойчивые поиски следов Антонова, будучи почему-то уверенными, что Александр Степанович не ушел с Тамбовщины. Непосредственное руководство чекистским розыском осуществлял начальник секретного отделения Тамбовской губчека, а с 1922 года — заместитель начальника Тамбовского губотдела ГПУ Сергей Титович Полин, назвавший в своих воспоминаниях Антонова человеком «с громадной бандитской наглостью и смелостью». Далее Полин замечал:

«Первые сведения о нем были получены осенью 1921 г., когда он со своим братом перешел на отдых в “родные” места Кирсановского уезда. Неудачный подход к делу и недостаточная ориентировка привели первоначальную работу по его поимке к тому, что Антонов окончательно “смылся” с глаз Чека и стал еще осторожнее. Старый прожженный авантюрист, находившийся большую часть своей жизни в подполье, был слишком хитер, чтобы к нему “подъехать на козе”»¹⁵⁵.

Да, Антонов был предельно осторожен, и неоднократные попытки чекистов «выйти» на него всякий раз кончались ничем. Так, еще в начале антоновщины, осенью 1920 года, тамбовские чекисты с нулевым результатом провели операцию «Сестра». 6 октября они арестовали в городе Моршанске Тамбовской губернии жену Антонова, Софью Васильевну Орлову-Боголюбскую, которая, после поспешного отъезда из Дашкова в августе 1918 года, проживала некоторое время в Тамбове у своей матери, затем в селе Верхний Шибряй Борисоглебского уезда (сюда к ней приезжали Антонов и ее неродной — по отцу — брат Александр Алексеевич Боголюбский), в селе Никольское Воронежской губернии и, наконец, в Моршанске, где сначала устроилась работать конторщицей местного союза кредитных и досберегательных товариществ, а с сентября 1920 года — счетоводом Моршанского союза единых рабоче-крестьянских потребительных обществ.

Полностью склонить Софью к сотрудничеству чекистам не удалось, но они все-таки добились от нее (в обмен на освобождение, состоявшееся 22 октября 1920 года) написания записки Антонову с просьбой встретиться в Тамбове, в доме ее матери на Красной улице. Так как выпускать жену Александра Степа-

новича из Тамбова чекисты сочли нерезонным, то разыскать Антонова и передать ему записку было «доверено» сестре Софьи, Клавдии Алексеевне Латышевой, что та и сделала. Однако Антонов на встречу с женой не поехал, а отделался короткой ответной запиской, в которой слегка пожурил свою Соню за необдуманную попытку оторвать его от руководства восстанием в столь напряженный момент. Антонов написал также, что о его приезде в Тамбов «и речи быть не может», ибо «кругом война, за которую в некоторой степени ответственность ложится на меня»¹⁵⁶.

Естественно, что эта неудача чекистов не остановила. В марте 1921 года за поимку Антонова взялась уже ВЧК, вернее, ее отдел по борьбе с контрреволюцией, возглавляемый небезызвестным Тимофеем Петровичем Самсоновым. Зная, что Тамбовская губчека массовыми арестами «подозрительного элемента» в Тамбове в сентябре 1920 года (в числе арестованных оказался и шурин Антонова — А.А. Боголюбский) окончательно оборвала и без того слабые связи антоновцев с партиями правых и левых эсеров, Самсонов решил на этом сыграть и выманить Антонова в Москву, на якобы созываемый там съезд руководителей повстанческих армий и крупных отрядов из разных регионов страны для координации дальнейшей борьбы с большевиками.

К этой операции ВЧК были подключены тамбовские и воронежские чекисты, а главным ее действующим лицом стал бывший видный функционер Рязанской и Воронежской эсеровских организаций Евдоким Федорович Муравьев, засланный к антоновцам под видом члена ЦК партии левых эсеров. Полтора месяца он находился в стане тамбовских мятежников и навредил им основательно. Помимо добытой им ценнейшей разведывательной информации о 2-й антоновской армии, в зоне действия которой он находился, Муравьев в самом конце июня 1921 года отправил в Москву, прямо в руки ВЧК, резидента антоновцев в Тамбове Дмитрия Федоровича Федорова, руководителя повстанческой контрразведки Н.Я. Герасева, заместителя Антонова по Главоперштабу Павла Тимофеевича Эктова, главного антоновского агитатора Ивана Егоровича Ишина и группу из восемнадцати повстанцев, направленную якобы в Тулу за оружием и арестованную в Москве при переходе с Павелецкого вокзала на Курский. Все эти арестованные, за исключением Эктова, согласившегося сотрудничать с чекистами, в конце июня были расстреляны как «неисправимые враги Советской

власти»¹⁵⁷. (Через год П.Т. Эктов был застрелен неизвестным в Тамбове прямо на улице.)

Эта четырехмесячная операция ВЧК, проходившая под личным контролем Ф.Э. Дзержинского, была, безусловно, успешной, хотя главной своей цели — поимки А.С. Антонова — так и не достигла.

Думается, было бы наивным полагать, что в поисках Антонова чекисты не пытались использовать его родственников. Например, жену Софью, которую по приказу Самсонова вновь арестовали в Тамбове 26 марта 1921 года и отправили в Москву, в ВЧК. Кстати, там же оказался и ее ранее арестованный брат, Александр Боголюбский. Склонили ли их чекисты к сотрудничеству? Увы, ответ на этот вопрос находится в пока недоступном автору Центральном архиве ФСБ РФ. В порядке же информации к размышлению приведем здесь три уже установленных на сегодня факта: 1) в декабре 1921 года находившаяся в Бутырской тюрьме в Москве жена Антонова провела шестидневную голодовку; 2) 29 марта 1922 года ее неожиданно освободили и уже на следующий день, вместе с братом, отправили в Тамбов; 3) судя по материалам судебного процесса над партией эсеров, проходившего в Москве летом 1922 года, Александр Боголюбский полностью раскаялся в своих эсеровских грехах и дал обширные показания по связям эсеров с антоновщиной и самим Антоновым.

«Який я вам Антонов?!»

Близилось лето 1922 года, а тамбовским чекистам все никак не удавалось найти хоть какой-нибудь след Антонова. Но вот в начале мая чекистские сердца взволнованно забились. Это случилось после того, как из Борисоглебска в Тамбов, а оттуда в Москву лавиной пошли «срочные, вне всякой очереди» совершенно секретные шифротелеграммы. А начало этой лавине положило донесение секретной сотрудницы ГПУ «Мирановой» главе борисоглебских чекистов Чупрову. В своем сенсационном донесении от 7 мая 1922 года «Миранова» (Александра Гавриловна Кудрявцева) писала:

«Сообщаю, что 5 мая с. г. утром часов в 11 по дороге из Грибановца в Борисоглебск я встретила у второго кордона от Грибановки в Борисоглебск переодетого типа, в котором узнала главаря банд Антонова, который шел на базар в Борисоглебск и

нес для продажи картофель. Он шел вместе с женщиной, которая назвала себя его сестрой и которая на него очень похожа. Потеряла я его в Борисоглебске вблизи ардома (арестного дома, тюрьмы. — В.С.), когда они повернули на базар. В разговоре со мной они выдавали себя за проживающих в с. Алексеевка беженцев Саратовской губернии, причем говорили, что из города возвратятся опять в Алексеевку (верст 40 от Борисоглебска)...

Разговаривала я больше с сестрой, т. к. Антонов от разговора воздерживался и отделялся односложными фразами и, как видно, меня узнал, стараясь это скрыть, и старался прищуривать глаза при улыбке. Мне бросились в глаза два сломанных зуба. Одного совсем нет, а другой — половина. Точно так же, как это было и тогда, когда я знала его в банде. Выговор оба старались изменить на малороссийский. Остановиться они предполагали на одном из постоянных дворов, т. к., по их словам, квартиры у них в городе нет».

Не отреагировать на такое сообщение было нельзя, и уже 9 мая похожие на Антонова и его сестру мужчина и женщина были разысканы и арестованы милицией в Алексеевке, а вечером следующего дня водворены в Борисоглебскую тюрьму.

На первом же допросе арестованный мужчина на торжествующий вопрос чекистов: «Ну, что, Антонов, — попался?» — раздраженно ответил по-украински: «Який я вам Антонов? Я — Коваленко!» Услышав такой ответ, чекисты, вероятно, лишь саркастически усмехнулись. И было отчего: имевшаяся у них фотография Антонова убийственно свидетельствовала если не о полной идентичности арестованного Коваленко и разыскиваемого Антонова, то уж во всяком случае о их поразительнейшем сходстве. Сходились и все остальные приметы: рост, цвет волос и глаз, овал лица и т. д. Мало того, налицо были и две известные приметы: отсутствие двух зубов в верхнем ряду и шрам на голове — след пулевого ранения, полученного Антоновым 6 июня 1921 года в бою под пензенским селом Чернышево. Правда, было и одно обстоятельство, несколько смущавшее борисоглебских чекистов — внешне арестованный Коваленко выглядел лет на 45, в то время как Антонову еще не исполнилось и тридцати трех. Впрочем, это расхождение в годах легко можно было объяснить тяжелыми условиями подполья, в которых прошел последний год жизни Антонова.

Тем не менее казалось бы намертво припертый к стенке арестованный мужчина продолжал упорно твердить (на смеси

русского и украинского языков), что он вовсе не Антонов, а Андрей Ильич Коваленко — крестьянин села Еловатка Самойловской волости Еланского уезда Саратовской губернии, вынужденный из-за разразившегося в Поволжье голода податься вместе со своей младшей сестрой Феклой в относительно сытый Борисоглебский уезд, где они вот уже четыре месяца проработали за харчи и кров у богатых крестьян сел Алексеевка и Александровка Мало-Грибановской волости. А злополучный шрам на голове, утверждал Коваленко, появился у него еще лет семь назад, при падении на лед с необъезженной лошади.

То же самое, почти слово в слово, показала на допросах и Фекла Коваленко.

Однако слаженные ответы арестованных не поколебали уверенности борисоглебских чекистов в своей редкой удаче. Тем более что спешно разысканные ими в городе и уезде четыре человека, ранее знавшие Антонова, единодушно признали в арестованном Коваленко бывшего руководителя тамбовских повстанцев. Так, например, заместитель начальника 5-го (Козловского) района милиции Борисоглебского уезда Степан Алексеевич Васильев, родом из Инжавина, заявил: «В предъявленном мне человеке я признаю главаря банд Антонова, с которым, в бытность его начальником Кирсановской умилиции, я служил вместе месяца три. Изменен у него только разговор, но по голосу — это он. Что касается того, что он кажется немного старше, то это, по моему мнению, происходит оттого, что он похудел и от пережитого им».

17 мая брат и сестра Коваленко, под усиленной охраной, как «чрезвычайно важные государственные преступники» были отправлены в Тамбов, в губотдел ГПУ, где ими уже занялся начальник отделения по борьбе с бандитизмом Михаил Иванович Покалюхин.

Чтобы окончательно убедиться, что доставленный из Борисоглебска арестованный действительно является Антоновым, Покалюхин вызвал в Тамбов еще 10 человек, достаточно хорошо знавших Александра Степановича. Результат предъявления им Коваленко оказался удручающе неожиданным: девять из десяти опознавателей категорически заявили, что показанный им человек — не Антонов. И не верить этим людям было нельзя. Ведь в их числе были заместитель председателя Кирсановского уездного исполкома А.И. Агейкин, кирсановский чекист Абрам Геся Захарович Равер, бывший командир Особого антоновско-

го полка Яков Васильевич Санфирков, бывший командир эскадрона этого же полка Петр Ильич Юмашев, длительное время отиравшаяся при Главоперштабе некая Анастасия Аполлоновна Дриго-Дрыгина и др. Кстати, именно Анастасия Аполлоновна (в описываемый момент находилась за что-то под следствием в губревтрибунале) была в своем заключении относительно Коваленко наиболее многословна и доказательна.

«Предъявленный мне гражданин, — заявила Дриго-Дрыгина, — имеет громадное сходство с начальником Главоперштаба и руководителем партизанского движения Тамбовского края Антоновым Александром, но у него противоречат следующие отличительные приметы. Антонов гораздо моложе и, по моему мнению, так устареть за этот краткий период не мог. Волосы его гораздо светлее, брови прямые и светлые, а у этого старика — густые, круглые и темнорусые. Затем у Антонова очень маленькие и изящные руки, а у этого старика руки большие и на суставах очень выдающиеся большие шишки. Кроме того у Антонова во рту не было двух зубов верхней челюсти с левой стороны, а вообще зубы были очень чистые, а у этого старика двух зубов действительно хотя и нет, но нет передних прямо, тогда как у Антонова передние зубы были целы, а не было с левой стороны. И зубы вообще у Коваленко не такие, как у Антонова. Последнего я знаю хорошо, и действительно Коваленко имеет большое сходство с Антоновым. Но я утвердительно могу сказать, что это не Антонов».

Последние же сомнения Покалюхина развеял вернувшийся из командировки в Еловатку — родную деревню Коваленко чекист, который привез доказательства того, что брат и сестра Коваленко действительно являются теми людьми, за которых себя выдают, и не имеют никакого отношения ни к Антонову, ни даже к антоновщине. Однако Покалюхин почему-то не поспешил освободить арестованных и лишь 14 июня, перед самым отъездом на операцию по поимке уже настоящего Антонова, написал в заключении по делу брата и сестры Коваленко, что дальнейшее их содержание под стражей не имеет смысла¹⁵⁸.

Последний бой

Где скрывался Антонов до мая 1922 года — пока остается тайной. Более или менее точное место его пребывания — лесистый район на границе Кирсановского и Борисоглебского уез-

дов — чекисты узнали от бывшего тамбовского эсера-железнодорожника Фирсова, давнего знакомого Антонова.

В конце мая к Фирсову обратилась с просьбой достать порошки хинина (остродефицитное в то время лекарство) неизвестная ему лично молодая учительница из села Нижний Шибряй Борисоглебского уезда Софья Гавриловна Соловьева. Она сообщила, что хинин нужен для страдающего приступами малярии Антонова и что сама живет в Нижнем Шибряе, где квартирует в доме вдовы Натальи Ивановны Катасоновой.

Твердо пообещав Соловьевой достать лекарство, Фирсов в тот же день «исповедался» заместителю начальника Тамбовского губотдела ГПУ Сергею Титовичу Полину¹⁵⁹. Дело завершилось, и к середине июня 1922 года план поимки Антонова был готов. Александра Степановича предполагалось взять живым, а безотлучно находившегося при нем брата Дмитрия — «как придется». Схватить Антонова планировалось в Нижнем Шибряе, днем, в доме Катасоновой, куда он должен был явиться на встречу с Фирсовым, якобы имевшим сообщить ему лично нечто очень важное. Сформировать и возглавить группу захвата было поручено начальнику отдела по борьбе с бандитизмом Михаилу Ивановичу Покалюхину, который с четырьмя оперативниками выехал 14 июня в районное село Уварово, от которого до Нижнего Шибряя было не более двух километров.

Дело несколько осложнялось тем, что никто из чекистов не знал Антонова в лицо. Поэтому пришлось срочно разыскать тех немногих уцелевших повстанцев, которые лично знали Антонова и могли бы помочь в его задержании. Вскоре несколько таких бывших антоновцев были найдены и тайно доставлены в село Перевоз, что в пятнадцати километрах севернее Уварова.

22 июня на автомобиле, вместе с молодым оперативником Иосифом Яновичем Беньковским, выехал в Уварово и сам Полин, писавший через полгода:

«Выехали мы конспиративно. Между Тамбовом и Балашовом поезда не ходили вследствие ремонта ветки, и мы ехали под видом “господ из треста” по направлению на Балашов. Село Уварово... Громадное село, чуть не семь верст в длину! Въехав в село, мы остановились перед первым же попавшимся на глаза кулацким домом и заявили, что едем в Балашов, но у нас сломалась машина, и ее придется чинить. Кроме того, не хватило бензина, а сзади идет грузовик с бензином.

Мне нужно было как можно скорее видеть т. Покалюхина, но его не было. Отвязав велосипед, я поехал в центр села. Оттуда Н. Шибряй — как на ладони. Внизу течет река Ворона, а кругом леса, овраги, заросль.

Так вот она, вотчина Антонова! Действительно, места такие, что можно полку целому спрятаться, и не скоро найдешь.

Осмотрев место и сделав еще кое-что, я вернулся обратно. Радушная хозяйка, как и все окружающие, вполне поверила, что мы безобидные проезжие нэпачи. Без умолку она рассказывала, как живет одна, как ее муж бросил, предварительно попытавшись утопить в колодце и т. д., все это в самой живописной форме. Тургенев на основании ее рассказов, пожалуй, написал бы не одну книгу вроде “Живых мощей”. А сколько здесь, в селе, благодаря недороду и Антонову, было подлинных “живых мощей”. Голод, такой голод, что ели траву, ели хлеб, от одного вида которого и бывалого человека стошнит!

Меня смущало то обстоятельство, что тов. Покалюхин не смог себя замаскировать. В селе уже знали, что он — из Чека.

Ну, думаю, узнает Антонов — уйдет!

Сообщили, что Покалюхин приехал и находится в районе милиции. Вызываю его осторожно. Докладывает, как обстоит дело: двое наших живут в лесу на “бандитских началах”. Днем были в Шибряе, назвавшись плотниками из голодных мест, ищущими работы, они великолепно осветили деревню и дома, где скрывается Антонов.

Ночью пошел с Покалюхиным в лес, чтобы поговорить со своими “бандитами”. Шли долго, через реку, лесом. Легкий свист. Ответ из лесу. Выходит один, другой. Ложимся под кустами. Разговариваем шепотом. Над рекой — туман. Редкие рыбаки перекликаются. Ребята все еще сомневаются, что Антонов здесь. Успокаиваю их.

— Здесь, ребята! Вот, может быть, в двухстах шагах!

24 июня получаю сведения, что Антонов с братом был ночью в доме Наталии Катасоновой в Шибряе и остался на день ждать следующей ночи, чтобы уйти в лес на кордон. Болеет малярией, которая одолевает своими приступами. Брат за ним ухаживает.

Затягивать дело было невозможно. Ждать случая взять Антонова живым было сопряжено с риском вовсе сорвать операцию: через день-два донесут ему его люди, что приехал какой-то из Чека и что этот из Чека ходит к какому-то приехавшему

на автомобиле. Тогда — поминай как звали Антонова — удерет, да и моих ребят перестреляет врасплох, как цыплят.

Сведения об Антоновых имелись точные: вооружены двумя маузерами — десятизарядными автоматическими, по два полных подсумка патронов к ним, два браунинга и один наган»¹⁶⁰.

Эта информация была получена от Фирсова, который в обед приехал из Нижнего Шибряя, где в доме Катасоновой встречался с Антоновым. Тут же на машине Полина Покалюхин отправился в Перевоз и через полтора часа привез в Уварово своих помощников — бывших антоновцев, именуемых на чекистском языке «бандагентами». С ними и с другими членами группы захвата Полин провел последний инструктаж, приказав всячески избегать жертв со своей стороны, а с братьями Антоновыми особо не церемониться — «застать врасплох и застрелить».

Затем, переодевшись под бригаду плотников-шабашников, с топорами и пилами (карабины в мешках, револьверы — под рубахами), группа захвата, вернее, группа уничтожения пешком отправилась в Нижний Шибряй. Всего пошло 9 человек: Михаил Иванович Покалюхин, оперативник Иосиф Янович Беньковский, бывший командир Особого (находившегося всегда при антоновском Главоперштабе) повстанческого полка Яков Васильевич Санфиоров — житель села Калугино Кирсановского уезда, два бывших антоновца из небольшого повстанческого отряда Грача (Афанасия Евграфовича Симакова) — крестьяне деревни Леоновка Трескинской волости Кирсановского уезда Егор Ефимович Зайцев и Алексей Игнатьевич Куренков, бывший антоновец из 14-го Нару-Тамбовского (Хитровского) полка Михаил Федорович Ярцев, два секретных агента ГПУ по кличкам Мертвый и Тузик — бывшие антоновцы из села Паревка Кирсановского уезда Ефим Николаевич Ластовкин и Никита Кузьмич Хвостов, а также начальник милиции 1-го (Уваровского) района Борисоглебского уезда Сергей Михайлович Кунаков¹⁶¹.

Из перечисленных девяти человек Антонова лично знали шестеро: Покалюхин (плохо), Санфиоров, Ярцев, Зайцев, Куренков и Ластовкин. Последний был настроен против Антонова злее всех. Причину этой ненависти выяснить с документальной точностью не удалось. По недокументальным же сведениям, во время антоновщины какие-то мятежники убили жену Ластовкина, который в отместку за это якобы поклялся убить самого Антонова.

Определенный интерес представляет и Егор Зайцев. И вот почему. 9 мая 1922 года в селе Алексеевка Борисоглебского уезда был арестован некий А.И. Коваленко — внешне похожий на Антонова беженец из голодающего Поволжья. Когда доставленного в Тамбов Коваленко показали 24 мая бывшим антоновцам Санфинову и Куренкову, то они в один голос заявили, что это не Антонов. А вот Зайцев, приглашенный на опознание в тот же день, но отдельно от Санфинова и Куренкова, заявил, что показанный ему человек — «Антонов, которого я знаю хорошо по прежнему пребыванию в банде»¹⁶². Что же толкнуло Зайцева на лжесвидетельство? Желание ввести чекистов в заблуждение и тем самым хоть как-то помочь настоящему Антонову? Или все же Зайцев мало знал Александра Степановича? Вопросы, вопросы...

Уже около восьми часов вечера восемь «плотников» и шедший чуть сзади начальник Уваровской милиции Кунаков (его Покалюхин взял с собой главным образом для того, чтобы тот оперативно вмешался, если вдруг «шабашников» задержат какие-нибудь сверхдительные сельские активисты) пришли, наконец, на дальнюю нижнешибирскую окраину, именуемую Кочетовкой, где стоял дом Катасоновой. Окружая избу они увидели, как из нее шустро выскочил старик — 66-летний местный крестьянин-бедняк Иван Михайлович Ломакин. На вопрос, что он делал в доме Катасоновой, Ломакин ответил, что приходил попросить бумаги на курево у квартирантки-учительницы, но ее нет дома.

Отпустив старика, Покалюхин, Санфинов и Ластовкин вошли во двор и постучали в запертую дверь сеней — единственный вход в дом. На их стук сзади, из сарая, подошла сама Катасонова, которая на вопрос, кто находится у нее в доме, ответила, что никого там нет. Потом добавила: «Был какой-то тип из Тамбова, приезжал купить пшена и перед обедом уехал».

В это время дверь сеней приоткрылась, и в проеме мелькнул кто-то из Антоновых. В него тут же, без всякого предупреждения, выстрелил из браунинга Ластовкин. Не попал. Антонов метнулся обратно в дом, заперев дверь изнутри.

Только после этого инцидента Катасонова призналась Покалюхину, что в доме находятся двое вооруженных неизвестных, именующих себя Степаном и Матвеем; они пришли к ней прошлой ночью на свидание с приезжим из Тамбова и с на-

ступлением темноты должны уйти. На предложение Покалюхина передать своим «гостям» записку Катасонова ответила категорическим отказом — боюсь, мол, убьют. А на вопрос, как можно взять их без жертв, заявила: «Это сделать никак нельзя, и вас, бедняжки, они всех побьют».

В этот момент слева (если смотреть со двора) прогремело несколько выстрелов. Это два поста оцепления (бывшие антоновцы Ярцев и Зайцев) встретили и пресекли огнем попытку братьев Антоновых выскочить через окна северного торца дома.

Перебегая по кругу от одного поста к другому, Покалюхин заметил, что из одного окна выстрелы раздаются чаще всего, и приказал бывшему командиру Особого антоновского полка Санфинову бросить туда гранату, которая, однако, угодила в оконную раму, отлетела назад и разорвалась на земле, едва не задев своими осколками бросавшего. Больше гранат ни у кого не было.

Первые сумбурные минуты боя миновали, и Антонов разглядел среди стреляющих в него людей знакомые лица своих бывших сподвижников и принялся их стыдить:

— Яшка, Лешка, что вы делаете?! Кого вы бьете?!!

— Довольно, Александр Степаныч, — неуверенно огрызались в ответ Яков Санфинов и Алексей Куренков. — Поиграл и будет!¹⁶³

Так как дело шло к сумеркам, а результатов осады все не было, Покалюхин приказал поджечь дом и усилить обстрел окон. Через полгода он вспоминал:

«Соломенная крыша быстро занялась. Пожар в полном разгаре, обстрел идет усиленным темпом. Антоновы нам не уступают и сыпят в нас из своих маузеров. Борьба продолжается уже с час. Жертв нет ни с чьей стороны. У избы загорается потолок.

Все село собралось на пожар и стрельбу. Собравшиеся в недоумении смотрят на странную картину. Смельчаки спрашивают в чем дело. Объясняю. Очень сдержанно, но все-таки заметно крестьяне выражают нам свое сочувствие, желают успеха в борьбе. Сказать это открыто им нельзя: вдруг в этот, возможно, сотый раз Антонов выйдет опять победителем, тогда он найдет всех сочувствующих нам и сведет с ними свои сче­ты.

Дом объят пламенем. Кругом стрельба. Черный густой дым клубком стелется на землю.

Мне невольно приходят в память аналогичные случаи стычек с Антоновым. Помню, как не то в 1919 г., не то в 1920 г. его также захватили с Токмаковым в с. Рамзе. Атаковали, зажгли, и все-таки он ушел, разогнав наших. Ну, думаю, воспользуется он густым соломенным дымом, выскочит — пропадет как сквозь землю. Ведь в какие он только не попадал ловушки и, как бес, уходил из них».

Прервем здесь ненадолго Покалюхина, чтобы отметить одно обстоятельство, о котором он (как и Полин) забыл, наверное, упомянуть. Дело в том, что во время своего последнего боя Антонов был уже «не тот», что в 1919 году. 24 июня 1922 года Александр Степанович был не только очень болен малярией, но и являлся, по существу, калекой — висела плетью почти высохшая правая рука (результат пулевого ранения, полученного в бою с красными осенью 1920 года в селе Золотовка). А если учесть, что Антонов не был левшой, то нетрудно представить, *что* это был за боец, который не в состоянии даже самостоятельно перезарядить свой маузер.

«...И на сей раз Антонов решил перехитрить нас и уйти, но он ошибся в своих расчетах. Наученные горьким опытом в борьбе с ним, мы предусмотрели все возможные уловки. Обеспокоенный затяжкой борьбы, ибо время клонилось уже к закату, я, как угорелый, носился по постам своим, приказывая смотреть “в оба”.

Вдруг замечаю — открылось быстро окно пред постом тов. Беньковского. Приказываю усилить обстрел этого окна. Четко, словно по расписанию, посылают в нас пули Антоновы из своих автоматов. Горящий потолок обваливается. Антоновы с дьявольской быстротой выскакивают в окно и нападают на посты Куренкова и Кунакова. Последний, оправдываясь порчей оружия, “отходит”. Мне все видно с огорода, и я бросаюсь на помощь Куренкову через соседний двор. Выскакиваю на улицу и оказываюсь в тылу Антоновых, шагах в 8–11. Они стояли оба рядом и стреляли в лежащего Куренкова. Антоновы оборачиваются и с криком “Вот он, бей его!” бросаются на меня. У меня в револьвере остается всего два патрона. Я вынужден тоже “отходить” и, уже “не сдерживая противника”, несусь полным ходом к своим постам. Антоновы — следом за мной, осыпают пулями из своих маузеров, но не попадают. Бегу через двор и

вот я уже около своих ребят. Антоновы подались обратно во двор и другой стороной, через огород — тягу, держа направление к лесу. Но здесь стоял мой наблюдатель, поднял тревогу, и я, с Санфириковым и Ярцевым, догоняем Антоновых и вновь вступаем в перестрелку. Опять поднялся ураганный огонь. Скоро Антоновы, как бы по условленному знаку, падают оба. Меткие выстрелы Ярцева уложили их»¹⁶⁴.

В своих воспоминаниях Покалюхин опустил кое-какие моменты боя, о которых не мешает рассказать подробнее.

Когда обстрелянные Покалюхиным на улице (ныне ул. Советская, а тогда была без названия) Антоновы бросились за ним в соседний двор мельника Василия Владимировича Иванова (главного укрывателя Антонова в Нижнем Шибряе) и попытались вслед за Покалюхиным перемахнуть через забор на огород, то почти лицом к лицу столкнулись с Ластовкиным и Санфириковым. И прежде чем Антоновы отпрянули обратно во двор, по ним было произведено порядка семи выстрелов. Одна пуля попала Александру Степановичу в подбородок, другая угодила в Дмитрия.

Оставленные на какое-то время в покое, раненные, Антоновы с трудом перелезли через ограду двора мельника с левой стороны и по огороду пошли (бежать Дмитрий не мог) напрямик к лесу, до которого было не более ста пятидесяти метров. Еле двигавшиеся Антоновы — Александр поддерживал Дмитрия — обреченно брели как раз на лежавшего за огородом в зарослях конопли Хвостова (еще не принимавшего участия в перестрелке), который заметил их и поднял тревогу.

Вновь увидевший Антоновых Покалюхин не рискнул приближаться к ним по открытому месту (на огороде рос картофель), а вместе с вооруженными карабинами Санфириковым и Ярцевым побежал наперерез по дуге направо, через густой соседский сад. Антоновы этого рокового для них маневра видеть не могли: обзор направо закрывала стоявшая почти в конце огорода мельника рига, которую они как раз обходили слева. А когда миновали ее, то увидели (если успели) справа от себя, метрах в десяти или двенадцати, бегущих цепью почти навстречу им Ярцева, Покалюхина и Санфирова.

Правый крайний в этой цепочке бывший антоновец из 14-го Нару-Тамбовского (Хитровского) повстанческого полка Михаил Федорович Ярцев первым увидел появившихся из-за риги

Антоновых и первым же дважды выстрелил в них из карабина. Сначала в Александра, затем в Дмитрия. Не выпуская из рук оружия, братья почти одновременно упали в высокую картофельную ботву, лицом к лесу, до которого оставалось еще метров сто двадцать.

Лишь минут через десять, выпустив по месту падения Антоновых не один десяток пуль и не получив ни одну в ответ, Покалюхин и другие решились, наконец, подойти к двум бездыханным телам¹⁶⁵.

* * *

Спустя девять дней Покалюхин писал в служебном отчете об операции в Нижнем Шибяе:

«При убитых я взял два маузера при сотне патронов, два браунинга. Причем, по сведениям, история маузеров такова. Антонова Александра маузер — как будто преподнесенный ему Кирсановским уисполкомом в бытность его начумилиции за усердную службу, и этот маузер находился при нем всегда. На нем сделана монограмма “Я”. Маузер же Антонова Дмитрия, с монограммой “Д.А.”, является принадлежавшим убитому Антоновым тамбовскому предгубисполкома тов. Чичканову, который Антонов подарил своему сподвижнику <...> Токмакову, а после смерти последнего передан Антоновым своему брату Дмитрию. За все время перестрелки — более двух часов — бандиты Антоновы по-прежнему проявляли максимум отчаянности и свирепости, и ими было выпущено не менее двухсот маузерских патрон...

Маузер Александра Антонова остался у меня, маузер Дмитрия Антонова передан т. Полину, один браунинг мною дан оперативнику Беньковскому и другой браунинг — бандагенту»¹⁶⁶.

Какому бандагенту отдал Покалюхин браунинг — неизвестно. Но думается, тому, кто убил Антоновых. А таким Покалюхин считал Ярцева. Это уже много позже в нашей художественной, а затем и исторической литературе появилась пока ничем не аргументированная версия, что Антоновых убил не Ярцев, а Санфиоров. Эту версию можно было бы не принимать всерьез, если бы ее в свое время не поддержало Управление КГБ СССР по Тамбовской области¹⁶⁷.

Ну что здесь сказать? Да только то, что в последней операции чекистов против Антонова, как, впрочем, и во всей его биографии, все еще очень много неясностей и «белых пятен».

Ничего пока не известно и о судьбе родственников Александра Степановича. За исключением, разумеется, убитого вместе с ним брата Дмитрия и умерших родителей — в 1907 году матери и в 1919 году отца. А вот что стало с женой Софьей и ее братом Александром Боголюбским? Какова судьба сестер Антонова — Анны и Валентины? Вопросы, вопросы... И все без ответов.

Про сестер Антонова достоверно известно лишь следующее. Старшая из них — Валентина Степановна (по мужу Иванченко) — член РКП(б), работавшая в Тамбове счетоводом и имевшая двух детей, была арестована 26 января 1920 года. Как ни нажимали на нее чекисты, она в течение трех месяцев на допросах упорно стояла на своем: никакой связи со своими братьями не поддерживает и о их местонахождении ничего не знает и знать не хочет.

Приблизительно то же самое показала на допросах в губчека и ее младшая сестра, Анна Степановна (по мужу Полканова), жившая в селе Рассказово Тамбовского уезда на иждивении своего мужа-агронома и имевшая двухлетнего сына; была арестована 29 января 1920 года.

Чекисты сестрам Антонова не поверили¹⁶⁸.

Неизвестно и место, где покоятся останки Александра Степановича. Установлено лишь, что из Нижнего Шибряя трупы братьев Антоновых привезли в Тамбов, в бывший Казанский монастырь, где размещался тогда губотдел ГПУ, и бросили на пол в одну из маленьких кладовых. А голодные монастырские крысы успели основательно «обработать» трупы, пока чекисты демонстрировали их знавшим Антонова лицам, чтобы навсегда прекратились слухи, что Антонов по-прежнему жив¹⁶⁹.

* * *

Много лет автор этих строк занимается изучением истории антоновщины и, естественно, биографии А.С. Антонова. И поневоле часто задаешь себе вопрос: какое же место занимает Александр Степанович Антонов в российской истории? В ответ все увереннее выстраивается перед мысленным взором вот такой ряд: Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев, Александр Антонов. Ведь единственное, что отличает Антонова от его предшественников, вождей крестьянских войн и восстаний в России, это то, что он был предводителем последней крестьянской войны в нашей стране. А именно таковой и является антоновщина.

Источники и литература

- ¹ Центральный государственный архив Москвы (далее — ЦГАМ). Ф. 629. Оп. 4, Д. 651. Л. 238; Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. 272. Оп. 1. Д. 1160. Л. 249; Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 235. Оп. 5. Д. 133. Л. 36.
- ² ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 23. Л. 20; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 36.
- ³ См.: *Казаков А.* Партия с.-р. в Тамбовском восстании 1920–21 гг. М., 1922. С. 2; *Донков И.П.* Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977. С. 23; и др.
- ⁴ Тамбовский край (Тамбов). 1908. 26 июня.
- ⁵ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1160. Л. 249; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 97. Л. 51, 56.
- ⁶ ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 4. Д. 651. Л. 206.
- ⁷ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 97. Л. 178 об.; Д. 40. Л. 43; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1279. Л. 2.
- ⁸ Там же. Д. 1147. Л. 146; ГАСО. Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 97. Л. 58 об.
- ⁹ Там же. Л. 57, 58, 58 об., 75, 75 об.; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1147. Л. 146; Тамбовский край. 1908. 27 мая.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 97. Л. 51.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 51, 74 об., 84 об., 87 об.
- ¹³ Там же. Л. 74, 74 об.
- ¹⁴ Тамбовский край, 1908. 27 мая.
- ¹⁵ Там же. 1908. 15 июня; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1144. Л. 570; ГАСО. Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 97. Л. 112–113 об., 115.
- ¹⁶ Там же. Л. 113–115 об.; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1149, Л. 49, 50, 201 об., 202, 360; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102, 7 делопроизводство (д-во), 1908 г. Д. 4859. Л. 1. 1 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 3; Тамбовский край. 1908. 15 июня.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2601, Л. 2, 4, 7–9 об.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 102, 4 д-во, 1908 г. Д. 72, ч. 6. Л. 41.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1160. Л. 249.
- ²¹ Там же. Л. 196–197; ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 578. Л. 56, 56 об., 60 об.; ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г. Д. 6552. Л. 2, 4, 5; 4 д-во, 1908 г. Д. 72, ч. 6. Л. 68 об.
- ²² Там же. Л. 68, 68 об.
- ²³ ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 578. Л. 57, 57 об., 59 об., 60.
- ²⁴ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1147. Л. 228, 231.
- ²⁵ ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 578. Л. 57 об.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г. Д. 6552. Л. 5; 1909 г. Д. 269, Л. 26, 116, 124, 124 об.

- 27 Там же. Л. 26, 74.
- 28 Там же. 4 д-во, 1908 г. Д. 72, ч. 6. Л. 68 об.
- 29 ГАСО. Ф. 57. Оп. 1, 1909 г. Д. 10, т. 1. Л. 317; Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 40. Л. 16.
- 30 Там же. Л. 162, 162 об., 167 об.; Ф. 57. Оп. 1. 1909 г. Д. 10. Л. 317.
- 31 Там же. Л. 421.
- 32 *Минор О.С.* Отрывки жизни. Из воспоминаний // Воля России (Прага). 1924. № 4. С. 1–4, 6, 14, 15.
- 33 ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1143. Л. 42 об., 43, 45; ГАСО. Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 40. Л. 162, 162 об.
- 34 Там же. Л. 167 об.
- 35 Там же. Л. 210, 216.
- 36 Там же. Ф. 57. Оп. 1, 1909 г. Д. 10, т. 1. Л. 269 об.
- 37 Там же. Л. 376.
- 38 ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1909 г. Д. 269. Л. 72 об., 74.
- 39 ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1288. Л. 46.
- 40 ГАСО. Ф. 51. Оп. 1, 1908 г. Д. 40. Л. 216, 219.
- 41 ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1160. Л. 249. Д. 1165. Л. 56.
- 42 ГАСО. Ф. 57. Оп. 1, 1909 г. Д. 10, т. 1. Л. 296 об.
- 43 Там же. Л. 296 об., 298 об., 317.
- 44 Там же. Л. 315, 315 об.
- 45 Там же. Ф. 53. Оп. 1, 1909 г. Д. 37. Л. 5, 5 об.
- 46 Там же. Ф. 57. Оп. 1, 1909 г. Д. 10, т. 1. Л. 317 об., 318.
- 47 Там же. Ф. 53. Оп. 1, 1909 г. Д. 37. Л. 5 об.
- 48 Там же. Ф. 57. Оп. 1, 1909 г. Д. 10, т. 1. Л. 325, 329.
- 49 Там же. Л. 325 об.; Ф. 53. Оп. 1, 1909 г. Д. 37. Л. 19.
- 50 Там же. Л. 56, 56 об.
- 51 Там же. Л. 75 об.
- 52 Там же. Оп. 8, 1908 г. Д. 49, т. 1. Л. 354.
- 53 ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 578. Л. 60.
- 54 См.: *Лобоцкий А.* По следу «Главного»: Документальная повесть. Воронеж, 1973. С. 27; *Его же.* В схватке с антоновщиной // Пароль — мужество: Очерки о тамбовских чекистах. 2-е изд., доп. и перераб. Воронеж, 1986. С. 68.
- 55 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 1614. Оп. 1. Д. 164; ГАТО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 828.
- 56 Государственный архив Пензенской области. Ф. 202. Оп. 1. Д. 8. Л. 94.
- 57 ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1165, Л. 198 об., 199 об, 218 об.; ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 578. Л. 75.
- 58 Тамбовский край. 1910. 17 марта.
- 59 ЦГАМ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 578. Л. 58.
- 60 РГВИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 147. Л. 61 об.; Оп. 2. Д. 739. Л. 32, 32 об.; ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г. Д. 6552. Л. 20, 22.
- 61 Там же. Л. 20.
- 62 Там же. Л. 21.

- ⁶³ ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 578. Л. 89 об.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г. Д. 6552. Л. 22.
- ⁶⁵ См., напр.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 39.
- ⁶⁶ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1146. Л. 408, 408 об., 414.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 716. Оп. 2. Д. 544. Л. 79, 79 об., 136.
- ⁶⁸ Государственный архив Владимирской области. Ф. 705. Оп. 1. Д. 87. Л. 19.
- ⁶⁹ Там же. Л. 20.
- ⁷⁰ Там же. Л. 8.
- ⁷¹ Там же. Л. 29.
- ⁷² Там же. Л. 30.
- ⁷³ Там же. Л. 33, 39.
- ⁷⁴ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.
- ⁷⁵ Там же. Д. 22. Л. 2; Д. 24. Л. 22 об.
- ⁷⁶ Там же. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 10. Л. 31; ЦГАМ. Ф. 629. Оп. 4. Д. 651. Л. 53.
- ⁷⁷ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.
- ⁷⁸ Там же. Д. 23. Л. 6, 11, 15.
- ⁷⁹ Там же. Д. 9. Л. 11.
- ⁸⁰ Там же. Д. 23. Л. 13.
- ⁸¹ Там же. Л. 14, 14 об.
- ⁸² *Лобоцкий А.* Указ. соч. С. 13.
- ⁸³ ГАТО. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 3. Л. 211.
- ⁸⁴ Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 6.
- ⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 23. Л. 16; Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 10. Л. 17.
- ⁸⁶ Тамбовские губернские ведомости. 1917. 26 июля.
- ⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 15. Л. 536; Д. 31. Л. 115.
- ⁸⁸ Антоновщина: Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губ. (далее — Антоновщина...). Тамбов, 1923. С. 65–66.
- ⁸⁹ Союз (М.). 1990. № 11. С. 14, 15.
- ⁹⁰ Антоновщина... С. 9.
- ⁹¹ Там же. С. 11; ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 24. Л. 13; Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 21. Л. 25.
- ⁹² Там же. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 31. Л. 13, 15, 15 об., 24 об., 25, 26.
- ⁹³ Там же. Л. 15 об.; Антоновщина... С. 127.
- ⁹⁴ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 31. Л. 34, 36 об.
- ⁹⁵ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 9. Л. 30, 41; Антоновщина... С. 66, 67.
- ⁹⁶ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 31. Л. 24; Д. 42. Л. 9.
- ⁹⁷ Там же. Д. 23. Л. 17; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 9. Л. 36, 36 об.
- ⁹⁸ Там же. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 38, Л. 44, 45 об.; Д. 44, Л. 2, 17, 21, 70.
- ⁹⁹ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 63. Л. 197, 232.
- ¹⁰⁰ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 31. Л. 24; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 1. Л. 124.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 2. Л. 664.
- ¹⁰² Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

- ¹⁰³ Там же. Д. 68. Л. 124.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 42. Л. 6, 9.
- ¹⁰⁵ Антоновщина... С. 128.
- ¹⁰⁶ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 42. Л. 93, 93 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 31. Л. 13.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 2. Л. 284.
- ¹⁰⁹ Там же; ГАРФ. Ф. 391. Оп. 3. Д. 18. Л. 494.
- ¹¹⁰ ГАТО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 431. Л. 9.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6743. Л. 570–574.
- ¹¹² Революционная Россия (Юрьев). 1921. № 6. С. 24.
- ¹¹³ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 42. Л. 36; Ф. Р-400. Оп. 1 Д. 18. Л. 3, 9–11, 15; Д. 159. Л. 30, 30 об., 58; Д. 431. Л. 35, 60.
- ¹¹⁴ Революционная Россия. 1921. № 6. С. 24.
- ¹¹⁵ Антоновщина... С. 67; Союз. 1990. № 11. С. 14; ГАТО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 24. Л. 43, 43 об., 54 об., 81, 96; Ф. 6. Оп. 1. Д. 6966. Л. 59, 60, 62.
- ¹¹⁷ Антоновщина... С. 27, 67; РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 133. Л. 36 об.
- ¹¹⁸ Антоновщина... С. 27, 67.
- ¹¹⁹ Революционная Россия. 1921. № 6. С. 24.
- ¹²⁰ См., напр.: *Стрыгин А.* Расплата: Роман. Воронеж, 1965. С. 266; Союз. 1990. № 11. С. 14; и др.
- ¹²¹ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (далее — ЦДНИТО). Ф. 837. Оп. 1. Д. 213. Л. 91, 96.
- ¹²² Там же. Л. 90; Антоновщина... С. 131, 133.
- ¹²³ Там же. С. 21, 67, 68; Союз. 1990. № 11. С. 14.
- ¹²⁴ ЦДНИТО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 197. Л. 4, 4 об.
- ¹²⁵ Революционная Россия. 1921. № 6. С. 25.
- ¹²⁶ Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 171, 173, 174.
- ¹²⁷ Там же. С. 175–177.
- ¹²⁸ Там же. С. 196, 197.
- ¹²⁹ *Рязанов В.* Ответ на выстрел // Гвардейцы революции. Воронеж, 1967. С. 322.
- ¹³⁰ Антоновщина... С. 68, 69.
- ¹³¹ Внутренние войска Советской республики. 1917–1922 гг.: Документы и материалы. М., 1972. С. 432, 433.
- ¹³² Антоновщина... С. 12.
- ¹³³ Там же. С. 69.
- ¹³⁴ Там же. С. 132.
- ¹³⁵ Союз. 1990. № 11. С. 14.
- ¹³⁶ *Леонидов Б.* Эсэро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Революция и война. 1922. № 14–15. С. 162.
- ¹³⁷ Союз. 1990. № 11. С. 14.
- ¹³⁸ ГАРФ. Ф. 391. Оп. 3. Д. 18. Л. 490–493.

- ¹³⁹ См., напр.: Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 49, Л. 24–24 об.
- ¹⁴⁰ Архив Л.Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США (далее — Архив Троцкого). Документ Т-685.
- ¹⁴¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 8; Д. 527а. Л. 219.
- ¹⁴² Там же. Ф. 235. Оп. 5. Д. 110. Л. 40.
- ¹⁴³ Архив Троцкого. Документ Т-686.
- ¹⁴⁴ ЦДНИТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 230. Л. 24.
- ¹⁴⁵ РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 60. Л. 170.
- ¹⁴⁶ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. П-11480. Л. 27.
- ¹⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 7 об.
- ¹⁴⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 221.
- ¹⁴⁹ *Вирта Н.* Одиночество: Роман. М., 1957. С. 220, 221.
- ¹⁵⁰ *Шаламов В.* Левый берег: Рассказы. М., 1989. С. 224–229.
- ¹⁵¹ *Гуль Р.* Красные маршалы. М., 1990. С. 123.
- ¹⁵² *Мокеров В.* Курсантский сбор по борьбе с антоновщиной // Война и революция. Кн. 1. М., 1932. С. 76.
- ¹⁵³ Ленинский сборник XX. С. 350; *Орловский Г.* «Как дела в Тамбовской губернии?»: Сб. очерков. Воронеж, 1974. С. 71.
- ¹⁵⁴ Антоновщина... С. 51–53, 80, 87.
- ¹⁵⁵ *Полин С.* Последние дни эсера-бандита Антонова. Из записной книжки чекиста // Путь борьбы: Сб. первый Тамбовского губистпарта. Тамбов, 1922. С. 49.
- ¹⁵⁶ *Лобоцкий А.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁵⁷ *Муравьев Е.* Полтора месяца в штабе антоновцев // Воронежские чекисты рассказывают... Воронеж, 1976. С. 43–61; Союз. 1990. № 11. С. 15.
- ¹⁵⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. П-11480, Л. 2–11, 15–19, 34, 50, 53–54 об., 59, 64, 65.
- ¹⁵⁹ *Лобоцкий А.* Указ. соч. С. 40–42.
- ¹⁶⁰ *Полин С.* Указ. соч. С. 50–52.
- ¹⁶¹ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. П-11480. Л. 30.
- ¹⁶² Там же. Л. 64, 65.
- ¹⁶³ *Полин С.* Указ. соч. С. 52; Союз. 1990. № 11. С. 15; Антоновщина... С. 88, 89.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 89–91.
- ¹⁶⁵ Союз. 1990. № 11. С. 15.
- ¹⁶⁶ Антоновщина... С. 91.
- ¹⁶⁷ См.: Пароль — мужество: Очерки о тамбовских чекистах. 2-е изд., доп. и перераб. Воронеж, 1986. С. 114.
- ¹⁶⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 272–279.
- ¹⁶⁹ См.: *Лобоцкий А.* Указ. соч. С. 58.

Приложение

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
20-х годов

В «Истории Антоновского восстания» дано, по существу, лишь пунктирное, но по возможности цельное изображение основных событий 1920–1921 годов на Тамбовщине.

Поэтому, думается, вполне уместно нижепомещаемое «Приложение», состоящее из шести очерков и статей, написанных непосредственными и отнюдь не рядовыми участниками подавления Антоновского восстания.

Размышления М.Н. Тухачевского публикуются под общим заголовком «Борьба с контрреволюционными восстаниями». Именно так назывался цикл из трех его статей в журнале «Война и революция» за 1926 г. (№ 7–9). Начинается публикация его же статьей «Искоренение бандитизма», напечатанной в журнале «Война и революция» в 1922 году (№ 16. С. 40–47).

Статья А.С. Казакова «Партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] в Тамбовском восстании 1920–21 гг.» была издана в Москве отдельной брошюрой в начале 1922 года тиражом 20 000 экземпляров. Автор служил в 1921 году начальником военно-исторического отделения штаба войск Тамбовской губернии (в то время, когда ими руководил Тухачевский) и собирался защищать диссертацию по «эсеровской теме».

Константин Викторович Бриммер на момент начала восстания служил в Тамбове командиром 21-го стрелкового полка. Его очерк «Первый период ликвидации антоновщины в Тамбовской губ. (с августа по декабрь месяц 1920 г.)» — едва ли не единственные написанные «по горячим следам» воспоминания о первом, самом неизученном периоде попыток подавления крестьянского восстания в 1920 году.

Статья Б. Леонидова «Эсеробандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним» публикуется не полностью. Ее объем сокращен примерно на треть за счет:

1) довольно пространной «Инструкции по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии», целиком приведенной и более уместной, на наш взгляд, в публикуемой статье М.Н. Тухачевского — автора этой самой «Инструкции»;

2) описания военных операций по разгрому 2-й антоновской армии в конце мая—начале июня 1921 года, так как это описание мало чем (и по объему и по сути) отличается от уже изложенного в данной книге.

В связи с публикуемыми далее очерках-воспоминаниях Н. Доможирова «Эпизоды партизанской войны» и статьей В. Мокерова «Курсантский сбор на борьбе с антоновщиной» важно отметить следующее.

Оба автора (Доможиров и Мокеров) в одно и то же время (май—август 1921 года) занимали одинаковые должности командиров сводных курсантских бригад, входивших в состав 6-го боевого участка войск Тамбовской губернии и действовавших по соседству, а именно в южной части Кирсановского уезда.

Здесь необходимо особо указать на один нюанс, относящийся к первому «эпизоду» из воспоминаний Н. Доможирова. Как-то так случилось, что в подлинном тексте его воспоминаний все события оказались сдвинутыми ровно на месяц. То есть описываемый им бой отряда борисоглебских курсантов с антоновцами происходит 1 августа, хотя на самом деле это было 1 июля. На тот же месячный срок сдвинуты и другие события, предшествующие этому бою.

В нескольких местах разных статей исправлены лишь *явно неправильные* написания фамилий и названий населенных пунктов.

Основные причины, побудившие к публикации настоящих «Приложений», были следующие:

1) все публикуемые статьи и очерки в настоящее время практически недоступны или даже совсем неизвестны широкому читателю;

2) все они написаны в то время, когда меч сталинской цензуры либо еще не был занесен над головами их авторов, либо еще не успел опуститься;

3) эти статьи могут вызвать определенный интерес у современного читателя в связи с известными событиями, происходящими в последнее время на Северном Кавказе.

В. Самошкин

М. Тухачевский

Борьба с контрреволюционными восстаниями

Искоренение бандитизма

Тамбовщина — это староэсеровское предприятие. Тамбовская губерния — это старинное гнездо эсеровских организаций. Крестьянское повстанчество, как и всюду происшедшее от недовольства крестьян советской продовольственной политикой, начало организовываться эсерами и в государственный организм еще с осени 1920 г. и даже еще раньше.

Антонов — главный деятель Тамбовщины, бывший начальник Кирсановской уездной милиции, в течение всей демобилизации старой армии занимался покражей всевозможного оружия, которое прятал в южных волостях Кирсановского уезда. Эти сбережения Антонова в связи с сильной организацией эсеров и позволяли крестьянскому повстанчеству сформироваться в цельный противосоветский организм, на территории которого Советская власть была совершенно уничтожена. Государственная власть в Тамбовщине осуществлялась так называемым «Союзом трудового крестьянства», под фирмой которого эсеровская партия осуществляла свою диктатуру. Была создана своеобразная конституция, с лихвой удовлетворявшая мелкобуржуазные похоти.

Союз трудового крестьянства, или, как его называли сокращенно — СТК, имел и свое орудие принуждения — две партизанских (а по-нашему бандитских) армии Тамбовского края. Армии эти к весне 1921 г. приняли довольно стройные и устойчивые формы милиционной системы. Вот яркий пример, когда бандитизм принял формы не только разрушающие советский строй, но и обеспечивающие существование мелкобуржуазного организма, созданного оазисом на территории РСФСР.

Могли ли повсеместно возникать подобные нарывы? Конечно, нет. Для такого организованного кулацкого восстания

прежде всего нужна и соответствующая классовая группировка. Местности с зажиточным крестьянством, кулаческой окраски, являются наиболее подходящими для такой цели. Кроме того, должны иметься на месте силы, организующие восстание, т. е. основательные контрреволюционные партии и организации. Необходимо и наличие достаточного числа оружия, чтобы бандитские армии не представляли собой скопища крестьян, вооруженных вилами и топорами, а были бы в состоянии бороться с регулярными частями Красной армии.

Бандитские восстания вспыхивают и в глубине советской территории, и в пограничных ее областях. В случае организации пограничного бандитизма главные затруднения вызывает вопрос отыскания подходящей среды, подходящей классовой группировки. Не на всякой границе таковую отыщешь. Зато требования наличия организующих сил и оружия выполнимы на границе гораздо легче.

Теперь рассмотрим далее, в чем же заключается самый процесс уничтожения Советской и насаждения белогвардейской власти. Первое время органы управления повстанчеством работают подпольно и стремятся путем партизанских действий бандитских шайк разрушить и разогнать советские органы управления. В первую очередь уничтожаются сельские и волостные советы. Уездные советы, имеющие обыкновенно серьезную вооруженную силу, разрушению не поддаются.

Вместо разрушенных сельских и волостных советов контрреволюционные организации начинают устанавливать свои собственные органы государственной власти, называющиеся в Тамбовщине СТК, а на польской границе «Союзом защиты родины и свободы». Это строительство белогвардейской власти обеспечивается от нападения красноармейских частей полевыми бандитскими шайками, а противодействие местных советских их слоев населения подавляется полицейскими частями, которые в Тамбовщине назывались ВОХРА. Такое белогвардейское строительство очень легко разгромить, если за дело его пресечения взяться сразу, после первых же признаков бандитизма, а еще лучше, если бандитизм и не допустить даже выглянуть на свет божий. Если же дело упущено, то бандитизм, основанный на местной благоприятной ему среде, становится очень упругим и жизнеспособным. Главная его сила заключается в том, что банды дают и принимают бой только тогда, когда им это выгодно.

Если бой складывается неблагоприятно, то банда положительно рассыпается во все стороны, но зато немедленно собирается в районе своих домашних очагов. В этой тактике заключается вся сила бандитизма.

Вполне понятно, что благоприятная для него социальная почва и вышеприведенные тактические свойства бандитских действий ведут бандитский государственный оазис на путь энергичного проведения в жизнь милиционной системы вооруженных сил. Антоновские армии в Тамбовской губернии были чисто милиционными организмами. Там полки формировались известными волостями, которые комплектовали их людьми и лошадьми и снабжали их всеми видами довольствия. В этой крепкой органической связи, существовавшей между полками и их территориальными округами, и заключалась вся сила антоновщины.

Наши части напрасно искали боя. Бандиты или уклонялись от него, или же давали его тогда, когда имели шансы пощипать наши красные части. Если бандитов и удавалось иногда потрепать и даже погромить, то они так быстро оправлялись и восстанавливались в своих округах, что это в конце концов стало приводить в отчаяние наши войска, которым истинная подкладка вещей известна не была, в силу отвратительно поставленной разведки. Бандитизм начал было приобретать в глазах наших войск характер какой-то чудесной непобедимости, неуязвимости и неискоренимости.

На примере Тамбовщины можно ясно и четко проследить, как крестьянское повстанческое движение в деле строительства своей антисоветской армии неминуемо идет по пути милиционной системы. Это надо основательно заметить и запомнить.

Между прочим, необходимо и на то обратить внимание, что тамбовский бандитизм не существовал изолированно. Он имел и политическую и военную связь с внешним миром: с донскими и воронежскими контрреволюционными организациями и даже с савинковскими кругами.

Теперь надо еще сказать несколько слов о пограничной системе бандитизма. По существу, этот бандитизм имеет те же самые цели, что и бандитизм внутри Советского государства. Но здесь будут некоторые особенности, которые необходимо раскрыть.

Первое отличие заключается в том, что здесь за базу для бандитизма может быть взята не только местная крестьянско-

кулаческая среда, но и заграничная территория. Потребности бандитских армий, учитывая их тактику и организацию, настолько, в общем, невелики, что установленная граница ни в коем случае не может послужить серьезной препоной для снабжения и частичного комплектования бандитских частей.

Конечно, для прочного развития повстанческо-бандитского района необходимо требуется наличие местной сочувствующей среды, но такая среда не всюду на границе может быть найдена. Если мы посмотрим на нашу границу с Польшей, где бандитизм, как правило, сильно развивается каждое лето, то увидим, что характер населения пограничной полосы неравномерный. Районы чисто советские перемешиваются с районами кулаческими, хуторскими. Соответственно этому меняются и условия для развития бандитизма. В кулаческо-хуторских местах бандитизм внедряется в самое население, развиваясь в организационно-длительное повстанчество; зато там, где население сочувствует Советской власти, бандитизм питается в значительной своей части, и даже почти исключительно, за счет иностранной и эмигрантской контрреволюции.

Вполне понятно, что, если в районе бандитизма не будет местной сочувствующей среды, то в нем неуместна будет и милиционная система бандитизма. Основная база будет за границей, а стало быть, и воевать будет не население, а постоянные, регулярные банды, нелегально питающиеся из-за границы. Совершенно ясно, что и методы борьбы с бандитизмом такого сорта будут совсем иными по сравнению с борьбой против бандитизма, подобного тамбовскому.

Ярким примером пограничного бандитизма служит «Савинковский бандитизм» в Минской губернии летом и осенью 1921 г. Поддержки от крестьян он в большинстве случаев не имел, часто наоборот, крестьяне борются с ним. Он почти всецело, а в некоторых районах всецело, питается из-за границы.

Кроме рассмотренных здесь форм бандитизма, играющего роль армии для повстанческих районов, есть еще и безразлично разрушающий анархический бандитизм (например, Махно), на котором мы здесь не будем останавливаться.

Итак, рассмотрев различные системы бандитизма, служащие «белой гвардией» для контрреволюционных организаций, мы теперь перейдем к рассмотрению методов и способов искоренения этого бандитизма.

Как упоминалось уже выше, новая экономическая политика ставит очень серьезные препятствия успехам бандитских предприятий в крестьянской среде. Новая экономическая политика в корне разлагает оппозицию мелких собственников. Но, несмотря на все это, неразвитость и безграмотность крестьянских масс, при условии организованной контрреволюционной пропаганды, всегда могут принести местами бандитские сюрпризы для Советской власти.

Это тем более вероятно, что бандитизм в настоящее время является единственной «легальной» формой вооруженной борьбы против Советской власти из-за границы. На этот случай необходимо быть готовыми к немедленным, решительным и соответствующим обстановке действиям, для быстрой и верной ликвидации бандитизма в самом его зародыше.

Прежде всего надо хорошо помнить, что если бандитизм имеет характер местного сопротивления среди вооруженного крестьянства, то одними оперативными действиями против его шаек никаких осязательных результатов достигнуть нельзя. Необходимо глубже посмотреть в дело и повести систематическую и упорную борьбу за уничтожение или закрытие источников комплектования бандитизма.

В этом отношении мы очень часто и очень много грешим. Наши войска зачастую совершенно безрезультатно гоняются за бандами, не нанося им никакого систематического ущерба и укрепляя в местном населении веру в прочность и силу бандитизма. Если же иногда и понимают правильно свои задачи, то не всегда умеют подойти к ним, не всегда умеют четко и методически осуществлять свой план.

Надо заметить, что последовательное и искусное проведение в бандитских местностях новой экономической политики создает значительные шансы на быстроту успеха искоренения бандитизма. Поэтому таковым действиям обязательно должна предшествовать и сопутствовать усиленная агитационная кампания, разъясняющая и популяризирующая нашу политику.

На этой политико-экономической подготовке надо начать решительные военные действия. Они будут заключаться в оккупации или изоляции источника комплектования и в летучих решительных действиях против действующих банд.

Для организации таких действий необходимо прежде всего разведать, раскрыть связь бандитских частей с территорией,

т.е. раскрыть бандитско-милиционную систему местного востания. Отсюда с полной ясностью вытекают задачи войсковой и агентурной разведки. Первая будет играть роль главным образом местного тактического значения. Объясняется это подвижностью и непостоянством банд. Сведения такие, дойдя до высшего штаба, будут всегда устарелыми, легко могут спутать старшего начальника и неминуемо будут вовлекать его в напрасное изматывание частей. Для старшего начальника, при составлении им плана искоренения бандитизма, главную роль должна играть агентурная разведка. Ее целью будет детальное раскрытие вооруженной системы бандитизма. Надо расшифровать организацию действующих боевых частей и найти районы, из которых комплектуется каждая из частей.

Для этой работы необходимо спаять органы военной разведки, особых отделов и ГПУ. Эти все органы в борьбе с бандитизмом несут, по существу, одинаковую работу по разведке, а потому, конечно, должны быть объединены.

Как только задача разведывания будет выполнена, для старшего начальника картина станет ясна. Он будет знать те наиболее активно комплектуемые бандитизм районы, которые ему придется оккупировать. Если же действия против бандитов производятся на границе, то, если будет установлено, что банды комплектуются и снабжаются из-за границы, дело сведется к изоляции таковой, прекращающей просачивание через нее бандитских элементов. Если пограничный бандитизм комбинированно питается из-за границы и по милиционному способу из местного населения, то придется комбинированно применить и оккупацию и изоляцию.

Как организовать и в чем будет заключаться оккупационная работа?

Прежде всего при делении бандитской территории на боевые участки необходимо согласовывать их с административным делением района (уезды, волости). В работе по подавлению бандитизма должны принять деятельное участие все местные власти: военкоматы, исполкомы, органы ГПУ и др. В участках должны быть созданы мощные органы политотделов и особых отделов.

Самая работа по оккупации ведется не путем пассивного сидения войск по деревням, а путем изъятия белогвардейско-бандитских органов власти и активно помогавших им элементов и путем методического, систематического насаждения и

осуществления Советской власти. Все население, до последнего человека, надо просмотреть и протереть с песком.

Эти мероприятия должны закрепляться правильно поставленной советской работой, методической, длительной, политической кампанией, содействием частей Красной армии крестьянским работам и проч.

В наших теперешних действиях против бандитов мощное оружие в руки исполкомов, командования и политотделов дает новая экономическая политика. Усиленная агитация и ознакомление крестьян с положениями той политики, согласованная с разумным и последовательным проведением ее в жизнь — выбивает из-под ног бандитизма всякую почву.

Однако нужно иметь в виду, что там, где бандитизм укоренился, где власть и пропаганда белогвардейщины уже успели пустить корни, там одним добрым словом кулачество не проймешь. Там понадобятся меры резкие и решительные, там понадобится политика такая, которая даст почувствовать, что Советская власть сильна и шутить не любит. Местное население должно резко почувствовать известный страх и уважение к рабоче-крестьянской власти. Его руководители должны деморализоваться и опасаться работать активно.

Наши действия должны быть последовательны и методичны. Задаваться надо только исполнимым. Не надо угрожать тем, что не будет выполнено. Зато педантично строго осуществлять раз намеченное. Такая спокойная и уверенная работа лучше всего деморализует сопротивление кулацкой среды. В самую повстанческую среду должно быть внесено расслоение. Для этого часто бывает необходимо изъятие семей бандитов из деревень, конфискация у них имущества и распределение такового между колеблющимися элементами, всяческое втягивание этих элементов в поддержку Советской власти и противодействие бандитизму. Необходимо добиться, чтобы колеблющиеся элементы стали выдавать бандитов и их семьи.

Когда усилия, приложенные в этом направлении, начнут давать результаты, местные власти должны искусно пользоваться этими противоречиями, вырастающими в среде крестьянства, для создания против бандитизма того сопротивления среды, при котором бандитизм атрофируется сам собой.

Со стороны чисто военной, оккупация будет состоять в дислоцировании войск по районам, откуда производится комплектование бандитизма. Наименьшая численность оккупирую-

щих отрядов должна быть такая, чтобы нормальной численности банда не могла самостоятельно с ним справиться.

По мере ликвидации крупного бандитизма, по мере чистки населения этим отрядам придется, может быть, еще дробиться, а в конце концов они будут заменяться милицией. В дальнейшем, по мере успокоения края, эти отряды будут передавать всю работу милиции, а сами будут стягиваться в более крупные части и соединения.

Обыкновенно борьбу против бандитизма бывает вредно вести отдельными мероприятиями. Нужен хорошо подготовленный и хорошо продуманный план. При этом надо иметь в виду, что нигде не опасен так шаблон, как в этой борьбе. Здесь надо безошибочно, точно и ясно понять природу бандитизма и на этой основе построить план. Зато, после того как все будет подготовлено, должен последовать оглушительный, массовый удар по бандитизму.

Оккупационная, а если есть, то и изоляционная пограничная работы берутся решительно за дело. Одновременно с этим и против действующих банд открывается беспощадная кампания.

Уничтожать отдельные банды выгоднее всего при помощи летучих отрядов, «персональных» для каждой банды. Эти отряды, как пиявки, должны впиваться каждый в свою банду и должны бить и гнать ее до полного уничтожения. На активные и ловкие банды бывает выгодно пустить на каждую сразу несколько таких пиявочных отрядов. Придется, конечно, иногда применять и отдельные группировки войск против той или другой банды.

Громадную, зачастую решающую роль в борьбе против бандитизма играют технические войска: броневики, вооруженные грузовики, самолеты и пр. Эти части, обладая еще большей скоростью передвижения, чем банды, очень легко рассеивают их. Технические средства связи точно так же всегда имеются только у Красной армии. Поэтому пользоваться радиотелеграфом и радиотелефоном можно очень просто и удобно (почти всегда без кода), но только не близ границы.

Особенно усиленно должна вестись борьба этими способами с бродячими бандами вроде Махно.

По мере того как в этой решительной кампании живая сила бандитов будет уничтожаться и рассеиваться, ее остатки будут вылавливаться оккупационными участками.

А по мере того как вооруженный бандитизм будет исчезать, по мере того как бандитская гражданская власть будет извлекаться, а насаждаться будет Советская власть, опирающаяся на милицию, по мере того как будет углубляться и совершенствоваться советская работа, — бандитизм, или кулацкое повстанчество, будет ликвидироваться.

Вот краткий очерк характерных черт нашего бандитизма, его природы и назначения.

Мы видим, что бандитизм в условиях новой экономической политики является анахронизмом.

Но вместе с тем с фактами его отдельных проявлений мы должны считаться и, оценив природу его, должны найти и приемы его искоренения. <...>

Тамбовское восстание

Тамбовский бандитизм, а, по существу, крестьянское восстание, охватившее большую часть Тамбовской губернии и принявшее довольно стойкие и прочные формы, — политически руководился партией эсеров. Благоприятными моментами для развития тамбовского бандитизма послужили: сохранившиеся здесь довольно крепкие эсеровские организации, передача в деревню значительного количества оружия, проделанная бывшим начальником милиции Антоновым еще в 1918 г., и, наконец, хлебное богатство Тамбовской губернии, которое в период нашей борьбы в кольцевом окружении, естественно, послужило одним из источников для продовольственной разверстки. В Тамбовской губернии мы имеем и довольно развитое кулачество, которое сумело организовать на борьбу с Советской властью и середняка, и бедняка.

За время Гражданской войны крестьянству Тамбовской губернии пришлось вынести на своих плечах очень много. Наша продовольственная разверстка, боевые действия на территории губернии, рейд Мамонтова, борьба с ним — все это тяжело отозвалось на крестьянине и его сельском хозяйстве. В период наибольших усилий Советского государства крестьянству приходилось всюду туго. Но здесь, в Тамбовской губернии, это положение было использовано эсеровской партией, причем крестьянам было роздано, в большом количестве, награбленное у Советской власти оружие. В общем, для восстания имелись налицо и соответствующая социальная почва,

и организующие это восстание силы, и необходимое для восстания оружие.

В 1918 г. Антонов впервые выступает с шайкой численностью до 150 человек. Но местными силами эта шайка была разбита. Никакой серьезной подготовки к восстанию тогда еще не было, да и почвы благоприятной также не имелось, так как продразверстка еще только вводилась, а земля от помещиков была получена недавно. В этот период кулачество не могло еще повести за собой ни середняка, ни бедняка.

Антонов и эсеры решили более основательно подготовить восстание и, углубившись в деревню, до 1920 г. никаких активных мероприятий не предпринимают. За это время продовольственная политика достаточно воздействовала на крестьянство. С каждым годом оно все более созревало для вооруженного выступления против Советской власти. Эсеры усиленно насаждали Союзы трудового крестьянства (СТК) — организации «беспартийные», но в которых, по существу, руководящую роль играли эсеры. Местные органы Советской власти упустили эту организационную работу и не сумели ее своевременно искоренить. Постепенно в крестьянских низах, в деревне создавалась местная крестьянская власть, руководимая эсеровской партией, — и, по мере недовольства крестьянства продразверсткой, сила этой местной власти и ее авторитет все более и более возрастали.

Антонов в то же время вел усиленную работу по организации армии. Отряды создавались на территориальных началах. К ним подбирался командный состав. В них проводилась усиленная политическая работа, и они обучались военному делу, а в частности и партизанскому. К 1920 г. сила этих отрядов была весьма велика, — и восстание поднимается не в одном каком-либо пункте, а сразу в нескольких, наиболее хлеботородных, волостях. В этот период Антонов имел уже до 500 человек организованной вооруженной силы.

Не охватив своевременно и не уяснив себе производившейся в деревне эсеровской работы, местные власти не сразу приняли решительные меры к подавлению восстания. Высылается отряд в составе батальона ВОХР (внутренней охраны), укомплектованного местными жителями, и отряда коммунистов. Столкновение этого отряда под командой губвоенкома Шкунова было неудачно. Местные жители из батальона ВОХР сдались бандитам после первой же атаки, а отряд коммунистов терпит

сильный урон. Антонов захватывает значительное количество оружия и даже одно орудие.

Этот первый успех не только поднял моральное состояние восставшего крестьянства, но и позволил ему значительно расширить свои формирования. Дальнейшая организационная деятельность Антонова протекает планомерно и спокойно, а СТК начинают уже открыто управлять крестьянством, изгоняя советских представителей. Антонов приводит свои войска в организационный порядок. Объединяет банды в две армии, создает свой «главный оперативный штаб» и, пользуясь сочувствием населения, усиленно развивает вербовку и мобилизацию бандитов. Штаб Антонова организует широкую сеть агентуры и планомерно расширяет сферу своего влияния. Из волости в волость вооруженное восстание крестьян расширяется и закрепляется. Отдельные мероприятия красноармейских частей успеха не имеют.

За весь первый период борьбы Антонова с Советской властью со стороны Красной армии и местной гражданской власти мы не видим планомерности в деле борьбы с бандитизмом. В то время как Антонов действует методически, в то время как организация его вооруженных сил строго продумана и согласована с характером и административным делением своего района, — действия красноармейских частей организуются в виде отдельных налетов, которые обычно бьют по воздуху и сами подвергаются ударам бандитов при малейшем промахе или недостатке охранения и разведки. В этих частых столкновениях перевес очень часто бывал на стороне бандитов, и таким путем они добывали себе оружие и необходимые патроны. По мере своего усиления, Антонов предпринимал и более активные операции, нападая на расположение красных войск, стремясь нанести им поражение и захватить оружие и огнеприпасы. Надо сказать, что Антонову это удалось блестяще, и к началу 1921 г. силы его исчислялись уже несколькими тысячами вооруженных человек, при наличии нескольких орудий.

В декабре 1920 г. в Тамбовской губернии организуется более мощное командование, подчиненное Орловскому военному округу, с правом непосредственного доклада центру. Были подброшены довольно серьезные силы.

Первоначально действия против бандитов свелись к «вычесыванию» бандитов, значительные части мощной линией, как гребенка, должны были пройти по зараженным бандитизмом

местам, разбить и изъять все, что имелось там бандитского. Однако этот способ не мог дать исчерпывающего результата. Бандиты рассыпались, когда им было невыгодно столкновение, и атакывали, когда такое становилось выгодным.

Убедившись в бесполезности быстрого прохождения бандитских районов, тамбовское командование переходит к правильной идее расположения войск по оккупационному признаку. Города, фабричные районы, крупные сельские центры и т.п. занимались отрядами достаточной численности, могущими самостоятельно сопротивляться и бороться с бандитскими частями.

Помимо этого, применялись попытки окружить наиболее активные банды. Но этот способ также не мог дать никаких благих результатов. Это надо особенно подчеркнуть. Несмотря на всю ошибочность и постоянную безрезультатность, он систематически применялся на всех бандитских фронтах. Иногда целые армии задавались задачей окружения незначительных по числу банд — и, конечно, безрезультатно. Наиболее характерной операцией в этом духе являются действия нескольких наших стрелковых дивизий против одной банды Махно после уничтожения Врангеля на Крымском полуострове. В общем, на опыте Тамбовского восстания точно так же, как и во всех прочих местах, попытки окружения оказывались совершенно бесцельными. Убедившись в этом, тамбовское командование решило применить более правильные методы неотступного преследования наиболее активных банд крупными кавалерийскими частями. Эта мысль, безусловно, является правильной. Но одной кавалерии трудно было справиться с поставленной ей задачей, так как бандиты могли менять своих лошадей сколько угодно и потому совершали ежедневные переходы по 100–150 верст, в то время как наша регулярная конница делать этого не могла.

К маю месяцу силы Антонова на территории Тамбовской губернии достигали свыше двух десятков тысяч человек, из которых не менее 8–10 тысяч вполне вооруженных. Этими силами уже были охвачены широкие слои крестьянства. Они делились на две армии и отдельные крупные банды. Одной из армий, сохраняя за собой общее руководство, командовал Антонов, а другой — Богуславский. Отдельно действовала крупная банда Караса. Антоновская армия происходила главным образом из Кирсановского уезда. Армия Богуславского — из Борисоглебского и южной части Тамбовского уездов. Карась

комплектовался из пограничных районов Тамбовского и Козловского уездов. Помимо того, означенные армии, во время своих рейдов, подкреплялись бандами из прочих районов, охваченных восстанием.

К тому же времени силы тамбовского командования чрезвычайно возросли, достигая 30 000 штыков, почти 8000 сабель, нескольких сот пулеметов и 60 с лишком орудий. Помимо того, в районе Инжавино, Кирсановского уезда, был назначен лагерный сбор командных курсов, который давал до 7000 штыков и сабель. Курсанты должны были проходить свое летнее обучение, но одновременно и оказывать содействие по удушению бандитизма. Наконец, силы эти были поддержаны мобилизацией 1000 коммунистов, присланных для работы в Тамбовской губернии. Партия дала директиву в месячный срок ликвидировать восстание.

С мая месяца командование Тамбовской губернии передается полностью в непосредственное подчинение главному командованию. Аппарат управления разворачивается в Тамбовскую армию. Все это, вместе взятое, создавало достаточные материальные возможности для того, чтобы можно было энергично взяться за дело окончательного искоренения бандитизма. Оставалось только наметить правильные методы общей работы.

С начала мая начинается составление исчерпывающего плана по борьбе с бандитизмом и методическое проведение его в жизнь. В основу плана кладется социально-экономический элемент. Хотя новая экономическая практика уже и осуществлялась и продразверстка заменялась продналогом, тем не менее, как мы видели, бандитизм не только не прекращался, но, наоборот, увеличил свои размеры, принимая все более организованные и опасные формы. Это объясняется главным образом тем, что СТК совершенно вытеснил Советскую власть из деревни. Лишь в уездных городах и в пунктах постоянного расквартирования красноармейских частей она сохранялась. Само собой разумеется, что не было никакой возможности проводить новую экономическую политику в деревне. Эсеровская агитация и деятельность СТК были направлены к тому, чтобы дискредитировать эти мероприятия Советской власти и убедить крестьян в том, что они являются «очередным обманом». Словом, НЭП никак не отразился на Тамбовской губернии. Советская печать в деревню не проникала, Советской власти в деревне не существовало, — и в сознании крестьянства господствовала прежняя

мысль о необходимости борьбы с Советской властью, борясь с продрозверсткой.

В основу плана был положен систематический постепенный охват органами Советской власти крестьянских низов и фактическое проведение в жизнь новой экономической политики. Необходимо было разбить государственную структуру СТК, заменить ее советскими органами и новой экономической и политической практикой доказать крестьянству те новые формы рабоче-крестьянской смычки, которые в это время проводились. Задача эта, конечно, была нелегкая. Бандиты имели крупные войсковые соединения. Во всех деревнях имелись скрытые бандиты, и потому, несмотря на громаднейшее превосходство в силах, расплытаться нашим войскам для одновременной оккупации всей территории тамбовского бандитизма было совершенно невозможно. Приходилось наметить последовательную программу оккупации, провести ударную работу партии, сопровождаемую углубленной советской работой — «советизацией» края. Это означало, что работа военная должна была тесно переплестись с работой гражданской, советской.

Этот вопрос разрешился полностью, благодаря наличию в Тамбовской губернии полномочной комиссии ВЦИКа, в состав которой входили секретарь губкома, командование и местные гражданские власти. Через полномочную комиссию ВЦИКа проводились все мероприятия, необходимые для закрепления или советизации тех или других районов, оккупируемых военными частями. Для этой работы Тамбовская партийная организация, усиленная мобилизацией, напрягла все свои силы. Для упорядочения общего хода работ участки действий, назначенные оккупационным отрядам, были полностью приурочены к границам уездов. На каждый уезд имелось войсковое командование. Для объединения уездной, войсковой и советской работы полномочная комиссия ВЦИКа образовала участковые политические комиссии в составе секретаря укома, войскового командования и представителей местной власти. Эти уполиткомиссии (почти всюду имевшие председателями командующих участками) подчинялись полномочной комиссии ВЦИКа и проводили на месте, в согласии с обстановкой, общие директивы. При этой системе командование Тамбовской губернии было обеспечено возможностью широкого влияния на ход работы, и вместе с тем вся работа была теснейшим образом увязана со всей структурой советского аппарата.

Во всем масштабе действий необходимо было добиться, с одной стороны, прочной военной оккупации, для того чтобы Советская власть могла утвердиться на местах. Эта часть программы, конечно, должна быть суровой и непреклонной. С другой стороны, необходимо было выкопать из населения корни «милиционных» бандитских частей. Наконец, необходимо было добиться перелома в крестьянском настроении, добиться сознания, что Советская власть вполне обеспечивает развитие крестьянского хозяйства, что бандитизм подрывает его, и на этой почве организовать сопротивление крестьянской среды отмирающему бандитизму. После обозначения основных вех по предстоящей работе командованием Тамбовской армией была составлена инструкция, которая в дальнейшем развивалась и дополнялась целым рядом отдельных приказаний и приказов. Содержание инструкции следующее:

На задачу искоренения бандитизма следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну.

Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству. Для этого требуется, во-первых, разбить живую силу бандитских вооруженных шаек и, во-вторых, овладеть источниками питания бандитской войны, так сказать, жизненными центрами бандитизма. Эти занимаемые жизненные центры должны быть не только задавлены вооруженной силой, но и местное население искусными мероприятиями должно быть излечено от эпидемии бандитизма.

Таким образом, в занимаемых бандитских областях надо организовывать не только вооруженное сопротивление возможности нового появления бандитизма, но, главное, надо создать «сопротивление среды» появлению этого бандитизма.

Вполне понятно, что такая сложность задачи заставляет чрезвычайно тщательно подготовить военные действия против бандитов в организационном, административном, оперативном и строевом отношении — как в чисто военной, так и в политической стороне дела. Не следует увлекаться мелкими оперативными задачами в ущерб общей подготовке в начальный период боевых действий.

Операции против бандитов должны вестись с непогрешимой методичностью, так как бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда самый характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательностью и жесткой настойчивостью. Ведение же ма-

лой войны против шаек не может искоренить бандитизма и, как показывает опыт, только раздувает разбойничий и партизанский пыл бандитов.

Как уже упоминалось выше, военные действия против бандитов заключаются: а) в операциях по уничтожению главных масс живой силы бандитских шаек и б) в занятии и закреплении за собой источников питания бандитизма.

Первая задача, с точки зрения военной, наиболее простая и не заключает в себе ничего специфического, ничего специального противобандитского. Как и всегда, надо хорошо организовать разведку, иметь образцовую связь и внимательно нести службу охранения. Банды, как только они будут обнаружены, должны немедленно и стремительно атаковываться и уничтожаться. Преследование должно вестись неотступно до окончательного распыления банды.

Вторая задача гораздо труднее, и от нее почти всецело зависит исход борьбы с бандитизмом. Этот период борьбы мы называем обыкновенно оккупацией. Вся территория, охваченная бандитизмом, разделяется на участки, охранение спокойствия в которых поручается особым войсковым начальникам и подчиненным им войскам. На основе этого военного обеспечения вновь восстанавливается Советская власть, которая и организует сопротивление среды возникновению бандитизма.

Военные действия во время оккупации будут не только узкотерриториальные, ограниченные границами участка, но будут также действиями вполне самостоятельных отрядов, непрерывно преследующих странствующие, наиболее важные, банды.

Обыкновенно банды бродят по всему району бандитизма. Войска каждого участка оккупации должны неизменно атаковывать эти банды и стремиться уничтожить их в пределах своих границ. Таким образом, банды попадают в серьезный переплет. Однако, переходя из участка в участок, они находят все-таки время для отдыха, оправляются, пополняются местными кулаками и потом вновь начинают активно проявлять себя.

Для того чтобы избежать таких явлений, необходимо против каждой выдающейся банды выделить особый надежный и сильный отряд, который должен иметь своей целью непрерывное преследование и насаждение на банду, должен не давать ей нигде останавливаться и отдыхать, а тем более комплектоваться. Остановка банды на отдых уже тем самым ставит перед этим отрядом задачу атаковать ее. Словом, этот отряд должен присосаться, как пиявка, к своей банде и не должен давать ей ни сна, ни отдыха, ни возможности сорганизоваться.

При такой организации борьбы главнейшие банды, как, например, Антонова и проч., берущиеся в переплет оккупирующими войсками участков, в то же время непрерывно преследуются индивидуальными «пиявочными» отрядами, которыми и сводятся окончательно на нет.

Оккупирующие войска по участкам не должны ни в коем случае распылять на мелкие отряды. Каждый отдельный отряд такого участка должен быть в состоянии вести самостоятельно бой с любой шайкой бандитов, а потому размеры таких банд и определяют минимальные размеры отдельных отрядов оккупирующих участков.

Распределение сил участков по территории должно быть произведено по следующим соображениям: с одной стороны, как уже упоминалось выше, отдельные отряды не должны быть слабее бандитских шаек, а с другой стороны — эти отряды должны успевать своевременно в любое место своего участка. При наличии крупных шаек бандитов, незначительных наших сил и обширных участков эти два условия могут стать в противоречие друг с другом. Поэтому вопрос распределения сил должен быть тщательно изучен и войска должны быть распределены не равномерно по всем участкам, а в зависимости от интенсивности бандитизма в том или другом районе. Если войсковые средства позволяют, то распределение сил необходимо совершить из расчета времени, в какое должен поспеть отряд к самому отдаленному месту участка. Численность отряда — как указано выше. По мере того как сил будет не хватать, одинаковых результатов придется достигать за счет форсировки передвижений отрядов.

Остальные отряды, выделенные участками, точно так же получают участки, в которых они отвечают за ликвидацию банд. Эти отряды уже не должны дробиться, так как иначе отдельные их части будут поодиночке биться с бандами. Эти отряды должны располагаться кучно, но зато по всему своему участку они должны тщательно организовывать разведку и связь, чтобы в любую минуту хорошо знать, где и что на участке делается, и чтобы немедленно атаковать банду, если такая где-нибудь появится.

От отрядов должны обязательно выставляться охраняющие части, и вообще служба охранения должна нестись более чем тщательно.

Таковы, в общих чертах, военные действия при проведении оккупационного метода борьбы против бандитов. Мы видим отсюда, что воинские части могут бороться только лишь с создавшимися уже шайками, но не могут предотвратить их создание всюду, так как располагаются кучно, в определенных пунктах, и на всем своем участке, конечно, не углядят за населением.

Эту борьбу по недопущению возникновения бандитизма, по созданию того сопротивления среды, о котором говорилось выше, ведут уже не войсковые части, а органы советской власти, опирающиеся на гражданскую вооруженную силу — советскую милицию. Формирование милиции в бандитских районах должно вестись не на общих основаниях. Она ни в коем случае не должна состоять из местных уроженцев, должна быть обильно разбавлена коммунистами и надежным командным составом. Ее численность должна быть значительно повышена, в сравнении с установленными нормами. Эта гражданская вооруженная сила послужит уже не сгруппированной, а, наоборот, децентрализованной опорой для местной низшей Советской власти.

Работа милиции, вместе с непоколебимым впечатлением мощи Красной армии, которое обязательно должно быть внушено крестьянам нашими войсками, создаст то устойчивое, успокаивающее настроение, которое должно быть затем закреплено советской работой ревкомов. Для внушения вышеупомянутого уважения к силе Советской власти и Красной армии необходимо провести следующие меры: 1) никогда не делать невыполнимых угроз; 2) раз сделанные угрозы неуклонно, до жесткости, проводить в жизнь до конца; 3) переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов; 4) имущество этих семей конфисковывать и распределять между советски настроенными крестьянами, — это внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться Советская власть; 5) советски настроенные крестьяне должны прочно и надежно охраняться нашими силами от покушений бандитов; вообще проведение успокоения сразу создаст много сторонников Советской власти среди крестьян, так как бандитизм и утомителен и разорителен для крестьянской массы; 6) советски настроенных крестьян надо всячески втягивать в советскую работу, в организацию разведки против бандитов и пр., — это поставит между этими крестьянами и бандитами непреодолимую грань.

Вот те руководящие начала, на основании которых будет вестись борьба по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии.

Здесь даны лишь принципиальные указания, организационные же формы борьбы даются в соответствующих приказах.

Начальники и комиссары всех степеней должны твердо усвоить себе принятые методы борьбы с бандитизмом и согласовать свои действия с общим духом инструкции.

Задача охранения на местах советского порядка обеспечивалась прежде всего оккупационным расположением войск, причем границы войсковых участков, как об этом говорилось

уже выше, были согласованы с границами уездов. Помимо того, отдельные войсковые отряды имели задачей постоянно гнаться за подвижными бандами противника, достигая их быстрой и решительной ликвидации. Вторая важная задача по уничтожению вооруженных сил бандитизма — не в открытом поле, а в источниках их комплектования — разрешалась главным образом работой органов ЧК и агентурной разведкой, сопровождаемой административным выселением семейств несдающихся бандитов и изъятием бандитов, скрывающихся под видом мирных крестьян. Было решено организовать широкую высылку бандитских семей. Были организованы обширные концентрационные лагеря, куда предварительно эти семейства заключались. Вообще было обращено внимание на ответственность не только самих бандитов, но и их семейств — за поддержание бандитизма путем укрывательства активных бандитов.

Командованием был издан приказ, возлагавший ответственность перед Советской властью как на бандитов, так и на их семьи. Ниже приводится его содержание:

Гор. Тамбов. 12 мая 1921 года.

Победы Рабоче-Крестьянской Красной Армии над капиталистами и помещиками, после трехлетней кровопролитной войны, позволили, наконец, Советской республике перейти на путь мирного хозяйственного строительства.

Первой заботой Рабоче-крестьянского правительства было улучшение и поднятие на должную высоту разоренного крестьянского хозяйства. Была организована выдача крестьянам семян, и, наконец, продовольственная разверстка была заменена продовольственным налогом с предоставлением крестьянам права свободно распоряжаться излишками (продавать, выменивать и проч.). Продовольственный налог установлен в самом незначительном размере.

Все крестьяне Советской России с удвоенной силой взялись за полевые работы, за улучшение сельского хозяйства. Лишь в Тамбовской губернии, где себе свила гнездо партия эсеров, партия предателей рабочего класса и крестьянства, развился бандитизм, который грозит разрушить и без того разоренное крестьянское хозяйство Тамбовской губернии. Русские помещики, бежавшие за границу, торжествуют теперь в своих газетах, надеясь на анархию в рабоче-крестьянском государстве и на возврат потерянных ими имений.

Рабоче-крестьянское правительство решило в кратчайший срок искоренить бандитизм в Тамбовской губернии, проведя в жизнь самые решительные меры.

По исполнению сего и по постановлению полномочной комиссии ВЦИК приказываю:

1. Войскам Тамбовской губернии с полученными ими подкреплениями решительными и быстрыми действиями уничтожить бандитские шайки.

2. Всем крестьянам, вступившим в банды, немедленно явиться в распоряжение Советской власти, сдать оружие и выдать главарей для предания их суду Военно-Революционного Трибунала. Добровольно сдавшимся бандитам смертная казнь не угрожает.

3. Семьи неявившихся бандитов неукоснительно арестовывать, а имущество их конфисковывать и распределять между верными Советской власти крестьянами, согласно особых инструкций полномочной комиссии ВЦИК, высылаемых дополнительно.

4. Арестованные семьи, если бандит не явится и не сдастся, будут пересылаться в отдаленные края РСФСР.

5. Бандитов, не явившихся для сдачи, считать вне закона.

6. Честные крестьяне не должны допускать мобилизации и формирования банд в своих деревнях и о всех бандах должны доносить войскам Красной Армии.

7. Всем без исключения войсковым частям Красной Армии оказывать крестьянам всяческую поддержку и неуклонно защищать их от нападения бандитов.

8. Настоящий приказ является последним предупреждением перед решительными и суровыми действиями и будет проводиться в жизнь строго и неуклонно.

Приказ прочесть на сельских сходах и собраниях.

На органы ЧК особого отдела и разведывательного отдела армии выпадала ответственнейшая задача, во-первых, по составлению именного списка бандитов и, во-вторых, по расшифрованию территориальной системы бандитских вооруженных сил. Это означает, что необходимо было определить, из какого района какая банда происходит, из какой деревни она комплектуется и, наконец, необходимо было установить и личный состав этой банды. Списки бандитов по деревням органам ЧК удалось составить довольно подробные. Оставалось проделать работу по расшифровке происхождения банд.

Командованием по этому вопросу была составлена ниже-следующая инструкция:

ЗАДАЧИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДКИ

При организации разведки бандитизма необходимо руководствоваться следующими положениями.

Чисто оперативные разведывательные данные, как то: численность и состав банд, их место и время нахождения, направление их движения и проч., имеют смысл только в случае получения их действующими войсками через несколько часов, т.к. состав банд и их численность непрерывно изменяются. Сегодня банда имеет несколько тысяч человек, завтра — лишь несколько сот человек. Банды эти чрезвычайно подвижны. Сегодня они здесь, завтра — перелетают на 50–60 и даже на 100 верст. Совершенно ясно, что разведывательные данные такого порядка может дать только войсковая разведка, главным образом конная и воздушная.

Агентурная разведка приобретает в борьбе с бандитизмом совершенно иной характер. Уже упоминалось выше, что банды то пухнут, то хиреют. Кроме того, определенно замечается, что каждая банда имеет свое насиженное бандитское гнездо, куда она всегда возвращается после каких угодно рейдов. Таким образом, местное крестьянство, и притом совершенно определенных районов, пополняет эти банды. При неудаче бандиты расходятся по домам, а как только станет легче дышать, они вновь собираются в банды. После рейдов банды опять-таки возвращаются в свои гнезда, чтобы пополнить свои ряды и подкормиться.

Это свойство бандитизма совершенно затрудняет с ним борьбу. Лишь тогда, когда хорошо будет изучена связь банд с теми или другими гнездами, если мы точно разведем, какие банды какими деревнями пополняются, если мы будем знать связь банды с деревней поименно, если мы разведем, где какие банды имеют, так сказать, «вспомогательные базы» и проч., — только тогда мы сумеем задуть бандитизм, т.к. оккупируем и советизируем бандитские крестьянские гнезда, их жизненные центры, комплекующие и снабжающие бандитские боевые организации. В этом отношении, надо сознаться, мы еще слепы. Правда, мы беремся за советизирование некоторых районов, но втемную, так сказать, на ощупь.

Вся вышеизложенная военно-административная организация бандитских вооруженных сил тесно переплетена с Тамбовской организацией партии эсеров и так называемым Союзом трудового крестьян-

ства. Таким образом, раскрытие этих организаций в одинаковой мере является необходимым для военных целей.

Из всего изложенного ясна та органическая связь, которая существует между разведкой агентурной и разведкой ЧК и особого отдела при борьбе с бандитизмом.

Необходимо в кратчайший срок поставить дело разведки на должную высоту и тем обеспечить предстоящие операции.

При хороших результатах намеченной работы, несомненно, можно было ускорить разгром вооруженного бандитизма. Осуществляя прочную оккупацию, приходилось производить чистку каждой отдельной волости от бандитских элементов. Эта чистка проводилась на основании имеющихся списков, подкрепляемых показаниями советски настроенных или колеблющихся крестьян. В некоторых случаях, в наиболее злостных бандитских волостях, для достижения перелома в настроениях и выдачи крестьянами бандитов, приходилось прибегать к суровым расстрелам.

Но, разумеется, такая чистка не могла бы быть полной, если бы одновременно отрядами не уничтожались те банды, которые происходили из очищаемых волостей. Когда рассыпавшиеся банды после столкновения с красными частями, возвращались к себе в деревню, то здесь они наталкивались на чистку и попадались в руки наших оккупационных частей. Круговая порука, которая была проведена вдобавок к этому, а именно — заключение семей нежившихся бандитов в концентрационные лагеря, быстро повлекла за собой разложение среди крестьян. Как только они увидели методичность и твердость работы Советской власти, непрерывно сопровождаемые уничтожением все новых и новых банд и извлечением бандитов из деревень, — настроение их начало колебаться. Они начали становиться в оппозицию бандитизму и даже поддерживать Советскую власть путем указаний на скрывающихся бандитов и предупреждений о налетах банд. Для того чтобы еще сильнее оформить это расстройство, чтобы создать в деревне непримиримую среду для бандитизма, была введена разведывательная крестьянская служба, которая должна была организованно предупреждать красные войска и милицию о надвигающейся опасности. Мало того, наиболее советские элементы, главным образом из числа демобилизованных красноармейцев, в целом ряде пунктов сводились нами в команды самообороны и вооружа-

лись. Это с первого взгляда рискованное мероприятие в полной мере зарекомендовало себя. Оно создало в крестьянстве непримиримый откол от бандитизма, создало такую среду, в которой бандит не мог чувствовать себя безопасным и не мог пользоваться общественной поддержкой.

Вместе с тем в штабе велся точный учет бандитов, убитых на поле сражения, попавших в плен и добровольно явившихся с оружием в руках. В первое время, до создания необходимого перелома, конечно, больше всего было убитых и пленных. Но постепенно, под влиянием чистки волостей и их советизации, под влиянием разгрома бандитов и суровых кар упорствующих, а также под влиянием примеров освобождения бандитов, явившихся и сдавших добровольно свое оружие, начинается разложение бандитизма. Число убитых, раненых и пленных бандитов уменьшается по сравнению с бандитами, вылавливаемыми чекистским порядком в деревнях и добровольно сдавшими. Ведя точный учет отбираемого у бандитов оружия, штаб армии имел постоянную возможность составлять точную картину имевшихся в распоряжении бандитизма вооруженных сил. Искоренение могло вестись методическим порядком, причем постоянно было известно, где и сколько могло оставаться вооруженных бандитов.

В общем, сложное сочетание различных элементов, как то: внедрение в крестьянскую жизнь новой экономической политики, уничтожение бандитов в поле и вылавливание их при чистке из деревень, ответственность семей за укрывательство бандитов, жестокие меры наказания и вместе с тем поощрение добровольно сдавшихся — создало весьма быстрый и решительный перелом настроения в крестьянстве. Крестьяне увидели, что с политикой Советской власти можно примириться и что продолжение бандитизма является для них экономически разорительным и безнадежным.

На подготовку борьбы с бандитизмом был затрачен весь май месяц. В это время командование не увлекалось войсковыми операциями, и они начались лишь тогда, когда все было подготовлено для оккупации и советизации района.

Все вышеизложенное, с широко охватывающей многие стороны военной и гражданской работы организацией, конечно, не должно породить умаления значения чисто оперативных войсковых действий. Правда, без этой общей работы всякий успех в поле в конце концов сведется к нулю. Но и всякая оккупаци-

онная работа будет неосуществима, если не удастся одновременно уничтожить и крупные силы бандитов. Таких крупных банд, как упоминалось уже выше, было три: первая и вторая армии и банда Карася.

В области борьбы с живыми бандитскими силами, на опыте Тамбовской губернии, были достигнуты также очень решительные успехи. Выше говорилось уже о том, что наша регулярная конница не могла поспеть за бандитами, постоянно меняющими своих лошадей. Впервые в операции против антоновской армии были применены автомобильные средства, давшие исключительный по решительности результат. Тов. Уборевич, ставший во главе соединенного отряда, долженствовавшего разбить антоновскую армию, оказал незаменимую услугу делу борьбы с бандитизмом — как определением форм, состава и организации таковых отрядов, так и применением и тактикой их. Броневые автомобили оказались далеко не всегда применимыми — они слишком тяжелы и не всюду могут пройти. Легкие грузовики и легковые автомобили, вооруженные станковыми и ручными пулеметами, оказались наиболее применимыми. Никакие смены конского состава не могли позволить Антонову оторваться от постоянного наседания автомобильного вооруженного отряда. Вместе с тем шум машин и боязнь крестьянских лошадей при виде их не позволили бандитам ни разу осуществить атаки против автомобилей. Несколько дней продолжалась эта погоня, причем навстречу бандитам Антонова двигались все имевшиеся у нас подвижные части. Постоянно разбиваемый, измотанный до последней степени, Антонов в течение нескольких дней потерял всю свою армию и сам с несколькими десятками бандитов скрылся в болотистых лесах Кирсановского уезда. Тем временем разбежавшиеся бандиты вылавливались полностью нашими оккупационными частями.

После этого была проведена подобная же операция по уничтожению армии Богуславского и, наконец, бандита Карася. Сверх того, наши войска имели весьма большое количество операций против отдельных более мелких бандитов, имевших те же самые последствия.

По реке Цна, юго-восточнее и восточнее Тамбова, залегает большой массив лесов. В этих лесах нашли себе приют последние остатки бандитов. Опасаясь возможности постепенного превращения их в обыкновенный уголовный бандитизм, командование приняло меры по очищению и этих лесов, причем

был применен следующий способ. Весь массив был разделен на отдельные участки. Охрана каждого участка поручалась особым охотничьим командам, которые должны были постоянно жить на территории своего участка. В обязанность этим отрядам вменялась постоянная разведка проходящих через леса бандитов и немедленное уничтожение таковых. Отряды должны были создать в лесу обстановку, невыносимую для существования бандитов. Это мероприятие окончательно закрыло бандитским остаткам возможность укрывания в лесу и самих себя и оружия и т.п.

В общем, после основательно проведенной подготовки начались решительные ударные действия во всех областях. Результаты сказались чрезвычайно быстро. В несколько недель бандитизм был совершенно искоренен. Настроение крестьянства резко изменилось. Новая экономическая политика привлекла его на сторону Советской власти. Бандитизм стал для крестьян их бичом и их разорителем. В конце этой кампании мы уже имели дело с повальной сдачей бандитов, приходивших с оружием в руках.

Этот период тамбовской борьбы, с начала мая по середину июня, дал нам богатейшие выводы как по организации общей борьбы с восстанием, так и по организации войсковых операций против действующих бандитов.

Революция и война. 1922. Сб. 16. С. 41–47;
Война и революция. 1926. № 8. С. 3–15.

А. Казаков

Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании 1920—21 гг.

В мои задачи не входит всестороннее исследование роли партии с.-р. в Тамбовском восстании. Я ограничусь лишь изложением событий и некоторых выводов на основе фактического и документального материала. Наиболее характерные документы, рисующие роль партии с.-р., приводятся в особом приложении целиком.

I

Тамбовскую губернию по хозяйственным условиям надо считать исключительно аграрной. Промышленность ее слабо развита. Промышленный пролетариат вкраплен лишь небольшими оазисами (в городах) в основную массу крестьянского населения и не только количественно, но и качественно слаб и незначителен. Основная масса крестьянства — зажиточная, давно выкупила большую часть помещичьей земли и в Октябрьскую революцию в незначительной степени округлила и увеличила свои владения.

Партия с.-р., в силу ряда социально-экономических, политических и исторических причин, пустила глубокие корни в кулацкую массу деревни и сделала из Тамбовской губернии свою опорную базу. Тамбовская организация с.-р. — наиболее крепкая организация, сохранившаяся даже после азефовщины, в период наиболее тяжелый для эсеровской партии. Губерния дала много выдающихся вождей этой партии: В. Чернов, Спиридонова, Архангельский, Вольский и др. жили и работали в Тамбовской губернии, где заложили прочные связи и фундамент своей организации.

Общая обстановка была чрезвычайно благоприятной вообще для развития эсеровской партии и неблагоприятна для ком-

мунистической в силу ряда вышеуказанных причин. Эта обстановка сохранилась и после Октябрьской революции. Сразу же после перехода власти в октябре к Советам эсеры начинают собирать свои силы и явно и тайно вести борьбу против Советской власти.

На Тамбовскую губернию руководящими кругами эсеров обращено особое внимание еще и потому, что для Советской Республики в 18—19 гг., окруженной кольцом врагов, эта губерния с ее громадными продовольственными ресурсами служила основной продовольственной и сырьевой базой, питающей армию и промышленность. Направить удар в это чувствительное место Советской Республики, овладеть железнодорожными узлами, соединяющими юг и юго-восток с центром и тем прекратить подвоз продовольствия для голодающего пролетариата столиц, городов и армии, парализовать переброски войск на фронты Гражданской войны — было чрезвычайно заманчиво для партии с.-р.

Исполнителями своей воли партия с.-р. избрала Антонова, Ишина, Токмакова, Юрина, Давыдова и др. Небезынтересно остановиться на их кратких характеристиках.

Антонов — мещанин гор. Кирсанова, окончил 5 классов реального училища. Увлекался «экспроприациями» в 1905 г. совместно с кучкой лиц с темным уголовным прошлым. Несколько «экспроприаций» винных лавок и убийств чинов полиции доставили ему громкую славу как социалиста-революционера. В 1906 г. он уже официально вступил с партию с.-р. Был сослан за грабежи и убийства в Сибирь, а в 1917 г. после Февральской революции вернулся как политический ссыльный, заняв пост начальника Кирсановской уездной милиции.

Ишин — деревенский кулак, окончил земскую школу. В умственном отношении развит хорошо, разбирается в политических вопросах, прекрасный агитатор. В 1905 г. вступил в партию с.-р. и состоял казначеем местной организации; присвоил себе 40 000 рублей партийных денег. В 1907—08 гг., был сослан в Архангельск и вскоре возвратился на родину. На присвоенные деньги начал еще более развивать и усиливать свое хозяйство, открыв бакалейную лавочку, снимая в аренду большие сады и землю от 10 до 80 десятин и проч., всячески обманывая и эксплуатируя бедное крестьянство. После Февральской революции он был арестован с.-р. за присвоение партийных сумм, но вскоре ими же был освобожден и выдвинут на пост

председателя волостного земства Курдюковской волости. После Октябрьской революции Ишин был отстранен от должности председателя волостного земства, но ему удалось попасть в председатели волостного общества потребителей, где он создал себе славу опытного работника-коммерсанта тем, что стал широко распродавать припрятанный товар первой необходимости своей бакалейной лавочки. С момента перехода власти к Советам открыл бешеную противосоветскую кампанию. Несколько раз арестовывался местной коммунистической ячейкой и препровождался в распоряжение уездных властей.

«Петька» Давыдов, — крестьянин, с.-р., террорист, хорошо развит политически. Член Учредительного Собрания.

М. Юрин («Герман») — кулак, с.-р., террорист. Среди крестьян получил печальную известность, как большой хулиган и вор.

Токмаков — крестьянин, подпоручик старой армии (военного времени). После демобилизации 1918 г. заведовал милицией Трескинской волости. Участвовал в подпольной работе с.-р., вербовал Антонову банды; впоследствии командовал партизанской армией.

Здесь нет возможности развернуть все характеристики руководителей восстания, но и приведенных уже достаточно, чтобы видеть их нравственный облик. Партия с.-р. объединила в Тамбовской губернии около себя все озверелое кулачье, грабителей и убийц из уголовного подполья. Зачастую, читая документы, имеющиеся в Тамбовском особом отделе, трудно разобрать, где кончаются политические убеждения с.-р. и начинаются уголовные действия преступника.

В начале 1918 г., когда власть Советов в Тамбовской губернии закрепилась, Антонов и его сподвижники скрываются в подполье. Будучи еще начальником Кирсановской уездной милиции, Антонов, предвидя будущие события, сбывает массу оружия в тайные места. С этого времени он при поддержке эсеровских организаций приступает к подготовке восстания против советского режима.

Антонов собирает около себя шайку бандитов, с которыми оперирует в районе, встречая поддержку среди кулацкого населения. В сентябре 1918 г. им организуется восстание в селах Рудовка, Васильевка, Никольское, которое было быстро ликвидировано. Свой отряд Антонов переименовал в «боевую дружину», на основе политической эсеровской программы.

В 1919 г., когда фронт Гражданской войны с Деникиным приближается к Тамбовской губернии, Антонов объединяет около себя части дезертиров, громадное количество которых скрывалось в то время в Тамбовской губернии. С этой «зеленой армией» он уже более успешно громит волостные советы, склады, совхозы и т. д., массами убивая советских и партийных работников. Пытается даже войти в связь со штабом Деникина: 2 представителя его штаба — Якимов и Санталов — отправляются в Балашов — и далее в Урюпино, где связываются со штабом 2-го Казачьего Сводного корпуса. В штабе было условлено об установлении связи с «зеленой армией» Антонова, путем посылки аэропланов в ее расположение. Таким образом, пока ЦК с.-р. выяснял свое отношение к Деникину, с.-р. Антонов практически устанавливал черный блок с Деникиным.

К этому времени (или немного раньше) с.-р. приобрели себе союзников по оружию в лице левых с.-р. Левые с.-р. в Тамбове были вообще не сильны ни качественно, ни количественно и поэтому наложить сколько-нибудь свой отпечаток на движение не могли. Произошел очень быстрый идейный и политический рецидив — возврат блудного сына в родное лоно партии с.-р. Хотя этот блудный сын по-прежнему именуется «левым», но по существу дело от этого не меняется. Это даже на руку общему делу борьбы с революцией, т. к. «левые» более импонируют массам крестьянства, в глазах которых «правые» во время Керенского сильно подмочили свою репутацию вопросами продолжения империалистической войны и земельным. Действительно, анализируя воззвания, подписанные «левыми» с.-р., в которых говорится об Учредительном Собрании, о борьбе с Советами, приходишь в изумление и становишься прямо в тупик перед вопросом: «правая, левая где сторона?»

До осени 1920 г. антоновское движение не имеет характера широкого массового движения, а носит характер политического бандитизма, имеющего целью тормозить на каждом шагу политическую, хозяйственную и культурную работу Советов, причинить максимальный ущерб делу обороны на фронтах Гражданской войны, переходя часто в чисто уголовный бандитизм с издевательствами, пытками и убийством коммунистов и советских работников, ограблением школ, клубов и других культурно-просветительных организаций.

Однако Антонов и Тамбовская организация партии с.-р. продолжают подготовку широкого массового движения. Осе-

нию 1920 г. эта подготовка увенчалась успехом. Ввиду неурожая движение принимает широкие размеры и правильные организованные формы, с определенной политической программой.

Это произошло именно потому, что подготовила и стала вождем реакционного движения партия с.-р., которая все движение направила в желаемое ей русло.

II

О тактике борьбы и методах подготовки восстания партией с.-р. стоит поговорить особо.

Ушедшая в подполье после перехода власти к Советам, партия с.-р. поставила себе задачей активную борьбу с последними, для чего усвоила тактику постепенного и методического подрыва и дискредитирования Коммунистической партии и советских органов в глазах крестьянства.

Слабость коммунистических организаций Тамбовской губернии, ничтожное влияние их на деревню были использованы с.-р. для укрепления там своего положения. Им удавалось всегда влиять даже на выборы сельского и волостного Советов, в результате чего председателями этих Советов оказывались кулаки, враждебно относящиеся ко всем мероприятиям центральной власти (анкета обслед. Управ. делами Там. губисполкома). Кампания комбедов в Тамбовской губернии ввиду жесткого сопротивления партии с.-р. не дала положительных результатов, и на ответственных местах в сельских и волостных Советах по-прежнему продолжали крепко сидеть кулаки.

Губкомпарт отметил факт массового вхождения членов партии с.-р. в Коммунистическую партию; были случаи, когда почти целиком с.-р. ячейка переходила в ряды РКП. Впоследствии выяснилось, что многие вошли с исключительной целью дискредитирования партии в глазах населения, занимая ответственные советские посты, с целью внесения маразма в ряды партии, использования советских ресурсов в интересах партии с.-р. и готовящегося восстания, хозяйственного саботажа и нанесения вреда Республике.

Во всех советских органах, не исключая и Губчека, эсеровские организации имели своих агентов. Особое внимание было направлено на дискредитирование продработы в деревне. Незаконные действия по отношению к крестьянам при сборе продразверстки, умышленная порча на глазах населения заго-

товок продовольствия и сырья имели провокационную цель вызвать возмущение крестьянства.

Открытая работа антоновских молодцов в сочетании с медленной методической работой по разложению всего советского аппарата (и даже партийного) дала большие плоды. Наряду с этим, в деревнях бешеная эсеровская агитация против Совласти и РКП достигла чудовишных размеров.

Другим излюбленным методом Антонова и партии с.-р. был террор. Чтобы морально и физически подорвать организацию РКП и государственные аппараты, им широко практикуются убийства коммунистов, советских работников и просто граждан, не сочувствующих Антонову. Он отлично понимал, что уничтожение подобных, враждебных ему и партии с.-р., элементов расчищает поле для исключительного влияния на район, изолирует от советских центров и обескровливает враждебные ему организации.

И действительно, Антонову удалось значительно подорвать и обескровить партийные и советские организации, уничтожить много честных и самоотверженных работников, разрушить и без того слабые связи Губцентра с деревней и тем парализовать проведение коммунистического влияния в деревню и внести разложение в партийные организации. По подсчетам Губкома и Губисполкома, около тысячи партийных и советских работников стали жертвой антоновского террора за время восстания. Провокация, террор и клевета были излюбленными орудиями Антонова и партии эсеров.

III

Став во главе движения в Тамбовской губернии, партия эсеров наложила эсеровский отпечаток на всю политическую программу восставших. Программа эта была сформулирована и принята осенью 1920 г. и известна под названием «Программа Союза Трудового Крестьянства». Формально подписанная беспартийной организацией, она выдает свою «беспартийность» лозунгом: «В борьбе обрешь ты право свое».

Я не буду останавливаться на подробном анализе этой программы, так как она говорит сама за себя, отмечу лишь § 4, где указывается, что «впредь до созыва Учредительного Собрания — установление временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвующими в борьбе с

коммунистами». Этим пунктом разрешаются все политические споры в лагере контрреволюции и устанавливается единый фронт борьбы с революцией: от правых и левых с.-р. до кадетов и монархистов включительно.

Кто участвует в борьбе против Советов, кроме с.-р.? Участвуют кадеты, черносотенцы, офицерские союзы и генералы. Следовательно, временная власть составит ими. А так как власть окажется в руках наиболее сильных в военном отношении групп, то, следовательно, этот пункт пролагает путь генеральской диктатуре.

Кулачье Тамбовской губернии само желает реставрации монархии. Вы нигде — ни в воззваниях, ни в программе не найдете упоминания даже Республики. Они не хотят себя связывать этим. Пункт о том, что не надо «предрешать воли» Учредительного Собрания, указывает на тайные помыслы кулачья, открывает путь «хозяину земли русской» — монарху.

Пункт о конструкции власти надо считать основным в задачах любого движения. Это вопрос, по которому определяется революционность или реакционность движения в настоящий момент. С.-р. прикрыли своим знаменем реакционную программу. Они не могли остановиться на этом и покатались дальше до черносотенно-погромного лозунга «бей жидов и коммунистов», вопреки объявленным ими «свободам» и «самоопределениям».

Режиму телесных наказаний и расстрелов, применяемых в партизанской армии и среди населения, могло бы позавидовать царское самодержавие.

В Тамбовской губернии был создан классический образец кулацко-эсеровской диктатуры, образец кулацкого государства. Надо отдать должное Антонову и партии с.-р. в том, что они проявили блестящие организаторские способности в деле борьбы с Советами и организации своего военного и государственного аппарата. Им удалось распространить восстание на значительной территории пяти уездов Тамбовской губернии и покрыть их своими органами, создать организованную армию и продержаться около года.

Громадных усилий, жертв и средств стоила Республике борьба с восстанием. Борьба эта тем более затруднялась, что Советская Республика в это самое время делала героические усилия в борьбе с Врангелем и панской Польшей.

С.-р., поднявшие восстание в Тамбовской губернии, наносили предательский удар в самое чувствительное место Республики,

шли рука об руку с царским генералом Врангелем и польской реакционной буржуазией, облегчили им задачу, значительно оттянули их конец. Это стоило много крови Красной армии, и кровь эта должна пасть на головы эсеровских убийц и поджигателей.

IV

Являются ли ответственными за Тамбовское восстание исключительно местные организации с.-р. или же ответственность несет и ЦК партии? Этот вопрос разрешится в связи с выяснением связи местных партийных организаций со своими руководящими центрами. Документы с полной ясностью подтверждают, что Тамбовское восстание является лишь эпизодом в общем плане внутренних восстаний, проектировавшихся ЦК эсеров и осуществившихся, помимо Тамбова, в Сибири, на Волге и других местах.

В связи с неудачей интервенций, с.-р. перешли к новому методу борьбы с Советской Россией путем заговоров и восстаний, используя глубокие экономические противоречия военного периода, обнаружившийся разрыв экономических связей между городом и деревней. Задачей их являлось вбить клин в политический союз рабочих и крестьян, восстановить их друг против друга и тем сокрушить советскую систему. «Приводным механизмом» между партией с.-р. и крестьянством должны явиться Союзы Трудового Крестьянства, формально беспартийные, но по существу руководимые эсеровской партией.

Директива об организации Союзов Трудового Крестьянства была дана особым циркулярным письмом ЦКП С.-Р. весной 1920 г., когда окончательно созрела новая линия поведения в отношении к Советской власти. В этом же циркуляре указывается на необходимость организации приговорного движения. Это движение заключалось в том, что на сходах должны были выноситься суровые осуждения Советской власти и требования созыва Учредительного Собрания.

«Приговорная кампания должна создать в деревне атмосферу общего политического подъема и оживления. Она должна создать первоначальную арену для развертывания сил отдельных передовых крестьян, способных выработаться в самостоятельных вожаков. Беспартийный Союз Трудового Крестьянства должен объединить все активные силы деревни в предстоящей политической борьбе. Организация чисто партийных ячеек должна

явиться передаточным механизмом для проведения в эту среду идей и лозунгов партии»... «Крестьянский Союз должен быть беспартийным, чтобы снова сблизить между собой элементы, распавшиеся после ликвидации Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и либо разошедшиеся по разным партийным группировкам (с.-р., левые с.-р., народники-коммунисты, боротьбисты и т. д.), либо отошедшие от всяких партий, или даже ушедшие от политики “в толстовство, сектантство, анархизм и т. п.”» (из циркулярного письма ЦКП С.-Р.).

Сравнивая программу Тамбовского Союза Трудового Крестьянства с опубликованной в указанном циркуляре ЦК программой Крестьянского Союза, приходишь к выводу, что тамбовские с.-р. не могли не быть знакомы с этим циркулярным письмом и что действовали они, несомненно, по директивам ЦК. Правда, в тамбовской программе есть кое-какие уклоны вправо от намеченной ЦК, но это было вызвано обстановкой Тамбовской губернии. Кулаки не могли примириться даже с эсеровской программой и изменили ее в своем духе. Тамбовская организация согласилась на это, и ЦК не был, по-видимому, в большой претензии на нее.

В сентябре 1920 г. делегат тамбовских с.-р. присутствует на Всероссийской партийной конференции, где докладывает о положении в губернии.

Таким образом, тамбовская организация была в связи с ЦКП С.-Р. и руководилась его директивами. ЦК не вправе слагать с себя ответственность за тамбовские события.

V

Необходимо подвести итоги разрушительной работы с.-р. в Тамбовской губернии.

Мы уже указывали на результаты террора эсеров-бандитов по отношению к коммунистам и советским работникам. Они не щадили даже женщин и детей: в коммуне «Луч» у с. Рассказово они убили всех ее членов — взрослых и детей. Много рабочих, крестьян, не сочувствующих им, много красноармейцев и курсантов, захваченных в плен, было убито. Установлены факты зверских истязательств: так, например, Нач. Опер. Управления Штаба Командующего Тамбовской армии г. Тищенко (слуш. Военной Академии), вылетев с летчиком на аэроплане на разведку, ввиду порчи аппарата принужден был спуститься на землю неподалеку от деревни и был захвачен в плен партизанами.

Бандиты выворачивают и ломают ему руки и ноги, рубят шашкой в нескольких местах тело, вырезают на спине красную звезду и лишь после этого ему отрубают голову. То же самое сделано и с летчиком.

Нет возможности сейчас охватить и учесть разрушения, которые причинили эсеров-бандиты хозяйству Тамбовской губернии.

Разрушались и сжигались станции железных дорог, мосты, целыми верстами снимались рельсы и шпалы и увозились неизвестно куда; рвались телефонные и телеграфные провода, уничтожались аппараты. Разрушались и сжигались Советы, клубы, избы-читальни, народные дома, громились холодильники, водокачки, продовольственные учреждения и склады, лавки кооперативных обществ, грабились почтовые отделения, устраивались крушения поездов с человеческими жертвами. Два винных, 3 свеклосахарных завода, большая текстильная фабрика были разгромлены и оборудование повреждено. С ряда мелких фабрик увезено оборудование.

Разграблено и разрушено до 60 советских хозяйств, большое количество коммун и артелей. Из совхозов бандитами увезено и загнано более 1500 лошадей, из которых много кровных, 700 коров, 800 свиней, 2600 овец и большое количество домашней птицы. У тех же совхозов увезено более 25 000 пудов фуража, 10 000 пудов хлебных продуктов, много денег, имущества и т. д.

Пострадало от бандитов и крестьянское хозяйство. Многие села и деревни, не желавшие признавать Антонова, сжигались. У крестьян отнято много хлеба, фуража и скота. Ниже приводимые данные (заимствованы из работы Тамб. Губ. Стат. Бюро «Поуездные итоги весеннего выборочного обследования крестьянского хозяйства Тамб. Губ. в 1921 г., вып. I, Тамбов 1921 г.) показывают, какие глубокие следы оставило на крестьянском хозяйстве эсеров-бандитское движение.

От весны 1920 г. к весне 1921 г. произошли следующие изменения в скоте крестьянских хозяйств: в уездах, наиболее затронутых бандитизмом: число рабочих лошадей в Борисоглебском уезде сократилось на 50%, в Тамбовском — на 38%, Кирсановском — 34%. Между тем как в уездах, не затронутых бандитизмом, наблюдается прирост или очень маленький процент уменьшения рабочих лошадей. Число коров в тех же трех уездах сократилось до 10–15%. Прочие виды скота и домашняя

птица сократились также весьма значительно. Недосев озимого клина в 1921 г. (в период бандитского движения) достиг чудовищных размеров по сравнению с осенью 1920 г. — например: в Кирсановском уезде до 75%.

Результаты не замедлили сказаться уже в 1921 г. Богатейшая в хлебном отношении губерния голодает, и не от последствий недорода, а главным образом ввиду сокращения посевной площади, так как бандитизм затронул наиболее хлебородные уезды губернии.

Колоссальный ущерб нанесен не только крестьянскому хозяйству, но и промышленному производству и промыслам. Из-за бандитизма прекращаются топливные и сырьевые заготовки, что приводит к полному параличу всей промышленной жизни, за исключением одного лишь Рассказовского района, работавшего для армии.

Нужны годы, чтобы залечить эти тяжелые раны, нанесенные эсэро-бандитами народному хозяйству губернии и Республике. Ответственность за это должна понести партия с.-р.

Рабочему классу России и всего мира необходимо знать о величайших преступлениях партии с.-р., совершенных ею по отношению к Советской России...

При сем прилагаем 2 документа, которые говорят сами за себя.

Временный устав наказаний, подсудный
армейским судам

§ 1. Оставление цепи в бою с умыслом (побег). Нак. — 1) плети 25, 2) плети 50, 3) расстрел.

§ 2. Продажа партизанами оружия (торговля). Нак. — 1) плети 25, 2) плети 50, 3) расстрел.

§ 3. Грабеж (бандитство). Нак. — 1) плети 50, 2) расстрел.

§ 4. Продажа оружия между частными лицами. Нак. — 1) убеждение, 2) плети.

§ 5. Грабеж населения. Нак. — 1) плети 50, 2) расстрел.

§ 6. Грабеж с убийством. Нак. — расстрел.

§ 7. Неисполнение приказа по боевой обстановке. Нак. — 1) плети, 2) расстрел.

§ 8. Оставление оружия в бою, когда его можно было спасти. Нак. — 1) плети 25, 2) плети 50.

§ 9. Самогон, когда его гонят по просьбе партизан. Нак. — 1) плети 15, 2) и выше до расстрела.

§ 10. Самовольное оставление постов и халатное отношение к сторожевой службе. Нак. — 1) при халатном отношении плети 25 и выше, 2) самовольное оставление постов — а) плети 50 и б) расстрел.

§ 11. Халатное отношение к разведочной службе. Нак. — плети от 25 и выше.

§ 12. Кража оружия частными лицами у воинских частей.

Нак. — плети от 25 и выше.

§ 13. Спекуляция лошадьми (партизанами). Нак. — 1) плети 15, 2) плети 25, 3) отправление в пешую команду и возмещение хозяину убытков.

§ 14. Шпионаж партизанами. Нак. — расстрел.

§ 15. Пропаганда коммунизма в войсках. Нак. — расстрел.

§ 16. Подстрекательство среди партизан и оставление рядов в войсках. Нак. — плети.

§ 17. Спекуляция захваченным в бою имуществом военным и частным при отправлении в штаб. Нак. — при военном имуществе — плети. Нак. — при расх. частн. имущества — плети.

§ 18. Неисполнение боевых приказов командным составом. Нак. — 1) выговор, 2) предупреждение, 3) разжалование.

§ 19. Самовольное отлучение из боя без приказа командира для низшего командного состава. Нак. — 1) предупреждение, 2) разжалование. Нак. для высшего комсостава — 1) выговор, 2) предупреждение.

§ 20. Грубое обращение с населением. Нак. — 1) выговор, 2) предупреждение, 3) разжалование.

§ 21. Самовольная конфискация частного имущества, когда в нем нет боевой необходимости. Нак. — 1) убеждение, 2) разжалование.

§ 22. Спекуляция взятым в бою и у частных лиц имуществом и захват его для собственных нужд. Нак. — 1) разжалование.

§ 23. Ненаблюдение за сохранностью и исправностью оружия и конского состава высшими командными лицами. Нак. — 1) выговор, 2) предупреждение, 3) разжалование.

§ 24. За неправильное и несвоевременное доставление сведений в штаб о своем местонахождении, о своих действиях и численности своей части, сведений о противнике, оперативных действиях. Нак. — 1) выговор, 2) предупреждение, 3) разжалование.

§ 25. Питье самогона. Нак. — 1) убеждение, 2) разжалование в рядовые.

§ 26. Укрывательство коммунистов частными лицами в организованных местностях. Нак. — 1) плети, 2) расстрел.

§ 27. Укрывательство шпионов в организованных местностях, когда укрыватель заведомо знает шпиона. Нак. — расстрел.

§ 28. Укрывательство воров, грабителей и подозрительных. Нак. — плети.

§ 29. Угроза со стороны партизан частному лицу с умыслом. Нак. — расстрел.

§ 30. Угроза со стороны партизан частному лицу без умысла. Нак. — 1) убеждение, 2) плети.

§ 31. Способствование укрывательству и побегу коммуниста. Нак.— 1) плети, 2) расстрел.

§ 32. Шпионаж, пропаганда коммунизма. Нак. — расстрел.

§ 33. Подстрекательство между частными лицами против существующего порядка и стремление подорвать партизанское движение. Нак. — плети.

§ 34. Вывоз хлеба в неорганизованные местности. Нак. — 1) конфискация хлеба, 2) штраф.

§ 35. Самовольный выезд в неорганизованные местности. Нак.— 1) внушение, 2) плети.

§ 36. Выдача бойцов партизанского движения частными лицами красным. Нак. — расстрел.

§ 37. Грубое обращение с пленными в организованных местностях со стороны жителей и самовольная расправа с ними. Нак. — плети 8–10 и выше.

СОСТАВ АРМЕЙСКИХ СУДОВ. Председатель. Помощник председателя суда. Два члена суда. Следователь.

Примечание: В делах уголовных при разбирательстве дел партизан приглашать на заседание суда уполномоченных от того полка, из какого его партизаны.

Основание: Приказ штаба 1-й армии № 22 § 1
от 23/II-22 г.

Уполномоченный Тамботделения (подпись)
С подлинным верно (подпись)

Инструкция

Районным, Волостным и Сельским Комитетам Союза
Трудового Крестьянства

1. Комитеты должны быть подпольными.
2. Все комитеты *не избираются гражданами, а назначаются Высшими революционными комитетами.*

3. Комитеты имеют административную и исполнительную власть для управления вверенным им районом.

4. Районные комитеты вправе держать в своем распоряжении милицию в количестве 10 вооруженных всадников, а в границах с коммунистами иметь по мере надобности.

5. На граждан, мешающих в проведении революции, комитеты должны воздействовать агитационной работой, а при необходимости принимать самые решительные меры, доводя до высших мер наказания, хотя бы и расстрела.

6. При производстве мер наказания комитеты должны соблюдать строгую тайну, дабы не было обнаружено гражданами, делая для этого перевозку лиц, приговоренных к наказанию, тайной.

7. Комитеты должны быть дисциплинированными и аккуратными в исполнении всех распоряжений.

8. Комитеты за бездеятельность отвечают по закону революционного времени перед товарищеским судом.

9. Комитеты, самое главное, в настоящее время устраивают тесную связь между собой, сообщая каждый день о месте нахождения противника, его роде оружия, численности и вооружении.

10. Комитетам вменяется в обязанность, когда проходят партизанские отряды, всякими способами помогать им в смысле скорого и лучшего продовольственного снабжения, давая при этом сведения о противнике.

11. Комитетам вменяется в неуклонную обязанность доставать на местах продовольствие и помогать в первую голову партизанским семьям и другим неимущим, применяя на то всякие способы. По мере возможности обсеять партизанские поля.

12. Комитеты должны принимать неуклонное участие с милицией и тыловым военным отделом в смысле выгонки с мест дезертирующих партизан на первый раз агитационным путем и потом уже применять к несочувствующим репрессивные меры.

Тамбовский Губернский Комитет
социалистов-революционеров

Казаков А. Партия с.-р. в Тамбовском восстании 1920–21 гг. М., [1922]. 16 с.

К. Бриммер

Первый период ликвидации антоновщины
в Тамбовской губернии:
с августа по декабрь месяц 1920 г.

Настоящая операция охватывает период от начала бандитизма в Тамбовской губ., когда подавление восстания велось домашними средствами, имея паллиативный характер, до прибытия в район повстанчества полевых частей, когда весь район, охваченный бандитизмом, был разделен на боевые участки и началась систематическая оккупация совместно с действиями конных частей по уничтожению живой силы банд.

Для составления доклада в его исторической части не имелось никаких абсолютно материалов, и вся операция описана по воспоминаниям. Этим и объясняется неполнота и отрывочность приводимых описаний, а также наличие фактических неточностей, причем должен добавить, что этот период ни в сборниках, ни в периодической печати не освещен.

Причины возникновения повстанческого движения довольно полно были выявлены на Тамбовской армейской конференции («Политработник» за декабрь 1921 г., № 15), а именно что это не бандитизм в полном смысле этого слова, а *настоящее крестьянское движение*, что оно вызвано глубокими экономическими противоречиями, усилившими до чрезвычайных размеров разруху в крестьянском хозяйстве. Отсутствие пролетариата в губернии, а стало быть, и невысокий качественный состав Тамбовской организации РКП (больш.), Советы, не являвшиеся органами пролетарской диктатуры и фактически находившиеся в руках кулаков, неурожай 1920 г. и вместе с ним тяжести выкачки продовольствия легли всей своей силой на Тамбовскую губ., как губернию свободную от вторжения белых. К этому можно прибавить, что подразверстка проходила не систематично; работники на местах делали боль-

шие промахи, не понимая тех задач, кои на них возлагались. Образовалась известная накипь над общим слоем населения, которая не хотела войти в новые общественные образования и слиться с ними. Она и дала тот паразитический элемент, который был главным кадром банд и их вожаков. Несовершенство и слабость местных административных аппаратов зачастую способствовали образованию банд. Подчас местная власть, состоя из кулаков, входила целиком в бандитские шайки. Сочувствие значительной части населения тем лозунгам, кои были выброшены эсерами и, в частности, Антоновым, давали ей возможность увеличивать и быстро распространять свое влияние по всей губернии.

А главное, это определенная систематическая работа эсеровщины, которая велась все 3 года в Тамбовской губ., начиная с 17-го, которая, собственно говоря, и сыграла первенствующую роль в поднятии крестьян, использовав полностью все те обстоятельства, кои приведены выше. Банды Антонова были сильны прежде всего своими политическими связями с партией социалистов-революционеров, которая, потерпев неудачу в открытых боях, путем внутренних восстаний и движений старалась подорвать советскую власть, выпустив еще весной 1920 г. циркуляр о проведении 2 кампаний против советской власти: 1-й по организации приговорного движения и 2-й по созданию крестьянских союзов. Противодействия с нашей стороны почти не было; политической работы среди крестьян почти никакой не велось, и деревня вместо политработы видела лишь подработку, на каковой и сыграли так удачно социалисты-революционеры.

Местность, охваченная восстанием, представляет равнину, перерезанную небольшими холмами и довольно глубокими балками. К востоку от гор. Тамбова и к северу от него тянется полоса леса шириною 25–30 верст. В других местах лесов нет. Лишь по долинам рек и около населенных пунктов встречаются отдельные группы деревьев и небольшие рощицы. Черноземная почва равнины плодородна; населенность довольно густая; селения отличаются значительными размерами, иногда до 500 дворов.

Когда-то губерния была одной из житниц России. Район орошается двумя реками — Цной и Вороной и массой небольших речек и ручьев. Шоссированных дорог совершенно нет, грунтовых много. Большинство дорог представляют проселки с

наезженной колеей. В снежную зиму и дождливую осень дорога для обоза и артиллерии не везде доступна. Мосты имеются почти всюду, но часто в неисправном состоянии. Средствами край был богат, имелось очень много рогатого скота и лошадей.

Характер расположения жел. дорог, а именно: участка Рязанско-Уральской между ст. Тамбов и ст. Иноковка, Балашовской ветки до ст. Обловка и веткой от ст. Иноковка до ст. Инжавино, для нас представлял громадное удобство, опоясывая наиболее зараженный бандитизмом район.

Обстановка для действия Антонова была самая подходящая. Еще не была закончена борьба на внешних фронтах, и главное, командование не могло уделить должного внимания для борьбы с бандами. Кроме того, в Антонове вначале не видели серьезного противника, а потому местная власть не придала этому движению серьезного значения.

Районом, охваченным бандитизмом в начале восстания с августа, можно считать район по Балашовской ветке от ст. Сампур до ст. Ржакса и к западу от нее, и район сел Семеновки, Алкаладки, Никольское-Перевоз, что 6–8 вер. северо-западнее Обловки. Эти районы и были зародышем, где в августе появилась банда активного характера 100–150 человек. К этому времени почти в каждом селе указанного района появились местные банды, без вооружения и без патронов, почти исключительно с вилами, дротиками и топорами, не имея вначале абсолютно никаких технических средств. Много винтовок и несколько пулеметов осталось от набега Мамонтова, частью же были принесены после демобилизации; патроны были из тех же источников. Кроме того, много патронов было оставлено продотрядами в местах их работы. Продовольствовались банды из местных средств, получая таковое иногда по добровольному даянию или беря силой.

Войска, кои были брошены в августе на борьбу с бандами, представляли из себя несколько выдернутых из караульных батальонов и из запасного полка рот — элемент не стойкий из случайных формирований. В ротах отсутствовало то, что нужно для борьбы с бандами, а именно энергия, настойчивость, интенсивная кропотливая работа. Наблюдалось, скорее, обратное: шкурничество, полная необученность и слабый командный состав, а о боевой работе не могло быть и речи.

Во главе командования стал военный совет по ликвидации восстания при губернской Чрезвычайной Комиссии. Имелся

начальник штаба, который с августа вместе с губвоенкомом находился на ст. Ржакса и руководил теми небольшими частями в виде отдельных рот, кои занимали район Семеновского леса, что 6–10 верст от ст. Отхожая. Разведкой удалось установить, что действительно в лесу была банда. Захваченные бандиты показали, что как только началось окружение леса, банда в числе 100 человек ушла в Каменский район на присоединение к каменской банде.

В распоряжении начальника штаба были еще небольшие отряды милиции и две роты курсантов. Эти части очищали Каменский район. В 20 верстах западнее ст. Отхожая банды группировались в районе сел Каменка, Афанасьевка и Туголуково, в 20–40 верстах западнее и юго-западнее ст. Отхожая и к северу от нее. Такое положение с небольшими изменениями продолжалось вплоть до половины сентября, когда командующим войсками был назначен начальник войск внутренней охраны Орловского сектора тов. А[плом].

С половины сентября бандитизм охватил весь Тамбовский уезд, северную часть Борисоглебского, восточную часть Козловского, южную часть Моршанского и юго-западную часть Кирсановского уезда. С этого времени бандитизм стал разрастаться в повстанческое движение с численностью до 6000 бандитов, рассеянных по всем районам. Главные группировки банд наметились в районе сел Афанасьевка, Анановка, Александровка, Степановка, 20–15–10 верст западнее станции Отхожая, затем к востоку от Балашовской ветки, примерно в полосе леса по реке Вороне и к западу от нее и в районе села Пахотный Угол, 35 в. северо-восточнее Тамбова. В этих районах насчитывалось до 12 банд, более или менее организованных, численностью каждая от 50 до 70 бандитов. Всего можно считать до 1500–1700 бандитов.

Остальные банды по 10–12 человек были разбросаны по деревням и селам, еще не сведенные в какие-либо организованные единицы. Целью банд было разрушение экономической жизни губернии вообще, захват складов, станций и т.п. — захват власти по свержении большевиков. Надо отметить, что из района, охваченного восстанием, местная власть, исполкомы и милиция эвакуировались, а кто не успел уйти вовремя — был убит.

Ближайшей целью банд было перерезать в нескольких местах Балашовскую ветку и захватить в свои руки станции.

Этого им сделать не удалось, т. к. каждый раз налеты отбивались гарнизонами и бронелетучкой. Один лишь раз, в 20-х числах сентября, Верхоценская банда разоружила охрану у Осиновского моста и сожгла его.

С разрастанием бандитизма и разбуханием банд появилась необходимость в вооружении и боеприпасах. Банды несколькими ловкими налетами разоружают нашу охрану на складах, станциях, причем, отбирая винтовки и патроны, красноармейцев отпускают, выдавая им на руки удостоверения, командный же состав и коммунистов вырезают.

Активным бандитским движением к началу октября страдал главным образом Тамбовский уезд. Части смежных уездов страдали в меньшей степени, ибо там Антонов еще не появлялся, а действовали только его агенты. К этому времени, в половине сентября, были стянуты в Тамбов батальоны ВОХР. Из других губерний прибыли маршевые батальоны; были втянуты в работу 16-я пехотная школа, 2-й запасный кавалерийский полк и другие части. Они не были полевыми войсками, не умели маневрировать, не были обучены, командный состав был слаб, наблюдалось шкурничество. Интенсивной работы от них ожидать было нельзя.

С приездом нового командующего и с подходом частей был сформирован штаб командующего войсками Тамбовской губ. Все войска, за исключением частей, оставленных для гарнизонной службы, были разделены на две группы.

Первая группа — ударная, в составе 3 полков пехоты, сведенных из разных маршевых батальонов и батальонов ВОХР по 350—400 штыков в полку, дивизиона кавалерии в 2 эскадрона по 60—70 сабель в эскадроне и одного взвода артиллерии. Был сформирован штаб группы административной части и отдела снабжения, каковые были впоследствии деформированы, а пока снабжение производилось из местных средств. Группе были приданы бронелетучка и поезд в 45 вагонов, который с небольшим запасом продовольствия и боевых припасов по мере надобности перебрасывался по жел. дороге в район сосредоточения или к месту перехода ее через жел. дорогу во время преследования банды.

В каком бы районе группа ни действовала, все войска, находящиеся в данном районе, и нач-ки гарнизонов автоматически подчинялись командующему группой, что было сделано для координации действий на предмет окружения банд. Фак-

тически распоряжаться этими временно подчиненными частями не приходилось, т. к. связи с ними установить не удавалось, а если они и предупреждались из Тамбова о местопребывании банды и группы, то это предупреждение запаздывало. Таким образом, ни разу за время борьбы не пришлось окружить банду совместными усилиями.

К половине сентября группа была расположена в районе станций Сампур, Чакино и Ржакса по Балашовской ветке, причем 1-й полк — в районе ст. Ржакса, 2-й полк — в районе ст. Чакино, 3-й — в районе ст. Сампур, где находился взвод артиллерии с бронелетучкой; штаб в своем поезде стоял на ст. Сампур; один эскадрон с 2 ротами 3-го полка производил облаву в районе сел Серединовка, Верхоценье, Понзарь 10–15–20 в. западнее ст. Чакино.

Вторая группа была расположена в районе г. Кирсанова и ст. Инжавино с задачей охраны жел. дорог. Батальоны и роты, не вошедшие в состав групп, объединены не были и стояли на охране совхозов, складов, фабрик, как то: один батальон занимал Ивановский совхоз—село Ивановка, 15 в. юго-западнее ст. Сампур; один батальон с 2 орудиями в с. Рассказово, 25 в. восточнее г. Тамбова, один батальон ст. Сампур; 3-й особый полк занимал Жердевский район, ст. Жердевка, севернее Борисоглебска и в Кирсанове стоял Московский батальон ВОХР. В Тамбове оставались неполностью 16-я пехотная школа, 27-й батальон войск ВЧК и Коммунистический батальон, часть коего располагалась казарменно. Связи с этими гарнизонами у 1-й группы во время ее движения никакой не было; о технической нечего и говорить, а живая была немислима, ибо появившийся в отделе части новый эскадрон с пулеметами явился пополнением банд.

В районах восстания местных властей, с которыми можно было бы установить связь и использовать для агентурной работы, никаких не было. Кто вовремя ушел, тот остался жив; оставшийся был захвачен и зарублен. Осведомленность Антонова о движении наших войск была колоссальная: он знал все через сочувствующих ему крестьян и от своих агентов; мы же, не имея на местах никакой власти, не имея абсолютно никакой агентуры (т. к., несмотря на то что была полная возможность вести чекистскую работу, ее не было совершенно), были не ориентированы и получали сведения только от крестьян, добывая их силой.

Общая задача группам ставилась: 1) охрана жел. дорог и 2) отдельными налетами в сторону от жел. дорог уничтожение бандитских группировок.

Задача 1-й ударной группы телеграммой командующего войсками в начале октября была поставлена следующая: «В ближайшие 3–5 дней разведкой установить присутствие банд к западу от Балашовской ветки в районе ст. Чакино, Ржакса, Отхожая и энергичным наступлением на запад окружить банды в Каменском районе и уничтожить. Операции по изловлению банд не оканчивать и преследовать их до полного уничтожения».

До этого приказа, начиная с середины сентября, почти половину месяца продолжалось сидение на жел. дорогах, охрана их и изредка налеты с целью захвата небольших банд, появляющихся вблизи станций. Эти налеты ни к каким положительным результатам не приводили, ибо банды сейчас же узнавали о предполагаемой операции и спокойно уходили в глубь района.

В конце сентября была произведена операция по окружению банды в районе озера Лебяжье. Но лишь только роты заняли исходное положение, дабы постепенным сжиманием кольца загнать банды в болото озера Лебяжье, последние ночью ушли, перейдя жел. дорогу в районе ст. Ржакса, и сгруппировались в Каменском районе, всего численностью, по сведениям жителей, до 2000 бандитов. С этого времени, т.е. с начала октября, и начинаются активные действия первой ударной группы.

На основании телеграммы командующего войсками был отдан приказ по войскам группы о сосредоточении частей к вечеру 4-го в районе станций Чакино, Ржакса и Отхожая и занятии исходных пунктов. Разведка, высланная еще 3-го, донесла, что действительно в сел. Александровка, Степановка есть бандиты, но их силы выяснить не удалось. Было решено с рассветом 5-го окружить село и захватить банду, затем перейти последовательно к окружению сел Анановка и Афанасьевка.

С рассветом 5-го полки подошли одновременно с 3 сторон к сел. Степановка, Александровка, но кавалерийский эскадрон, сбившись с дороги, попал на дорогу, идущую в село Анановка, и, слугнув банду, находящуюся в этом селе, занял его, захватив оставшихся там бандитов в числе 7 человек, а дальше выполнять задачу, т.е. атаковать Степановку, не двинулся. Кроме того, он дал возможность большей части банды, окруженной в селе Степановка уйти между селами Анановка и Николаевка на Афанасьевку.

3-мя полками банды, находящиеся в селе, были окружены и частью захвачены, частью уничтожены; в тот день они потеряли убитыми около 40, пленными около 70. Большая же часть банд в числе 200–250 ушла из окружения по направлению на Афанасьевку. С темнотой полкам было приказано перейти в район сел Каменка, Анановка. К ночи две роты 3-го полка и эскадрон, после облавы в районе сел Понзаре и Сеединовка, присоединились к группе. По донесениям разъездов, оказалось, что в селе Афанасьевка сосредоточены большие силы банд, по сведениям жителей, от 1500–2000 и доносилось, что банды роют окопы по линии с. Афанасьевка—с. Михайловка, в 17–14 вер. западнее ст. Отхожая. Это был первый и последний случай окапывания бандитов за все время восстания.

Был отдан приказ о наступлении на следующий день с рассветом. 6 октября группа, подойдя к роще, что южнее с. Каменка, в 8 час. утра при поддержке артиллерии повела наступление на фронт, занятый противником. Фронт тянулся приблизительно 3–4 в. Продвинувшись на расстояние дальнего ружейного огня, полки были обстреляны частым огнем противника, остановились и, пользуясь складками местности и канавами, залегли. Усилия командиров полков и рот двинуть части в атаку не увенчались успехом. Кавалерийский дивизион несколько раз ходил в атаку на левый фланг противника, но, наткнувшись на большие силы, был вынужден отходить за балку. Между тем на левом фланге произошло событие, которое в результате повлияло на общее положение. К 14 час. обнаружилось наступление банды, поддержанное конной бандой на нашем левом фланге, куда пришлось спешно из резерва двинуть две роты, а затем и еще одну. Однако эти поддержки не остановили отступление левофланговых рот 1-го полка и тоже начали отходить. Тогда пришлось взвод конницы, находящейся при штабе, который был здесь же за полком, пустить в атаку на наседавших бандитов. Со взводом перешли в наступление и отходившие роты. Банды не выдержали и отхлынули. Это дало толчок на всем участке. Полки, видя сумятицу в бандитских рядах, разом переходят в наступление; бандиты, смятые, бегут, наши продвигаются к селу Афанасьевка; кавалерийский дивизион рубит задержавшихся бандитов на окраине деревни. Банды бегут на д. Вязовка и Моздок, что к югу от села Афанасьевка; преследование ведется лишь артиллерийским огнем, т. к. лошади сильно переутомлены и все равно смогут пройти лишь 5–6 верст; высланы лишь разъезды,

чтобы не потерять банду из виду. В этом бою банды потеряли около 100 убитыми; раненых взяли с собой; захвачено винтовок и обрезов до 120, 15 лошадей, 1 седло, остальные лошади с подушками и небольшое количество патронов. Наши потери были 6 убитыми и около 14 раненых, большинство легко. Через два часа был выслан разведывательный эскадрон, который настиг банду под с. Туголуково.

На следующий день группа выступила на с. Туголуково. Этот первый успех дал нам надежду, что еще несколько ударов, и бандам конец, но выходило обратное: чем мы больше захватывали бандитов, тем банды становились все многочисленнее. Все потери бандитами пополнялись присоединявшимися по пути отступления восставшими местными жителями, кои были уверены, а в этом их уверил Антонов, что не мы бьем банду, а она бьет нас и преследует. Действительно, впечатление было таково, т. к. все движение проходило по спирали.

Под с. Туголуково мы банду настигли, но Антонов, не приняв боя, ушел на с. Павлодарово и далее на с. Пановы Кусты, 27 в. южнее ст. Сампур, а затем, перейдя жел. дорогу, вышел на с. Никольское (Хитрово), 16 верст сев.-восточнее ст. Сампур. Мы продолжали движение за бандой, узнавая путь отступления от крестьян, нередко под угрозой расстрела, так как многие крестьяне были на стороне Антонова и старались замести его следы. Банды по пути отступления все время меняли у крестьян лошадей, а нам для замены оставалась калечь. Дойдя до с. Никольское, мы выяснили, что банда повернула на Кирсанов. Группа сворачивает тоже на Кирсанов. Удастся настигнуть банду у с. Ново-Никольское (Курдюки), где мы окружаем банду, но, за малочисленностью частей, окружение не полное, и банда опять уходит, потеряв небольшое число бандитов, отступает на юг и группируется опять в районе с. Туголуково. Пройденный район остается без наблюдения и чистки, а потому местные банды продолжают формироваться. Изъятием их никто не интересуется. Войск для очищения нет, а органы ЧК, милиция угол. розыска не принимают никакого участия.

К началу ноября банды Антонова были сведены в полки, бригады, чаще в группы. К этому времени они приобрели выдержку, относительную стойкость и достаточную силу, пополнившись патронами и вооружением из разграбленных захваченных ими эшелонов. По сформировании бандитских соединений во главе армии стал сам Ал. Антонов в качестве нач-ка штаба ее,

бывший нач-к уездной милиции, ярый проводник эсеровских идей. Энергичный, опытный партизан, сам эсер — по непроверенным сведениям, с 1905 г. В качестве командарма был назначен некто Токмаков, крестьянин Кирсановского уезда, бывший унтер-офицер царской армии, дезертир Гражданской войны. Этот командарм был всецело подчинен Антонову, командуя армией в боях. При Антонове был сформирован штаб довольно примитивного состава, переписка велась на отдельных клочках бумаги различного формата, но все-таки приказы отдавались, хотя и не ежедневно. Были применяемы и дисциплинарные наказания вплоть до телесных, что обнаружилось при опросах пленных и подтвердилось захваченными приказами. К середине ноября Антонов довел свои банды до 6000 уже активных бандитов и ставил себе задачей уже не только захват власти в местном масштабе, но в приказах и воззваниях, хотя и очень редко, были намеки похода на Москву, в особенности после больших удач.

К концу ноября были образованы в каждой волости комитеты Союза Трудового Крестьянства (СТК), каковые через районный и областные комитеты эсеров имели связь с Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров. К этому времени уже имелась в селах местная охрана, так называемая своя ВОХР, контрразведка и милиция, мы же этого здесь не имели. Конечно, у банд Антонова не было ни вооружения, ни техники, каковая имелась у Махно, но все-таки действия Антонова были организованны и удачны. Надо заметить, что банда Антонова с бандами южных губерний ничего общего не имела и связи не поддерживала. Характерно то, что как бы Антонов далеко ни удалялся от начального района своего формирования, через несколько времени, как только обстоятельства позволяли, он опять возвращался в свои излюбленные места, где всегда оставались ячейки для формирования местной власти, агентуры и административных органов. При них были, хотя и небольшого количества, надежные войска, что не давало нам возможности уничтожать эти ячейки и создавать для Антонова невозможность возвращения, систематически очищая уже занятый район.

За это время мы пополнений не получили, и наши части оставались в прежнем составе, за исключением кавалерии, так как, с прибытием эскадрона Тульской губернии. Чрезв. комиссии, дивизион был развернут в полк.

В первых числах ноября после боя у Ново-Покровского завода, через который Антонов проходил уже второй раз, банды, состоявшие из нескольких полков, численностью всего до 2500 бандитов, отошли на север через станцию Никифоровка Рязанско-Уральской жел. дороги и, свернув на восток через Горельский лес, пробирались в Пензенскую губернию. По отрывочным сведениям, кои мы имели, цель Антонова была пополниться, сменить конский состав в нетронутым районе и зондировать почву для восстания в новых местах.

Первая ударная группа, преследуя банды до жел. дороги, решив, что все равно по пути отступления Антонова не догнать, погрузившись в эшелоны, поданные на ст. Никифоровка, была переброшена в район гор. Кирсанова, с целью выйти бандам наперерез. 3-го утром группа сосредоточилась в районе Кирсанова. Командующий группой просил командующего войсками оставить пехоту в Кирсанове, с целью выставить заслон по жел. дороге, где это понадобится, самому же с полком и дивизионом конницы и двумя орудиями (в Кирсанове к группе были присоединены эскадроны 2-го запасного кавалерийского полка) выйти наперерез банде приблизительно в район сел Сергиевская—Гусевка, куда, по смутным сведениям, направлялась банда. Сразу командующий войсками не согласился, но после разрешения было получено. Выступив из Кирсанова вечером 5-го, отряд, пройдя всю ночь, подошел к селу Тютчево, 30 верст сев.-западнее Кирсанова, где выяснилось, что банда 2 часа тому назад прошла через Тютчево на Гавриловку и, по рассказам жителей, идет в Пензенскую губ., дав небольшой отдых отряду и выступив из Тютчева через Гавриловку, Пески, Ольшанку. В последней мы нагнали банду, захватив только задержавшуюся часть обоза.

Банда бросилась на юг через Каменку, Грязнуху на жел. дорогу. Отряд, измученный вконец, продвинулся до с. Каменка, где и заночевал. Банда, видимо, также выбилась из сил и ночевала в Грязнухе. Крестьяне Пензенской губ. встретили банды Антонова весьма недоброжелательно, были даже случаи избиения бандитов, благодаря грабежу, которому бандиты не преминули отдать дань. наших красноармейцев крестьяне просили отомстить и уничтожить бандитов не жалея. Из села Каменка с ночлега было послано на подводах приказание в Кирсанов, чтобы немедленно был выставлен заслон на жел. дороге между станцией Умет и ст. Тамала и чтобы была наготове бронелетучка,

курсирова до Тамалы. План был следующий: гнать банду на заслон, где ее окружить и уничтожить, так как едва ли бы она свернула в Пензенскую губ.

Утром 7 ноября отряд выступил из с. Каменка на юг. В отряде имелись сведения, что бандиты спешно заменяют в районе с. Грязнуха и Глуховка лошадей и грубо обращаются с населением. Полк был направлен по дороге на Алексеевку, дивизион правее на Глуховку через хутор Повалишин. Подойдя к селу Грязнуха, эскадроны полка ворвались в деревню и начали рубить оставшихся с обозом бандитов. Как оказалось, главные силы банд ушли на Скобельцевку; отряд бросился к Скобельцевке и повел наступление на село, банда ждала атаки, но удар был так стремителен, что она, опрокинутая, бросилась к с. Сулак, разбегаясь в разные стороны. Полку было приказано наступать на Сулак, а дивизиону спешно двигаться к жел. дороге и вдоль нее на ст. Умет с целью перехватить движение банды. Дивизион вовремя вышел и ударил банде во фланг. Здесь совместная атака полка и дивизиона решила дело, бандиты были разбиты, большинство их бросилось в разные стороны и скрылось; часть банды в 200 человек во главе с Антоновым прорвалась и ушла через железную дорогу в районе дер. Скачиха. Как оказалось, заслон не был выставлен и бронелетучка была далеко. Если бы не эти обстоятельства, возможно, Антонов бы попался и, повторяю, мы бы не имели 1921 г. В этих боях у сел Скобельцевка и Сулак был захвачен весь бандитский обоз, все пулеметы — 4, запасы оружия, револьверы, седла, лошади и много всякого имущества. Из банды в 2000 человек организованной группой вырвано 200, убитых до 100, остальные рассеялись. Наши потери — 4 убитых и около 20 раненых.

Группа была оставлена в районе ст. Инжавино на отдыхе. Пехота была изъята; были влиты прибывшие из Казани кавалерийский дивизион в 250 сабель, а из Саратова эскадрон в 90 сабель. Таким образом сформирована конная группа в составе бригады в 740 сабель и взвода артиллерии. Как прикрытия к последней была придана полковая школа 21-го запасного полка, посаженная на лошадей. За время нашего отдыха Антонов в своем излюбленном месте в районе с. Никольское присоединил к себе еще неприсоединенные банды, собрал силы, доведя банду опять до 2000 человек, сделал налет на 2-й сводный полк, стоящий гарнизоном в с. Богословское, частью его обезоружил и захватил орудие. Затем произвел нападение на

ст. Сампур, где банда, отбитая гарнизоном и бронелетучкой, отошла через с. Никольское в с. Рождественское (Подоскляй), 20 верст юго-восточнее г. Тамбова. Штаб, а главным образом гражданские власти, учтя угрозу городу, забили тревогу. Конной группе было приказано, ни с чем не считаясь, окружить банду в с. Рождественское и не допустить до Тамбова. Характерно, что приказы не детализировались, а задача определялась двумя словами — «атаковать и уничтожить» или «окружить и ликвидировать». Кроме того, постоянно прибавлялось — ни в коем случае не допустить банду до Тамбова. Да иначе было и нельзя, ибо банды представляли ту текучую массу, которая если и задерживалась в каком-нибудь месте, то на очень короткий срок. Группа выступила и 20 ноября после полудня подошла к д. Ахтырка, что к югу от с. Рождественское. Дабы банды не могли отступить на Тамбов, было решено атаковать их с юга и запада. Вследствие темноты, атаку повели в спешном строю, но два эскадрона, наступавшие с западной стороны опушки леса, были замечены бандитским охранением, открывшим по ним стрельбу. Эскадроны также открыли стрельбу, и в селе началась паника. Видимо, бандиты ночевали не совсем по-мирному, так как не успел 1-й полк дойти до села, как бандиты в панике бросились на восток. Еще было спешено 2 эскадрона и началось вылавливание бандитов, кои при обысках были обнаружены на чердаках, в подворных сараях, а некоторых находили в картофельных ямах и даже в колодцах. Как оказалось, сам Антонов с одним полком и оружием ночевал у Зверьева, но никто этого не показал. Банда, выбитая из села Рождественское, собралась опять в с. Никольское и через хутора Солдатские, Траковские Дворики вышла на село Лукино. После этого налета Антонов, учитывая, что ему рано или поздно не уйти от преследования, решил на время распылиться. Это ему и удалось, но не сразу, так как группа, желая скорее покончить с бандой, продолжала преследование до половины декабря, когда Антонову удалось вполне распылиться чуть ли не в одиночку. К маю месяцу банды Антонова разбухают до 21 тысячи и делятся на две армии: одна под командой Токмакова, другая под командой Павлова.

Первый период борьбы с антоновщиной, проведенный неправильным методом, не дал тех положительных результатов, кои дали последующие. Это были первые наши шаги, когда мы учились борьбе с бандитизмом.

Выводы.

1. Стратегическое или тактическое окружение войсками должно быть полное, с достаточными силами, ибо с малым количеством войск, когда за малочисленностью невозможно в каждой точке окружения иметь достаточное число штыков-сабель, даже и успешно проведенная операция не даст окончательного решающего результата.

2. При недостаточных силах борьба переходит в длительное уничтожение войск по частям. Что же касается уничтожения бандитизма в целом или ликвидации восстания, то здесь надо привлечь весь административный аппарат для той работы, которая непосильна войскам, а именно: выслеживание шаек и их главарей, открытие тайных баз пополнения и снабжения, вылавливание бандитов поодиночке. После разгрома банды все это могут проделывать органы ОО и ЧК; войсковые части будут играть здесь роль технических исполнителей.

3. Для управления необходим аппарат с обширными полномочиями, в каковой входят не только войсковой начальник, но и те власть имущие, кои будут необходимы для принятия решений.

4. Отсутствие политической работы среди населения, которым полностью воспользовались эсеры, недостаточная политическая работа среди красноармейских частей — показали нам, что достигнуть перелома в настроении крестьян возможно, только бросив большее количество партийных сил, поддержав их достаточным количеством войск, т. е. оккупировать район не только с военной, но и с политической стороны.

Сборник трудов отделения Военно-научного общества при Военно-академических курсах высшего комсостава РККА. 1921–1922. Том II. М., 1922. С. 93–104.

Б. Леонидов

Эсербандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним

Происхождение бандитизма

Вопрос о бандитизме, в его теоретической части, в достаточной степени уже дебатировался в нашей печати, корни его выяснены, и ни в ком уже не может вызывать сомнений, что эта болячка на теле Советской Республики является одним из средств борьбы в руках наших классовых противников. Поэтому, не вдаваясь в анализ причин, вызвавших это явление вообще, мы подойдем к вопросу более узко, рассматривая происхождение бандитизма с точки зрения практической, т. е. как это явление возникло организационно, и то в пределах лишь Тамбовской губернии.

Эсербандитизм в Тамбовской губернии мог расцвести таким пышным цветком только в силу того положения, в котором находилась Советская Республика в течение 1918, 1919 и 1920 гг.

Бесперывная борьба на многочисленных фронтах поглощала все внимание, требовала колоссального напряжения сил и невероятных расходов. Экономическое положение было тяжелое. Советская Республика была охвачена кольцом блокады извне, а внутри была отрезана от хлебородных местностей. Дон, Кубань, Кавказ, Крым, Украина, Сибирь за это время были меньше всего в наших руках. Единственной житницей Советской Республики в 1919 г. оставалось Поволжье и некоторые производящие губернии центральной и южной России.

Недород требовал немедленной доставки хлеба в голодающие места, вместе с тем транспортная разруха, при интенсивности воинских перевозок, не позволяла нормальной и равномерной доставки продовольствия со всей небольшой советской житницы. Приходилось в силу необходимости брать там, где

ближе, не считаясь ни с какими нормами, не соглашаясь с потребностями производителей-крестьян и с их психикой мелкого собственника. Хотя и сознавалась ненормальность установившихся взаимоотношений, тем не менее обстоятельства не позволяли делать соответствующих выводов. Обстоятельства же требовали и вынуждали взваливать на крестьянство повинность за повинностью: воинскую, конскую, трудовую, гужевую и, самое главное, — продовольственную. Взамен всего этого, при совершенно разрушенной промышленности, крестьянству почти ничего не могли дать.

Город был занят вопросами борьбы на фронтах, и деревня была почти забыта. О ней вспоминали тогда, когда надо было произвести усиленную выкачку продовольствия. В деревню чаще всего и больше всего посылались продработники и продотряды, чем политработники. Деревня, можно сказать, была представлена самой себе. Но в том-то и дело, что не самой себе.

Эсеры ходом событий были вышиблены с политической арены, перешли в подполье, а самое главное — потеряли всякое влияние не только и местностях, где преобладало рабочее население, но и в крестьянской среде. Поскольку эсеры претендовали все же на звание «социалистов», на звание «партии по преимуществу крестьянской», они, естественно, не могли удовлетворяться положением «идейного базиса» для Колчака, Деникина, Врангеля и искали себе опоры «масс». Такую опору они могли себе найти в крестьянстве, главным образом в его зажиточной — кулацкой части, поскольку последние имели основания быть недовольными Советской властью. Учитывая очерченное выше положение Советской Республики, эсеры, с их точки зрения, правильно рассчитывали, что именно в деревне они найдут для себя надлежащую почву. Но вместе с тем эсеры учитывали и то, что под своей фирмой, даже в деревне, им не найти опоры. Что это так, можно убедиться из некоторых эсеровских документов.

Весной 1920 г. ЦК эсеров разослал своим организациям циркулярное письмо, которым предлагалось провести две кампании, должностующие возбудить крестьянское движение против Советской власти: 1) по организации приговорного движения и 2) по созданию крестьянских союзов. Организация приговорного движения, по мысли ЦК эсеров, должна была принять «характер массовой заразы, передаваясь из села в село, из округа в округ». «Приговорная кампания должна создать в

деревне атмосферу общего политического подъема и оживления. Она должна создать первоначальную арену для развертывания сил отдельных передовых крестьян, способных выработаться в самостоятельных вожаков — работников крестьянского дела».

Наряду с этим приговорным движением, должна идти организация крестьянских союзов. По мысли ЦК эсеров, крестьянский союз «должен быть беспартийным, чтобы снова сблизить между собою элементы, распавшиеся после ликвидации Всероссийского Совета крестьянских депутатов и либо разошедшиеся по разным партийным группировкам (партийные эсеры, левые эсеры, народники-коммунисты, борьбисты и т.д.), либо отошедшие от всяких партий или даже ушедшие от политики в “толстовство”, сектантство, анархизм и т.д.».

Но все это только фразы. ЦК эсеров не имел в виду сближение народнических элементов, а просто не верил, что под своей фирмой ему удастся организовать это движение, так как мы знаем, что как только движение в Тамбовской губернии привело к известным результатам, эсеры не замедлили на «беспартийном союзе трудового крестьянства» поставить лозунг: «в борьбе обрешь ты право свое», в то время, когда вначале этот лозунг нигде не ставился на листовках и прочей подпольной литературе, выходившей от имени Союза Трудового Крестьянства.

Организовав крестьянские союзы, эсеры, конечно, имели в виду руководить его работой, а для этого «наряду с строительством Всероссийского Союза трудового крестьянства, не смешиваясь с ним, должно стоять строительство чисто партийной деревенской организации».

Структура всей этой организации должна была быть такова: «беспартийный союз трудового крестьянства должен объединить все активные силы деревни в предстоящей политической борьбе», а «организация чисто партийных ячеек должна явиться передаточным механизмом для проведения в эту среду идеи и лозунгов партии».

Таковы были задачи эсеров по замыслу их ЦК. Но для проведения их в жизнь, помимо расчета на недовольство крестьян советской политикой вообще, нужны еще были, так сказать, местные условия, которые благоприятствовали бы началу этой организации. Это требование и привело эсеров в Тамбовскую губ. Как это видно будет из дальнейшего изложения, в Тамбов-

ской губ. еще в 1918 г. было положено начало бандитской организации Антонова, состоявшего в некотором родстве с эсерами; у Антонова были уже организованы определенные гнезда в кулацкой среде, было припрятано оружие. У эсеров также были здесь не совсем разрушенные организации, давнишние связи.

Кроме этого, в Тамбовской губ. была более благоприятная почва, чем в других местах. Как губерния, более близко расположенная к голодающему центру, она, естественно, стала местом усиленной выкачки продовольствия, причем эта выкачка производилась далеко не так, как этого требовали декреты по сему поводу; часто продотрядами совершались действия, дискредитировавшие Советскую власть. Местная власть была, очевидно, не на высоте и не пользовалась нужным авторитетом; партийная работа в деревне велась слабо или, вернее, почти совсем не велась.

Все это эсеры знали через Антонова и туда направили свои стопы. С Антоновым был заключен тесный союз — банда Антонова получила известного руководителя в лице ЦК эсеров. От этого союза выиграли оба: Антонов усилился идейно, эсеры приобрели «атамана», готового на все, имеющего уже «боевое ядро» и знающего хорошо деревню Тамбовской губ.

Организация эсербандитов

Политическая организация. Согласно директивы ЦК эсеров был организован Союз Трудового Крестьянства. Основной и конечной целью СТК ставит свержение власти коммунистов-большевиков, для чего организует добровольческие партизанские отряды, преследующие нижеследующие задачи:

- 1) Политическое равенство всех граждан, за исключением дома Романовых;
- 2) установление прочного мира с иностранными державами;
- 3) созыв Учредительного собрания по принципу четыреххвостки;
- 4) установление выборной власти до созыва Учредительного собрания на местах и в центре, причем власть избирают партии, участвующие в борьбе с коммунистами;
- 5) свобода слова, союзов и собраний;
- 6) удовлетворение всех граждан продовольствием и прочими предметами первой необходимости через кооперативы;
- 7) свобода всех классов;
- 8) регулирование цен на труд и продукты;
- 9) частичная денационализация фабрик и заводов;
- 10) рабочий контроль и государственный надзор за производством;
- 11) допущение русского и

иностранный капитал для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны; 12) немедленное восстановление сношений с иностранными державами; 13) свободное самоопределение народностей; 14) открытие широкого государственного кредита личности (?); 15) свободное производство кустарной промышленности; 16) свободное преподавание и всеобщее обучение; 17) нероспуск добровольческих партизанских отрядов до созыва учредилки.

СТК организован следующим образом:

Во главе стоит губернский союз трудового крестьянства, получающий директивы от ЦК С.-Р., затем идут уездные, районные, волостные и сельские комитеты. Районные, волостные и сельские комитеты организованы следующим образом: районный комитет состоит из 5 членов: председателя и 4 заведующих отделами: общим, политическим, военным и хозяйственным. Волостные комитеты состоят также из 5 членов, им предоставляется право кооптации с уведомлением укома. Секретари приглашаются, члены избираются общим собранием союза. Сельские комитеты состоят из 3 членов. При комитетах организуется охрана, называемая «ВОХРА», при районных — из 10, при волостных — из 5 человек и сельских — из 2 чел.

Обязанности комитетов заключаются в следующем: 1) Держать тесную связь между комитетами, имея живое общение не менее одного раза в день; 2) наблюдать за красными войсками и шпионажем (примечание: задержанных шпионов направлять в суд при укове); 3) мелкие красные отряды по силе пресекать в корне; 4) самовольно отлучившихся партизан задерживать и отправлять в ближайшие отряды, сопротивляющихся — обезоруживать и сообщать в отряд, из которого отлучился; 5) строго следить за грабежами, убийствами и пожарами; замеченных в этом задерживать и препровождать в суд, как бандитов; 6) члены комитета должны быть вооружены по мере возможности; 7) следить за варкой самогонки и виновных предавать суду; 8) охрана народного имущества; 9) ставить в известность красноармейцев, прибывших в отпуск, чтобы они не возвращались в свои части, согласно приказа главного оперштаба; 10) оказывать продовольственную и иную помощь нуждающимся партизанам и их семьям; 11) представлять еженедельно отчеты о своей деятельности в высшие инстанции; 12) все распоряжения губ. и укома исполнять точно и аккуратно; 13) не выпускать из восставших районов хлеб, продовольствие и лошадей.

Военная организация. В то время как политическая организация идет сверху вниз, военная — наоборот — идет снизу вверх.

Организация банд начинается с ячеек. Заняв какую-либо местность, начинается сейчас же организация местного населения в боевые отряды. В первую очередь идет добровольческая запись, затем прибегают к принудительному набору, причем мобилизованные преимущественно назначаются для несения нестроевой службы. Затем идут выборы в комитет СТК. Организованные отряды нескольких смежных сел образуют полк и получают соответствующую нумерацию и название. Название дается обыкновенно по селу, давшему большее число добровольцев. Таким образом, по имеющимся сведениям, было организовано 14 местных полков (неподвижных, иногда они лишь передвигаются из района своего расположения) и 5 особых кавполков, являющихся активными и главной действующей силой. Каждый полк насчитывает от 400 до 1000 и более человек.

Пополнение. Убыль в «главном ядре» пополняется добровольцами из остальных полков и путем вливания вновь сформированных отрядов в особые полки. «Главным ядром» считаются особые кавполки, численность которых колеблется от 1500 до 5000, причем они всегда находятся при главном оперативном штабе и являются ударными частями и как бы личным конвоем оперштаба Антонова.

Управление. Вначале банды действовали разрозненно, каждая на свой страх и риск, лишь изредка объединяясь прибытием Антонова в данное место; с «главным ядром», для совместных действий, единого управления не было.

В начале ноября 1920 г. Антонов делает попытку создать более стройную организацию и объединить управление. Антонов поставил себе целью соединить все отряды в единую партизанскую армию и для этого созвал съезд комсостава, на котором переизбран был главный оперативный штаб, в который вошли Антонов, Богуславский, Гусаров, Токмаков и Митрофанович. Все старые эсеры. Командование армией поручено Токмакову, а Антонов избран начальником штаба.

Провести в жизнь эти мероприятия удалось лишь в декабре 1920 г., причем созданы были уже две армии с армейскими штабами и, кроме того, главный оперативный штаб. Протокольным постановлением объединенного заседания штабов от 15 января 1921 г. было постановлено: признать штабы: 1-й армии — главным штабом 1-й армии, а главоперштаб Антонова — штабом

2-й армии. Таким образом, 1-й армией командовал Токмаков, 2-й армией — Павлов и начштаба Антонов. Фактически же вся военная власть принадлежала Антонову.

В состав 1-й армии вошли 9 полков, а в состав 2-й армии вошли 4 полка и, кроме того, 5 особых полков не входили в состав армии, а состояли непосредственно в подчинении глав-оперштаба или Антонова.

Первая армия была разделена на 5 бригад. Полки делились на эскадроны, взводы, отделения, некоторые полки еще на дивизионы.

Вооружение. На вооружении главным образом состояли: пулеметы, винтовки, шашки. Артиллерия вначале состояла из трех орудий, затем они были отобраны красными частями. Банде все же удалось еще раз обзавестись двумя орудиями, захватив их у нас, но в конце орудия были опять у них отобраны.

Связь. Связь между частями поддерживалась преимущественно конная. Маловажные донесения посылались на обывательских подводах от комитета к комитету; более срочные и важные донесения посылались с вполне надежным нарочным. Существовала еще телефонная связь, но только в штабах. Относительно связи с другими бандами, например с Заволжской бандой Вакулина и Попова, точных данных не имеется, но, вероятно, поддерживалась живая связь.

Разведка. Агентурная разведка была поставлена очень широко. Судя по приказам и действиям, можно заключить, что Антонову было хорошо известны точное расположение красных частей, их состав, состояние, вооружение и даже задачи, которые им ставятся. В целях шпионажа банды использовали все, что можно: стариков, женщин, подростков. Они посылались под видом торговцев в районы расположения красных или якобы за хлебом и возвращались так же обратно. Агенты Антонова проникают в красные части, штабы и советские учреждения. Войсковая разведка организуется следующим образом: от полка в 400 ч. выделяется 8, в 600 — 10 ч., в 1000 — 20 ч.; выделенные люди сводятся в команду разведчиков.

Охранение. На месте охранение несет местная ВОХРА, на походе выделяются боковые отряды, передовые и арьергарды. Во время преследования банд такие отряды высылались за 10–15 верст.

Пополнение конским составом и снабжение продовольствием и фуражом. Из сказанного уже видно, как шло пополнение

людьми главного ядра. Пополнение конским составом шло за счет местного населения, сочувственно относящегося к Антонову; там же, где добровольно лошадей не дают, — их забирают силой. То же самое и в отношении продовольствия и фуража.

Снабжение огнеприпасами. В отношении снабжения огнеприпасами дело обстояло несколько иначе.

Первый источник это был тот, что при поступлении добровольцев некоторые приносили с собой оружие; второй — это налет крупных банд на наши малочисленные части и их обезоружение, а также налет на эшелоны и склады. Часть оружия была припрятана Антоновым в бытность его начальником милиции, часть подобрана и спрятана во время отступления Мамонтова, в том числе 3 орудия, которые были зарыты в земле. Но нельзя сказать, что этим исчерпывались все источники, снабжающие банды оружием и огнеприпасами, так как банды много его теряли и расходовали не особенно экономно. Очевидно, у них имелся источник, который остается пока невыясненным.

Дисциплина и политработа в частях. Дисциплина в армии Антонова поддерживалась довольно суровыми способами, об этом мы узнаем из некоторых приказов бандитских частей. Так, например, приказ Алабушинского партизанского отряда № 12 § 6 гласит: «Партизан Глиников за халатное отношение по службе, выразившееся в плохом уходе за лошадьми, побои спины седлом, о чем не докладывал по начальству, наказан 15 розгами плетью, и командир взвода Пивоваров, за незнание обязанностей службы, подвергнут наказанию 15 розгами плетью». Дальше в том же приказе говорится, что «ни один малейший проступок не должен остаться безнаказанным». Согласно протокольного постановления суда 12-го Токийского и 13-го Охотницкого полков, за самовольные обыски, партизаны Коровин и Мосчин расстреляны, а Клочкив наказан 50 розгами плетью.

Однако, несмотря на такую суровую дисциплину, с применением телесного наказания, в армии Антонова дисциплины прочной не было: мародерство, дезертирство широко процветало, и об этом можно судить по целому ряду приказов, в коих комсоставу вменяется поднять боеспособность и дисциплину. Так, в приказе по 1-й партизанской армии Тамбовского края от 21 февраля 1921 г., № 21 § 5 говорится: «Среди партизанских отрядов начинает слабеть боевой дух — постыдная трусость. Нет в рядах партизан того храброго духа, который в первое время окрылял партизанские сердца, вел их вперед и уничто-

жал на пути все препятствия, нет тех храбрецов-революционеров, которые в августе и сентябре...» и т.д. «Эти люди почему-то ушли из партизанской армии и в большинстве находятся в разных тыловых учреждениях. Оставшиеся храбрецы потерялись среди массы шкурников. Для того, чтобы поднять боеспособность полков, приказываю командирам всех частей совместно с политработниками немедленно приступить к созданию боевых полковых групп. В эти группы должны выделиться путем добровольческих записей подлинные храбрецы-герои, которые не знали бы панического отступления, а знали одно слово “вперед”».

Для политической работы в частях (в полках, иногда эскадронах) имелись политруки. Обязанности их весьма несложны: они сводятся к наблюдению за точным исполнением приказов, так как вся политпропаганда сводится к тому, что «партизан должен исполнять точно все приказы». Это требование, как уже было сказано, поддерживается плеткой. На стоянках собираются митинги, на которых обязаны присутствовать все партизаны, неявившиеся строго наказываются розгами. Наблюдение за этим возложено на политруков.

Задачи бандитов

Несмотря на то что бандиты в своей программе ставят себе довольно широкую задачу: свержение власти коммунистов-большевиков в общероссийском масштабе, они тем не менее довольно реально учитывают соотношение сил.

Считаясь с районом восстания и с наличием своих сил, они в этих рамках и ставят себе задачу, каковая выражается, судя по имеющимся их инструкциям и наставлениям для борьбы с красными частями, в следующем:

1. Порча железнодорожного пути. (Для этой цели иногда выгонялось поголовно все население села данного участка железной дороги, причем проводилось это в порядке приказов от имени местного комитета СТК, получившего, в свою очередь, приказание от главоперштаба через уком.)

2. Уничтожение складов, кооперативов, маршрутных поездов, совхозов, учреждений Советской власти, партийных учреждений, убийства отдельных представителей РКП и советской власти, недопущение выполнения протраверстки и прочих повинностей, возлагаемых Советской властью. Нападение на небольшие отряды Красной Армии с целью их обезоруживания.

Кроме перечисленного, они ставили себе еще задачей получение по подложным документам из советских складов и учреждений огнестрельного оружия, предметов первой необходимости и широкого потребления.

Тактика бандитов

Исходя из указанных выше задач, бандиты соответственно этому и строят свою тактику. По существующей на этот счет у них инструкции бандитским частям предлагалось главперштабом действовать следующим образом: 1) как правило — никогда не принимать боя с красными частями; 2) бой принимать лишь в том случае, если есть абсолютная уверенность и данные в численном превосходстве над красной частью, с которой предстоит бой; 3) в случае создавшейся обстановки, вынуждающей принять бой в невыгодных для себя условиях, — стремиться во что бы то ни стало рассеяться в разные стороны и тем самым не дать красным возможности нанести удар с целью уничтожения живой силы, с одной стороны, и с другой — с целью распыления сил красных преследующих частей; перед боем следует заранее определить и назначить место сбора (сосредоточения); 4) партизанским отрядам вменяется в обязанность производить налеты на малочисленные гарнизоны и отряды Красной Армии с целью их обезоружения.

Впоследствии, когда нами стали применяться автоброневики, бандитам было преподано дополнительно: на всем пути своего следования, равно как и близлежащей окрестности, уничтожать все мосты и, по возможности, все переправы; в местах своих стоянок и расположения на ночлег баррикадировать все входы и улицы данного села, для чего использовать всевозможный подручный материал — бревна, сараи, амбары, телеги, а если время позволяет, то вырывать широкие и глубокие каналы.

Главарь восстания — Антонов

Для того чтобы дать более полную картину повстанческого движения в Тамбовской губернии, приводим краткую биографию руководителя и вдохновителя его — Антонова.

Александр Степанович Антонов происходит из мещан гор. Кирсанова, учился в реальном училище, но за плохое поведение, хулиганские проделки был исключен из 5-го класса. С этого

времени, собственно, начинается довольно богатое прошлое Антонова. По исключению из училища Антонов уехал из Кирсанова, примкнул к шайке уголовных преступников и, совместно с ними, занялся грабежами, сопровождавшимися нередко убийствами. Большой частью он убивал чинов полиции и грабил винные лавки. Это было как раз в пору, когда «экспроприаторство» было весьма модным течением, прикрывавшимся именем анархизма и максимализма. Это обстоятельство помогло Антонову прослыть «террористом» и завязать сношения с партией с.-р.

В 1906 г. Антонов вступил официально в партию с.-р. Впоследствии (когда — неизвестно) Антонов, за разного рода преступления уголовного характера, был сослан в Сибирь и исчез с тамбовского горизонта. Появляется он вновь в этих краях уже в 1917 году, в период Февральской революции. Вскоре после своего появления Антонов занял должность начальника Кирсановской уездной милиции, в которой состоял до начала Октябрьского переворота.

Всюду Антонов ставил своих людей. Главными его сподвижниками были известные в Тамбовской губернии с.-р. Баженов, Михневич и два малоизвестных — Заев и Лощина.

Когда Советская власть стала укрепляться, часть сподвижников Антонова, в том числе Заев и Лощина, в апреле 1918 г. были расстреляны за контрреволюционную агитацию. Антонов, чувствуя, что «рыльце его в пуху», предпочел скрыться.

С этого времени Антонов повел подпольную работу. Но, будучи еще начальником милиции, он уже, очевидно, к чему-то готовился; он обезоруживал проходившие через Кирсанов части чехословаков и отобранное оружие отправлял в с. Рамза, Чернавка и оз. Ильмень Кирсановского уезда, где его друзья прятали все это глубоко в землю. Это вот припрятанное оружие и составило главным образом первые запасы для вооружения бандитов.

Ведя подпольную работу, Антонов, как местный житель, знал, где искать себе опору и сочувствие населения. Главным его местом пребывания были села с богатым зажиточным крестьянством, а именно: Рамза, Паревка, Калугино, Трескино и др. Постепенно им была создана «боевая дружина», насчитывавшая в конце 1918 г. около 160 бандитов. Банда первое время делала иногда налеты на советские учреждения в Кирсановском уезде, больше же всего нападала на отдельных советских и партийных работников. Антонов пользуется огромной попу-

лярностью, и значительная часть кулаков шла за ним действительно не за страх, а за совесть.

Антонов дорожит своим именем и не может мириться с кличкой «бандит». Об этом можно судить по его письму, присланному им на имя начальника Кирсановской милиции, в котором он пишет, что он не бандит, как его называют, и в доказательство указывает на факт уничтожения им в Кирсановском уезде шайки уголовников, во главе с их атаманом — Бербешкиным.

Письмо свое он заканчивает: «Желание коммунистов — очернить нас перед лицом трудящихся — плохо удастся, надеюсь, что на этом поприще они и впредь будут иметь подобный же успех. Порукой этому — тяготение к нам трудящихся масс сознательной России. О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета РКП. По доверенности дружины, начальник б. д. (боевой дружины) Антонов».

Письмо это им написано, судя по почтовому штемпелю, 18/II-1920 г.

Антонов обладает большими организаторскими способностями, но в военном отношении талантом не блещет. В обращении со своими подчиненными — жесток и груб; при неисполнении его приказаний сам иногда расстреливает.

Таков главарь тамбовских эсербандитов.

Деятельность Антонова и борьба с ним

Первую попытку поднять восстание Антонов сделал в конце 1918 г., выступив с бандой в 150 чел. Но эта попытка не увенчалась успехом и была подавлена силами местных коммунистических ячеек. Значительная часть его банды была уничтожена, но сам Антонов с некоторыми более видными своими сподвижниками скрылся. Из первого своего поражения Антонов сделал правильные выводы: он понял, что без широкой поддержки местного населения с бандой в 150 чел. ему не только не свергнуть Советской власти, но нечего рассчитывать на более или менее длительный успех.

И Антонов принялся за подпольную организационную работу с удвоенной энергией; на помощь Антонову в это время пришел ЦК эсеров. Как было указано, вначале эсеры задумали организацию союза трудового крестьянства и «приговорное движение». С этих пор работа пошла значительно успешнее, и подготовительный период ее длился до его вторичного выступле-

ния — до августа 1920 г. Местные же власти почтили на лаврах. Они по-прежнему продолжали свою работу, мало думая о деревне, о крестьянстве.

Наконец, в августе 1920 г. происходит выступление Антонова, носящее очевидный массовый характер, начавшееся в самых зажиточных, кулацких волостях: Рамза, Инжавино, Коптево, Хитрово, Богословка, Каменка и Туголуково. Восстанием руководит разбитый в 1918 г. Антонов, имея организованную банду в 500 человек. За кулаками пошла значительная часть «средняков» и даже бедного крестьянства, отчасти сбита с толку агитацией эсеров, а отчасти терроризованная бандой Антонова и под давлением кулаков.

Местная власть плохо информирует центр о действительном положении вещей и характере банд Антонова (а может, и сама не понимает), принимается за их ликвидацию, так сказать, домашними средствами. Губвоенком т. Шикунев, с батальоном войск ВОХР и малочисленным отрядиком коммунистов, наскоро сформированных, выезжает в район восстания для его ликвидации. Плохо организованная служба связи, разведки, охранения приводит к тому, что Антонов внезапным налетом разбивает отряд по частям, забирает пленных, материальную часть, в том числе одно орудие. Антонов все отлично использует. Захваченное орудие используется им двояко: как орудие боя и как орудие пропаганды. На митингах Антонов речи произносит на захваченном орудии, доказывая крестьянам, что Советскую власть легко свергнуть, что Красная Армия не представляет большой силы, так как большинство сдается без боя, а орудие, мол, взято голыми руками. Причина же сдачи без боя крылась в том, что батальон состоял в большинстве из местных уроженцев — крестьян. Это учел и использовал Антонов, но не учли местные власти.

Неподавленное, таким образом, в начале восстание, неверно начатая борьба, поражение нашего отряда вдохновляют бандитов, вселяют уверенность в кулацкое население, вначале робко поддерживавшее Антонова, приводят к разрастанию восстания, охватывающего все больший район. Антонов уже открыто организует комитеты СТК, вербует партизан, а кое-где и производит мобилизацию. С нашей стороны борьба продолжается тем же кустарным способом, силы вводятся «пакетиками».

В то же время Антонов, как мы уже знаем, в ноябре серьезно пытается перейти от импровизации к стройной организа-

ции, объединяет все банды в две армии, создает главперштаб и, пользуясь широким сочувствием населения, создает отличную разведку, охранение и связь. Антонов действует по определенному, разработанному детально плану, методично и систематично выполняя его.

Получается абсурд, несуразность, в которые прямо трудно поверить. Банды как бы представляют стройно организованное целое, а действия регулярных красных частей как бы носят характер партизанщины. Т. Шикунова сменяет Редзько, затем еще кто-то, но сущность от этого нисколько не меняется. Разница только в том, что эти новые командующие более удачно иногда бьют Антонова, но бьют не разбивая, не уничтожая.

Штаб войск Тамбовской губернии

Наконец центр в декабре назначает командующим войсками Тамбовской губернии т. Павлова, подчиняя его Орловскому военному округу, но фактически т. Павлов сносился и непосредственно с центром. Т. Павлов как бы принимается более серьезно и вдумчиво за борьбу с антоновщиной. Образован штаб войск, начальником штаба — генштаба Невежин. Первый способ борьбы, примененный т. Павловым, потерпел крах, и он от него скоро отказался. Способ этот заключался в том, что т. Павлов решил «пройти от края до края», сплошным фронтом, и вымести, что называется под метелку, всю бандитскую нечисть. Но нечисть оказалась довольно хитрой и не выметалась. Происходило же это вполне естественно и просто: бандитами являлись местные крестьяне и, при прохождении по данному месту красных частей, бандитов не оказывалось, а были «мирные жители»; как только же часть проходила, «мирные жители» становились бандитами и, конечно, оказывались в тылу прошедших красных частей.

Отказавшись от борьбы сплошным фронтом, т. Павлов переходит к другому способу борьбы и почти уже подходит к правильному решению. Разбив на боевые участки район воспитания, заняв определенные пункты гарнизоны, он почти подошел к понятию оккупации. Войска тамбовского происхождения он заменил пришлыми, борьбу же с главным ядром Антонова он решил вести системой окружения.

В январе в распоряжении т. Павлова было: 9659 штыков, 1943 сабли, 136 пулеметов и 18 орудий. Видя недостаточность

этих сил для оккупации, т. Павлов требует подкрепления, но центр присылает их вяло, опять-таки «пакетиками», и, наконец, 1 марта силы тамб. командования были доведены до: 32 500 штыков, 7918 сабель, 463 пулемета и 63 орудия. К 1 мая эти силы еще увеличились прибывшими для отбытия лагерного учения комкурсами, примерно около 5000 штыков и 2000 сабель.

Система окружения также оказалась несостоятельной по той же причине, что и борьба сплошным фронтом, так как, когда окружение банд бывало уже как будто завершенным, удар приходился впустую.

Наконец, т. Павлов приходит к мысли вести борьбу с главным ядром Антонова путем кавбригады, которая бы неотступно его преследовала. Но, естественно, что одной бригаде и далее нескольким, при том способе преследования, который был применен, это было совершенно не по силам, и предприятие это было в самом начале обречено на неудачу.

Ядро Антонова преследовалось в «хвосте». Антонов, двигаясь впереди, имел то преимущество, что все время менял лошадей и, конечно, обладал несравненно большей быстротой движения, с одной стороны, и, с другой — имел возможность избирать маршрут своего следования по своему усмотрению. В то же время наша кавбригада двигалась бессменно на своих конях, и, разумеется, через 3–4 дня кони приставали и дальше отказывались двигаться (бриг. Дмитриенко и 14-я кавбригада).

Из всех боевых операций, которые велись против Антонова по 1 мая, мы несколько остановимся на одном эпизоде, весьма ярко характеризующем постановку дела как в смысле разведки, охранения, так и в смысле распределения резервов по боевым участкам:

«11.IV банда, в количестве 5000 сабель под командой Антонова произвела налет на Рассказово, но подошедшими нашими резервами была выбита и отступила в южном и восточном направлениях. Наши потери: 11 пулеметов, 150 000 патронов, 643 винтовки, 150 шашек, 15 револьверов, 59 лошадей, 369 снарядов, 19 телефон. аппаратов, 337 красноармейцев и 1 батальон взят в плен полностью».

Так говорит официальный язык отчета начштаба. Здесь все поражает от начала до конца, не входя даже в рассмотрение самого налета. Как могла банда в 5000 ч. внезапно совершить налет, если бы разведка и охранение были поставлены не только отлично, но более или менее сносно?

Но в этом налете сказывалось и другое. Мне точно известно, что во время налета в каменном 2-этажном здании штаба заперлось человек 20 штабных работников и оборонялось несколько часов от всей банды, которая не могла их оттуда выбить. Это говорит о небоеспособности банды, а также и о том, что если бы гарнизон Рассказова (около 1200 человек) оказал бы организованное сопротивление, — а это возможно было при правильной разведке и охране, — то вряд ли банда могла бы что-либо сделать.

Причины неудачи борьбы

Вся борьба, которая велась против Антонова до 1 мая, сводилась к уничтожению главного ядра Антонова и других подвижных, более или менее постоянных группировок бандитов. Положительных результатов эта борьба не дала по следующим причинам: 1) плохая организация управления; 2) плохая организация связи; 3) печальное состояние разведки (по свидетельству начштаба Невежина были случаи, когда банда находилась в 10 верстах от штаба боевого участка и последний узнавал об этом от штаба войск Тамбовской губернии); 4) почти полное отсутствие агентурной разведки и несогласованность ее действий с действиями войсковой разведки; 5) из рук вон плохо была поставлена служба охранения.

Но самая главная причина крылась, конечно, не в этом, а в отсутствии определенного метода и системы борьбы. Это отсутствие метода и системы видно из того, что тамбовским командованием ничего не было предпринято для того, чтобы банды были поставлены в такие условия, при которых они не смогли бы: 1) отдыхать, 2) снабжаться, 3) пополняться, 4) быть совершенно вытесненными и отрезанными от своей базы, от среды не только активно их поддерживавшей, но и благоприятной им.

Все это мыслимо было лишь только при правильной оккупации района, охваченного восстанием, чего сделано не было; мелкие операции, к которым, в сущности, сводились все действия тамбовских войск, нисколько не вели к искоренению бандитизма, а, напротив, разжигали пыл бандитов. Потери, наносимые бандитам, были сравнительно невелики и с лихвой компенсировались Антоновым во время его налетов; в отношении живой силы потери для банд были также малочувствительны, так как они всегда имели возможность пополняться

если не добровольцами, то путем мобилизации, которую Антонов последнее время стал широко применять.

Крестьянство, поддерживающее бандитов, благодаря безуспешности борьбы наших войск с Антоновым, не было проникнуто уважением к силе Красной Армии, наоборот, было уверено, что борьба с Красной Армией вполне возможна и даже успешна.

Таким образом, бандитизм морально креп и усиливался, в то же время наши части морально слабели, все больше разучаясь в возможности уничтожения антоновщины. Даже комсостав не верил в такую возможность и все свои действия сводил к тому, чтобы, как там было принято выражаться, «пощипать бандитов», а об уничтожении даже и не думал.

Новый метод борьбы с бандитизмом

С назначением с 1 мая командующим войсками Тамбовской губернии т. Тухачевского борьба с бандитизмом принимает другое направление, ведется по тщательно разработанному и продуманному плану, и результаты сказались быстро. При указанном выше положении вещей вновь назначенному командованию не приходилось думать о продолжении борьбы, а надо было, считаясь с действительной обстановкой, все начинать сызнова.

Раньше всего новое командование столкнулось с фактом полной дезорганизации в управлении. Необходимо было перестраивать наличные силы на «регулярных началах». Дело в том, что раньше хотя и был создан штаб войск, но на него смотрели, как на учреждение слишком временного характера и его организация оставляла желать много лучшего. Этот же взгляд привел к тому, что все части, прибывавшие «пакетиками» на подкрепление, оставались подчиненными непосредственно штабу войск, независимо от того, была ли эта часть рота, батальон или бригада. Насколько это было удобно для управления, — говорить не приходится.

Штаб был реорганизован по типу полевого штаба армии; была произведена значительная перемена в личном составе как штабов, так и войсковых частей. План действий, разработанный новым командованием, сводился к следующему.

Все районы, служившие главным образом базами для комплектования банд, должны были быть оккупированы и со-

ветизированы, т.е. все бандитские элементы должны были быть изъяты и Советская власть прочно восстановлена. Учитывая слабую боевую устойчивость бандитов, намечалось оставить для маневренных действий только три кавбригады, а все остальные силы должны были составить гарнизоны оккупированных районов.

Главные надежды возлагались на подготовку и производство оккупации и работы по советизации и изъятию бандитских элементов. Имелось в виду путем систематической и хорошо поставленной политпросветработы и другими мерами достигнуть расслоения деревни и создать благоприятную Советской власти среду, втянув доброжелательно настроенную к Советской власти часть крестьян в непосредственную борьбу по искоренению бандитизма. Достижение этой цели лишало антоновщину ее главной силы — поддержки населения.

Для более решительного воздействия на бандитов и для вселения в крестьянстве уважения к силе Советской власти предполагалось проведение ряда репрессивных мер, из которых отметим приказ об аресте семей бандитов и заключении их в концентрационный лагерь на две недели, впредь до добровольной явки бандитов с оружием в руках; в противном случае семейство подлежало высылке в отдаленные местности Республики, а имущество конфисковывалось и распределялось среди бедных крестьян, сочувственно относившихся к Советской власти.

Параллельно с этими должны были вестись решительные действия по разгрому организованных, подвижных банд, путем их неотступного до полного уничтожения преследования кавалерией. Уверенность в этом давало то обстоятельство, что питающие банды базы должны были быть прочно оккупированы и банды вне этих мест были обречены на быстрое истощение.

Таким образом, видно, что новое командование приступило к борьбе с антоновщиной, детально разработав план этой борьбы. Методичность исполнения этого плана давала все шансы на успех. План этот одобрен полномочной комиссией ВЦИК. <...>

В течение мая месяца шла усиленная подготовительная работа. Были точно обозначены границы боевых участков; на последних были распределены части, составившие гарнизоны. При этом надо отметить, что благодаря плохой агентурной разведке трудно было определить точно — какие именно места являлись главной базой банд, а приходилось намечать их

ощупью и соответственно с этим намечать уже, какими силами занимать данный район.

Учитывая, что главную роль при оккупации района, охваченного бандитизмом, должна играть политпросветработа, которая должна подготовить «сопротивление среды», было обращено внимание на соответствующую подготовку ревкомов. Для создания последних была объявлена мобилизация местных коммунистических сил, а также затребованы коммунисты из других мест.

Для координирования действий военных, политических и гражданских органов были созданы при каждом боевом участке «учполиткомиссии», в которые входили: начальник боевого участка, военком, начподив, представитель уисполкома и представитель особого отдела. Эти «учполиткомиссии» являлись на местах органами полномочной комиссии ВЦИК, находившейся в Тамбове.

Для уничтожения подвижных банд Антонова 27 мая была образована сводная кавгруппа, в составе двух кавбригад: Котовского и отдельной тамбовской — Дмитриенко, под командой т. Уборевича. Группа приступила к выполнению возложенной на нее задачи 28 мая. <...>

Заключение

Командвойск Тамбовской губ. т. Тухачевский, начав с 1 мая борьбу с Антоновым, закончил к 10 июня. К этому времени Тамбовская губ. была очищена от антоновщины, не считая мелких шаек, которые были уничтожены позже. Таким образом, мы видим, что в течение 40 дней были достигнуты такие результаты, которых ранее не достигали в продолжение года. Это обстоятельство дает нам основание прийти к заключению, что метод борьбы, примененный т. Тухачевским, был в общем правilen и поэтому он дал такие результаты.

Из рассмотрения боевых действий сводкавгруппы т. Уборевича мы можем убедиться, что с чисто военной точки зрения борьба с бандой не представляет «ничего специфически противобандитского». Как и всегда, надо хорошо организовать разведку, иметь образцовую связь и внимательно нести службу охраны. Банды, как только они будут обнаружены, должны немедленно и стремительно атаковываться и уничтожаться. Преследование должно вестись неотступно, до окончательного распыления банды.

Самая трудная задача заключалась в оккупации района, охваченного бандитизмом, в создании «сопротивления среды», в создании таких условий, при которых бандитизм не мог бы находить источников к существованию. Это было достигнуто правильным распределением района на боевые участки, целесообразным размещением по ним гарнизонов, что привело к вытеснению банды из ее «жизненного центра» правильной организацией партийной и советской работы.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется более или менее полных данных об этой работе, которая безусловно сыграла колоссальную роль в ликвидации антоновщины, и мы пожелаем лишь, чтобы эта работа была тоже освещена.

Революция и война. 1922. Сб. 14–15.
С. 153–168, 172, 181–182.

Н. Доможиров

Эпизоды партизанской войны

События 1 августа

После разгрома антоновской армии группой Уборевича и истребления остатков номерных бандитских полков курсантскими частями в долине реки Ворона — одиночные люди и мелкие партии бывшей антоновской армии начали вновь собираться в Тамбовском лесу. В Золотовской балке и распространяясь на север до дер. Озерки—Хитрово продолжали бродить остатки Золотовского и 17-го полков.

К концу июля эти части вошли в связь и подчинение образовавшейся и Тамбовском лесу из всех остатков банды под командой Матюхина. Имелись непроверенные сведения, что к Матюхину с юга пробиралась еще какая-то банда. 30 июля 1921 г. Золотовская волость была прирезана для советизации к 6-му боевому курсантскому участку. Для ликвидации указанных выше банд, осевших в Золотовском овраге, было приказано кавбригаде Котовского, расположенной в районе Уварова (к ю.-в. от д. Золотое 50—60 верст), занять к 10 часам 1 августа дер. Золотое, двигаясь Золотовской долиной. Сводный кавполк курсантов к этому же времени должен был занять дер. Ильинка. Полк был расположен в дер. Трескино, и ему было приказано двигаться через дер. Болотовка. К 10 же часам 1-го в дер. Золотое должны были прибыть из дер. Троицкое караул вместе с начальником особой группы, автопулеметный отряд. (2 легких автомобиля, 2 полуторатонных, — с 10 пулеметами.) Автоотряд был указан путь: Троицкое—Богданово—Мосоловы Дворки—Березовка—Серебряное—Золотое. По занятии деревень Золотое и Ильинка кавполк курсантский должен был выслать разведку на дер. Федоровка—Мордва—хутора Солдатские поселки; кавбригада Котовского на Медное—Туминские Двори-

ки, откуда и связаться с разведкой курсантов. Утром 1 августа были получены сведения, что войска 2-го боеучастка производят у себя операции по очистке некоторых районов, почему и можно ждать просачивания бандитов в 6-й боеучасток, а именно в Золотовскую волость.

К сожалению, это сообщение было получено почти в 8 часов, когда все части уже были в движении, но все же курсантскому полку было послано о сем извещение, с приказанием быть осторожнее. Однако приказание до полка не дошло, ибо около 9 часов разыгрался эпизод ниже описываемый. Кавбригаде Котовского эти новые сведения должен был передать лично начальник особой группы. В 10 часов автоотряд был в дер. Золотое, где к этому времени уже сосредоточилась вся бригада тов. Котовского. Разведка на Березовку—Медное была выслана, разведка же в направлении на Туминские Дворики еще не выслалась. От местных жителей поступили весьма смутные и неопределенные слухи о том, что будто бы из Тамбовского леса вчера, 31 июля, красные выгнали большую банду, ушедшую в Спасскую волость (30 верст на сев.-зап. от дер. Золотое) и что утром сегодня слышалась какая-то стрельба в районе дер. Федоровка-Мордва. В дер. Золотое и к югу от нее за последнюю неделю банд не было; в районе же дер. Озерки и Хитрово человек 200 бандитов, дня два тому назад, отбирали у крестьян лошадей и продовольствие...

Описываемая местность изрыта рядом меридиональных оврагов, за которыми далее к северу идет открытое поле до самых Озерков и Хитрово. Эти овраги всегда служили и приютом и скрытыми путями для движения бандитов из дер. Медное через Федоровку-Мордву и Ильинку в Трескинскую долину. Овраги извилисты, частью болотисты, с очень крутыми в некоторых местах берегами, лесисты. Кроме того, наличие мелких хуторов еще более увеличивало пересеченность местности. Кавполк курсантов насчитывал всего лишь около 140 сабель, но был испытан двухгодичными боями с бандитами и во главе имел тов. Ракова (завед. строевым обучением Борисоглебских кавкурсов), человека неисчислимой храбрости.

Однако, учитывая численную слабость полка и все данные о противнике, которые до некоторой степени группировали бандитов в районе к сев.-зап. от д. Федоровка-Мордва, начальник группы направился с автоотрядом в дер. Ильинка, где должен был в это время находиться курсантский кавполк

с той целью, чтобы его поддержать, а в случае надобности и оказать содействие частям 2-го боевого участка. На разветвлении дорог Золотое—Ильинка и Золотое—Болотовка вышел из строя за порчей мотора один грузовик; через несколько минут остановился по той же причине и второй. Послав в дер. Золотое мотоциклиста с приказанием выслать за грузовиками лошадей, а предварительно охрану, две легковые машины двинулись дальше. При переезде через овраг, возле самой дер. Ильинка, сломалась шестерня у легкового Фиата. Пока крестьяне вытаскивали машину из оврага, удалось выяснить, что тов. Раков с полком прошел дер. Ильинка около 8 часов, причем полк гнал перед собой банду человек в 150 в направлении на дер. Федоровка-Мордва. Около же 9 часов от Федоровки доносилась сильная перестрелка, затем с версту к северу от дер. Ильинка были видны какие-то всадники, в одиночку и небольшими группами быстро ехавшие на дер. Каравайня и Болотовка. Чувствовались в рассказах крестьян какая-то недоговоренность и испуг.

Взяв на буксир поломанную машину и доведя ее до оставленных грузовиков, начальник группы на последней легковой машине двинулся в дер. Федоровка-Мордва. Подъезжая к Федоровке, ехавшие заметили одиночных всадников, маячивших на северной окраине деревни, а в направлении на Озерки — большую конную колонну, примерно до 1000 всадников. Переехать овраг, однако, при всем желании, было нельзя. Овраг был крутой и подъем настолько большой, что Бенц (двенадцатисильный) втащить на противоположный берег не мог. С большим трудом удалось вытащить из ближайшего дома двух крестьян, которые рассказали следующее. В ночь на первое в Федоровке ночевало человек 300 бандитов, которые в этом районе блуждали уже дней десять. С утра жителям было приказано варить обед, а около 8 часов 1-го человек 100 бандитов поехали в дер. Ильинка за фуражом. Часов в 8.30, гоня перед собой уехавшую в Ильинку банду, в Федоровку ворвались курсанты. Забыв про еду, бандиты, кто пешком, кто успев сесть на коня, устремились на Туминские Дворики. Вслед за ними бросились и курсанты. Много бандитов было убито и ранено, некоторые и сейчас лежат по домам. Примерно через полчаса со стороны Туминских Двориков и Солдатских Поселков донеслась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Ходят слухи, что курсанты попали у хуторов в засаду и погибли...

Что за колонна,двигающаяся на север, — крестьяне объяснить не могли. Одиночные люди, маячившие к северу от Федоровки, тоже были неизвестно какой части. Крестьяне прятались кто куда мог, и вызванные на опрос еще несколько человек объяснений никаких дать не могли. Раненые принадлежали Золотовскому бандитскому полку и новых сведений, кроме сообщенных крестьянами, дать также не могли. Начальник группы около 13 часов вернулся в Золотое и вновь приказал выслать усиленную разведку в направлении на Туминские Дворики и Солдатские Поселки, которая, к сожалению, и доселе не была выслана. В это же время им было получено следующее донесение:

«Доношу, что кавполк, встретив в дер. Ильинка банду, опрокинув, начал преследовать ее до дер. Федоровка-Мордва, где наткнулся на новую банду, человек в 300. Застигнутые врасплох, бандиты отступили на Туминские Дворики. Можно считать, что около 100 человек их изрублено. Из Туминских Двориков полк был встречен пулеметным огнем. Рассыпав лаву, мы быстро заняли деревню и, выбив новую банду, человек 200, кинулись на ее плечах в Солдатские Поселки. По дороге к отступавшим бандитам присоединялись новые банды. Увлеченные погоней у Солдатских Поселков, курсанты были окружены превосходящим противником — до 3000 человек. Выдержав бесчисленное количество атак, мы в силу обстоятельств разбились на группы и начали пробиваться. Убиты старший врач Борисоглебских курсов Сперанский, начальник пулеметной команды. Сейчас недосчитывалось 70 курсантов. Без вести пропал командир полка тов. Раков. Ожидаю дальнейших распоряжений. 11 час. 40 мин. 1 августа. № 97. дер. Болотовка». Вридкомполка и Комиссар (подпись).

Из расспросов курсантов, бывших в бою, вридкомполка и комиссара тов. Блюдзе и командиров эскадронов картина боя рисуется примерно так. Ворвавшись в дер. Федоровка-Мордва около 8.30 часов на плечах банды, выгнанной из Ильинки, полк погнал бандитов на Туминские Дворики, откуда был встречен пулеметным огнем новой банды. Захватив в свои руки деревню и имея в голове 1-й эскадрон, полк повел энергичное преследование бандитов в направлении на Солдатские Поселки. Не доходя до последней деревни $\frac{1}{2}$ версты, 1-й эскадрон был атакован новой бандой, человек в 200, появившейся из большого Осиновского оврага, со стороны Митропольских Выселков. Тов.

Раков бросил на подмогу 2-й эскадрон, а сам остался с 1-м эскадроном у роши.

В это время со стороны северного рукава Осиновского оврага стали появляться новые бандитские группы, начавшие охватывать рошу с востока. Раков приказывает начальнику пулеметной команды выдвинуться на север от роши с таким расчетом, чтобы обстреливать указанный рукав оврага. Начальник команды, заметив, что северный берег оврага командует, перебирается через овраг туда, и перед ним открывается все пространство до Митропольских Выселков и до Золотовского оврага вправо. Все это пространство, по рассказам курсантов-пулеметчиков, было покрыто конными бандитами, которые большей своей частью направлялись в обход рукава, с севера, к Александровке, охватывая таким образом положение полка с востока и юго-востока. Учтя обстановку, начальник пулеметной команды передвигает пулеметы к восточному краю рукава и получает, таким образом, возможность кругового обстрела, включая сюда обстрел рукава и по берегам и по долине.

Тов. Раков, с целью вывести полк, пробует пройти на Туминские дворики и далее на Золотое, но в это время из второго большого рукава Осиновского оврага появляются новые банды и кольцо замыкается... Полтора часа длился бой, сто тридцать семь человек держались во всяком случае против тысячи человек. Трудно точно проследить за ходом боя и передать моменты подлинного героизма и высокой храбрости сражавшихся. Тов. Раков до последнего предела держал в своих руках резерв и бросался с тем туда, где назревала опасность. Наконец, полк был так стеснен и кольцо настолько сузилось, что пришлось уже драться в одиночку... Скоро пулемет, бывший на северном берегу рукава, умолк, были расстреляны все патроны, перебита прислуга.

С пулеметом замолк навеки и начальник пулеметной команды. Его тело нашли потом около пулеметной двуколки, тут же был впоследствии найден исковерканный и непригодный к действию пулемет. Доктору Сперанскому несколько раз подводили лошадей, уговаривали его сесть и пробовать пробиться, — он отмахивался и продолжал перевязывать раненых. Исполняя до последней минуты свой долг, он был окружен бандитами и на глазах полка, отстреливаясь, изрублен... Тов. Раков, уже один, бросался в самую гущу боя, под ним была убита лошадь, он дрался пеший, бандиты, наседая, оттерли его в один из мелких оврагов, где он был убит... В командование полком вступил

комиссар тов. Блюдзе... Замолк и второй пулемет... Один за другим геройски погибали храбрейшие борисоглебцы... Уже все смешалось в кучу. Дрались буквально один против 10–20. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, начали пробиваться наружу. И как только 10–15 человек выбьются, то вновь бросаются в схватку, чтобы облегчить положение тех, кто находится в кольце... Так славно вели бой курсанты. Через несколько дней особая комиссия была на месте боя: за тридцать девять павших в бою курсантов бандиты заплатились жестоко — их трупов было насчитано несколько сот.

Групп тов. Ракова не был опознан. Ходил слух, который удалось проследить только до дер. Медное, что около 12 часов этого дня через Александровку, Сахаровку, Медное и далее на юг, весь в крови, с разрубленной головой, бежал высокий, по приметам похожий на Ракова, человек, который кричал: «где полк?» Крестьяне не могли задержать безумного... К утру второго числа в дер. Трескино собрались недосчитываемые 30 курсантов, загнанные преследовавшими бандитами в овраги и деревни.

Части 2-го боеучастка накануне действительно проследили значительную банду, которую и погнали перед собой от Тамбовского леса в Золотовскую долину. Однако банда, меняя лошадей по деревням, успела 1 августа уйти от преследования и наткнулась на борисоглебцев. Части бригады Котовского, высланные из Золотого около 14 часов в район Хитрово—Федоровка—Туминские Дворики, никого не нашли.

Таким образом, главной причиной событий 1 августа являлось то, что начальники частей не соблюли в точности расчет времени. Один выступил ранее назначенного ему срока и, заняв указанную деревню также ранее срока, загорячился, потерял хладнокровие, столь необходимое начальнику, прельстился частной целью, упустив из виду конечную задачу. Беззаветная храбрость одержала верх над холодным рассудком. Другой не выслал в указанное время разведки в нужном направлении. А эта разведка принесла бы колоссальные сведения, и, конечно, бандиты не вырвались бы из наших рук. Отсутствие разведки позволило бригаде пассивно бездействовать только лишь в 10 верстах от боя. Безусловно изменился бы исход боя и в том случае, если бы автоотряд прибыл в Ильинку в 11 часов в здоровом состоянии. Борисоглебцы как раз в это время пробивались, и появление 4 автомобилей с 10 пулеметами произвело бы на бандитов неожиданно ошеломляющее впечатление и вдох-

нуло бы в наших бойцов новые силы. Этот случай еще лишний раз доказал, что технические средства не всегда бывают верными. Ряд мелких ошибок, допущенных тов. Раковым, не мог бы изменить ход боя. Но если бы тов. Раков, знавший о присутствии в дер. Золотое бригады Котовского, своевременно дал знать последней о наличии бандитов в районе дер. Ильинка—Федоровка-Мордва и о стремлении их отходить на запад, — обстановка резко изменилась бы не в пользу бандитов. Еще и еще раз надо подчеркнуть, что разведка не должна прерываться и во все моменты боя, а сердце начальника, особенно кавалерийского, должно быть не в груди, а в голове.

Типичное изъятие мелкой банды

«По сведениям особого отдела 1-го боеучастка, банда в 70—80 человек скрывается у озера Змеиное, в районе Рамза—Паревка—Карай—Салтыково. Среди них находятся Антонов, Востриков, Петька Ивановский и другие. Частями боеучастка немедленно банду ликвидировать» — так гласила телеграмма командвойск т. Тухачевского от 30 июля 1921 года, 2 часа.

Район Паревка—Рамза—Карай—Салтыково представляет собою низкую котловину, шириною в 4—6 верст, длиною верст 12, ограниченную с запада крутым овражисто-лесистым берегом реки Вороны, с востока — широкой открытой равниной и рядом деревень: Рамза, Кипец, Пущино, Салтыково. Вдоль деревень в меридиональном направлении лежат глубокие озера, соединенные рукавами как между собой, так и с рекой Вороной. Внутри сплошное болото, поросшее густыми камышами в человеческий рост и ряд небольших островков, иногда лесистых («Сухие Дубки»). Тут же имеется и несколько незначительных озер: Змеиное, Ясное, Лебединое и др. Река Ворона вброд нигде не проходима, на севере, в наиболее узком месте котловины, расположена мельница Прокудина, с мостом через Ворону. Севернее, верстах в 4, находилось излюбленное место тамбовских бандитов, так называемая Тюремная или Золотая Клетка — лесистый островок, окруженный со всех сторон глубокой водой. На юге котловина заперта, при слиянии рек Карая и Вороны, именем Петрово-Соловово. Топография описываемой местности весенней водой меняется настолько, что даже местные жители не могли служить здесь проводниками.

Такая конфигурация местности, естественно, вызывала необходимость просто в густом оцеплении его войсками, с тем чтобы бандиты мелкими партиями не могли из него вырваться: для чисто боевых операций нужно было небольшое количество войск, но испытанных и высоко сознательных. По подсчету оказалось, что своими наличными силами, оголив участок до максимума, обойтись нельзя. С этой целью для оцепления сев.-зап. стороны района, от мельницы Прокудина до деревни Паревка, была привлечена 1-я бригада ВЧК 1-го боеучастка к 6 часам 1 августа. Кавбригаде тов. Котовского пришлось сделать к месту сосредоточения 92 версты, некоторым пехотным частям 75 верст.

Части боеучастка были сосредоточены следующим образом: кавбригада Котовского заняла конным оцеплением линию мельница Прокудина (исключ.)—Золотая Клетка—Рамза—Пушино—Карай-Салтыково, имея в деревнях Рамза, Пушино и Салтыково сильные кулаки, т. к. были определенные сведения, что банда Ворожищева (300 сабель) стремится пробиться от Кулевчи к Рамзе, вместе с тем имелись сведения и о том, что в деревне Павловка назревает какое-то секретное совещание, на котором должен присутствовать и Антонов. Линию Карай-Салтыково (исключ.)—имение Петрово-Соловово (включ.) заняли пешие эскадроны Борисоглебских и Орловских кавкурсов, далее, до деревни Дашковка (исключ.) — две роты рязанских пехкурсов; затем по левому берегу реки Вороны до Паревки (включ.) — две владимирских роты, две иваново-вознесенских и рязанский кавэскадрон. От Паревки до мельницы Прокудина стала 1-я бригада ВЧК. Курская рота, рота красных коммунаров, рязанская рота и пеший эскадрон борисоглебцев сосредоточились к тому же времени в деревне Рамза, откуда первые две роты первоначально были двинуты для осмотра Тюремной Клетки, а рязанцы и борисоглебцы направились к мельнице Прокудина, где и должны были ожидать подхода первых двух рот, чтобы дальше двинуться на юг общей цепью.

Такое расположение было основано на донесениях агентов и некоторых курсантов, бывших в ночь на 1 августа в районе озера Змеинога, где бандитов обнаружено не было, но на кочках и в камышах были найдены свежие следы банды, причем эти следы определенно говорили за то, что общее количество бандитов далеко превышает цифру, указанную комвойск, и что среди них есть женщины и дети. Следы в камышах от лодок показывали, что часть бандитов ушла на север, в направ-

лении Сухих Дубков, другая по кочкам двинулась на юг к имению Петрово-Соловово.

Обзор Тюремной Клетки не дал никаких результатов, и к 16 часам роты курская и коммунаров сосредоточились на мельнице Прокудина. В это время с Сухих Дубков по оцеплению владимирцев было произведено несколько выстрелов. К темноте цепь указанных рот остановилась на сухом месте, примерно на линии деревни Кипец—северная окраина Паревки; стоявшее сзади оцепление бригады ВЧК придвинулось вплотную к цепям, а два эскадрона конной бригады были направлены в район деревни Кулевча, где определенно выяснилось появление банды Ворожищева.

Восемь разведывательных лодок с пулеметами на носу на ночь были двинуты на разведку вдоль озер и по р. Вороне на юг. Разведка к утру донесла, что значительная группа бандитов с женщинами и детьми находится снова на кочках у озера Змеино-го. Отсутствие лодок не позволило, однако, двинуть туда более значительные силы, дабы сразу покончить с бандитами. Агентура новых сведений за ночь не дала. Около 5 часов 2 августа в районе оцепления Иваново-Вознесенских курсов четыре бандита в кожаных куртках пытались вплавь на лодках переправиться через реку Ворону. Один из них был убит, другие скрылись в чаще. 2 августа с рассветом роты двинулись дальше, имея впереди себя разведывательные лодки с пулеметами.

На Сухих Дубках курской ротой были найдены привязанными к деревьям три лошади с седлами; на последних имелись надписи А. Антонова, Д. Антонова и Вострикова. Серая лошадь, по всем приметам, принадлежала Антонову. В камышах на наши руки попало за день несколько бандитов, которые подтвердили, что в районе Змеино-го озера находится главная группа бандитов, человек в 100, среди них и сам Антонов. Другая группа, человек в 80, отделилась и ушла на юг. Среди главной группы заметно течение к добровольной сдаче, но Антонов предупредил, что будет собственноручно расстреливать всякого, кто будет пытаться переходить.

К вечеру, к сожалению, цепь разорвалась, так как глубокая вода в камышах делала невозможным цельное продвижение. Лодок же при всей настойчивости удалось собрать лишь 10, причем половина из них были настолько ветхи, что пулеметы на них поставить не удалось. И в ночь на 3 августа через наружное оцепление у деревни Рамза прошло 8 бандитов, фами-

лии которых на другой же день были нам известны. За ночь добровольно явившимися двумя бандитами вновь было подтверждено, что у озера Змеинога находится банда до 100 человек, что на кочках имеются шалаши, походная церковь, конюшни, что туда свезено продовольствие недели на две.

3 августа на 15 лодках (5 подвезено из района Инжавина) с пятью пулеметами охотники были посланы к озеру Змеиному, но ближе чем на 500–600 шагов банда их не подпустила оружейным и пулеметным огнем. К озеру можно было пробраться лишь в нескольких направлениях, тропами от лодок между камышами, которые и обстреливались бандитским огнем. Вторичная попытка наших смельчаков к вечеру этого же дня успехом также не увенчалась, вследствие чего к утру 4 августа из Инжавина были вытребованы трехдоймовая конная батарея Белгородского взвода, а из Тамбова — отряд аэропланов. Лодки ночью вновь пытались пробиться на Змеиное озеро; до рассвета шла оживленная перестрелка с обеих сторон, но бандиты засели крепко. Утром 4-го с опустившимся у Карай-Салтыково аэропланом были установлены условные знаки для корректирования артиллерийской стрельбы, и в 10 часов 6 орудий открыли огонь по району Змеинога озера. Аэропланы сбросили 10 бомб. Корректирование артиллерийского огня с аэроплана и корректирование с наблюдательного пункта были так связаны, что при малейшей попытке бандитов на лодках передвинуться из обстреливаемого района огонь сейчас же переносился им вслед. В это же самое время пехота сузила кольцо настолько, что осколки от гранат почти захватывали своих. Ночью конная батарея редким огнем все время тревожила банду.

Результат артиллерийского обстрела, как выяснилось на другой день, был невелик материально, но морально он настолько подействовал на слабые сердца, что к утру 5 августа в оцеплении владимирцев сдалось 26 человек; курскими и коммунарами захвачено в камышах 16 человек, пытавшихся пробраться через цепь, 9 было убито. Вместе с тем этой же ночью через Ворону переправилось вплавь два бандита, которые бросились на заснувший от усталости караул Владимирских курсов, в упор застрелили часового и подчаска и прорвались через сторожевое оцепление. Фамилии бандитов установить не удалось.

5 августа 15 лодок при поддержке артиллерийского огня вновь двинулись на Змеиное озеро, и, несмотря на огонь со

стороны бандитов, части лодок удалось пробраться к кочкам. Нужно указать, что впереди шло пять лодок с пулеметами (два пулеметчика, два гребца и 1 запасный), вслед за каждым пулеметом-лодкой в 20–30 шагах двигались в затылок друг другу десять пехотных лодок (два гребца, три пехотинца). На кочках, однако, удалось лишь захватить 4 бандитов и большие запасы продовольствия. Остальные бандиты, по показаниям пленных, на 8 лодках нырнули в камыши. Немедленно посланная во все стороны разведка не принесла, однако, никаких результатов, за исключением лишь того, что был обнаружен в камышах еще ряд лодочных троп.

Кочки Змеиного озера представляли интересную картину: между ними на довольно широком пространстве были перекинуты жерди, на жерди наброшены ветки, листья, палки, солома, вследствие чего и образовался как бы пол, и он настолько был крепок, что позволял совершенно свободную ходьбу и даже возведение некоторых построек: шалашей из тростника, походной камышовой церкви и т.д. В некоторых местах сквозь импровизированный пол были проделаны дыры и над водой в особых камышовых корзинках были опущены продукты — мясо, масло. Было даже два шалаша из камыша, накрытых дерном наподобие землянок. В нескольких шагах от этого настила были обнаружены кочки, на которые мы, к сожалению, не обратили должного внимания. Верхушки этих кочек были срезаны в расстоянии примерно на 1 аршин от воды, земля из кочки выбрана настолько, что получалась как бы нора, могущая вместить человека. Накрывшись верхушкой-шапкой и оставив небольшую щель для притока воздуха, человек может сидеть там продолжительное время, оставаясь незамеченным. Здесь, в этих кочках, было сложено продовольствие и санитарное имущество.

Пленные показали, что артиллерийским огнем убито лишь трое, но этот огонь вселил такой страх, что бандиты еще накануне вечером начали разбредаться в разные стороны с целью сдачи. Антонов же с братом Митькой, Петькой Ивановским, Востриковым, денщиком Алешкой, комендантом Трубкой, с женой и сестрой последнего также на 2 лодках уплыл в неизвестном направлении. Ночь на 6 августа дала нам в руки добровольно явившихся 37 человек. 6 августа лодки и пехотная цепь прошли остальное пространство на юг до имения Соловово, захватив в камышах 19 пленных и найдя лодку, принадлежавшую Антонову.

Таким образом, за 6 дней упомянутые выше роты прошли 12 верст. Прохождение было совершено при невероятно тяжелых условиях, так как пришлось идти все время по пояс в воде, иногда плыть, работая лишь одной рукой, т. к. в другой находились винтовка и патроны. Горячей пищи они не получали, т. к. подать ее было невозможно, и наряду с этими трудностями каждому нужно было быть зорким, хитрым, наблюдательным и рассчитывающим только на себя. В Солововском лесу один бандит был случайно обнаружен только вследствие того, что на «кучу листьев» наступил курсант. В другом месте при приближении нашей цепи бандит ушел в воду с головой и был обнаружен лишь по странному качанию камыша, служившего ему для дыхания. В третьем месте бандит в форме красноармейца вмешался в наши ряды и шел до тех пор, пока люди не стали собираться в соответствующие роты. Вот почему на таковые операции и необходимо назначать исключительно находчивый, выносливый и обученный элемент даже из курсантских частей.

7 августа началась вторичная чистка района, ибо Антонов — цель операции — оставался на свободе. В этот день конную бригаду тов. Котовского пришлось направить в другой район по оперативным соображениям и ее место в оцеплении заняли крестьяне, причем последние через 20–30 человек были перемешаны с отделениями курсантов и отдельными пулеметами. Сама операция была построена так: около 15 лодок с пулеметами, поставленные в одну шеренгу, двигались, сохраняя примерное равнение с юга на север, ведя перед собой пулеметный огонь по камышам. Позади преимущественно по сухим местам шли пехотные отделения. К вечеру, таким образом двигаясь, лодки оставались на линии Паревка—Сухие Дубки—южная часть озера Кипец. Пехотой же было подобрано 14 трупов, очевидно убитых пулеметным огнем, и взято в плен 5 человек. По показаниям пленных и сличению фотографических карточек, видных бандитов среди убитых не было. Пехоте на ночь было приказано зажечь костры, промежутки между которыми проверялись лодками. Этой ночью добровольно явились: 12 человек в оцеплении и 3 в деревне Рамза.

8-го утром движение продолжалось, лодки дошли до мельницы Прокудина, вернулись обратно; из полевого штаба, расположенного в деревне Кипец, в течение дня было слышно несколько выстрелов, и лишь часов в 20 невдалеке на островах озера Кипец послышалась довольно сильная ружейная пе-

рестрелка. Около 24 часов командир роты красных коммунаров доложил в штаб, что пойман Алешка, денщик Антонова, убито 4 бандита, среди которых, кажется, и Антонов, и один добровольно сдался. Последний показывает, что брат Антонова, Митька, застрелился сегодня, что Антонова видел он вчера и что сегодня еще два бандита застрелились, а кто именно, не знает. Сличение фотографической карточки с одним из убитых в первые минуты заставило подумать, что убитый именно и есть Антонов, но затем, при более подробном рассмотрении и показании денщика, выяснилось, что это комендант.

На другой день были найдены трупы трех застрелившихся, из коих в одном определенно опознали брата Антонова; два трупа были настолько изуродованы выстрелами, что установить их личности не удалось. Между прочим, денщик Антонова рассказывал, что 7 августа, когда переходили наши цепи, Антонов, Востриков и сам денщик отсиделись в кочках, накрывшись их верхушками, и курсанты прошли буквально над ними.

10 августа операция была закончена, и части пошли по своим местам. Главная цель операции — поимка Антонова — достигнута не была. Ему, быть может, удалось вырваться на свободу, хотя и ходили упорные слухи, что он погиб в числе многих безвестных жертв, затерявшихся в болотах. Впрочем, это дело случая. Зато эти десять дней крайне для нас ценны своими выводами в ведении партизанской (бандитский) войны.

Типичной формой изъятия мелкой банды является сплошное оцепление пассивной частью войск и назначение для активного действия высоко выдержанных, стойких, дисциплинированных частей, спаянных боевой дружбой. Насколько это важно — видно из того, что активная часть войск: курские коммунары и др., сильные духом и обученные, при самых невероятных условиях не потеряли ни одного человека. Владимирцы, менее спаянные, и на пассивном участке имели жертвы. Разделяя войска на пассивную и активную части, необходимо иметь хотя бы небольшой конный резерв на случай появления новой банды. Как в активной, так и в пассивной частях обязательно применение телефонов, что, безусловно, возможно даже в самых трудных условиях. От мельницы Прокудина, где была установлена центральная телефонная станция, цепь тянула за собой телефонный провод. На месте первой ночной остановки была установлена при соответствующей охране промежуточ-

ная станция, давшая отростки: вправо — по цепи до Паревки, влево — до Кипец.

В пассивной части телефонная связь была круговая, кроме того, для связи были использованы мотоциклы, автомобили и посты пешей и конной летучей почты. К передаче маловажных распоряжений были привлечены местные мальчуганы. Скорость передач в этих условиях достигала 7 верст в час. Движение активной части происходило в следующем порядке: впереди шла цепь в зрительной связи друг с другом, в 20–30 шагах, за каждым взводом шло в поддержке отделение, затем в 20–40 шагах ротные резервы-взводы и, наконец, позади, в 70–100 шагах, резерв каждого участка. Причем в последнем имелось по три лодки с пехотинцами на случай быстрого выдвижения вперед и помощи при переправе через болота. Оцепление пассивной части также было несколько видоизменено, в отличие от уставного, именно: часовые — и подчаски от соседей — не далее 50 шагов, в промежутки за ними в 30 шагах полевые караулы и сзади, не далее 100 шагов, отдельные полевые заставы.

Ружейный огонь был действителен только на ближайших дистанциях, пулеметы имели успех только как «подвижные» (на лодках), в обычном же порядке это был лишний груз, от которого нам пришлось отказаться. В группе пассивной — они на месте. Артиллерийский огонь при подобных мелких операциях, особенно усугубленных трудно проходимой местностью, важен, главным образом, как моральный фактор. С этой же стороны нужно рассматривать и вопрос о применении аэропланов, но последние нужны и для определения точного места расположения противника. Разведка аэропланами, произведенная 7 августа, точно указала бандитскую стоянку.

Ввиду того, что банды опираются на местное население и, как было в данном случае, получают от него продовольствие, необходимо немедленно изолировать расположение бандитов от ближайших деревень, усиливать в деревнях тайное наблюдение, особенно за кулацким элементом, и, не стесняясь, брать видных заложников. При нехватке войск обезоруженное население, перемешанное со своими частями, при выполнении вышеуказанных условий может быть привлекаемо на пассивный участок. Таким путем могли держать линию оцепления протяжением 12 верст двумя ротами с пулеметами. Однако, полагаться на проводников из местных жителей и т. п. ни в коем случае нельзя. Особенно же не внушают доверия предла-

гающие свои услуги добровольно явившиеся бандиты. Мы вынуждены были воспользоваться услугами добровольца бандита, занимавшего в бандитской армии место помкомполка, вышедшего из болот лишь за день до начала операций и знавшего, по его словам, отлично местность. Но он завел на второй день курсантов в такую топь, что цепь разорвалась и некоторые едва выбрались.

Следует мобилизовать возможно большее количество тайных агентов для посылки в расположение бандитов, заранее, быть может, обрекая некоторых из них на верную гибель. При данной операции погибло человек 8. Чрезвычайно желательно и крайне полезно посылать в расположение бандитов своих наиболее смелых и надежных красноармейцев, т. к. агенты, особенно из местного населения, обычно не могут внушать полного доверия. Нескольким переодетым курсантам удавалось проникнуть почти в самую гущу расположения бандитов, и мы были всегда осведомлены о составе, настроении и иногда о намерениях противника. Необходимо быть крайне внимательным в наблюдении за районом расположения банды. Не говоря уже о том, что огни костров, вспыхнувшая спичка, папироса, говор, ржание лошадей, всплеск воды могут опытному разведчику сказать многое — каждый кустик, каждая кочка, каждый пенек, стог сена, куча сухих листьев должны привлекать наше внимание. Как уже было сказано, Антонов отсиделился в кочке.

От редакции. По сообщению «Изв. ВЦИК» от 29 июня, Антонов вместе со своим братом убит в перестрелке с сотрудниками Тамбовского губотдела ГПУ в селе Нижне-Ширяево Уваровской волости Борисоглебского уезда.

В. Мокеров

Курсантский сбор на борьбе с антоновщиной

В марте–апреле 1921 г. известное под именем антоновщины кулацко-эсеровское движение в Тамбовской губернии и смежных с ней районах Саратовской губернии разгорелось с небывалой силой. В середине мая в Тамбове стали сосредотачиваться брошенные на борьбу с бандитизмом командные курсы и школы Московского и Орловского военных округов. К 15 мая в Тамбове сосредоточились: владимирские, костромские, калужские, харьковские, рязанские и другие пехотные курсы, курская, иваново-вознесенская и другие пехотные школы, Интернациональный батальон, сформированный из интернациональных курсов, и школы красных коммунаров, борисоглебские, тверские, старожилевские (рязанские) и орловские кавалерийские курсы, батареи шестых артиллерийских саратовских курсов и высшей украинской артиллерийской школы и другие артиллерийские курсантские части. В период с 14 по 18 мая прибывшие курсы и школы были переформированы в отдельные курсантские батальоны, получившие наименования своих частей (Владимирский отдельный курсантский батальон, Иваново-вознесенский отдельный курсантский батальон и т. д.).

Все части курсантского сбора, который получил условное (для зашифровки) наименование «лагерный сбор в.-у. з. МВО и ОВО», были сведены в три отдельных отряда (1-й, 2-й и 3-й), получившие организацию отдельных бригад. Все конные курсантские части были сведены в отдельный кавалерийский курсантский полк, в состав которого вошли отдельные эскадроны борисоглебских, орловских, рязанских и тверских кавкурсов (тверские курсы прибыли лишь спустя некоторое время). Кроме того, к состав отрядов вошли броневые и артиллерийские курсант-

ские части, выше не поименованные, а в состав сбора — отдельная казанская кавалерийская бригада (впоследствии в состав сбора вошла и отдельная кавалерийская бригада им. Котовского под личным командованием Г.И. Котовского). Общая численность курсантского сбора к середине мая достигала около 15 тыс. человек (пеших и конных). Надо отметить, что процент нестроевых, обычно довольно высокий для армейских частей того времени, был в курсантском сборе невысок, достигая не более 6–8% общего состава частей.

До дня выступления — утро 20 мая — назначение курсантского сбора и район предстоящих действий оставались известными только высшему командованию сбора. Ранним утром 20 мая курсантская колонна начала вытягиваться из Тамбова по направлению на юго-восток. Командованию отрядов стало известным, что курсантский сбор направляется в центр бандитского движения в Инжавинско-трескинский район Кирсановского уезда Тамбовской губернии (40–50 км южнее г. Кирсанов).

80-километровый переход, отделявший Трескинскую волость от Тамбова, был пройден в 4 суточных перехода. Этот переход не был отмечен никакими событиями, за исключением нескольких небольших стычек охраняющих частей с мелкими бандитскими шайками, которые уже в 20 км от Тамбова начали слежку за продвижением курсантского сбора.

При отсутствии сети разветвленных дорог весь курсантский сбор двигался по одной дороге, приняв порядок так называемой коробочки (сильное охранение во все стороны движения, обозы и нестроевые части в середине колонны). Такой порядок движения отчасти объяснялся и тем, что на основании имевшихся в штабе сбора сведений о бандитском движении были предположения о возможности встречи с сильными бандитскими отрядами. Первый и второй ночлеги сбора были вне населенных пунктов, причем для ночлега также было организовано круговое охранение, а отдыхающие войска расположились внутри образованного повозками квадрата, построенного по принципу средневекового «вагенбурга». Такой порядок расположения объяснялся чрезвычайной склонностью бандитов к ночным нападениям на войска.

Последний ночлег был в д. Золотое, причем для ночлега все улицы и дороги были перегорожены деревянными барьерами на случай налета конных банд.

Вечером 23 мая курсантский сбор занял район д. Болотовка Трескинской волости и расположился на ночлег прежним порядком. (В этом районе сбор простоял несколько дней до перехода в с. Трескино и окружающие это село деревни.) Обстановка предстоящих действий продолжала оставаться для всех, не исключая и командование и штаб сбора, темной. Никаких крупных банд обнаружено не было. Не было даже о них никаких сведений.

Уже на другой день, 24 мая, штабом сбора был выслан 1-й отряд (начальник отряда — начальник рязанских пехотных курсов т. Ораевский) в некоторого рода экскурсию, напоминавшую разведку крупными силами, для обхода ряда населенных пунктов севернее занимаемого района. Отряд не добыл никаких сведений за исключением путаных слухов о расположении крупных банд по опросам местных жителей. Бандитов не встретил, за исключением местных стычек охраняющих частей отряда с несколькими, или одной и той же, мелкими бандами. Такие выходы отрядов по очереди продолжались и в последующие дни, но все они никаких существенных результатов не дали.

На третий или четвертый день стоянки сбора в районе д. Болотовка сбор получил свой боевой участок, включавший в себя южную часть Кирсановского и северную часть Борисоглебского уездов Тамбовской губернии. Отведенному курсантскому сбору району было присвоено наименование: «6-й боевой участок» (отдельной Тамбовской армии). Именно в этом районе впервые зародился и наиболее разросся бандитизм, и собственно он явился колыбелью большого по объему бандитского движения, охватившего впоследствии значительную часть Тамбовской и часть Саратовской губерний.

Район этот продолжал все время оставаться, вследствие особого характера своей местности, излюбленным убежищем всех бандитских отрядов, всегда приходивших в него после понесенных поражений где-либо в другом месте для организации и отдыха.

Характер местности и населенность района

6-й боевой участок — участок курсантского сбора — занимал площадь примерно в 3500–4000 кв. км, имея несколько большую длину с востока на запад, чем ширину с юга на север, гранича с севера с 1-м боевым участком (штаб — г. Кирсанов)

и с юга со 2-м боевым участком. Центром участка являлось большое с. Инжавино, соединенное ж.-д. веткой от ст. Иноковка с ж.-д. линией Москва—Саратов. С юго-запада к участку примыкала ж.-д. линия Тамбов—Балашов—Борисоглебск. Участок по направлению с севера на юг разделен на две неравные (западная больше) части быстрой и глубокой р. Ворона, шириной от 20 до 60 м, являвшейся большим препятствием для действия крупных отрядов вследствие малого количества бродов и мостов; причем все мосты находились в плохом состоянии и были весьма малогрузоподъемными (артиллерия могла проходить не через все мосты).

К числу значительных притоков р. Ворона, протекающих по участку, следует отнести р. Мокрая Панда и Мокрая Ржакса, обе шириной от 10 до 25 м, с медленным течением, вброд не везде проходимые, с небольшим количеством плохих и мало-подъемных деревянных мостов. Вдоль р. Ворона непрерывно тянутся узкие полосы леса, расширяющиеся в некоторых местах до 5–6 км. Лесом покрыты территории в несколько десятков квадратных километров в районах: а) оз. Рамза, Паревка, Дашкова, Коноплянка, Карай-Пуцино (Паревский лес — 80–90 кв. км); б) Троицкое, Мосоловка, оз. Ильмень, Хорошавка (Богдановский и смежные с ним леса — 60–70 кв. км); в) Никольское-Ржакса, Новоселки (Николо-Ржаксинский лес площадью в 30–35 кв. км).

Все эти леса были сильно заболочены, густы, имели массу мелкой поросли понизу и трудно вследствие этого проходимы. В особенности заболочены были Паревские и Николо-Ржаксинские леса (наименования эти даны нами по названиям лежащих близ них крупных населенных пунктов). Указанные леса служили постоянным и надежным убежищем банд, являясь подлинными «островами спасения» для разбитых и вынужденных спасаться бегством банд из своих районов. В зависимости от успешности действий войск в бандитских районах леса эти то наполнялись стекающимися отовсюду бандами, то снова пустели на время, служа прибежищем лишь незначительному количеству и незадачливых бандитов. Они имели для банд тем большее значение, что местность района наибольшего развития бандитизма была в общем безлесна.

Поверхность участка в общем равнинная, с небольшими возвышенностями вдоль долин указанных выше рек. Холмы в долине р. Ворона достигают высоты 20–30 м. Весь район уча-

стка прорезан массой глубоких оврагов, тянущихся с севера на юг на 50–60 км, густо заросших лесом в большинстве случаев лиственных пород (из них преобладает дубняк разных возрастов — чем глубже овраг, тем старше лесная поросль) и имеющих массу отрогов в разные стороны, достигающих иногда до 10–15 км длиной и также заросших (местное название оврагов — яруги). Часто заросль оврагов (яруг) почти непроходима и во всяком случае непроницаема для взора. Оврагами этими территория участка покрыта очень густо, и в особенности в центральном районе боевого участка — Каравайня, Золотое, Лукино, Троицкое, Инжавино. Население участка — исключительно русское, с большим процентом кулачества. Населенные пункты расположены густо. Количество дворов в населенных пунктах от 20 до 2000 (Паревка — 2000 дворов, Никольское-Ржакса — 800 дворов и т.д. (преобладают пункты с населением в 100–120 дворов).

Процент бандитов, входивших в оперативные или местные банды, достигал в некоторых населенных пунктах до 50% всего мужского населения, за исключением стариков и детей. Наиболее бандитскими селами были Трескино, Калугино, Золотое, Никольское-Ржакса, Богдановка, Паревка. Естественно, что бандитизм был тесно связан кровными узами с населением, и большинство жителей населенных пунктов, не состоя формально в составе банд, было их «активными пособниками и укрывателями». Почти в каждой большой кулацкой семье можно было найти одного или нескольких членов бандитских шаек.

Состояние банд и характер их действий

Силы Антонова в описываемый период состояли из довольно большого количества (точных сведений не было) крупных подвижных банд (в дальнейшем мы будем называть их оперативными бандами в отличие от мелких банд местного характера), численностью от 300 до 500 бойцов, преимущественно конных, имевших полурегулярную организацию импровизированных кавалерийских полков. Некоторые из них и назывались полками (например, Золотовско-Серебрянский, Паревский — по названиям населенных пунктов, их сформировавших).

Кроме оперативных банд, по всему району было раскидано значительное количество более мелких местных банд, действовавших не выходя из своего района и поддерживавших посто-

янную связь с населенными пунктами, к которым они принадлежали. Местные банды были пешие и конные, имея численность от 10 и до 100 человек. Оперативные банды сводились иногда для выполнения какой-нибудь определенной задачи в группы, достигавшие иногда численности в 1000–3000 сабель, ежедневно менявшие место своего расположения и так же быстро распадавшиеся на отдельные банды, их составлявшие, как, по-видимому, и группировались.

Подвижность оперативных банд была очень высока — 40–60 км и более в сутки. Для увеличения подвижности банды широко пользовались методом обмена приставших лошадей на лошадей от местного населения. Надо сказать, что действовавшие против банд части Красной армии обычно этим методом не пользовались или пользовались в очень ограниченном количестве. Конский состав бандитской конницы в период май–июнь месяца был в довольно хорошем состоянии, в последующие периоды стал ухудшаться. Пешие оперативные банды являлись редким исключением. Они носили характер временной организации, составляясь для определенной операции, по-видимому, путем сведения в одну нескольких местных банд.

В описываемый период оперативные банды редко вступали по своей инициативе в боевые столкновения с регулярными частями Красной армии, предпочитая уклоняться от решительных боев и перенося центр тяжести своей тактики на внезапные ночные нападения на небольшие войсковые части, расположенные в населенных пунктах или находящиеся на походе. Основой деятельности банд следует считать террор местного населения. Внезапно появляясь в населенных пунктах и так же быстро исчезая, они производили грабежи и убийства советских работников, грабеж совхозов, конских заводов и пр.

Несколько иначе действовали местные банды. Они никуда не уходили из своего района, скрываясь или в самих населенных пунктах, или поблизости от них. Зная местные условия и людей, они еще более терроризировали население, нередко насильно вовлекая его в бандитизм. Все сколько-нибудь советские настроенные элементы местного населения жили под постоянной угрозой быть поголовно вырезанными вместе со своими семьями. Эти же банды выполняли роль разведки для оперативных банд, постоянно информируя их о положении в районе, о передвижениях войск, призывая их на помощь в тех случаях, когда местных сил оказывалось недостаточно.

Действия местных банд носили чисто разбойничий характер. Они нападали только на мелкие войсковые части и группы, причем проскользнуть сквозь занятые ими районы незамеченным было совершенно невозможно. Численность местных банд редко достигала сотни сабель или бойцов. Чаще всего банды не превышали численностью 10–20 сабель.

Командование бандитских отрядов состояло преимущественно из кулацких элементов, известных местному населению. Многие из них служили в царской армии рядовыми и унтер-офицерами. Процент бывших офицеров в среде бандитского комсостава был самый незначительный. Это объясняется тем, что движение носило чисто местный характер и крупные банды образовывались из местных банд с их местными вожаками и главарями.

Командный состав банд стоял в большинстве случаев на очень низкой ступени военного развития и знаний. Главарями местных банд были исключительно местные кулаки и торговцы.

Однако среди этих главарей был некоторый процент и бывших унтер-офицеров старой армии (Грушевская и Богдановская банды, уничтоженные 3-м отрядом сбора). Весьма успешно действовала, например, банда Евграфыча (он же — Волк и Грач), остававшаяся неуловимой в течение 4 месяцев, несмотря на то что действовала под носом у 3-го отряда и из своего района никуда не выходила. Сам Евграфыч, бывший торговец из с. Трескино, пойманный впоследствии, показал, что он никогда не был на военной службе (это было проверено опросом знавших его местных жителей).

Вооружение банд было самое разнообразное, но исключительно русских систем. Обычное вооружение бандита оперативной банды состояло из винтовки или обреза, шашки и часто револьвера. Местные банды были вооружены часто обрезам и револьверами с ограниченным количеством патронов. Вообще бандиты во всех случаях предпочитали укороченное огнестрельное оружие, так как в стрельбе на большое расстояние не нуждались, короткое же оружие было легче спрятать и хранить, сходя при этом за невооруженного местного жителя. Оперативные банды имели незначительное количество легких оружий и станковых пулеметов. Однако артиллеристов, могущих как следует вести огонь, они не имели.

Огнеприпасами были снабжены плохо, в особенности местные банды. Запасы оружия и боеприпасов хранились в случайных хранилищах. Так, винтовки часто находились в соломен-

ных крышах домов, спускались в действующий или заброшенный колодец и т.д. Патроны зарывались в домашних подвалах. На одной из пасек в Трескинской волости однажды было найдено зарытое в землю легкое орудие, которое бандиты не могли использовать за отсутствием снарядов и знающих, как с ним обращаться. Вообще крупных хранилищ оружия и боеприпасов у банд обнаружено не было, за исключением возможности наличия таковых в крупных и мало проходимых лесах. Вещевое снабжение было самое разнообразное, а часто его и вовсе не было. Продовольствие черпалось исключительно из местных средств.

Все действия курсантского сбора против бандитизма по организации их и тактическим приемам можно разделить на четыре периода:

Первый период охватывает действия с момента прихода сбора в район с. Трескино и до деления района боевого участка на районы отрядов. Период этот характеризуется в общем действиями исключительно крупных отрядов.

Второй период — оккупация районов боевого участка более или менее крупными гарнизонами, раскиданными по наиболее крупным населенным пунктам. Этот период характеризуется также действиями крупных отрядов и частей и является как бы подготовкой к дальнейшим действиям.

Третий период — период наиболее активных действий против бандитизма крупными подвижными отрядами с одновременным переходом на оккупацию большого количества населенных пунктов мелкими гарнизонами.

Наконец, *четвертый период* характеризуется постоянной оккупацией мелкими и крупными отрядами вначале, постепенным сведением мелких гарнизонов в более крупные по мере ликвидации бандитизма и широким развитием местной агентуры, обеспечившей вылавливание мелких банд и борьбу с крупными бандами. Это период постепенного свертывания боевых операций и окончательной советизации района.

За все эти четыре периода действий банды противопоставляли пассивное в общем сопротивление. Деятельность оперативных банд действительно активизировалась лишь в начале третьего периода действий, когда бандитское командование делало последние попытки объединить и сосредоточить свои действия против войск, однако эти попытки были быстро ликвидированы на других боевых участках, главным образом группой т. Уборевича, действовавшей за пределами курсантского участка. (Имен-

но в результате разгрома колонной Уборевича крупной бандитской группы леса в районе 6-го боевого участка и заполнились уцелевшими от этого разгрома бандами и остатками банд, искавшими в них временного убежища.)

Первый период действий

Началом активных действий курсантского сбора против бандитского движения можно считать конец мая 1921 г., когда все войска сбора перешли в район большого села Трескино и расположились там лагерем по р. Мокрая Панда. Каждодневная в течение 4 дней стояния сбора в районе д. Болотовка высылка крупных отрядов по разным направлениям от занятого района являлась не более как разведкой, не давшей, впрочем, никаких ощутительных результатов. Первые дни стоянки сбора в с. Трескино по действиям своим носили приблизительно тот же характер, с той лишь разницей, что командование сбора начинало понемногу учитывать, что действия крупными отрядами против рассыпанного всюду мелкими группами противника и притом противника, отлично знающего местность, хороших результатов дать не может. Однако к выводам этим командование подходило очень осторожно по следующим причинам:

а) благодаря отсутствию связи с войсками, ранее действовавшими уже против бандитов, и по некоторому пренебрежению их опытом;

б) благодаря частым нападениям бандитских отрядов на мелкие партии и группы пехоты и конницы, выходившие за пределы занятого войсками района, в непосредственной близости от него, и неуловимости бандитов;

в) благодаря личным особенностям боевого опыта начальника сбора П.А. Павлова (ныне покойного), имевшего обширную практику борьбы с махновскими бандами и переносившего этот опыт на настоящую обстановку. Банды Махно, более организованные, более оперативно искусные и в конце концов более крупные, приравнялись им к антоновским бандам, что несомненно было переоценкой возможностей и силы этих последних, да и местность в обоих этих случаях имела совершенно разный характер.

Нам думается, что именно результаты этой переоценки и послужили главнейшей причиной той оперативной осторожности, которая была характерна для первых дней действий кур-

сантского сбора и которая повела в свою очередь к недооценке бандитами курсантских отрядов.

Из фактов, характерных для обстановки этих первых дней действий, необходимо привести следующие. Вследствие совершенного отсутствия снабжения сбора в первые недели его действий продовольствием, части, подъез возимые запасы, оказались не в состоянии прокормить своих людей. При расположении почти 15-тысячной группы войск сбора в незначительном с. Трескино и д. Майдан (около 200 дворов в общей сложности) ни на какие местные средства надеяться было нельзя, и их фактически не оказалось. Примером этого может служить то, что уже на третий день курсанты одного из наиболее хорошо снабженных и имевших лучший обоз (а следовательно, и большее количество продуктов) отдельного владимирского курсантского батальона, начали питаться чем попало. Съедобных продуктов в их распоряжении оказалось немного. Это были совсем еще зеленые, деревянные на ощупь яблоки величиной не более мелкого грецкого ореха, в изобилии покрывавшие деревья яблочного сада, в котором батальон был расположен походным лагерем, и ракушки-слизняки, в таком же изобилии покрывавшие мелкое дно протекавшей по саду р. Мокрая Панда. И те и другие варились курсантами в ведрах и без соли (ракушки) съедались.

В обстановке такой голодовки, заставлявшей набивать желудки такой, казалось бы, несъедобной вещью, как едва завязавшиеся зеленые яблоки и ракушки-слизняки, естественно, начались кустарные поиски пищи в окрестных деревнях. Мы говорим кустарные, ибо организованным порядком никаких заготовок в этих районах произвести было нельзя, так как большинство населения их в описываемое время за недостатком хлеба питалось суррогатами его (хлеб из отрубей с лебедой).

Поэтому погоняемые голодом, наименее дисциплинированные мелкие группы курсантов начали ходить по окрестным деревням, добывая там преимущественно небольшое количество хлеба и молоко. Только две или три такие экспедиции прошли благополучно, а затем все подобные выходы стали кончаться стычками с мелкими бандами, и часто «голодающие» приходили не только без хлеба, но и приводили с собой раненых, оставив на месте нескольких убитых.

Одна из таких стычек в самом конце мая, в которой участвовало до полусотни случайно соединившихся в месте «фуражиров-

ки» курсантов разных курсов, закончилась пленением около десятка курсантов и потерей ими нескольких убитыми и ранеными. Остальные кое-как добрались до с. Трескино, едва отбившись от преследовавших их почти до самого села бандитов. Такое нахальство бандитов могло явиться только результатом малоактивных действий курсантского сбора в целом, все еще продолжавшего стрелять по воробью из пушек, т. е. ежедневно высылавшего крупные отряды для обхода по кругу определенного района, от стычек с которыми бандиты, естественно, уклонялись.

С другой стороны, это же нахальство бандитов, вызванное указанными выше причинами, заставляло командование принимать все меры к охранению своего расположения в районе с. Трескино. Наряд на сторожевое охранение и дежурство войск достигал не менее как четвертой части всех войск, а так как падал он преимущественно на пехоту, то она наполовину и была занята несением сторожевой службы.

Наконец в конце мая штабом армии курсантскому сбору был отведен определенный участок действий, включавший в себя около 20 волостей Кирсановского и граничащих с ним уездов, которому и было присвоено название 6-го боевого участка тамбовского командования. В соответствии с этим и штаб сбора поделил свой участок на три района соответственно числу отрядов (впоследствии был временно образован и 4-й район). Штаб сбора перешел в с. Инжавино, находящееся в 17 км от с. Трескино на отдельной ж.-д. ветке (тупике), идущей от ст. Иноковка (линия Москва—Саратов).

Этим, можно считать, и закончился первый период действий против банд Антонова описываемого нами курсантского сбора.

Выводы.

1. Первоначальный период действий курсантского сбора против бандитов прошел под знаком всяческой переоценки бандитских сил и возможностей командованием штаба и сбора. Именно эта переоценка привела к слишком осторожным и медленно развивающимся действиям крупными отрядами. Между тем активность и подвижность мелких местных банд, отлично изучивших местность и вследствие этого неуловимых, их нападения на мелкие, неорганизованные пехотные и конные группы не давали еще права к выводам о наличии в районе крупных оперативных банд, каковое наличие только и могло бы повести к действиям крупными отрядами. (Впоследствии и подтвердилось, что крупные оперативные банды в то время нахо-

дились к юго-востоку от занятого сбором района на расстоянии не менее как в 100–150 км.)

2. Переоценка сил бандитов, само собою, повлекла и неправильное тактическое использование и действия войск. Высылаемые штабом сбора крупные отряды действовали обычно в пределах одного дня и на слишком короткой привязи штаба. Выступая утром с места стоянки, они возвращались туда же к вечеру еще до наступления темноты, отходя от расположения сбора не более как на 12–16 км (обычный состав отряда — 2–3 отдельных курсантских пехотных батальона, полк конницы и 1–2 батареи, не считая броневых средств, средств связи и сапер).

Надо было предоставлять столь крупным отрядам и большую самостоятельность, допускать значительно большие отрывы их штаба сбора и по расстоянию и по времени. В задачу отрядов надо было ставить не обход определенного района по определенному же (штабом сбора) маршруту, а отыскание противника, вступление с ним в бой и его преследование. Отрыв от места расположения мог бы достигать 50–70 км, время действий отрядов — 3–4 дней. Только в этом случае отряды могли быть достаточно оперативными.

Надо отметить, что и так незначительную самостоятельность отрядов начальник сбора т. Павлов стеснял еще более своим личным присутствием при отряде и вмешательством в распоряжение начальника отряда.

3. Весьма характерно неумение и, пожалуй, нежелание использовать довольно многочисленную конницу сбора. В отряды она придавалась в незначительном количестве и меньшем, чем это допускали имеющиеся возможности и требовала обстановка действий против преимущественно конного, в высшей степени подвижного и увертливого противника, отлично знающего местность и пользовавшегося поддержкой части местного населения.

Никакой другой работы, кроме службы связи, конница не несла. Надо отметить и неумение правильно тактически использовать конницу начальниками отрядов, которые держали ее на коротких вожжах и урезывали донельзя границы ее деятельности. Она скорее выполняла охранительные, чем разведывательные задачи (этот метод использования конницы в тактическом отношении являлся, конечно, прямым следствием переоценки бандитских сил).

4. Вследствие той же осторожности и нерешительности в действиях командования и штаба сбора низшие штабы (штабы

отрядов) были оставлены без всякого дела. Они, по существу, превратились в передаточные инстанции и, не имея оперативной работы, заменили ее организационно-административной деятельностью и повседневными хлопотами в организации сторожевой службы. В результате этот период деятельности не воспитал в подчиненных штабах необходимой активности и нужных для деятельности в своеобразной обстановке борьбы с бандитизмом оперативно-тактических навыков. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что некоторые начальники отрядов пытались превратить свои штабы в простые канцелярии при себе, выполнявшие переписку, учет и внутреннее администрирование.

Пренебрежение к штабной службе сказалось и в назначении начальниками штабов отрядов лиц, мало военно-квалифицированных и не пользующихся служебным авторитетом по незначительности ранее занимаемых штатных должностей (курсовые командиры и командиры рот). И это делалось, несмотря на наличие в составе сбора опытных начальников курсов и школ, оставшихся за переформированием своих курсов и школ в отдельные батальоны безработными. Такое положение с укомплектованием должностей начальников штабов отрядов за небольшими исключениями оставалось до ухода частей сбора на свои постоянные места расположения.

5. Плохая предварительная организация снабжения сбора, которая повела не только к продолжительному голоданию войск, но и послужила одной из причин неправильного тактического использования войск сбора. (Столкновения импровизированных продовольственных отрядов с бандитами, кончавшиеся по понятным причинам всегда в пользу бандитов, несмотря на проявляемую курсантами большую стойкость, именно и повели к переоценке сил бандитов. Не будь этих продовольственных вылазок, командование и штаб сбора не имел бы фактических причин к неправильной и предвзятой оценке бандитских сил и морального состояния их и своих войск.)

Второй период действий

В результате получения сбором своего боевого участка каждый из отрядов, в него входивших, получил также свой определенный район действий, состоящий из пяти-шести волостей. Будучи в этот период участником и свидетелем действий преимущественно 3-го отряда, получившего для оккупации район

из пяти волостей, смежных с Трескинской (штаб отряда с Трескино), я и буду касаться главным образом действий этого отряда. Оговорюсь при этом, что действия в других районах по своему характеру и обстановке были подобны описываемому.

С уходом штаба сбора (боевого участка) в с. Инжавино инициатива и самостоятельность командования отрядов была развязана по крайней мере в пределах своего района.

Деятельность отрядов на первых порах целиком свелась к борьбе с местными бандами, что и являлось, по существу, основной задачей оккупации и советизации районов. Борьбу с подвижными оперативными бандами целиком принял на себя штаб боевого участка, оставивший для этого в своем распоряжении некоторые части и большую часть конницы. Кроме того, при получении сведений о появлении в своем участке оперативных банд штаб боевого участка обычно формировал своим распоряжением из частей войск, входивших в ближайший к появившейся банде район, отдельный более или менее крупный отряд из всех родов войск с подчинением его непосредственно командованию боевого участка, который и получал задачу отыскивать и преследовать банду.

Такие отряды существовали уже не день и не два, а часто неделями. Пехота этих отрядов обычно сажалась на подводы, что позволяло им делать суточные переходы в 50–60 км. Тем не менее обычно уже на второй день отряд терял из виду преследуемую им банду, так как банды двигались еще быстрее. Это объясняется тем, что банды, проходя первыми через населенные пункты, широко применяли замену приставших лошадей у местного населения. Части Красной армии обычно этим способом не пользовались, да и при ограниченности конских ресурсов района удавалось заменить лишь незначительное количество лошадей.

Нельзя не отметить и тактической причины неудач в преследовании. Командование отрядов, опытом действий первых дней приученное к сугубой осторожности, прекрасно учитывавшее умение бандитов действовать мелкими группами и полное знание ими местности, крайне неохотно отпускало от себя вперед кавалерийские части и подразделения, единственно могущие уцепиться за хвост прогивника. Обычно же кавалерия работала на коротких вожжах, не удаляясь далее 3–5 км от отрядов. Впрочем, обвинять в этом командование отрядов и трудно, так

как кавалерийские части были слабы как ударная сила: эскадроны нормально по силе не превышали 40–60 всадников.

Второй период действий курсантского сбора начался с усиленных разведывательных поисков. Для этого обычно выделялись сильные кавалерийские и пехотные подразделения (эскадрон, рота, батальон). Иногда конница действовала совместно с пехотой, преимущественно ночью, так как в ночных условиях поиски одной конницы обычно ни к чему не приводили. Метод ведения разведки принят был вначале также неудачный. Вместо того чтобы высылать большое количество по разным направлениям и пунктам разведывательных отрядов и партий, штаб отряда высылал несколько более или менее крупных частей в весьма ограниченном количестве направлений.

Разведка велась обыкновенно в ближайших районах и в направлениях по радиусам от расположения отряда, тогда как следовало, выбрасывая разведывательные части в более или менее отдаленные пункты, вести затем разведку по радиусам, по направлению к расположению отряда, гоня перед собой банды не от войск, а на войска (этот метод был принят впоследствии и дал положительные результаты). Добываемые разведывательными частями сведения были крайне скудны. Они в лучшем случае приводили одиночных бандитов или небольшие группы их, принадлежавшие к мелким местным бандам, и естественно, что опрос их не приводил штаб к получению особенно больших и ценных сведений.

Постепенно командование отряда стало приходить к мысли о необходимости занятия войсками еще нескольких крупных населенных пунктов в своих районах, особенно тех, которые были особенно заражены бандитизмом или были окружены местностью, благоприятствовавшей действиям банд. Так уже в начале июня командованием 3-го отряда был выброшен один отдельный курсантский батальон с легкой батареей при нем в бандитское с. Калугино, отстоявшее в 7–8 км от с. Трескино. С выброской этого батальона, ведшего затем самостоятельные разведки в своем районе, поступление разведывательных сведений о бандах стало увеличиваться. Кроме того, значительное количество сведений стало поступать после налаживания агентурной разведки и систематического задержания и опроса родственников бандитских главарей, имевших постоянную связь с бандитами. Надо, однако, сказать, что подобные опросы требо-

вали организованного и натренированного аппарата, и они стали давать успех только после того, как этот аппарат был сформирован при комиссарах отрядов, куда входили и представители местных ревкомов и органов Особого отдела.

Одновременно по распоряжению командования сбора начала проводиться и так называемая советизация наиболее бандитских деревень. Советизация эта проводилась так. Ночью сильный отряд окружал намеченный населенный пункт, выставляя цепь охранительных постов, окружая ими намеченный к осмотру район, и с наступлением рассвета приступал к действиям. Прежде всего тщательно обыскивались все возможные убежища бандитов, задерживались их родственники, особенно главарей, по особым заранее составленным спискам. Вылавливались все бандиты, и начинался почти поголовный опрос мужского населения.

В результате этой работы производилось изъятие из деревни всего бандитского элемента, их укрывателей, семей главарей, которые тут же отправлялись в концлагеря. Затем проводилась работа по организации низовых органов советской власти, и отряд снимался. Работа по советизации велась политтройками в составе комиссара, начальника отряда и представителя местного ревкома. Надо отметить, что тщательно проводимая работа по советизации имела не меньшее, если не большее значение, чем вся оперативная работа войск.

Внезапными окружениями населенных пунктов всегда удавалось застичь в них нескольких активных местных бандитов, которые иногда прятались чрезвычайно хитро. Так при советизации д. Грушевка (5 км от с. Трескино) штаб отряда остановился на мельнице, находящейся несколько в стороне от этой большой деревни (около 140 дворов). Стоявший на посту на мостике через проток, подводивший воду к мельничному колесу, часовой заметил, что старый мельник часто выбегает к мельничному колесу и что-то там приглядывается, не зная, что за ним наблюдают. Одновременно один из работников штаба нашел под лавкой в помещении мельника корзинку с разными продуктами, видимо кому-то приготовленную. Все это навело начальника отряда на мысль, что корзинка чем-то связана с мельничным колесом. Приступив к допросу мельника, ведшему проток, вымощенным досками, удалось установить, что под дном протока, вымощенным досками, скрываются два бандита (один из них был племянник мельника, разыскиваемый главарь круп-

ной местной банды, бывший унтер-офицер старой армии Назаров, случайно заночевавший в эту ночь в деревне).

Мельница была остановлена, и двое смельчаков, командир и курсант, раздевшись, с наганами в руках нырнули в мельничное бучило. Под дном протока, в узкой щели между деревянным настилом его дна и землей, образовывавшей второе нижнее дно, заливаемой струйками воды, просачивавшимися сквозь доски днища, произошла перестрелка. Бандиты забирались все дальше и дальше под дно протока, предпочитая погибнуть от воды, чем попасть в плен, но после того как Назаров был ранен в ногу, сдались и вынырнули из бучила вместе с захватившими их бойцами. Указанный случай я привожу для характеристики тех трудностей, которые встречала борьба с местным бандитизмом.

В той же Грушевке и в то же время пришлось встретиться с таким случаем. В результате почти поголовного опроса всех жителей и после долгих хитростей удалось установить, что на огороде во дворе своего отца скрывается в течение нескольких месяцев местный народный учитель, бывший офицер. Оказалось, что под скирдой соломы, стоящей на огороде, была выкопана подземная яма, которую подземный же ход соединял с подпольем хаты. В абсолютной темноте просидел в этой яме 6 месяцев этот новоявленный схимник исключительно из боязни мобилизации его как бывшего офицера бандитами. Отец же при бандитских налетах показывал, что сын ушел из дому и пропал неизвестно где. Извлеченный из ямы сиделец был уже мало похож на человека, но впоследствии оправился и скромно служил в качестве библиотекаря в одном из курсантских батальонов.

В этот же период начал применяться еще один метод борьбы с местными бандами — так называемое «прочесывание». «Прочесывание» (этот термин получил общее употребление во время борьбы с бандитизмом в Тамбовской губ.; к сожалению, не знаем, было ли оно впервые применено курсантскими отрядами или было усвоено от войск, ранее там работавших) производилось обычно таким образом. Предназначенные для этого части окружали кольцом большой участок местности в несколько десятков квадратных километров. Пехота занимала определенное исходное положение по определенной линии, друг против друга, и в определенное время начинала двигаться, развернувшись широкими цепями, навстречу друг другу. Обычно цепи эти были очень редкими, люди шли на расстоя-

нии в 20–50 шагов друг от друга, в зависимости от закрытости и пересеченности местности. Длина такой цепи (ширина фронта) иногда достигала 5–8 км. Позади цепей двигались небольшие конные группы, на случай прорыва сквозь цепь конных банд, и сосредоточенные пехотные части на известных интервалах, чтобы в случае надобности оказать помощь цепям. В результате такого движения цепи, как гигантский гребень, прочесывали местность.

Надо сказать, что такие «прочесывания» никогда не приводили к особенно крупным успехам. Правда, отдельные бандиты и небольшие группы их, в особенности пешие, обычно попадали в небольшом количестве в руки оперировавших частей, но конные банды обычно ускользали из окружения. По опросам захваченных бандитов оказывалось, что в данном оцепленном районе было гораздо более бандитов, чем их было поймано. Тем не менее такие «прочесывания» производили на бандитов колоссальное моральное впечатление потому, что они отлично понимали, что будь такое «прочесывание» лучше организовано и к нему привлечено больше частей, в особенности конных, они не могли бы отделаться столь дешевыми потерями, как обычно.

Кроме того, «прочесывание» несомненно испугивало банды с их мест и мешало их отдыху и как средство активной борьбы являлось до известной степени действительным. Надо иметь в виду, что такой образ действий требует хорошо дисциплинированных частей, каковыми в то время и являлись курсантские части. Хотя «прочесывание» требует участия значительных сил, вначале в описываемый период оно применялось не в большом масштабе; впоследствии оно иногда производилось крупными силами двух соединенных отрядов.

Боевые действия в этом втором периоде деятельности курсантского сбора привели к выработке уже ясно осознаваемой всем командным и курсантским составом особой тактики действий против банд. Части стали приобретать все большую подвижность и тактическую гибкость, вполне соответствующую борьбе с распыленным, подвижным, быстро появляющимся и так же быстро исчезающим противником. Наряду с этим части и командный состав окончательно освоились с своеобразным характером местности района своих действий.

В этот же период было положено и начало советизации районов и организована широкая агентура в большинстве насе-

ленных пунктов, благодаря которой удалось не только взять на постоянный учет большинство местных банд, но и проследить обычные пути их передвижения и обычные места их отдыха. Был установлен ряд районов и населенных пунктов, являющихся излюбленным местопребыванием и районом действия банд. Таким образом надобность в осведомительной войсковой разведке стала отпадать.

Вместе с тем и боевые действия против местных банд стали входить уже в обычную систему. Получив агентурные сведения о расположении той или иной банды в определенном районе, штаб отряда ночью высылал туда небольшой отряд — рота пехоты, несколько пулеметов, конно-охотничья команда (такие команды были сформированы в каждом отдельном курсантском батальоне). Отряд ночью же окружал данный населенный пункт или район. Чаще всего банда с рассветом после короткой перестрелки рассеивалась мелкими группами в разные стороны, оставляя на месте лишь убитых и раненых, которые и захватывались.

Тем не менее такие действия окончательно выбивали почву из-под бандитских отрядов. Они были вынуждены большую часть времени находиться в постоянном движении, отдыхая лишь урывками, непродолжительное время. Бандам приходилось уже не столько активно действовать, сколько уходить от погони, прятаться и отыскивать места для отдыха. Наиболее мелким бандам, действовавшим только в районе своих деревень, не оставалось иного выхода, как сдаваться. Терроризация местного населения, широко применявшаяся до сих пор бандитами, начала быстро сокращаться.

Между прочим, в середине июня одним из высланных штабом 3-го района отрядов, километрах в 10 от Трескино была рассеяна банда, при которой случайно находился и сам Антонов. Он ускакал в сопровождении четырех всадников — главарей, — по показаниям захваченных бандитов, — проскакав мимо села Трескино. Начальник 3-го отряда с двумя десятками всадников безрезультатно преследовал его. Хорошие лошади на этот раз спасли бандитского главокома.

Так или иначе, в этот период времени командование отрядов курсантского сбора и вообще высший и старший командный состав уже научились использовать свои части в более мелких подразделениях и значительно повысили свою активность.

В начале июня скопившиеся на границе Тамбовской и Саратовской губерний оперативные банды Антонова понесли значительное поражение от частей Красной армии (группы тов. Уборевича), и остатки этих банд, а иногда и целые банды начали перекочевывать в излюбленный и наиболее знакомый им район, занятый частями курсантского сбора.

В лесных пространствах, имевшихся в этом районе, они, очевидно, надеялись укрыться и переорганизоваться, что им отчасти, как покажет дальнейшее изложение, и удалось.

Во всяком случае агентурная и войсковая разведка к середине июня стала систематически давать сведения об усилении бандитской деятельности, особенно в районе Богдановских, Николо-Ржаксинских и Паревского лесов (последние два лежали по течению р. Ворона и были сильно заболочены). Таким образом, по ходу событий все действия частей курсантского сбора в течение первого и второго периодов оказались лишь подготовкой к дальнейшим, более активным и решительным действиям.

Выводы.

1. К числу основных ошибок командования сбора (боевого участка) надо отнести еще большое вмешательство в деятельность подчиненных начальников. Эпизодические по мере надобности формирования из состава войск, оккупировавших районы, подвижных оперативных отрядов нарушали плановую работу командования и штабов отряда.

Импровизация отрядов вела к случайному подбору состава штабов их, к случайности назначения частей в их состав. В результате — недостаток сработанности как старшего начсостава отрядов, так и частей, в них входивших. Выручало лишь однообразие подготовки и стабильно хорошее состояние курсантских частей; в армейских частях такая импровизация могла бы повести к гораздо большим неурядицам и недочетам. (Надо при этом отметить, что начальниками этих отрядов всегда назначались одни и те же лица, это было уже большим плюсом.)

Наилучшим выходом было бы формирование постоянных оперативных подвижных отрядов, находящихся постоянно в распоряжении штаба сбора (боевого участка) и всегда готовых к выступлению. Этим была бы увеличена и большая подвижность отрядов и скорейшее их выступление, так как отряды могли бы постоянно иметь достаточные перевозочные средства

и выступать на 3–4 часа раньше, ибо как минимум такое время уходило на организацию импровизированных отрядов. Именно потеря этих 3–4 часов на формирование отряда и вела к тому, что он опаздывал прибытием к месту нахождения банды, она уже к тому времени успевала сняться, и гнался за бандой, уже находившейся в движении.

2. Оккупация населенных пунктов в занятом районе протекала слишком медленно и осторожно. Следовало с самого начала занять войсками большее количество населенных пунктов, пересекая обычные и наиболее удобные пути движения оперативных банд и лишая снабженческих баз местные банды. Оккупировать населенные пункты можно было и более мелкими гарнизонами, чем это делалось: вместо батальонов с артиллерией вполне можно было в части пунктов располагать роты и даже взводы.

При наличии организованной связи, тщательном несении охранительной службы гарнизонами и устройстве оборонительных сооружений части при таком расположении ничем не рисковали, тем более что крупные подвижные отряды в любой момент могли выручить гарнизоны из любого окружения. При этом же к тому времени был уже хорошо известен характер действий банд, предпочитавших нападать лишь на слабые и ничем не защищенные части.

3. Тактика действий мелких отрядов также была недостаточно выработана и плохо усвоена, что вело к постоянному ускользанию банд. Между тем полная тактическая неподготовленность банд и неумение их действовать в сколько-нибудь крупных массах давало полную возможность пользоваться при этих действиях одним и тем же шаблоном. Проистекало это по вине главным образом высшего и старшего начсостава, который, имея большие возможности к охвату и оценке характера действий банд в более широком масштабе, должен был и лично руководить действиями мелких отрядов или по крайней мере тщательно инструктировать подчиненный начсостав. Это тем более непросто, что курсантские отряды и части были насыщены этим начсоставом более чем достаточно.

4. Необходимо было и более широкое использование перевозочных средств местного населения, по крайней мере в тех пунктах, которые были избавлены от непосредственной угрозы бандитских нападений. Следовало постоянно иметь достаточное количество дежурных подвод при штабах отрядов и заблаго-

временно готовить им подставу в пунктах по пути движения, высылая туда для этого конные части. При правильной политической подготовке этого мероприятия население охотно бы на эти меры пошло.

Третий период действий

Как уже было выше отмечено, район 6-го боевого участка (курсантского сбора) начал наводняться остатками оперативных банд и целыми, более или менее потрепанными бандами, не проявлявшими вначале особой активности.

Имелись агентурные сведения, что Антонов предполагает провести совещание всех крупных бандитских главарей. Местом этого совещания называли или Богдановские леса, или же леса по линии р. Ворона в районе большой д. Паревка (около 2 тыс. дворов), лежащей к северу от с. Инжавино. Таким образом, перед командованием боевого участка стали две задачи. С одной стороны — необходимо было продолжать борьбу с местными бандами и советизацию района боевого участка, а с другой — организовать действия против оперативных банд и помешать их организации после нанесенного им разгрома. Борьба с местными бандами требовала разукрупнения оккупационных отрядов, расположенных гарнизонами по населенным пунктам, действия же против оперативных банд было необходимо вести крупными отрядами.

Ряд новых населенных пунктов района был занят небольшими гарнизонами, от взвода до роты, которые вели борьбу с местными бандами и проводили советизацию занятых ими пунктов и окрестных деревень. Для скорейшего получения и передачи сведений о действиях банд эти пункты были соединены со штабами отрядов телефонами. В части населенных пунктов, не занятых войсками, пришлось расположить промежуточные станции телефонной связи, причем охрана целостности линии была возложена на местное население. И надо отметить, что сеть действовала довольно исправно, несмотря на бродящие кругом банды, которые не всегда догадывались резать телефонные провода.

Крупные подвижные отряды, составленные из всех родов войск, были призваны к постоянной деятельности. Теперь они не формировались уже на 1–2 дня или вообще на короткий период, а существовали постоянно. Для проведения крупных

операций стали сосредоточивать в определенных намеченных районах все силы, которые можно было собрать. К числу таких крупных операций, которые были проведены в начале описываемого периода, относятся: а) окружение и очистка от банд большого Богдановского леса и прилегающих к нему переселков и лесов; имелись сведения, что в этих лесах укрывается и сам Антонов, и большинство ближайших и старших главарей (конец июня); б) окружение и очистка от банд большого Николю-Ржаксинского леса; в) очистка от банд главным образом мест центральной части Трескинской волости и части Калугинской волости.

В первой операции (Богдановский лес) приняли участие большинство частей сбора и отдельная кавалерийская бригада т. Котовского. Эта операция особенно интересна тем, что здесь впервые был применен метод обстрела занятых бандитами лесов артиллерийским огнем. На этой операции огонь этот велся почти целый день, служа некоторым подобием артиллерийской подготовки, предшествуя дальнейшим действиям. Огонь велся по разным участкам лесов, так как местопребывание и сосредоточение банд не было в точности известно, в расчете главным образом не на материальное, а на моральное воздействие на бандитов. (Огонь этот был настолько сильным, что некоторые артиллерийские части расстреляли весь свой запас снарядов. Так, к концу дня т. Котовский прислал в отряд т. Мокерова просьбу дать снарядов взаймы. Просьба была удовлетворена, и конардив кавбригады продолжал ведение огня.)

К сожалению, артиллерия курсантского сбора да и все прочие части не обладали химическими снарядами, использование которых могло бы дать действительно большие результаты, хотя бы даже только в моральном отношении.

Во всяком случае и этот огонь, не нанеся больших потерь рассеянным в лесах бандам, произвел на них потрясающее моральное впечатление. Многие бандиты в одиночку и мелкими группами в результате артиллерийского воздействия стали выходить на опушки лесов и сдаваться. Число сдавшихся было бы еще большим, если бы среди бандитов не существовало кровавой круговой поруки и боязни репрессий, со стороны красных, по отношению к сдавшимся.

Успешности действия артогня немало способствовала политическая подготовка операции. Реввоенсовет Тамбовской армии издал специальный приказ, что все сдавшиеся с оружи-

ем в руках до 31 июля бандиты не понесут никакого наказания. Приказ этот в листовках перед началом операции был широко распространен среди местного населения и разбросан в бандитских и посещаемых бандитами районах. Надо снова отметить в рамках этой операции недостаточную активность командования боевого участка в использовании пехоты и кавалерии.

Обстреливавшиеся артиллерией леса были предварительно кругом обложены сильными пехотными и кавалерийскими частями. Казалось бы естественным, чтобы по окончании обстрела каждая из окружавших лес частей выслала в него разведку, которая вела бы в лесу поиски. Но командование не поставило этой задачи перед отрядами и частями, участвовавшими в операции, не определило районов действий каждого, и разведка леса велась лишь непосредственно командованием боевого участка, специально назначенными для этого слабыми частями.

Командование же отрядов, предупрежденное о централизованном управлении действиями, не могло выслать частей для осмотра леса, не имея соответствующих распоряжений. В конечном счете вследствие этого операция, несмотря на свою длительность и большое количество участвовавших в ней войск, не дала тех результатов, которых можно было ожидать. Основные ядра укрывшихся банд так и остались необнаруженными и неразгромленными в этой большой по масштабу операции.

Вторая крупная операция — окружение и очистка Николо-Ржаксинского леса — была проведена по распоряжению командования боевого участка отрядом т. Мокерова, совместно с вошедшей в оперативное подчинение начальника отряда отдельной кавалерийской бригадой т. Котовского. Операция эта по методам ее проведения несколько отличалась от описанной выше операции; артиллерия здесь использована не была. Лес был обложен со всех сторон не пехотой и кавалерией, а только конными пикетами и заставами, пехота же была использована для осмотра, разведки и очистки леса. Операция была подготовлена с вечера и началась с наступлением рассвета. Уже к рассвету лес был обложен конницей, а пехота ранним утром выступила для выполнения своей задачи.

Эта операция не дала также ожидаемых от нее результатов. Было взято в плен и перебито в мелких столкновениях всего около 30–35 бандитов, и некоторое количество их погибло при переправах в одиночку и мелкими группами через быструю, глубокую и широкую в этом плесе р. Ворона, которая делила

лес на две неравные части. По имевшимся же и впоследствии неоднократно подтверждавшимся сведениям, даваемым захватываемыми бандитами, в лесу в то время укрывалось около 1000 бандитов.

Недостаточный успех операции объясняется как характером леса, так и ошибками командования отряда. Так, в середине, в некоторых местах его, лес был настолько заболочен, что пехоте, в нем действовавшей, приходилось идти буквально по горло в воде, да притом при вязком грунте болота. В некоторых местах лес оказался настолько густым и заболоченным, что был непроходим совершенно. Трудность продвижения была настолько велика и связь между частями и управление ими было организовать настолько трудно, что продвижение цепей курсантов в лесу (метод «прочесывания») велось со скоростью не более половины км в час.

Командованием отряда была допущена такая ошибка, как решение провести всю операцию в течение одного дня, тогда как она должна была быть гораздо более длительной. Всю операцию необходимо было разделить на три этапа: первый — обложение леса сетью кавалерийских пикетов и застав; второй — разведка леса, главным образом в смысле его устройства и проходимости, сильными пехотными разведывательными отрядами. На разведку эту понадобилось бы не менее одного дня; третий — очистка леса от банд, каковая должна была быть рассчитана не менее как на два дня, с тем чтобы выделенные для этого части заночевали в лесу и с наступлением рассвета снова продолжали выполнение своей задачи.

Кроме того, назначенные для очистки леса части должны были начать свое прохождение леса не с одной линии, указанной начальником отряда, как это было на деле, а с разных исходных линий, лежащих на разных и противоположных опушках леса, ведя свое наступление концентрически, сходясь со всех сторон к центру леса и сжимая банды, как в клещах, сгнав их на небольшой по территории участок. К ошибкам этим повела уже воспитанная в начсоставе осторожность. Начальник отряда полагал, что предварительная разведка леса нарушит внезапность действий и, предупредив банды об опасности окружения, заставит их под прикрытием ночной темноты уйти из леса-западни. Такая возможность при отличном знании бандитами местности и крайне пересеченной местности вокруг леса, изобиловавшей укрытиями, была вполне допустима. Кроме того,

возникал ряд опасений за то, что высланные разведывательные части могут быть окружены бандитами и уничтожены, каковая версия при большей активности, чем та, которую проявили в данном случае банды, была также допустима.

Что же касается образа действий частей внутри леса, то к подобной организации их начальник отряда был до некоторой степени вынужден отсутствием достаточной уверенности в возможности поручения самостоятельной задачи некоторым из командиров частей, не зная их ввиду их недавнего прибытия в состав отряда и неопытности в действиях в столь своеобразных условиях.

К этому надо добавить, что в распоряжении начальника отряда не было достаточных средств связи и управления. Так, штатных подразделений связи, кроме полевой рации с ограниченным радиусом действия, совсем не было, и начальник отряда принужден был довольствоваться только конными посыльными, что совершенно не соответствовало широкому району действий. В распоряжении штаба отряда не было даже автомобиля, который мог бы сыграть большую роль, дав возможность личной разведки командования и штаба отряда (объезд леса вдоль всех его опушек и выбор районов действий и исходных пунктов и рубежей для действия пехоты не по карте, а на местности), что в данном случае могло иметь решающее значение и рассеяло бы ряд недоуменных вопросов, перед которыми оказались в действительности командование и штаб отряда при организации операции. Сыграла свою роль и недостаточная подобранность состава штабов отрядов, укомплектованных слабо квалифицированным начсоставом, не проявившим никакой инициативы и нужной распорядительности.

Операция по очистке и окружению местных банд, действовавших в Трескинской и Калугинской волостях, была проведена при участии войск отряда г. Мокерова и 4-го района (отряда) под руководством начальника отряда г. Ораевского. Эта операция была организована по принципу описанного выше «прочесывания» местности пехотными цепями. Части заняли исходные рубежи друг против друга на расстоянии около 15 км и начали движение широкими цепями навстречу друг другу, занимая в ширину пространство в 8–10 км.

Таким образом, в этой операции была просмотрена огромная территория в 120–150 кв. км. Однако никаких существенных и немедленных результатов эта операция не дала. Удалось

захватить не более десятка бандитов. Моральное же впечатление от операции было большое, это было установлено по показаниям впоследствии захваченных бандитов. Иного результата, впрочем, при необычайной подвижности банд и малочисленном составе их, при отличном знании каждого уголка местности и продолжавшемся содействии им части местного населения, связанного с ними кровными узами, трудно было ожидать.

Во всяком случае «прочесывание» местности — лучший способ очистки местности от мелких и рассеянных по значительной территории банд при наличии достаточного количества конницы. Даже не приводя обязательно к захвату и уничтожению банд, при этом способе они тем не менее вспугиваются из наиболее укромных, излюбленных районов и морально сильно устрашаются.

К числу причин недостаточного реального успеха следует в первую очередь отнести недостаток в данной операции конницы (участвовали лишь бывший в составе отряда т. Мокерова, курсантский кавполк и конно-охотничьи команды). Конница же при проведении такой операции и является наиболее активно действующим элементом боевого порядка. Пехота является, по существу, не более не менее как загонщиками при облаве на крупную дичь, в то время как конница выполняет роль охотников. Конные части при недостатке их использовались только для заплат, т. е. для заполнения прорывов в боевом порядке, наблюдения в промежутке на фланге между сходящимися боевыми порядками.

Необходимо же было, чтобы после окружения данной территории и начала движения сходящихся цепей конница в мелких группах двигалась впереди этих цепей, высматривала противника и захватывала или уничтожала его. Также необходимо наличие небольших конных групп и позади цепей, в некотором отдалении от них, на случай прорыва или проскока сквозь них отдельных групп бандитов. Такие операции по «прочесыванию» местности в более мелком масштабе применялись и до этой и после этой операции, но вследствие недостатка конницы кончались всегда недостаточными результатами. Так, например, как впоследствии выяснилось, конная банда Евграфыча (в разное время от 30 до 60 всадников) неоднократно оказывалась в окруженной войсками территории, но всегда благополучно ускользала, чаще всего не неся никаких потерь.

Активность курсантских частей к этому времени уже значительно повысилась, но недостаток конницы начинал сказываться все больше и больше, в особенности в связи с уходом из состава боевого участка отдельной Казанской кавалерийской бригады. В период относительного затишья, начавшегося в середине июля, в связи с перекочеванием банд из районов произведенных операций, несколько к северу (эти операции обеспокоили и испугали банды), части курсантского сбора оказались совершенно без конницы, временно ушедшей из отрядов на выполнение других операций. Активность действий отрядов была значительно понижена, а в некоторых районах и сведена почти к нулю.

Для разведки и выслеживания местных банд пришлось прибегнуть к организации импровизированной конницы, которая состояла из посаженных на коней пеших разведчиков, весьма малочисленных за недостатком конского состава, и артиллерийских разведчиков, связистов и ездовых. Высылаемые разьезды обычно не превышали 10—12 коней и, естественно, не могли выполнять больших задач и отдаляться значительно от своих войск. Попытка вести такими разьездами более или менее дальнюю разведку потерпела полную неудачу.

Так, в начале августа штабом 3-го района (отряда, начальник — т. Мокеров) был выслан отдельный разьезд т. Г-го в 12 всадников с задачей собрать сведения относительно расположения банды Евграфыча (Грача), действовавшей последнее время в районе д. Березовка (около 20 км к юго-западу от с. Трескино) и нарушавшей связь с оккупированными отрядом районами д. Золотое и Медное.

Прибыв в Березовку и не имея никаких сведений о банде, кроме того что в данном районе ее нет, разьезд расположился в крайней избе покормить лошадей. Деревня тянулась в один ряд вдоль проходившего оврага (яруги), поросшего густым лесом. Не разведав предварительно оврага и лишь выставив в его сторону часового, на крышу овина, стоявшего у самого края оврага, разьезд остановился на отдых.

Внезапно по наблюдателю был открыт из оврага огонь, и вслед затем оттуда быстро выскочило около 30 всадников и окружило разьезд. В результате боя банда отгеснила людей разьезда в овраг и, захватив всех лошадей с седлами, умчалась в неизвестном направлении. Банда и разьезд потеряли по одному убитому. Этот случай наглядно свидетельствует о привычке

уже действовать мелкими частями и, с другой стороны, — о большом уважении бандитов к курсантским частям, не решившихся продолжать бой до полного уничтожения разезда и удовлетворившихся лишь захватом лошадей.

И это несмотря на следующее, происшедшее раньше описываемое ниже событие. В июле месяце действовавший в составе отряда т. Мокерова курсантский кавалерийский полк под командой т. Ракова получил задачу двигаться самостоятельно в район д. Федоровка-Мордва, где, по имевшимся агентурным сведениям, скапливались банды. Подходя к указанному району, полк встретил банду численностью сабель в 300 и, ввязавшись за ней в погоню, на плечах банды ворвался в район, прочно занятый другими бандами. Встреченный в одной из деревень огнем банды, ее занимавшей, кавполк вступил с ней в бой и через короткое время оказался окруженным со всех сторон конными бандами. Численность бандитов, по сведениям, полученным от ушедших из окружения людей, достигала 3000 сабель; по всей же вероятности, бандитов было не более 1500 сабель.

В результате жестокого и отчаянного со стороны курсантов боя кавполк был порублен и, как таковой, перестал существовать. Командир полка т. Раков рубился во главе полка, пока не был зарублен. Только отдельные люди ушли из окружения (около 60 всадников). Выяснилось, что полк действовал крайне неосторожно. В движении он не вел разведки и имел только непосредственное охранение, которое при преследовании банды слилось с полком и перестало выполнять свои функции. Командир полка проявил слишком большое пренебрежение к бандитам и слишком большую горячность.

Вообще малочисленный по составу курсантский кавполк (немногим более 200 сабель) хотя и состоял из отличных курсантов-бойцов и храбрых командиров, но, действуя в составе пехотных отрядов на постоянной привязи, отвык от самостоятельности (обычно командиры отрядов отпускали конницу от себя не менее 5–10 км). Вместе с тем в результате постоянных стычек с мелкими бандами, оканчивавшихся всегда в пользу курсантов, у них выработалось пренебрежение к противнику, за которое полк и поплатился столь дорого в первой же самостоятельной операции. Этот бой надолго лишил активности слабую курсантскую конницу и лишил боевой участок последней самостоятельной конной единицы.

Период относительного затишья продолжался приблизительно до половины августа. В это время мелкие банды были почти совершенно ликвидированы, в большинстве районов проведена советизация и довольно быстро налаживалась работа ревкомов. Продолжала оставаться неуловимой лишь банда Грача (Евграфыча). Эта банда, то увеличиваясь в своей численности до состава в 60–70 сабель, то снова уменьшаясь до 30, продолжала активно действовать в районе Трескинской и Калугинской волостей, ставя под постоянную угрозу налаживание советской работы и сообщения между отдельными населенными пунктами, органами советской власти и гарнизонами.

Командование 3-го отряда, в районе которого банда продолжала действовать, не имея больше в своем распоряжении конницы, было лишено возможности ликвидировать эту банду. Для окружения банды необходимо было не менее полка конницы, случайная же погоня за ней конными разъездами малой численности (18–20 сабель), которые с трудом импровизировали отряд, не приводила ни к каким результатам.

Успех же борьбы с прочими мелкими и пешими бандами объяснялся тем, что эти банды, потеряв почву под ногами, начали раскалываться и отдельные бандиты, сдаваясь, выдавали место расположения своих банд и указывали их обычные убежища, куда они скрывались при преследовании. Все же и эта борьба была трудна и требовала больших сил и энергичных действий для поимки чуть ли не каждого отдельного бандита.

Эти операции обычно производились так: получив сведения о месте нахождения той или иной банды, штаб отряда немедленно формировал отряд из 2–3 рот с небольшим количеством конницы (конно-охотничьи команды). Этот отряд двигался к указанному месту, быстро окружал район бандитского убежища, и затем начинались поиски внутри оцепленного района.

Обыкновенно бандиты скрывались в глубоких оврагах (яругах), заросших густым, почти непроходимым молодым дубняком. Приходилось окружать весь овраг, тянущийся иногда на несколько километров, и проходить его затем густыми цепями пехоты («прочесывание» в мелком масштабе). Первых же выловленных таким способом бандитов опрашивали, выявляли численность банды и продолжали поиски, пока вся банда до последнего человека не вылавливалась. Иногда такая операция затягивалась на много часов и даже на целый день, причем сами ранее пойманные бандиты принимали участие в поисках,

указывая убежища (пещеры и ямы) и опознавая вновь задерживаемых. Такие операции в период первой половины августа производились почти ежедневно. И только в результате такой систематической и упорной работы местный бандитизм был ликвидирован; остатки же местных банд присоединились к остаткам оперативных банд и ушли из облюбованных ими «своих» районов.

Банда Грача также была впоследствии ликвидирована, но совершенно другими методами. Честь поимки этой банды принадлежит агенту чрезвычайной комиссии Тамбовской губернии т. Покалюхину.

Наметив своей целью по заданию ОО боевого участка ликвидацию этой банды, т. Покалюхин под видом приезжего советского работника поселился в д. Болотовка и организовал обширную агентуру из среды местного населения, тайно поддерживая связь со штабом 3-го отряда. После длительной работы Покалюхин стал получать регулярно сведения о каждом шаге банды. В результате — однажды ему удалось получить точные сведения, что банда ночует в такой-то деревне. Попросив у штаба отряда в свое распоряжение отряд войск, который и был ему предоставлен, Покалюхин в ту же ночь окружил банду на отдыхе и захватил ее почти в полном составе, во главе с самим Евграфычем (Грачом). Остальные люди банды, лишившись главаря, были также в скором времени переловлены или уничтожены, сам же Евграфыч был отправлен в Москву.

Период активной борьбы с бандитизмом в районе курсантского сбора был закончен крупной операцией, проведенной при участии всех войск сбора и войсковых частей ВЧК в районе заболоченных лесов по течению р. Ворона, в районе д. Паревка. Операция эта началась 13 августа и продолжалась до начала сентября. Вся громадная территория заболоченных лесов, в которых нашли свое последнее убежище банды во главе с самим Антоновым, была окружена со всех сторон сильными отрядами. Внутри леса действовали специально назначенные части, которым пришлось осматривать чуть ли не каждое дерево и кочку. Особенно активное участие в этих поисках приняла рота красных коммунаров (Московская школа красных коммунаров), на долю которой выпало захватить наибольшее количество бандитов.

Некоторым частям при этих поисках пришлось целыми днями работать буквально по горло в холодной, осенней болотной

воде. Загнанные этими поисками в центр болотистого леса бандиты укрывались на небольших островках, к которым часто нельзя было даже подойти, и пришлось применить лодки. Интересный прием применяли отдельные скрывавшиеся бандиты. Почувствовав, что они окружены, они вырывали грунт под кочками, стоявшими в болотистой воде, оставляя в целости шапку кочки, и затем, став в эту яму, накрывали себя кочкой, дыша через тростник. Совершенно понятно, что отыскать так запрятавшегося бандита было нелегко.

Этой операцией бандитам был нанесен окончательный и уничтожающий удар. Правда, не всех бандитов оказалось возможным выловить или уничтожить, но организованные банды перестали существовать, распавшись на мелкие группы, кое-как по ночам прорывавшиеся сквозь линию окружавших леса застав. Самому Антонову с немногими своими приближенными также удалось в одну из ночей прорваться сквозь охранение и скрыться в неизвестном направлении, но тем не менее централизованно организованный бандитизм после этой операции существовать перестал.

Выводы.

1. Крупные по своему объему операции, проведенные в этом периоде борьбы с бандитизмом, показали, что старший и высший начсостав не усвоил еще окончательно основных принципов борьбы. Несмотря на малую активность банд и их явное нежелание вступать в открытую борьбу с частями войск, продолжается еще использование для операции несоответственно крупных сил. Вследствие этого значительная часть привлеченных на операцию войск остается присутствующими, а не участвующими в деле. За предыдущее время не было еще случая, чтобы банды решились вступить в открытый бой с курсантской пехотой, действующей подразделениями крупнее взвода. Отсюда следовало, что было неправильно использовать крупные пехотные части для окружения лесов, для этого годились тонкие пехотные растянутые кордоны с расположенными позади них пехотными группами силою от взвода до роты на случай прорыва бандитами этих кордонов. Всю же остальную пехоту следовало использовать для работы внутри окруженной территории. Старшие же войсковые начальники курсантского сбора поступали как раз наоборот. Они обкладывали территорию (лес или закрытое пространство) сильными частями, назначая для осмотра леса лишь незначительные части.

Проведение операции в Николо-Ржаксинском лесу, в которой лес был окружен только конницей и вся пехота была использована для осмотра леса, доказывает, что именно так и нужно было поступать. Если эта операция и не привела к окончательному успеху, то вследствие других допущенных командованием отряда ошибок и ряда объективных причин. Справедливо требует отметить, что при окружении Николо-Ржаксинского леса начальник отряда не использовал для этого пехоту не потому, что считал это неправильным, а просто потому, что в его распоряжении, во-первых, оказалось достаточное количество конницы, а во-вторых, ему командованием боевого участка поставлен был слишком короткий срок для выполнения операции, и пехота при большой окружности леса, не смогла бы своевременно его окружить.

Таким образом правильное тактическое решение вытекло из поставленной задачи и обстановки, а отнюдь не из правильного тактического мышления начальника отряда. В заслугу начальнику отряда можно поставить лишь то обстоятельство, что всю имеющуюся у него пехоту он полностью использовал на работу в лесу, на что толкала его как сама величина лесной территории, так и небольшое сравнительно с нею количество имевшейся в его распоряжении пехоты (три отдельных курсантских батальона).

Сосредоточение больших масс войск в определенных районах, где проводились операции, помимо всего прочего, приводило к тому, что остальные участки оголялись и в них за это время начинали усиленно действовать местные банды. А кроме того, это проведение операции по очереди сначала в одном районе, затем в другом давало всякий раз подвижным и отлично изучившим местность бандам возможность возвращаться в другой район, где не было войск, чтобы по окончании операции вновь возвращаться на прежнее место.

Таким образом, метод действий по частям, продиктованный переоценкой бандитских сил, активности и возможностей, значительно уменьшал возможный эффект действий. Будь банды в то время более активны и не находись они в состоянии, близком к полному моральному разложению, дело могло бы принять гораздо более дурной для войск оборот. Но, конечно, причиной подобного образа действий нельзя считать исключительно лишь тактическое недомыслие. К подобному образу действий отчасти приводил и катастрофический недостаток в руках командования участка и отрядов конницы.

2. Борьба с мелкими местными бандами также затруднялась и тормозилась главным образом из-за отсутствия конницы. Пехотным подразделениям было не под силу гоняться за конными, весьма подвижными и в совершенстве изучившими местность бандами. Пехота могла быть использована только для занятия гарнизонами населенных пунктов и для выставления застав и засад на пути движения бандитов. Кроме того, местность не была достаточно правильно использована. Местные банды при своих передвижениях днем пользовались не дорогами, а сообщающимися между собой густо заросшими оврагами, имевшими общее направление с севера на юг.

Необходимо было перехватить главнейшие магистральные овраги постоянными заставами, для того чтобы лишить банды возможности пользоваться ими как путями. Тогда подвижность банд была бы значительно скована, так как пользование дорогами бандитам даром бы не проходило. Эти постоянные заставы следовало комбинировать с временными заставами, выставляемыми каждый раз в новых местах в оврагах. При значительном количестве тех и других застав банды были бы окончательно скованы и были бы принуждены или сидеть на одном месте, что привело бы к быстрому их захвату, либо заставило бы уходить из данного района в другой. Но и этот последний путь был бы выгоден, так как в новом районе и банды и войска оказались бы в одинаковом положении в отношении знания местности.

«Прочесывание» местности сплошными пехотными цепями в крупном масштабе как метод активной борьбы с бандами, безусловно, себя не оправдало.

Во-первых — для этого было необходимым привлечение большого количества войск, которые не могли скрытно от банд с их отлично поставленной разведкой и обширной агентурой среди местного населения прибыть в район действий, а во-вторых — эти войска, занимая исходное положение, на что надо было всегда немало времени, тем самым сигнализировали бандитам об опасности. Таким образом, сосредоточенный удар больших сил, в сущности говоря, приходился по пустому месту, так как основные силы бандитов успевали уже исчезнуть из района, в котором намечалась операция.

Во всяком случае выставление постоянных и временных застав-засад по обычным путям движения банд (овраги) потребовало бы отнюдь не большого расхода войск. Всего на терри-

тории боевого участка по всей его ширине с севера на юг проходит всего лишь 4–5 магистральных направлений оврагов. Для того чтобы закрыть их для движения или по крайней мере ограничить это движение десятком километров, потребовалось бы не более 12–15 застав силою в один взвод и примерно такое же количество подвижных застав, т. е. на это было бы израсходовано не более двух курсантских батальонов. При наличии в ряде населенных пунктов более крупных гарнизонов и постоянном движении подвижных отрядов такое расположение застав особого риска не представляло.

3. Методы использования конницы не изменились по сравнению с первыми периодами действий. Командование отрядов продолжает неуклонно держать конные части при себе на короткой привязи. С другой стороны, действуя против бандитских частей, конница сама переживает некоторую эволюцию назад, скатываясь до партизанского образа действий. Уклонение банд от решительных столкновений с сильными курсантскими отрядами, постоянный успех в стычках с бандами, основанный именно на том, что конница работает при крупных отрядах, с которыми банды не решались ввязываться в бой (а вовсе не со слабой конницей), — все это повело к пренебрежению к бандитам со стороны начсостава и бойцов конницы. Именно эти причины и повели к разгрому бандитами курсантского кавполка, тем более отвыкшего от самостоятельных действий.

Мы склонны думать, что скатывание к партизанщине в условиях борьбы с бандитизмом — явление вполне закономерное в этой разлагающей обстановке, тем более если с этим явлением не ведется организованной и систематической борьбы и не принимаются предупредительных мер. И именно конные части, по вполне естественным причинам, скорее всего поддаются этому разлагающему влиянию. Действуя более мелкими подразделениями, уходящими с глаз начальника на большие расстояния, конные части легче утрачивают дисциплину. Сыграл свою роль, конечно, и еще не выветрившийся со времен 1919–1920 гг. свойственный коннице того времени дух партизанщины.

В четвертый период действий так называемая Паревская операция окончательно подорвала моральное состояние бандитов и их веру в дальнейший успех. Эта операция не представляет собой особой поучительности, она закончилась очень быстро.

Общие выводы

1. Организованная борьба с бандитизмом требует не только военных, но и в особенности политических мероприятий. Военные мероприятия против бандитизма в обстановке сочувствия к бандитам местного населения должны быть тесно увязаны и переплетены с мероприятиями чисто политическими.

Приказ о добровольной сдаче бандитов с оружием в руках до 31 июля 1921 г. с гарантией неприкосновенности сдавшихся явился крупным политическим мероприятием реввоенсовета армии, повлекшим к успеху ряда боевых действий и впервые внесшим элементы раскола в ряды банд. Перед каждым бандитом после выхода этого приказа стала дилемма: или немедленно сдаться, вновь вернувшись к мирной жизни и деятельности, избежав всех дальнейших опасностей, или же остаться в рядах банды оторванным от мирного труда и семьи, под угрозой погибнуть в бою с войсками либо быть расстрелянным при поимке.

Каждый бандит официально и явно ставился в дальнейшем вне закона со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но это политически правильное мероприятие не было достаточно обеспечено с военной стороны. Каждый бандит, связанный узами родства или продолжительного соседства с другими, имел полное основание, что и подтвердилось многочисленными фактами, опасаться, что если не он сам, то его ближайшие родные (семья) в случае сдачи будут подвергнуты жестоким репрессиям со стороны бандитов.

Вследствие этого каждый бандит оказывался под двумя огнями: боялся и войск, и бандитов и решал свой личный вопрос — оставаться ли в банде или сдаваться в зависимости от того, какая опасность реальнее угрожала ему в данное время, не говоря уже о прочих соображениях. Для того чтобы создать мощные стимулы для сдачи бандитов, необходимо было обеспечить безопасность не только его самого, но и его семьи от мести со стороны банд. Мечь эта обычно выполнялась, и выполнялась жестоко (обычно вырезывалась вся семья сдавшегося бандита) местными бандами, державшими под непрерывным наблюдением все населенные пункты и всех их жителей. Бывали случаи, что мечь осуществлялась и по прибытии в данный пункт оперативных банд, получивших на месте донес о сдаче от своих агентов или местных бандитов, не решавшихся почему-либо расправиться лично.

Для того чтобы сделать эту месть более или менее пустой угрозой, необходимо было занять хотя бы небольшими гарнизонами каждый без исключения населенный пункт, подвергая при этом, конечно, эти гарнизоны известному риску. Такая оккупация населенных пунктов в районе поэтому должна являться начальным организационным мероприятием при борьбе с бандитизмом, если имеется в виду привлечь к активной борьбе с ним местное население.

Вообще говоря, вопросам политработы с населением не было уделено достаточного внимания. Никакого разъяснения сущности бандитизма, его вредности для страны, его бесперспективности, никакой агитации не велось, и в этом большая ошибка командования и политруководства сбора. Населению предоставлялось в полной мере учиться на фактах, из которых оно часто делало выводы далеко не всегда в пользу Красной армии.

Работа политических органов свелась главным образом к организации агентуры среди местного населения и выявлению бандитских укрывателей среди него же. Впоследствии с большим опозданием на долю политорганов выпала еще одна работа — учет бандитов, состоящих в бандах, по населенным пунктам. Будучи проведена своевременно и систематически, она могла бы значительно подорвать моральное состояние бандитов. Списки бандитов следовало вывешивать в каждом населенном пункте, чтобы как население, так и сами бандиты (а они держали постоянную связь с населением) знали, что каждый из них находится на учете и ему не удастся остаться в неизвестности.

Уже со второго периода действий были применены такие методы работы, как конфискация бандитского имущества, контрибуции с особенно бандитских населенных пунктов, взятие от них заложников на принципах круговой поруки, но мы не будем останавливаться на этих вопросах, не задавшись целью специального разбора вопросов политической борьбы и работы в обстановке бандитизма.

2. К крупным тактическим ошибкам командования сбора, включая сюда и командование отрядов, следует отнести недостаточный предварительный анализ обстановки, который дал бы возможность избежать ряда допущенных тактических ошибок. Уже одно только тщательное изучение местности района предстоящих действий по карте и уточнение данных этого изу-

чения путем рекогносцировок на местности могли бы привести к выводу о необходимости закупорки заставами-засадами обычных путей движения банд. Это мероприятие с самого начала сковало бы подвижность банд, сделав их вследствие этого легче уловимыми.

Вместо этого нашел широкое применение метод «прочесывания» местности, не соответствовавший средствам войск (малочисленность конницы) и не давший, за исключением отдельных случаев, достаточно успешных результатов. Это неумение сразу же оценить обстановку во всем ее сложном комплексе привело еще к одному значительному греху — медленному развертыванию действий против бандитов и к неправильным формам этих действий (немногочисленные крупные подвижные отряды вместо более многочисленных мелких, как бы следовало).

Правда, одной из причин к этой медленности развертывания действий послужил и чисто организационный недочет — недостаток конницы. Организованно в состав сбора входила только одна конная часть — сводный курсантский кавалерийский полк слабого состава. Казанская кавбригада, выступившая в район сбора в составе его, вскоре была командованием армии изъята и направлена в другой район; что же касается отдельной кавалерийской бригады т. Котовского, то, подчиняясь начальнику сбора лишь в оперативном отношении и имея свой постоянный район действий и находясь постоянно в этом районе, она, естественно, не могла быть широко использована командованием.

В общем, соотношение конницы и пехоты в частях сбора выражалось в пропорции как 1:20. Нормальным же соотношением было бы 1:1 или по крайней мере половина к единице. Надо определенно признать, об этом говорят убедительно факты, что командование сбора, вплоть до нанесения сводному кавполку курсантов жестокого урока бандитской конницей, недооценивало значения конницы в борьбе с бандитизмом, не принимая и мер к тому, чтобы получить в свое распоряжение достаточное количество конницы.

3. Совершенно очевидно, что такое же отрицательное влияние оказывал и крайний недостаток в составе сбора технических частей, и частей связи в особенности.

На весь сбор имелась всего лишь одна штатная единица связи — отдельная рота связи, которая едва справлялась только с поддержанием связи штаба боевого участка со штабами

отрядов, раскиданных на широкой территории. Курсантские части штатных подразделений связи не имели, а нештатных средств было чрезвычайно мало. В среднем курсантский батальон имел 6–8 телефонных аппаратов и 15–20 км провода.

Средств передвижения не доставало катастрофически. Состоявшая в распоряжении штаба боевого участка авторота, имевшая 11 легковых и грузовых машин и около 15 мотоциклов, держала на ходу не более 2–3 машин ежедневно и столько же мотоциклов из-за совершенно негодного состояния резины. Резина эта была настолько изношена, что ни одна машина не могла пройти более 15–20 км без того, чтобы не лопнула одна из камер. Все эти недочеты самым отрицательным образом отражались на управлении войсками.

4. Начсостав сбора не был совершенно подготовлен к ведению операции против бандитов. Выработавшиеся на опыте Мировой и Гражданской войн навыки в управлении войсками и тактические приемы явно не годились для борьбы с бандитизмом.

Командный состав учился приемам этой борьбы тут же на месте, причем примером служили шаблонные приемы, в свое время применяемые при борьбе с бандитизмом на Украине. Командование сбора и отрядов не делало никаких попыток обобщить опыт борьбы с бандитизмом и преподать войскам хотя бы примитивную инструкцию о методах этой борьбы.

Вследствие этого каждый начальник и каждая войсковая часть действовали везде на свой страх и риск, своими приемами и методами, открывая в них иногда давно открытые американи. Порождавшаяся вследствие того же отсутствия руководства неуверенность в правильности своих действий, вела в результате к недостаточно активным действиям начальников и войск.

Это же положение вело в свою очередь к недостаточной уверенности старших начальников в подчиненных им командах, следствием чего явилось связывание самостоятельности и инициативы младших начальников.

Именной указатель

- Авербах И.М. 178
Аверьянов П.Е. 98, 115, 116, 120, 121
Агеев 178
Агейкин А.И. 205
Адамов Е.М. 37
Азеф Е.Ф. 162–164
Александров А.Ф. 44
Алексей, денщик Антонова А.С. 200, 307, 309
Альтов П.А. 71
Аникин Г.А. 179, 186
Антонин, епископ 10
Антонов А.С. 6, 8–10, 14, 23, 28, 30, 35–37, 39, 44–50, 52, 55–58, 61, 65–69, 73, 74, 77, 79, 86, 89, 92, 93, 95, 98, 104, 106–111, 115–118, 125, 132–135, 146–215, 220, 224, 232–235, 240, 247, 250–252, 254, 255, 258, 264, 265, 267, 268, 271–275, 280, 282–284, 286–293, 295, 303–305, 307–309, 311, 316, 322, 330, 331, 333, 334, 342, 343
Антонов А.С., учитель 30
Антонов Д.С. (Дмитрий, Митька) 72, 107, 110, 135, 147, 159, 172, 182, 185, 199, 200, 207, 213–215, 305, 307, 309
Антонов (наст. фам.: Герман) М.Д. 84
Антонов С.Г. 147
Антонов-Овсенко В.А. 8, 21, 25, 79, 83, 84, 99, 100, 106, 125, 129, 132, 141
Антонова (в замужестве Полканова) А.С. 147, 160, 164, 168, 215
Антонова (в замужестве Иванченко) В.С. 147, 160, 215
Антонова (урожд. Соколова) Н.И. 147
Антоновы, семья Антонова С.Г. 147
Антоновы, семья Антонова А.С. 174, 181, 183
Антоновы, братья Александр и Дмитрий 200, 209–215
Аплок Ю.Ю. 43–46, 266
Аптекарь П.А. 13
Арнольд Н.Г., фон 154
Архангельский 249
Баженов К.Н. 170, 173, 176, 177, 287
Баранов К.И. 65, 98, 114
Бармин И.А. 116, 120, 134
Баргольд Б.В. 162–164
Барышников Т.Г. 32, 33
Баурин И. 66

- Башкарев И.И. 98, 134
 Белокобыльский 51
 Белоусов И.Н. 151
 Беляков М.Ф. 82
 Беньковский И.Я. 207, 209, 212, 214
 Бербешкин Н. 191, 192, 288
 Березовский И.Н. — см. Михайлов-
     Березовский И.Н.
 Бирюков И.А. 167, 168
 Благонадеждин В.И. 47, 49, 50
 Блюдзе 300, 302
 Блюхер В.К. 104
 Боголюбская К.А. 174
 Боголюбский А.А. 174, 182, 185,
     201–203, 215
 Богуславский А.В. (Богословский, Бо-
     гослов; наст. фам.: Чекалов А.В.)
     9, 34, 36, 50, 52, 54, 61, 90, 98,
     113, 115, 124, 127, 235, 247, 282
 Болотников И.И. 215
 Бочаров В.П. 82
 Боярский П.Д. 66
 Бриммер К.В. 43, 50–53, 55, 58, 222
 Брюханов Н.П. 21, 46
 Буденный С.М. 124
 Булавин К.А. 215
 Булатов П.Г. 173, 176, 177
 Бухарин Н.И. 78–80
 Бученев И.Я. (Лобан) 118

 Вакулин К.Т. 283
 Валобуев К.М. 190
 Вандервельде Э. 10
 Варавва Е. 87, 97
 Васильев (наст. фам.: Гольберг) Б.А.
     82–84, 100, 106–108, 125, 176,
     177, 190
 Васильев С.А. 205
 Васькин А.А. 106
 Введенский 10
 Венедиктов Д.П. 116, 120, 134

 Вениамин, митрополит 10
 Вержбицкий 171
 Верховых В.М. 136
 Вирта (наст. фам.: Карельский) Н.Е.
     196, 197, 220
 Вислобоков Я.Ф. 65, 66, 98, 114
 Волосатов И.П. 39
 Вольский В.К. 183, 249
 Воробьев В.М. 31, 51
 Ворожищев И.М. 99, 116, 121, 128,
     134, 304, 305
 Востриков И.А. 66, 200, 303, 305,
     307, 309
 Врангель П.Н. 7, 32, 77, 235, 255,
     256, 278

 Гавриков Т.С. 65
 Галыгин И.Д. 184
 Гаранин 52
 Гатовский А.Н. 96
 Герасев Н.Я. 202
 Герман А. 196, 197
 Глиников 284
 Голиков А.Г. 73–75
 Гольдин Я.Г. 17, 18, 20, 21
 Горький Максим 20
 Грач — см. Симаков А.Е.
 Гридчин Н.Г. 182
 Громов П.П. 33, 38–40, 61
 Губарев И.А. 54, 66, 83, 89, 90, 127
 Гуль Р.Б. 198, 220
 Гумберт 166
 Гусаров 282
 Гучков А.И. 7

 Давидайтис Ю.А. 173
 Давыдов П.М. 185, 250, 251
 Дементьев В.Д. 12
 Деникин А.И. 252, 278
 Дзержинский Ф.Э. 45, 48, 49, 60,
     64, 65, 78, 175, 203

- Дмитриенко В.И. 8, 59, 76, 105, 107, 121, 291, 295
- Долгов Ф.А. 98
- Доможиров Н. 223
- Донков И.П. 28, 29, 69, 85, 86, 136–142, 216
- Дриго-Дрыгина А.А. 206
- Дурново А.Н. 150
- Дыбовский Н.А. 174
- Евграфыч — см. Симаков А.Е.
- Егорчев Д.М. 66
- Есиков С.А. 13, 35, 137
- Жабин А.И. 83, 85
- Жуков Г.К. 87, 91, 110, 111, 141, 142
- Жуликов М.И. 154
- Заев И.С. 178–182, 287
- Зайцев В.А. 189
- Зайцев Е.Е. 209–211
- Збруев 31
- Зверьяев 275
- Зегель А.В. 61
- Зенкович И.К. 37, 43
- Зиновьев Г.Е. (наст. фам.: Радомысльский Е.А.) 7
- Золотарев 26
- Зудин П.С. 181
- Иванников Д.Г. 66
- Иванов В.В. 213
- Ивановский П. 303, 307
- Ишаков 10
- Ишеев В.П. 169, 172
- Ишин И.Е. 39, 52, 55, 131, 185–187, 202, 250, 251
- Каверин А.М. 65
- Казаков А.С. 21, 22, 41, 133, 135, 139, 216, 222
- Казанков Е.И. 39, 58, 66
- Какурин Н.Е. 100, 121
- Каледин А.М. 57
- Калинин М.И. 7
- Каменев (наст. фам.: Розенфельд) Л.Б. 78, 81
- Каменев С.С. 45, 63, 64, 73, 75–77, 79, 81, 88, 104, 107, 129
- Камерон П.А. 60, 62
- Канищев В.В. 13, 35, 137
- Канищев М.А. 66, 121, 122
- Каплин Т.И. 39
- Карась — см. Никитин-Королев В.В.
- Карпухин Н. 54
- Касинов С. 129
- Катасонова Н.И. 207–211
- Кауфельдт Ф.П. 112
- Кедров М.С. 190
- Керенский А.Ф. 172, 252
- Кинчин Л.А. 166, 167
- Кирьянов И.З. 34, 190
- Киселев Н.А. 149–151
- Климов И.А. 191
- Климов Т.А. 183
- Клоков С. 189
- Клочков 284
- Клюшенков Д. 189
- Кобзев И.А. 82
- Ковалев М.П. 112
- Коваленко А.И. 204–206, 210
- Коваленко Ф.И. 205
- Козловский 7
- Колесников Г.М. 87
- Колесников И.С. 60, 79, 87–93, 96–98, 140
- Колесников М.П. 86
- Коллонтай А.М. 8
- Колчак А.В. 278
- Конев С.В. 14
- Коноваликов И.В. 157, 158

- Коновалов С.В. 187
 Конопко Ю.В. 106
 Корешков К.А. 57, 66
 Корнев В.С. 60–62, 64, 175
 Корнеев В.С. 49, 50
 Коровин 284
 Коротков И.Я. 161, 162
 Коршунов П.И. 157
 Косова М.М. 196, 197
 Котовский Г.И. 8, 9, 103, 105, 106,
 108, 111, 112, 120–122, 143, 295,
 297, 298, 302, 304, 308, 313, 334,
 335, 349
 Красницкий 10
 Крестинский Н.Н. 79, 81, 84
 Криворучко Н.Н. 112
 Критский А.П. 164
 Кричевская 164
 Крутских Г.В. 66
 Крыленко Н.В. 10
 Ксенофонтов И.К. 38, 39
 Кудрявцева А.Г. 203
 Кузнецов И.М. 59, 66, 74, 75, 89,
 90, 92, 97, 98, 115–120, 133, 134
 Кулдошин А.Б. 53, 65, 99, 134
 Куликов П.Т. 165
 Кунаков С.М. 209, 210, 212
 Куренков А.И. 209–212
 Курников 76
 Кутузов А.Е. 156

 Лавров А.С. 81, 83, 100, 125
 Лавыгин Б.М. 140, 141
 Ластовкин Е.Н. 209, 210, 213
 Латышева К.А. 202
 Левандовский М.К. 134
 Левин Я.Б. 84
 Леденев К.В. 116
 Лейтен А.А. 151
 Лексин П.Ф. 166, 167
 Ленин В.И. 6–8, 10, 20, 21, 25, 43,
 45–47, 49, 50, 60, 78–83, 99,
 100, 104, 106–108, 131, 134, 135,
 137, 138, 140, 142, 144, 175, 193,
 199
 Леонидов Б. 141, 219, 223
 Леонтьева В. 164
 Летуновский Н.И. 96, 97
 Либкнехт Т. 10
 Лобков Ф.З. 157, 160, 168–170
 Лобоцкий А.Н. 217, 218, 220
 Ломакин И.М. 210
 Лоцилин В.К. 178, 182, 287
 Луначарский А.В. 78, 81
 Лутовинов 8
 Любимов 151
 Любин Г.Д. 160, 168–170, 172
 Любин Д.Д. 160

 Мамонтов К.К. 189, 232, 265, 284
 Марголин Я.И. 18–21
 Маркин М.И. 51, 52
 Мартынов А.П. 163–166
 Маслаков М.С. 179, 180, 190
 Матюхин И.С. 39, 52, 98, 99, 116,
 120, 122, 134, 297
 Махно Н.И. 79, 80, 227, 231, 235,
 272, 320
 Машков И.И. 74
 Машков К.В. 112, 113
 Меньшов Г.Т. 181, 182
 Мерзлов Т.И. 161, 162
 Метальников А.И. 163, 164
 Мещеряков В.Н. 45, 64, 81
 Мещеряков В.Т. 155
 Мещерякова П.О. 155
 Микулин Д. 99, 134
 Милонов А.А. 93, 106
 Милосердов И.Г. 82
 Милохин 148
 Минор О.С. 161, 162, 164, 216
 Митрофанович 54, 98, 282

- Митька — см. Антонов Д.С.
- Михайлов-Березовский (Березовский) И.Н. 88, 92, 93
- Михалев А.О. 166
- Михалев К.О. 166
- Михневич В.Н. 173, 174, 177, 178, 287
- Мокеров В. 142, 220, 223, 334, 335, 337–339, 340
- Молкочанов М.В. 134
- Молотов В.М. 107
- Молчанов М. 9
- Монах — см. Сергеев Г.
- Мосчин 284
- Мотарыгин П.И. 116
- Мохначев И.М. 31
- Муравьев Е.Ф. 202, 220
- Муратов Н.П. 154
- Назаров М.А. 98, 116, 120, 134, 328
- Насонов Ф.А. 168
- Невежин К.П. 65, 173, 290, 292
- Негодяев А.М. 149, 151
- Немцов Н.М. 26, 81, 82
- Несмелов А.А. 151
- Нестерович В.С. 79, 140
- Нечипай Г.Ф. 166, 167
- Никитин-Королев В.В. (Карась) 99, 117, 118, 121, 235, 247
- Никифорова М. 67
- Никольский М.В. 31, 43, 122
- Новицкий 75
- Овчинников А.Я. 154
- Овчинников П.В. 179, 181
- Окунев В.Т. 173
- Олив М.И. 176
- Ораевский 314, 337
- Орлова-Боголюбская С.В. (Софья) 174, 201–203, 215
- Орловский Г. 220
- Оя А.М. 23
- Павлов А.В. 65, 73–78, 81, 83, 84, 94, 95, 194
- Павлов П.А. 290, 291, 320, 323
- Павлов, соратник Антонова 275, 283
- Павлюченков С. 13, 135
- Панкратов И.Е. 67
- Панфилов Ф.Я. 82
- Пастушков А.К. 57, 66
- Переведенцев Н.А. 32, 33, 40, 41, 44, 50, 53, 58, 61, 66, 76, 131
- Перекальский Г.П. 179
- Петриченко 7
- Петров В.Б. 157–159
- Пивоваров 284
- Пластун 32
- Плеве П.А. 169, 170
- Плещев В.М. 24
- Плужников Г.Н. 6, 9, 29, 30, 55, 131
- Поверков Г.С. 157, 160, 168–170, 172
- Подбельский В.Н. 186
- Подбельский Ю.Н. 186
- Покалюхин М.И. 175, 186, 205–214, 342
- Полатов Г.И. 191
- Полин С.Т. 201, 207, 209, 212, 214, 220
- Полковников И.Н. 88
- Поляков А.Д. 164
- Попов А.М. 169
- Попов В.С. 169
- Попов С.А. 98, 117
- Попов 283
- Прокудин 303–305, 308, 309
- Протасов Л.Г. 13
- Пугачев Е.И. 215
- Пятов Н.Ф. 151
- Равер А.Г.З. 205
- Разин С.Т. 215
- Райвид Н.Я. 41

- Ракидин А.В. 141
 Раков 298–303, 340
 Раузов В.И. 153
 Редзько К.В. 50–53, 59, 61–63, 82, 290
 Рекст А.П. 34, 39
 Рогов И.И. 157, 160, 168–170
 Рожкалис Э.Э. 184
 Розенфельд 10
 Романович 152
 Романовы 280
 Рыбаков М. 140
 Рыжаков И.Ф. 98, 134
 Рыццова С.Е. 154
 Рэдки О.Х. 11
 Рябов П.Н. 96
 Рязанов В. 219
- Савельев М.Н. 155, 156, 168
 Савинков Б.В. 134
 Саленков С. 31
 Самошкин В.В. 12, 142, 143
 Самсонов Т.П. 202, 203
 Сандецкий А.Г. 161–163, 165
 Санталов 252
 Санфиоров Я.В. 98, 99, 105, 116, 131, 195, 206, 209–211, 213, 214
 Сатанин К.Н. 179–181
 Сачко А.Д. 32, 39, 180, 190
 Светлов П.В. 152, 153
 Селянский В.Ф. 59, 66, 95, 98, 105, 175
 Семенов 93
 Семигановский В.К. 167
 Сенников Б.В. 198
 Сергеев Г. (Монах) 118, 134
 Сертаков П.И. 152
 Симаков А.Е. (Грач, Евграфыч) 209, 318, 338, 339, 341, 342
 Симонов К.М. 91
 Сиянкин И.Ф. 157
- Скаржинская Н.Ф. 151, 152, 154
 Склянский Э.М. 45, 49, 78–81, 104, 107, 129
 Скудре О.А. 60, 62–64
 Смоленский Я.Л. 26
 Соболев-Птицын В.И. 179
 Соболева А.А. 11
 Солженицын А.И. 5, 6, 14
 Соловьев М.Л. 109, 196
 Соловьева С.Г. 207
 Соломатин М.Е. 82
 Сомов В.П. 75
 Софья — см. Орлова-Боголюбская С.В.
 Сперанский 300, 301
 Спиридонова М.А. 67, 249
 Сталин И.В. 196
 Старых И.А. 200
 Степанов М.С. 197
 Стольпин П.А. 169, 170
 Стрыгин А.В. 219
 Суворов Н.И. 34
- Терехин 150
 Тихон, патриарх 9, 10
 Тихонов С.П. 152–154, 167, 168
 Тищенко 257
 Токмаков П.М. 9, 10, 52, 54, 55, 66, 86, 179–182, 185, 187, 191, 212, 214, 250, 251, 272, 275, 282, 283
 Томин Н.Д. 121
 Траскович Ф.К. 31, 33, 34, 38–41, 61
 Трифонов И.Я. 86, 135, 137, 140, 144
 Троцкий Л.Д. 7, 8, 10, 32, 144, 146, 220
 Трубка 307
 Трутко И.И. 141
 Турау О.О. 173
 Тургенев И.С. 208
 Турусов 171

- Тухачевский М.Н. 7, 8, 76, 99–101, 103–107, 110–112, 115, 118, 125, 126, 128, 129, 131–135, 193, 194, 199, 222, 223, 293, 295, 303
- Тюков Ф.П. 98, 114
- Уборевич И.П. 9, 100, 105, 106, 110, 111, 113–115, 118, 247, 295, 297, 319, 320, 331
- Устинов В.С. 150–152, 154, 159, 165
- Федоров А.Н. 155, 156
- Федоров Д.Ф. 202
- Федько И.Ф. 8, 104, 118, 119
- Фельдман Д.М. 13
- Фиалковский М.И. 123
- Филиппов И.Т. 136
- Фирсов 207, 209
- Франц 26
- Фролов А.А. 57
- Фрунзе М.В. 79, 88, 171
- Харин 79
- Хвостов Н.К. 209, 213
- Цюрупа А.Д. 80
- Чекашин 158
- Чернов В.М. 249
- Чернов Я.А. 99
- Чернышов И.Е. 98, 134
- Чибисов Г.Н. 84
- Чистяков П.Н. 150
- Чичканов М.Д. 189, 214
- Чумичев П.Н. 57, 134
- Шаламов В.Т. 197, 220
- Шамов С.А. 98, 116, 122, 133–135
- Шандяпин 117, 121
- Шапошников Б.М. 129
- Шарапов Г.В. 181, 182
- Шатов К.Н. 172
- Шехтер Б.Н. 188
- Шикунов П.И. 31, 33, 34, 40, 41, 233, 289, 290
- Шипилов В.И. 155, 156, 167, 168
- Шипилова А.М. 155
- Шлихтер А.Г. 38, 43, 45, 47, 49, 50, 64, 81
- Шляпников 8
- Щетинов Ю.А. 86, 135, 140
- Эктов П.Т. 66, 202, 203
- Юмашев П.И. 206
- Юрин М. 39, 250, 251
- Ягодкин Г.И. 157, 160, 168–170
- Яготин Д.Ф. 155, 156
- Якимов 252
- Якимчик И.И. 190
- Ярцев М.Ф. 209, 211, 213, 214

Содержание

<i>А. Солженицын</i>	
Крестьянская война против большевиков	5
Краткий обзор событий из конспекта ненаписанных Узлов «Красного Колеса»	6
<i>В. Самошкин</i>	
Предисловие	11

ИСТОРИЯ АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Документальный очерк

Глава 1. Канун и начало	17
Глава 2. Уезды в огне	43
Глава 3. Перелом	65
Глава 4. Разгром	100
Источники и литература	135

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ АНТОНОВ

Страницы биографии

Часть 1. Парень в косоворотке	147
Часть 2. В Тамбове	172
Часть 3. Опять в подполье	183
Источники и литература	216

Приложение

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ 20-х годов

<i>М. Тухачевский</i>	
Борьба с контрреволюционными восстаниями	224
<i>А. Казаков</i>	
Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании 1920–21 гг.	249

<i>К. Бриммер</i>	
Первый период ликвидации антоновщины в Тамбовской губернии: с августа по декабрь месяц 1920 г.	263
<i>Б. Леонидов</i>	
Эсербандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним	277
<i>Н. Доможиров</i>	
Эпизоды партизанской войны	297
<i>В. Мокеров</i>	
Курсантский сбор на борьбе с антоновщиной	312
Именной указатель	351

Владимир Васильевич Самошкин
АНТОНОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Редактор *А.Е. Савинкин*
Корректор *А.З. Лазуткина*
Оригинал-макет *И.Ю. Домниной*

Подписано в печать 30.05.05
Формат 60х90/16
Тираж 3000 экз. Заказ № 1519

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
www.rp-net.ru

ISBN 5-85887-212-3

9 785858 872122 >

Отпечатано в типографии ОАО «Типография «Новости»»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46